

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

(к 800-летию Святого Благоверного князя Александра Невского)

*Сборник трудов
IV Международной научно-практической конференции*

(Кострома, 17–18 сентября 2021 года)

Кострома
КГУ
2021

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Костромской государственной университет

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко

Костромская митрополия Русской Православной Церкви

Костромская духовная семинария

АНО «Паломническая служба «Стезя»

Сборник трудов

IV Международной научно-практической конференции

**«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(к 800-летию Святого Благоверного
князя Александра Невского)»**

(17–18 сентября 2021 года)

Кострома
КГУ
2021

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 340(0.034)
ББК 67я431я04
И904

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы :

И. В. Благоев, заместитель начальника управления государственной службы
и кадровой работы администрации Костромской области;
Н. Б. Жаров, президент адвокатской палаты Костромской области;
М. В. Заикина, федеральный судья Димитровского районного суда г. Костромы;
О. А. Спицына, врио председателя Ленинского районного суда г. Костромы

И904 Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 800-летию Святого Благоверного князя Александра Невского) : сборник трудов IV Международной научно-практической конференции (17–18 сентября 2021 г., г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, Л. А. Хлестакова, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов ; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. – Электронные текстовые, граф. дан. (2,95 Мб). – Кострома : Костромской государственный университет, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD), цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Мб RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader; интегрированная видекарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.
ISBN 978-5-8285-1178-5

Настоящий сборник составлен по итогам IV Международной научно-практической конференции «Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 800-летию Святого Благоверного князя Александра Невского)», состоявшейся 17–18 сентября 2021 года в г. Костроме. Рассматриваются актуальные вопросы духовного, исторического и правового опыта формирования российской государственности, а также истории Костромского края, юридической науки и практики.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 340(0.034)
ББК 67я431я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1178-5

16+

© Оформление. Костромской
государственный университет, 2021

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ДУХОВНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	9
Ферапонт, митрополит Костромской и Нерехтский (Кашин Д. В.) Феодоровская икона Пресвятой Богородицы как символ духовных основ российской государственности	9
Голованова О. И. Александро-Невские полковые церкви – символы воинской славы России.....	13
Игумен Димитрий (Нетесин) Деятельность Александровского православного братства как продолжение социального служения Святого Благоверного князя Александра Невского	19
Священник Георгий Андрианов Маршал Александр Михайлович Василевский: новые материалы о ранних годах жизни.....	23
Священник Георгий Андрианов Выпускник Костромской духовной семинарии маршал Александр Михайлович Василевский: результаты научной экспедиции по Ивановской области	28
Левченков А. И. Проблемы духовного становления государства в работах Е. Н. Трубецкого	32
Протоиерей Дмитрий Карнаух «Кремлевская» вежа в истории Костромской духовной семинарии	40
Ветелина Л. Г. Жизнь Костромской духовной семинарии по материалам «Костромских епархиальных ведомостей»	44
Жигалов М. И. Протоиерей Иоанн Стефанович Беляев и его труд «Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии».....	47
Игумен Антоний (Бутин Андрей Юрьевич) Нумизматическое собрание священника-краеведа М. Я. Диева	52
Рудацкая Л. Н. Из истории колокольных наборов колокольни Богоявленского собора Костромского кремля	55
Пушин А. И. Соборность и справедливость как идеалы российской государственности ...	58
Роганова А. И., Плюсина О. В. Возрождая утраченное: совершенствование законодательства в отношении регулирования охраны объектов культурного наследия	63
Роганова А. И. История становления института правовой защиты культурных ценностей	69

**СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ И В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА..... 76**

Андаржанова А. Я. Совершенствование арбитражного законодательства по регулированию вопроса о злоупотреблении процессуальными правами	76
Бадалов А. О. Ковид-паспорта в контексте возможностей ограничения прав и свобод человека и гражданина.....	79
Бриль Г. Г., Зайцев Л. Н. Судебная защита конституционного права на неприкосновенность частной жизни.....	84
Громова В. А. Право на труд ребенка и защиту его от всех форм эксплуатации	90
Груздев В. В., Столяров А. С. Цифровая трансформация как большой вызов для развития современного государства.....	93
Грязнова Ю. О. Проблема идентификации личности в исполнительном производстве.....	98
Жаденова Е. И., Быкова М. С. Международный опыт предупреждения правонарушений в сфере потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.....	102
Зайцев Л. Н. Ограничение прав при реализации судебных решений	105
Иванова Л. Ю., Ганжа Н. В. Проблемы правового регулирования трудовых отношений в Российской Федерации в период пандемии	110
Коленченко А. А. Теоретические вопросы уголовно-правовой защиты прав и законных интересов участников предпринимательских корпораций	114
Комлева К. О. Временная администрация как специальный орган управления кредитной организацией.....	117
Корж П. А. К вопросу абсолютизации прав человека	120
Коровянский Г. Г., Мельников А. К. О роли партийно-политической работы в формировании высокого морального духа бойцов Красной Армии.....	123
Лобач Д. В., Смирнова Е. А. Киберугрозы и кибербезопасность в условиях четвертой промышленной революции	131

Мариничева И. И.	
Соотношение решений Конституционного Суда РФ с другими источниками права.....	136
Молнар А. А.	
Участие независимых экспертов в комиссии по урегулированию конфликта интересов.....	139
Орловская И. В.	
Организационно-правовые проблемы экологической экспертизы при создании и реконструкции мест погребения.....	142
Печурин Д. Н.	
Взаимодействие норм конституционного права Российской Федерации и норм международного права.....	154
Полтавченко И. Г.	
Земли запаса как конституционно-правовая основа муниципальной собственности.....	159
Проворова И. А., Хлестакова Л. А., Ганжа Н. В.	
Общая характеристика юридической экспертной деятельности	164
Сидоренко Н. С.	
Проблемы построения правового государства.....	168
Синдюкова А. С.	
Трудовые права женщин в современное время: правовой аспект прокурорской деятельности	172
Смирнова Е. А.	
Проблемные аспекты правоприменения в вопросах определения границ населенных пунктов в пределах городского округа.....	176
Смирнова Е. А., Ганжа Н. В.	
Усовершенствование градостроительного законодательства России по содержанию генерального плана поселения и генерального плана городского округа.....	179
Федченкова А. С., Григорьева М. А.	
Правовой режим цифровых прав.....	184
Цветкова Д. М., Мельников И. Н.	
Отдельные вопросы цифровизации государственного управления Российской Федерации на современном этапе	187
СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЧАСТНОПРАВОВОЙ СФЕРЕ	192
Бибнев С. А.	
Правовое регулирование «гонорара успеха»: дискуссионные вопросы теории и практики	192
Борисов Д. Н., Палюлина И. А.	
Проблемы регулирования наследственных правоотношений с участием усыновленных лиц.....	196

Бриль Г. Г., Богданова Е. И. Проблемные вопросы страхования ломбардом вещей, принимаемых в залог или на хранение	201
Булатова К. А. Гражданско-правовая ответственность при осуществлении медицинской деятельности	206
Джафарова Г. Ш. Правовое регулирование суррогатного материнства в Российской Федерации	210
Жижина А. Р. К вопросу о гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств в современном гражданском праве Российской Федерации	213
Журавлев К. А., Мельников И. Н. Цифровизация юридического знания.....	217
Исаева К. А., Хлестакова Л. А. Некоторые аспекты административно-правового регулирования содержания домашних животных.....	220
Кулакова Е. А. Проблемные вопросы недействительности сделок в российском гражданском праве	224
Лебедева А. С. Правовое регулирование института опеки и попечительства	228
Лебедева Я. Р. Проблемы практического применения законодательства об ограниченной дееспособности граждан.....	231
Палюлина И. А., Григорьева М. А. Становление и развитие института несостоятельности (банкротства) физического лица в праве России.....	236
Панфилова А. С. Актуальные проблемы возмещения вреда жизни и здоровью, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг.....	241
Родионов А. С., Бриль Г. Г. Проблемы взыскания платы за поставленную тепловую энергию ввиду низкой платежной дисциплины потребителей тепловой энергии	245
СЕКЦИЯ 4. ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	250
Баскакова П. В., Спивак С. Г. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет	250
Безвух А. В. Модернизация работы судов общей юрисдикции	253

Васильева А. В. Практические аспекты прокурорского надзора за соблюдением законодательства об обязательном социальном страховании в связи с материнством	256
Владимирова О. А. Перспективы развития правовых основ использования полиграфа в раскрытии преступлений	259
Зеленцова А. А., Зеленцов А. В. Проблемные вопросы теории и практики криминалистической идентификации	264
Комаров С. В. Прокурорский надзор – эффективный инструмент сохранения конституционности	269
Куликова В. М., Сиверская Л. А. История становления института досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественном уголовном процессе	272
Кузьмина Е. Н. Правовое положение прокуратуры в рамках Конституции Российской Федерации	276
Метлова А. А., Коначев С. Б. История российского уголовно-процессуального института возбуждения уголовного дела	280
Одинцов А. Ю., Ганжа Н. В. Административный надзор как мера борьбы с рецидивной преступностью	286
Подопригора В. А. Особенности правового статуса прокурора в уголовном судопроизводстве	288
Подопригора Д. А. Досудебное производство в деятельности адвоката	292
Рубцова М. В. Прокуратура в условиях конституционной реформы и современные реалии в борьбе с коррупцией	297
Самолетов С. Н. Теоретические вопросы изменения прокурором обвинения в судебном производстве	302
Сидоров А. Н. Примирение сторон в административном законодательстве: проблемы и перспективы	305
Симагин М. А. Проблемы института «крайней необходимости» и пути совершенствования законодательства	309
Смирнова В. А. Общие проблемы, возникающие у участников государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи	314

Смирнова И. А., Ганжа Н. В.			
Перспективы развития административного судопроизводства России в сфере применения мер медицинского характера			317
Суманеева Е. А.			
Особенности процессуального положения прокурора в гражданском процессе			321
Титова Е. В.			
Практика инициативного бюджетирования в иностранных государствах			324
Тихомирова К. А.			
Понятие юридической ответственности государственного служащего в научной литературе			328
Хиле А. В.			
Административная ответственность за жестокое обращение с животными в России: проблемы и перспективы.....			330

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание

СЕКЦИЯ 1

ДУХОВНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

УДК 322(470)+94(470)(063)

Ферапонт, митрополит Костромской и Нерехтский,
(Кашин Дмитрий Витольдович),
кандидат богословия,
глава Костромской митрополии Русской Православной Церкви,
г. Кострома

Ferapont, Metropolitan of Kostroma and Nerekhta
(Kashin Dmitry),
candidate of theology,
head of the Kostroma Metropolitanate of the Russian Orthodox Church, Kostroma

ferapontk@ya.ru

ФЕОДОРОВСКАЯ ИКОНА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ КАК СИМВОЛ ДУХОВНЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

FEODOROVSKAYA ICON OF THE MOST HOLY THEOTOKOS AS A SYMBOL OF THE SPIRITUAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN STATEHOOD

В статье рассматривается благословление на царствование Бориса Годунова и Михаила Романова. Делается вывод о том, что для русских князей и царей Божие благословение на их служение, преподаваемой видимым образом, в том числе через чудотворные иконы Пресвятой Богородицы, было крайне важно и даже стало определенным ритуалом. Отмечается первостепенное значение чудотворного Феодоровского образа Пресвятой Богородицы.

The article discusses the blessing on the reign of Boris Godunov and Mikhail Romanov. It is concluded that for Russian princes and tsars, God's blessing on their ministry, taught in a visible way, including through miraculous icons of the Most Holy Theotokos, was extremely important and even became a certain ritual. The paramount importance of the miraculous Feodorov image of the Most Holy Theotokos is noted.

Борис Годунов, Михаил Романов, Феодоровская икона Пресвятой Богородицы, Божие благословение.

Boris Godunov, Mikhail Romanov, Fedorovskaya Icon of the Most Holy Theotokos, God's blessing.

Христианство провозглашает основой благодетельного государственного Божие благословение. Этот взгляд очевидным образом изложен в книгах Священного Писания и многие века являлся культурной основой любой европейской государственности, в том числе и российской.

Видимое стяжание Божьего благословения было желанным утверждением правления любого христианского государя. Знаками этого благословения становились различные христианские святыни. Для российской государственности такой святыней является Феодоровская икона Божией Матери.

Чудесное явление Феодоровской иконы произошло в конце 50-х – начале 60-х годов XIII столетия в Костроме. Накануне явления, в день праздника Успения Пресвятой Богородицы, многие жители Костромы видели на улицах воина с иконой Божией Матери на руках. В этом воине горожане узнали святого великомученика Феодора Стратилата – по его иконописному изображению в соборном храме Костромы. На следующий день, 16 августа по старому стилю, костромской князь Василий Ярославич, младший брат святого Александра Невского, во время охоты увидел эту икону на ветвях дерева недалеко от речки Запрудни. Духовенство отслужило перед иконой молебен, и только тогда ее удалось снять, после чего святыня была торжественно принесена крестным ходом в Кострому и поставлена в соборном храме во имя великомученика Феодора Стратилата, того самого, что видели жители Костромы в чудесном видении. С этого времени икона именуется «Феодоровской».

Это явление образа Пресвятой Богородицы было воспринято князем и всеми костромичами как знак Божьего благоволения к их городу. Именно с этой иконой князь с малой дружиной вышел на бой с бесурменами и одержал победу с помощью чудесного явления от Феодоровского образа, испугавшего врагов. Событие это произошло в ближайшее время после явления иконы и утвердило костромичей в почитание образа Богоматери.

Как известно, этой иконой благословлен на царство Михаил Федорович Романов в 1613 году. История эта хорошо известна. Однако это был не первый для Руси опыт избрания и призвания самодержца, хотя сама эта практика была здесь относительно новой и редкой. Интересно обратиться к подобному ритуалу избрания русского государя, произошедшего ранее.

17 февраля 1598 года Земский собор, открывшийся в Москве, принял решение о призвании на престол брата царицы-монахини Александры, вдовы царя Феодора Иоанновича, Бориса Годунова. Тогда же собор решил на протяжении трех дней – 18 февраля (в субботу мясопустную), 19 февраля (в воскресенье, неделю мясопустную) и 20 февраля (в понедельник сырной седмицы, т. е. масленицы) совершать молебны в Успенском соборе Московского Кремля, и в тот же понедельник идти всем собором в Новодевичий монастырь к «царице-иноке» и пребывавшему там же, в обители, ее брату, дабы убедить их принять соборное избрание Бориса Федоровича на царство.

20 февраля патриарх Иов, участники земского собора и множество народа отправились в Новодевичий монастырь и там «много молихом» царицу и ее брата: монахиню Александру – «пожаловать» Бориса на царство, а самого Бо-

риса Феодоровича – принять соборное избрание. Однако согласие получено не было.

Согласно тексту утвержденной грамоты, Борис Годунов – обращаясь к патриарху Иову – так мотивировал свой отказ: «...не мните себе того, что мне помыслить на такого великого государя пресветлаго и праведнаго царя превысочайшую царскую степень на высоту царствия его».

После безуспешных умолений, обращенных к царице-монахине и ее брату, патриарх Иов и его многочисленные спутники, «в недоумении мнозе бысть и во мнозей скорби и в плачи неутешимом, отойдоша со многою скорбию от великия лавры в царствующий град Москву».

Утром 21 февраля, совершив молебен в Успенском соборе Московского Кремля, патриарх Иов с духовенством, «и боляре, и дворяне, и приказные и служивые люди, и гости, и все православные крестьяня, и с сущими младенцы и всенародное множество», взяв чудотворные Донскую и Владимирскую иконы Божией Матери, а также икону «великих чюдотворцов Петра и Алексея и Ионы, и иные многие чюдотворные образы», вновь отправились в Новодевичий монастырь. При приближении шествия к обители навстречу ему вынесли хранившийся в монастыре чудотворный Смоленский образ Пресвятой Богородицы, вслед за ним шел Борис Годунов. Встретив московский крестный ход, Борис Феодорович поклонился принесенной чудотворной Владимирской иконе Божией Матери и пред ее ликом обратился к Пресвятой Деве.

Борис Феодорович «со многим рыданием и плачем паде на землю пред чюдотворным образом Пречистыя Богородица Владимирския, и лежа слезами землю мочаше на мног час», потом усердно приложился и к другим принесенным из Москвы чудотворным иконам.

Вновь благословив Бориса Феодоровича, патриарх Иов – сопровождаемый духовенством с крестами и чудотворными иконами – прошел в соборный храм Новодевичьего монастыря и приступил к служению Божественной литургии.

Не будем подробно излагать летописное увещание Борису Годунову принять царский венец. Скажем только, что Годунов дает согласие после увещания Патриарха Иова, своей сестры-инокини и перед чудотворными иконами Пресвятой Богородицы, что впоследствии с большой долей аналогии повторится через 5 лет в Ипатьевском монастыре. «И благословил святейши Иев патриарх Богом избраннаго государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии, и государыню царицу и великую княгиню Марью, честным и животворящим крестом, и знаменовал чюдотворным образом Пречистые Богородицы честнаго Ея Одегитрия, юже написа великий святитель Петр».

Речь здесь идет о Петровской иконе Божией Матери из Успенского собора Московского Кремля, принесенной в Новодевичий монастырь вместе с другими иконами. Поскольку это благословение (или, что то же – знаменование, осенение) крестом и, в особенности, иконой состоялось сразу после принятия Борисом Годуновым избрания на царство, его можно считать определенным символическим знаком, утверждающим, если позволительно будет так сказать,

договор всего народа, «всего православного христианства» – в лице земского собора – с его избранником; после такого утверждения (вслед за получением согласия избранного) процесс восхождения на престол приобретал необратимый характер.

Сразу бросается в глаза сходство дат: 21 февраля 1598 года Борис Годунов принял избрание на царство, а 21 февраля 1613 года было объявлено об избрании на царство Михаила Романова. И поскольку в XVII веке первое воскресенье Великого поста (в 1613 году, так уж случилось, приходившееся на 21 февраля) имело особый «соборный» смысл, пусть и специфически церковный, было вполне логично назначить именно на этот день торжественное оглашение решения земского собора. После 1613 года подобные события в Российском государстве не повторялись.

Итак, 14 марта 1613 г. перед Чудотворным Феодоровским образом Михаил Романов принимает крест царского служения. Множество документов XVII столетия однозначно свидетельствуют: сразу же после 14 марта 1613 года царственная семья Романовых окружила чудотворный Феодоровский образ Царицы Небесной, пребывающий в Костроме, небывалым почитанием. Костромскому Успенскому собору, где находилась икона, дарованы были особые привилегии; соборный протопоп дважды в год ездил в Москву к царскому двору со святой водой и просфорой – честь, которой удостаивались очень немногие русские монастыри и храмы. В придворной Богородице-Рождественской церкви Московского Кремля хранился список с чудотворной Феодоровской иконы, привезенный Романовыми из Костромы, и 14 марта здесь ежегодно совершалось торжественное празднование Феодоровскому образу Богоматери (обычно его возглавлял патриарх) – причем независимо от того, на какой из дней Великого поста приходилась эта дата, в Богородице-Рождественской церкви Кремля (и, судя по всему, в Успенском соборе Костромы) служили Божественную литургию святителя Иоанна Златоустого, как в великий двенадесятый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы; с точки зрения церковного устава это – явление беспрецедентное. Царь Михаил Феодорович буквально наполнил костромской Успенский собор своими подарками, присылал из Москвы драгоценные украшения для Феодоровской иконы – «царские приклады». С тех пор Кострома стала называться «Колыбелью дома Романовых», а каждый из царского рода стремился посетить наш город и прикоснуться к святому образу Богоматери.

Таким образом, для русских князей и царей Божие благословение на их служение, преподаваемой видимым образом, в том числе через чудотворные иконы Пресвятой Богородицы, было крайне важно и даже стало определенным ритуалом. И чудотворный Феодоровский образ Пресвятой Богородицы, и ныне пребывающий в Богохранимой Костроме, имел в этом вопросе первостепенное значение.

УДК 726.54 (246.6)

Голованова Ольга Игоревна,
кандидат искусствоведения, доцент, Военная академия радиационной,
химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, г. Кострома

Golovanova Olga Igorevna,
candidate of art history, docent, Military academy of radiation,
chemical and biological protection
named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko, Kostroma

oigolovanova@yandex.ru

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЕ ПОЛКОВЫЕ ЦЕРКВИ – СИМВОЛЫ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ

ALEXANDER NEVSKY REGIMENTAL CHURCHES AS SIGNS OF RUSSIAN MILITARY GLORY

Статья посвящена полковым храмам, освященным во имя Александра Невского (или имеющим посвященные ему престолы). Особое внимание уделено мемориальному характеру данных сооружений, хранивших значительное число военных трофеев своих воинских частей. Подавляющее большинство полковых церквей было разрушено; в настоящее время можно говорить о начальном этапе возобновления строительства воинских храмов.

The article is devoted to the regimental temples consecrated in the name of Alexander Nevsky (or having thrones dedicated to him). Special attention is paid to the memorial character of these buildings, which stored a significant number of martial trophies of their military units. The vast majority of regimental churches were destroyed; currently we can talk about the initial stage of resuming the construction of military churches.

Колокольня, купол, полковая церковь, походная церковь, святой князь, символ, снос церквей, трофеи, церковный престол.

Bell tower, dome, regimental church, field church, holy prince, symbol, demolition of churches, trophies, church throne.

Полковая церковь ведет свою историю со времени формирования русской регулярной армии. Первоначально речь шла о сохранении сложившейся ранее практики использования походных церквей: они были обычными палатками или шатрами, играющими роль алтарной части храма, в то время как богослужение проводилось на открытом воздухе. В правление Анны Иоанновны издается указ о строительстве полковых слобод в Петербурге: сложившаяся к 1740 г. концепция их застройки предусматривала наличие своего храма (пер-

вые постоянные воинские церкви были небольшими деревянными постройками). Практически сразу эта практика была распространена на различные регионы. По указу Павла I от 9 апреля 1800 г. постоянные воинские храмы выводились из подчинения соответствующей епархии и передавались под начало протопресвитера военного и морского духовенства.

Полковой храм был местом не только для богослужения, но и для хранения военных реликвий (например, знамен и мундиров августейших шефов полка) и памятных досок с именами павших офицеров. В склепах могли находиться захоронения прославленных однополчан и командиров полков, а перед церквями устанавливались памятные часовни или скульптурные монументы в честь наиболее важных побед полка; часто храм или один из его приделов освящались в память о таком событии. Таким образом, полковые храмы становились памятниками военной славы России.

Почитание Александра Невского как одного из покровителей православного воинства привело к появлению большого количества посвященных ему полковых церквей: нам известно упоминание о 78 престолов, освященных во имя святого князя и находящихся в ведении протопресвитера военного духовенства [7]. Наиболее активно строительство полковых церквей велось в Петербурге; особенно интересны в художественном отношении храмы гвардейских полков.

Для казарм Павловского лейб-гвардии полка В. П. Стасов перестроил в 1817–1820 гг. здание на Марсовом поле, где полк размещался с 1798 г. и где уже имелась домовая церковь. Храм остался на втором этаже, но был оформлен в стиле ампира: ионическая колоннада охватывала церковный зал, потолок которого был расписан Дж. Б. Скотти. Образа для двухъярусного иконостаса были выполнены А. И. Бельским, А. Е. Егоровым и А. И. Ивановым; окончательная отделка церкви была завершена к 1823 г. [5]. Здесь хранились полковые знамена и многочисленные реликвии, связанные с участием полка в сражениях Отечественной войны 1812 г., заграничного похода 1813–1814 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Среди них особо выделяли образ Антония и Феодосия Печерских, которым митрополит Киевский Евгений благословил полк в 1828 г. при выступлении в турецкий поход [7]. В 1918 г. подобно многим другим церковь Павловского полка была закрыта; в 1928–1929 гг. архитектор О. Р. Мунц перестроил ее под клуб, утроив сцену в алтаре. Во время Великой Отечественной войны здание казарм пострадало от фугасной бомбы; в настоящее время в нем размещается Ленэнерго.

Также в старом здании казарм неподалеку от Семеновской площади (и тоже на втором этаже) находилась церковь Александра Невского лейб-гвардии Московского полка, освященная в 1815 г. и просуществовавшая до переезда полка в новые казармы на Выборгской стороне в 1862 г.

Еще одна домовая Александро-Невская церковь принадлежала Михайловскому артиллерийскому училищу. Под основанное в 1820 г. училище было использовано здание бывшего Вдовьего дома, надстроенное и расширенное А. Е. Штаубертом. Церковь, выделенная снаружи крестом на аттике и укра-

шенная внутри колоннами и пилястрами коринфского ордера, была перестроена в 1825 г. и освящена в январе 1826 г. В 1890 г. церковь была заново отделана В. И. Серковым; тогда же появились новые иконостас и бронзовое паникадило. К 75-летию училища в 1894–1897 гг. к церкви была сделана пристройка со звонницей [2]. В качестве наиболее ценных храмовых реликвий упоминают икону архангела Михаила в серебряном окладе, выполненную на пожертвования выпускников в память великого князя Михаила Павловича, основателя артиллерийского училища, мозаичную икону «Воскресение Христа», подаренную бывшим начальником училища генерал-майором Резвым и пять мраморных досок на боковых стенах с именами павших в сражениях бывших воспитанников училища [7]. Церковь была закрыта в 1919 г. и два года спустя отдана под клуб. Здание, пострадавшее в войну, в 1946–1951 гг. было перестроено; сейчас в нем находится Михайловская военная артиллерийская академия.

Церковь Александра Невского при 145-м Новочеркасском полку была заложена 26 февраля 1896 г. к столетнему юбилею полка при участии Иоанна Кронштадтского и освящена 11 декабря 1896 г. Здание в стиле XVII в. было перестроено гражданским инженером Д. Я. Дуниным-Барковским из бывшего склада. В церкви находился трехъярусный золоченый иконостас, образа для которого были написаны В. М. Васнецовым. Ковчег из золоченого серебра являлся копией с ковчега Владимирского собора в Киеве. Как заслуживающие особого внимания упоминаются иконы Спасителя и Тихвинской Богородицы, «очень древние», в серебряных позолоченных ризах с жемчугом и алмазами – дар действительного статского советника В. Я. Яковлева, на средства которого построена церковь [7]. На стенах храма висели полковые знамена, а во дворе казарм, недалеко от церкви, 30 августа 1895 г. был открыт бронзовый бюст Александра III. Перед церковью в 1914 г. планировалась установка памятника павшим в Русско-японскую войну, изготовленного по модели Л. В. Шервуда. Церковь была закрыта в 1918 г., позднее снесена. В 1971–1972 гг. на месте снесенного храма построено Центральное конструкторское бюро машиностроения.

С почитанием Александра Невского как «ближайшего молитвенного покровителя нашей столицы» [7] можно связывать посвящение ему боковых приделов некоторых больших полковых церквей. Так, святому князю был посвящен южный придел собора Введения Богородицы во храм при лейб-гвардии Семеновском полку, построенного по проекту К. А. Тона в 1837–1842 гг. В иконостасе этого придела большая часть икон была перенесена из старой деревянной церкви, освященной еще в 1746 г. Новые образа, были выполнены П. В. Басиным, В. К. Шебуевым, Я. Ф. Яненко, Т. А. Неффом, А. К. Виги и Ф. П. Брюлло; купол расписал В. К. Сазонов [1]. Среди реликвий собора выделяли плащаницу, похищенную французами в 1812 г. из какой-то московской церкви и отбитую у них казаками при переправе через Березину, семеновские мундиры августейших шефов полка и гробницы некоторых его командиров [7]. На стенах храма были помещены четыре мраморные доски с именами офицеров, павших в боях со времени формирования полка. Весной 1915 г. в нижней церкви было разрешено хоронить офицеров полка, павших на войне. Известно о

погребении 26 человек, среди которых командир полка генерал С. И. Соваж (летом 1930 г. эти останки были перенесены на кладбище). Введенский собор был закрыт 8 марта 1932 г. и к марту следующего года снесен. В 1997 г. в сквере на месте собора был установлен поклонный крест, а 1 июня 2003 г. открыта памятная колонна, выполненная скульптором А. Г. Демой и архитекторами Н. Н. Соколовым, С. Л. Михайловым и И. Вержбицкой. На рельефной табличке, помещенной на одной из сторон колонны, изображен разрушенный собор Семеновского полка.

Александрю Невскому был посвящен правый придел еще одного творения К. А. Тона – церкви св. Мирона при лейб-гвардии Егерском полку (в 1813 г. в день памяти великомученика Мирона Егерский полк особо отличился в сражении под Кульмом). Храм был заложен 29 июня 1850 г. и освящен 17 августа 1855 г. Трехъярусный главный иконостас по эскизу Тона вырезал и позолотил мастер Е. Скворцов. Большинство образов написал М. И. Скотти; в создании иконостаса участвовали также В. Серебряков, Е. Г. Солнцев, и П. С. Титов (многие из икон теперь находятся в запасниках Русского музея). Роспись интерьеров исполнили Ф. С. Завьялов, П. М. Шамшин, А. Т. Марков, А. Ромарино. Отмечается, что «среди церковной утвари каких-либо старинных, важных по своей древности, предметов нет; но все вещи церковные весьма ценны по своей дороговизне» [7]. На стенах находились полковые Георгиевские знамена и золоченые плиты с именами павших офицеров; в витринах были выставлены егерские мундиры четырех императоров и модель памятника в Кульме. В специальном футляре в витрину помещен остаток полкового знамени, считавшегося пропавшим в Турецкую войну 1828 г. и обнаруженного почти через 50 лет у одного офицера-егеря [7]. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. к прежним реликвиям добавились иконы, подаренные полку болгарскими при освобождении Балкан. К столетнему юбилею полка в 1891–1895 гг. церковь была отреставрирована под руководством архитектора В. Ф. Харламова. Осенью 1914 г. в подвальной части церкви по проекту военного инженера Е. Н. Грушецкого началось строительство склепа для погибших в сражениях Первой мировой войны офицеров полка, который предполагалось отделать итальянским мрамором. До декабря 1917 г. здесь было погребено около 30 человек. Церковь была закрыта в 1924 г. (по другим данным – в 1930 г.) и некоторое время использовалась как овощехранилище; в 1934 г. храм Егерского полка был взорван, и в начале 21 в. на пустыре находились временные постройки авторемонтной мастерской. 5 декабря 2018 г. в память 100-летия окончания Первой мировой войны на фундаменте разрушенной церкви установлен временный закладной камень (изготовлен и пожертвован жителем Санкт-Петербурга Н. Н. Яшиным по проекту архитектора Р. Даянова) [6].

Считается, что наиболее активно строительство полковых церквей велось в царствование Николая II; утверждают, что в это время в России появилось больше полковых храмов, чем за два предыдущих столетия [3]. Для обеспечения строительства полковых церквей в регионах в 1901 г. было принято решение об их сооружении по утвержденному образцу, разработанному по инициа-

тиве военного министра генерала А. Н. Куропаткина. Типовой проект был разработан гражданским инженером, надворным советником Ф. М. Вержбицким и продолжал начатое К. А. Тоном направление в церковном строительстве. Однако следует подчеркнуть, что при строительстве церквей по проекту Вержбицкого исполнителям давалась большая свобода действий; по этому проекту к 1916 г. было построено около 60 церквей [4].

Одной из церквей этого типа стала церковь Александра Невского при 96-м пехотном Омском полку в Пскове, заложенная 11 июня 1907 г. и освященная 14 октября 1908 г. После революции храм был закрыт, в 1924 г. в лишенном главы и колокольни здании находился «революционный красноармейский театр», с 1947 г. здесь размещался Дом офицеров, а затем – склад. В 1990 г. храм был возвращен Церкви; проект восстановления, разработанный московскими архитекторами А. И. Хамцовым и Н. С. Василенко, был воплощен в жизнь псковскими реставраторами. В марте 1992 г. здесь были возобновлены богослужения; церковь стала воинским храмом 76-й десантно-штурмовой дивизии. Храм вновь выполняет ту миссию, для которой был создан, – несет поддержку и утешение воинам. 1 марта 2001 г., в годовщину гибели 6-й роты Псковских десантников, в церкви установлены памятные доски с именами павших; в память всех погибших за Отечество воинов всех времен горит неугасимая лампада на панихидном столе. Также был выпущен сборник стихов в честь погибших воинов 6-ой роты, создан электронный каталог их портретов; церковь занимается и благотворительной деятельностью, поддерживая материально семьи воинов [4].

Среди петербургских церквей царствования Николая II следует особо выделить церковь Александра Невского при Императорской Николаевской академии Генерального штаба. Первоначально она была сооружена по указанию А. В. Суворова, считавшего Александра Невского своим небесным покровителем, в его имении в с. Кончанском. Кончанская церковь была освящена 13 марта 1779 г.; именно после молебна в этой церкви Суворов отправился в свой последний – Итальянский – поход. В 1900 г. к столетию со дня смерти полководца было решено перенести церковь в Петербург и установить ее на Преображенском плацу. 23 марта после молебна в Петербурге началась сборка церкви силами лейб-гвардии Саперного батальона под наблюдением архитектора А. И. фон Гогена, автора проекта здания мемориального музея Суворова. Старые образа реставрировал П. П. Кох. 23 апреля работы были закончены, и 3 мая 1900 г. состоялось освящение Суворовской церкви протопресвитером А. А. Желобовским в сослужении Иоанна Кронштадтского, который подарил храму серебряные сосуды. Внутренняя отделка была окончательно завершена в 1904 г. на средства церковного старосты В. П. Крутова. В церкви хранились суворовские вещи: крест, Евангелие, походный складень с иконой «Спас Нерукотворный», ордена и серебряный образок «Архангел Михаил», поднесенный полководцу в 1800 г. мещанином из Якутска Е. Петровым [7].

В 1901 г. для сохранности вокруг Суворовской церкви возвели каменную галерею, где разместили подаренные образа, в том числе Черниговскую Божию

Матерь конца XVII в., принадлежавшую графу М. А. Милорадовичу, сподвижнику Суворова, и икону святых Адриана и Натальи в золотом окладе, которой Екатерина II благословила дочь Суворова на брак. В 1912 г. церковь была отремонтирована и расширена каменным приделом, где повесили копии образов, особо почитаемых в армии и на флоте. В 1919 г. Суворовская церковь стала обычной приходской и в начале 1920-х гг. была закрыта. Здание простояло целым до июня 1925 г., когда было разобрано как «не имеющее художественной ценности». Часть реликвий была передана в музей А. В. Суворова. Каменный футляр, постепенно разрушаясь, сохранялся до 1950-х гг., когда на его месте было построено здание стройтреста.

В целом можно согласиться, что процесс развития полкового храма-музея был прерван в 1917 г., и судьба его в советское время трагична [3]. Инструкция Наркомюста от 24 августа 1918 г. предписывала изымать из церквей мемориальные доски и надписи на богослужебных предметах, сделанные для увековечивания памяти лиц, принадлежащих к низложенной императорской династии (т. е. изъятия начинались с полковых трофеев). 24 января 1918 г. в Петрограде создается Комиссия по охране полковых музеев и перенесению их в государственные хранилища (основным аргументом была невозможность обеспечить сохранность знамен в соборах). Главным хранилищем стал Кронверк Петропавловской крепости, будущий Артиллерийский музей (туда были вывезены реликвии Семеновского, Конногвардейского, Егерского полков). Послереволюционная история полковых церквей завершается к середине 1930-х гг. практически полным их уничтожением.

На современном этапе можно говорить о постепенном восстановлении традиции полкового храма. Первой в новейший период церковь в воинской части стала церковь Георгия Победоносца в Военной академии РХБ защиты в Костроме (заложена 22 июля 1994 г. Патриархом Алексием II, первое богослужение совершено 5 мая 1995 г.). В Военном институте в Москве с 1996 г. действует церковь Александра Невского: первоначально молитвенный зал находился в главном корпусе, в 2000–2001 гг. архитектором В. В. Кротковым был построен небольшой шатровый храм с арочной звонницей. Хотя она и считается памятником выпускникам института, павшим за Отечество в мирное время, мемориальная, музейная составляющая явно уступает полковым церквям дореволюционного времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Введения во Храм Пресвятой Богородицы собор. Часовня св. Александра Невского. – URL: <https://www.citywalls.ru/house1133.html> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Калининский район. Церковь Александра Невского при Михайловской артиллерийской академии и училище // Соборы.Ру Народный каталог православной архитектуры. – URL: <https://sobory.ru/article/?object=35185> (дата обращения: 20.09.2021)

3. Прохорова Т. В. Полковые храмы Санкт-Петербурга. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polkovnye-hramy-sankt-peterburga> (дата обращения: 5.09.2021)

4. Псков. Церковь Александра Невского при 76-й десантно-штурмовой дивизии. – URL: <https://sobory.ru/article/?object=01923> (дата обращения: 21.09.2021).

5. Центральный район. Церковь Александра Невского при л.-гв. Павловском полку. – URL: <https://sobory.ru/article/?object=11987> (дата обращения: 20.09.2021).

6. Церковь во имя св. мч. Мирония лейб-гвардии Егерского полка. – URL: <https://www.citywalls.ru/house2362.html> (дата обращения: 21.09.2021).

7. Цитович Г. А. Храмы армии и флота. – URL: <http://temples.ru/library.php?ID=160> (дата обращения: 15.09.2021).

УДК 281.93(006.3)

*Игумен Димитрий (Нетесин),
преподаватель Костромской духовной семинарии,
председатель комиссии по канонизации святых Костромской епархии,
настоятель храма апостола и евангелиста Иоанна Богослова, г. Кострома*

*Higumen Dimitry (Netesin),
teacher of the Kostroma Theological Seminary, Chairman of the Commission
for the canonization of saints of the Kostroma diocese, Kostroma*

albrat@rambler.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСТВА КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

THE ACTIVITY OF THE ALEXANDER ORTHODOX BROTHERHOOD AS A CONTINUATION OF THE SOCIAL MINISTRY OF PRINCE ALEXANDER NEVSKY

В статье приводятся некоторые примеры благотворительной деятельности Братства. Александровское Православное Братство ведет обширную благотворительную и просветительскую работу по следующим направлениям: взаимодействует с детьми, школьниками, студентами; окормляет и патронировывает детские дома и социально-реабилитационные центры; оказывает помощь малоимущим, многодетным и матерям-одиночкам; проводит фестивали, авторские встречи и концерты; организует паломнические поездки и многое другое.

The article provides some examples of the fraternity's charitable activities. The Alexander Orthodox Brotherhood conducts extensive charitable and educational work in the following areas: interacts with children, schoolchildren, students; nourishes and patronizes orphanages and social rehabilitation centers; provides assistance to the poor, large families and single mothers; holds festivals, author meetings and concerts; organizes pilgrimage trips and much more.

Александровское Православное Братство, храм апостола и евангелиста Иоанна Богослова, Костромская духовная семинария, благотворительная деятельность.

Alexander Orthodox Brotherhood, Church of the Apostle and Evangelist John the Theologian, Kostroma Theological Seminary, charitable activities.

Александровское Православное Братство было создано 19 мая 1991 г. (прошло госрегистрацию 26 января 2000 г.) и по факту является преемником одноименной благотворительной организации, существовавшей в кон. XIX – нач. XX в. Как тогда, так и сейчас, Братство действует при храме апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Основателем исторического Братства был выпускник Костромской духовной семинарии 1852 г., тайный советник Иларию Ефимович Беляев (1831–1903 гг.). Он лично составил устав Братства, который утвердило епархиальное начальство 5 июля 1879 года, а 16 сентября этого же года в торжественной обстановке совершено было открытие Братства. 30 сентября 1879 года состоялось общее собрание Братства, на котором постановили просить «Высочайшего Государя Императора соизволение на принятие Братства Его Императорским Высочеством, Государем Наследником Цесаревичем Александром Александровичем, под Свое Августейшее покровительство с тем, чтобы Всемилостивейше разрешено было Братству именоваться Александровским». Разрешение было получено 2 июня 1880 г. С тех пор небесным покровителем Братства стал св. благ. князь Александр Невский.

С первых же дней существования Александровское Православное Братство стало заниматься благотворительностью и духовно-просветительской деятельностью. Раздавались пособия престарелым, неспособным к труду, бедным прихожанам. Среди верующих распространялись книги и брошюры религиозно-нравственного содержания. Что немаловажно, работа Братства заключалась и в сохранении, поддержании благолепия своего храма и церковных строений. Члены Братства следили за чистотой и порядком на приходском кладбище, ухаживали за памятниками и могилами упокоившихся здесь людей. Деревья, посаженные руками прихожан, до сих пор растут на церковном кладбище, напоминая нам о тех временах и людях.

Деятельность Братства была весьма обширной и выходила далеко за пределы г. Костромы, простираясь по всей губернии. К 1913 г. были основаны 7 школ, 4 учебных ремесленных мастерских с общежитиями при них, 2 амбулаторные лечебницы, богадельня, учебная сельскохозяйственная ферма – всего 19 просветительских и благотворительных учреждений. Одним из источников финансирования братской деятельности были членские взносы, которые выплачивались регулярно.

В советское время Александровское Православное Братство, как и многие другие церковные учреждения, было упразднено за ненадобностью, и этот огонь добра и света, согревающий души многих обездоленных, угас. Советское общество уже не нуждалось в подобной помощи, и на долгие годы Братство прекратило свое существование.

Однако времена меняются, и не может быть забыто то, что делалось с любовью, бескорыстием и самоотверженностью. Возгорелась лампада монашеского делания в Ипатьевском монастыре. Тогда монастырь был еще полностью в ведении музея, и монахи жили в этих древних каменных стенах скорее, как экспонаты, нежели как хозяева того, что было отстроено их предшественниками. Монастырские храмы были для них закрыты, и единственной отдушиной для духовного делания был Иоанно-Богословский храм. Храм, после своего разграбления, долгие годы был в бесхозном состоянии, пребывал в разрухе и запустении. Средняя, трапезная часть храма, была разобрана и впоследствии отстроена из силикатного кирпича в более мелком исполнении. Именно этот разрушенный храм и был передан монашеской общине.

Практически сразу обрело дыхание и Александровское Братство, которое неразрывно связано с этим древним храмом. Фактически, первое десятилетие после возрождения все свои силы Братство полагало на восстановление разрушенных святынь (Богословского храма, монастырских корпусов, приходского кладбища). После того как были завершены первоочередные работы, Братство стало направлять часть своих усилий на социальное служение. Служение, ради которого оно было создано и которое совершало все время своего существования.

В настоящее время Братство продолжает оказывать помощь в реставрации храма апостола и евангелиста Иоанна Богослова в г. Костроме, проводит патронажное окормление детских домов, производит помощь многодетным и малоимущим семьям, участвует в различных молодежных программах и конференциях и многом другом.

Так, на протяжении нескольких лет Братство оказывало помощь Солигаличскому детскому дому «Солигаличская специальная (коррекционная) школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с отклонениями в развитии»; являлось официальным членом Попечительского Совета социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних в д. Гуляевка Островского района. Туда регулярно передавались канцтовары, одежда, игрушки, спортивный инвентарь, книги, хозяйственные товары, продовольствие.

Сегодня Братство окормляет Специализированный дом ребенка с органическим поражением центральной нервной системы с нарушением психики на ул. Боровой д. 22. Для детей передаются сладкие подарки. Так, в 2020 году к празднику Пасхи члены Братства передали детям куличи и яйца. К сентябрю члены Братства собрали 40 000 руб., на эту сумму дом ребенка приобрел медицинское оборудование. В декабре для детского дома были пожертвованы 23 кг стирального порошка и 100 кусков мыла по 100 г.

За братством закреплён ФКУ ИЦ-1 УФСИН России по Костромской области. В 2020 году ряд заключённых на постоянной основе работали в храме, выполняя различные виды работ. Неоднократно, священник храма посещал ИК с лекциями и проводил там соответствующую работу.

В период с 14 октября по 4 ноября 2020 года в рамках акции «Город Благоденствия» прихожане собирали продукты и хозтовары в помощь костромской ночлежке. Братство участвует в данной акции на регулярной основе.

Братство оказывает патронажную помощь многодетным и малоимущим семьям Костромской области. Так, например, дважды за год (1 марта и 19 апреля) членами Братства проводились благотворительные ярмарки, все вырученные средства шли на помощь малоимущим. Всего за 2020 год Братство оказало материальную помощь малоимущим на сумму свыше 350 тыс. руб.

Каждое лето члены Александровского Православного Братства принимают участие в работе галичской археологической экспедиции. В экспедиции задействованы учащиеся школы для особо одарённых детей г. Москвы и учащихся иных московских учебных заведений. В частности, в работе экспедиции принимают участие студенты различных вузов.

На постоянной основе ведётся совместная работа с учителями и учащимися СОШ №10 г. Костромы. В 2020 году было проведено около десятка встреч с педсоставом для выработки пути взаимодействия школы и Братства. Также было организовано более 10 встреч с учащимися разных классов данной школы на темы о духовно-нравственном воспитании и развитии личности, таких как «Воспитание – всему причина, и доброму, и злему», «О сквернословии», «Время милосердия, доброты и всепрощения», «Семья – малая Церковь», «Нравственные законы», «Святые покровители семьи» и т. д. Часть встреч проходила в дистанционном формате. На систематической основе для преподавателей и учителей проводятся экскурсии по храму.

Члены Братства принимают участие в различных научных конференциях, методических семинарах и т. д. Результаты научных исследований публикуются в научно-богословском журнале Костромской духовной семинарии «Ипатьевский вестник».

Среди культурно-массовых мероприятий следует выделить организацию и проведение Рождественского и Пасхального праздника для детей.

Ежегодно в январе проводится Международный фестиваль православной авторской песни «Исповедь сердца», который собирает более 1000 зрителей. Во время проведения фестиваля осуществляется сбор средств на различные социальные проекты (в 2020 во время концерта собирали пожертвования для семьи погибшей исполнительницы православных песен Юлии Березовой, всего собрали 40 000 руб.).

Александровское Братство ежегодно занимается подготовкой и организацией проведения Крещенских купаний в г. Костроме, где за два дня, по уже устоявшейся традиции, принимают участие несколько тысяч костромичей и гостей нашего города.

В 2020 году силами Братства на кладбище храма апостола Иоанна Богослова открыт Семинарский некрополь. В сентябре студенты Костромской духовной семинарии участвовали в благоустройстве приходского кладбища; в октябре были установлены таблички на могилах известных людей, выпускников Костромской духовной школы; 22 ноября митрополит Костромской и Нерехтский Ферапонт отслужил панихиду на кладбище при храме, открыв тем самым семинарский некрополь. Присутствовали ректор семинарии, учащиеся, прихожане храма.

Александровское Православное Братство ведет обширную благотворительную и просветительскую работу по следующим направлениям: взаимодействует с детьми, школьниками, студентами; окормляет и патронирует детские дома и социально-реабилитационные центры; оказывает помощь малоимущим, многодетным и матерям-одиночкам; проводит фестивали, авторские встречи и концерты; организует паломнические поездки и многое другое.

УДК 947.084:281.93(092)

*Священник Георгий Андрианов,
кандидат богословия, ректор Костромской духовной семинарии, г. Кострома*

*Priest Georgy Andrianov,
candidate of theology, rector of the Kostroma Theological Seminary, Kostroma*

rector44@mail.ru

МАРШАЛ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ВАСИЛЕВСКИЙ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РАННИХ ГОДАХ ЖИЗНИ

MARSHAL ALEXANDER MIKHAILOVICH VASILEVSKY: NEW MATERIALS ABOUT THE EARLY YEARS OF LIFE

В статье приводятся новые данные к биографии маршала А.М. Василевского, которые стали известны автору статьи после выхода его книги «Александр Михайлович Василевский от семинариста до маршала» (Кострома, 2020 год). Новые сведения включают в себя данные о семье маршала и ранних годах его жизни, собранные в течение 2021 года.

The article provides new data for the biography of Marshal A. M. Vasilevsky, which became known to the author of the article after the publication of his book “Alexander Mikhailovich Vasilevsky from seminarian to marshal” (Kostroma, 2020). New information includes data on the Marshal’s family and early years of his life, collected during 2021.

Русская Православная Церковь, Костромская духовная семинария, Кинешемское духовное училище, маршал Александр Михайлович Василевский.

Маршал Александр Михайлович Василевский (1895–1977 гг.) является выпускником Костромской духовной семинарии 1915 года. Интерес к фигуре выдающегося стратега по сей день остается очень высоким в России.

В Москве готовятся поставить уже изготовленный памятник полководцу. Ранее, в 2016 году, в Хабаровске установили замечательный памятник маршалу с шашкой в руке. Напомним, что в июле 1945 года он был назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке. Под его руководством были разработаны и успешно проведены все крупные боевые операции в войне с Японией, в том числе по освобождению Северной Кореи и Маньчжурии. Газета «Комсомольская правда» выпустила рейтинг маршалов сообразно их вкладу в Победу, в котором Александр Михайлович Василевский занял второе место [5].

Особое значение имя Василевского имеет для Костромского края, так как маршал является нашим земляком. В 2019 году в Костроме состоялось открытие современной школы имени полководца (гимназия № 33). В 2020 году имя маршала стал носить новый бульвар в заволжском районе города.

В 2020 году Костромская семинария издала книгу «Александр Михайлович Василевский: от семинариста до маршала», где исследуются вопросы о его духовных корнях [1]. В настоящее время готовится второе издание. Часть новых материалов было представлено на прошлогодней конференции «Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности», которые опубликованы в соответствующем сборнике [2].

В данной работе предлагаются вниманию новые материалы, которые удалось собрать за 2020 год.

1. Фотография матери (рис. 1). Впервые публикуется фотография мамы маршала Василевского – Надежды Ивановны Василевской (18(30) сентября 1872–7 августа 1939). Фото удалось разыскать в доме-музее маршала в деревне Вахутки Кинешемского района Ивановской области. Предположительно, фото 1937–1938 гг. Александр Михайлович очень почитал свою родительницу и считал, что родился с ней в один день.

Рис. 1

2. Фотография отца. В этом же музее находится снимок отца маршала – священника Михаила Васильевского (фамилия на момент снимка) (рис. 2). Отец Михаил запечатлен молодым священником.

Рис. 2

Данное фото было опубликовано только в шикарном издании (книге – альбоме) В. А. Афанасьева «Маршал Александр Василевский» (изд-во «Патриот», 2016). С этим альбомом удалось ознакомиться в указанном доме-музее. К сожалению, эта замечательная книга не представлена в Интернете даже на сайте издательства. Есть только сообщения о ее презентации и не совсем удачные фотографии внешнего вида. Такие книги, конечно, должны быть доступны широкому кругу читателей.

В этом же музее находится один из трех оригинальных снимков отца маршала. Батюшка запечатлен уже в возрасте, сидящим на скамейке. Фото отсутствует в Интернете, хотя, по некоторым данным, представлено в подлиннике в трех музеях Ивановской области: Кинешемском краеведческом музее, доме-музее маршала и в музее школы № 18 г. Кинешмы.

3. Детское фото маршала (рис. 3).

Рис. 3

Данное изображение является фрагментом общего семейного фото (см. рис. 4).

Рис. 4

Этот снимок опубликован в альбоме В. А. Афанасьева. В нашей семинарской книге данная фотография публиковалась как кадр из интервью с племянницей маршала журналистам владимирского телевидения [1]. Сама Римма Евгеньевна не обратила внимание журналистов на то, что на этой фотографии запечатлен будущий маршал (что странно).

Оказывается, что еще в 2016 году сын полковника Игорь Александрович Василевский лично подтвердил, что на фото находится его отец, когда передавал названный альбом в школьный музей в Кинешму. Данное фото отсутствует в Сети и не публиковалось ни в одной книге про маршала (кроме указанного альбома). В прошлом году костромской краевед Г. В. Брезгина, автор родословной полковника, по нашей просьбе, попыталась установить персоналии на фото, но определила здесь только близких родственников полковника. Пока некоторое противоречие сохраняется.

4. Свидетельство об окончании Кинешемского духовного училища (рис. 5, 6).

Рис. 5

Рис. 6

Документ обнаружен и описан ивановскими архивистами еще в 2015 году, но не публиковался в биографических книгах о маршале А. М. Василевском [4]. Из

документа следует, что будущий полководец учился отлично. В старой парадигме оценок в его аттестате числятся оценка «отлично» по поведению, пять «очень хороших» и семь «хороших» оценок (условно окончил на четверки и пятерки).

5. Изменение фамилии. В связи с публикацией в 2016 году его дореволюционного офицерского послужного списка (рис. 7 [музей школы № 18], рис. 8) установлено, что свою прежнюю фамилию Васильевский он сохранял до окончания военной службы в армии Временного Правительства России [3].

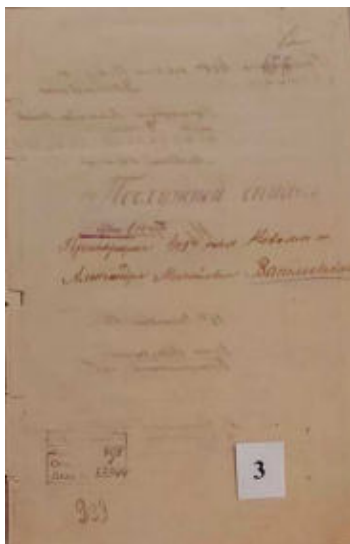

Рис. 7

Рис. 8

6. Родной храм. Для полководца родным храмом стала Вознесенская церковь в с. Новопокровском, где служил священником его отец и у алтаря которой похоронена его мать. В доме-музее маршала в деревне Вахутки Кинешемского района Ивановской области удалось отыскать схему предположительного расположения церковных построек до 1917 года (рис. 9).

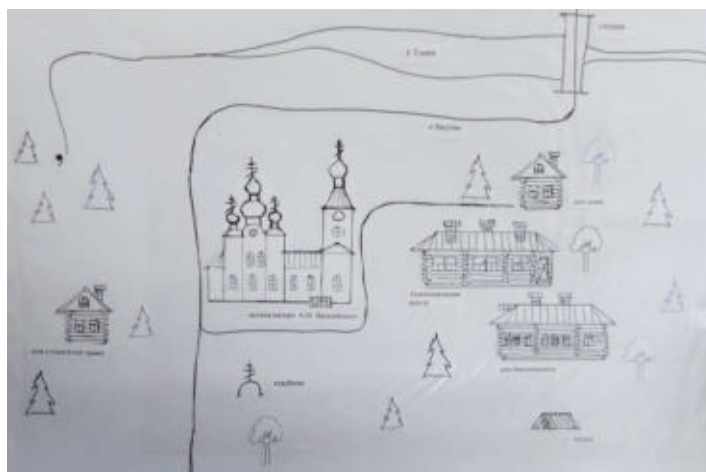

Рис. 9

В настоящее время эту территорию занимает кладбище, которое частично заросло большими деревьями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрианов Г. В., Белов А. М. Александр Михайлович Василевский: от семинариста до маршала. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-mihaylovich-vasilevskiy-ot-seminarista-do-marshala> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Андрианов Г. В., священник. Выпускник Костромской духовной семинарии Маршал А. М. Василевский: новые материалы к биографии // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности : сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. (11 сентября 2020 года, г. Кострома). – Кострома : Костромской государственной университет, 2020. – С. 9–12.
3. Афанасьев В. А. Маршал Александр Василевский. – М. : Патриот, 2016.
4. Муравьева Н. К 120-летию со дня рождения А. М. Василевского. – URL: <https://ivarh.ru/k-120-letiyu-so-dnya-rojdeniya-a-m-vasilevskogo-787> (дата обращения: 20.09.2021).
5. Панкин И. Девять маршалов Победы. Кто из советских полководцев внес более весомый вклад в разгром врага. – URL: <https://www.kp.ru/daily/26524.5/3542203> (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 947.084:281.93(092)

*Священник Георгий Андрианов,
кандидат богословия, ректор Костромской духовной семинарии, г. Кострома*

*Priest Georgy Andrianov,
candidate of theology, rector of the Kostroma Theological Seminary, Kostroma*

rector44@mail.ru

ВЫПУСКНИК КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ МАРШАЛ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ВАСИЛЕВСКИЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

A GRADUATE OF THE KOSTROMA THEOLOGICAL SEMINARY, MARSHAL ALEXANDER MIKHAILOVICH VASILEVSKY: RESULTS OF THE SCIENTIFIC EXPEDITION IN THE IVANOV REGION

В статье рассказывается о научной экспедиции автора по населенным пунктам Ивановской области, которые связаны с именем маршала А. М. Василевского: дом-музей в д. Вахутки Ивановской области, музей маршала в кинешемской школе № 18, а также храм, где прошло детство маршала и другие объекты.

The article talks about the author's scientific expedition to the settlements of the Ivanovo region, which are associated with the name of Marshal A. M. Vasilevsky: the house-museum in the village of Vakhutki (Ivanovo region), the marshal's museum in the Kineshma school № 18, as well as the church where the marshal spent his childhood and other objects.

Русская Православная Церковь, Костромская духовная семинария, Кинешемское духовное училище, маршал Александр Михайлович Василевский, дом-музей, школьный музей.

Russian Orthodox Church, Kostroma Theological Seminary, Kineshma Theological School, Marshal Alexander Mikhailovich Vasilevsky, house-museum, school museum.

В Священном Писании сказано: «Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими и спасти вас» (Второзаконие 20, 4). Имя маршала Василевского неразрывно связано не только с нашей семинарией, но и с Великой Победой. Маршал Александр Михайлович Василевский (1895–1977 гг.) является выпускником Костромской духовной семинарии 1915 года. Интерес к фигуре выдающегося стратега по сей день остается очень высоким в России.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл после торжественного освящения 18 июля 2015 года памятного знака в честь маршала А. М. Василевского, установленного в Ипатьевском монастыре, сказал: «Если мы хотим иметь Россию сильной, независимой, мы должны постараться воспитать новое поколение нашей молодежи в соответствующей системе ценностей, и тогда у нас появятся новые герои, такие как маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский» [1].

Костромская духовная семинария по праву гордится своим выпускником 1915 года – Александром Михайловичем Василевским. Среди многих ее преподавателей и выпускников, прошедших горнило военных испытаний, его имя занимает особое место. Про Александра Михайловича как полководца написано уже много книг, но, к сожалению, в них слабо раскрыта тема его духовных корней.

Поэтому в Костромской семинарии уделяется внимание годам обучения будущего маршала в духовном училище и духовной семинарии, изучаются взаимоотношения советского военачальника со своим отцом-священником, рассматриваются духовные и нравственные ценности семьи полководца. В связи с этим 25 августа 2021 года состоялась научная экспедиция по населенным пунктам Ивановской области, которые связаны с именем маршала А. М. Василевского.

Поездка для сбора материалов о жизни маршала заняла целый день. Погода была крайне благоприятной, а встретившиеся люди – участливыми и доброжелательными. Ректор Костромской семинарии с группой преподавателей посетил родные места полководца в Кинешемской и Палехской епархии Ивановской митрополии (быв. земли Костромской губернии): 1) место рождения маршала: быв. с. Новая Гольчиха (ныне – территория п. Вичуга), 2) приход отца маршала и могилу матери в быв. с. Новопокровское, 3) прекрасный дом-музей в д. Вахутки, 4) профильный музей в школе № 18 г. Кинешмы, 5) быв. Кинешемское духовное училище и дом родителей отца маршала в Кинешме. Собранный материал войдет во второе издание книги «Александр Михайлович Василевский: от семинариста до маршала» [2].

Известно, что перед Василевским еще осенью 1914 года в действующую армию ушло 30 воспитанников Костромской духовной семинарии, а зимой 1915 года – его четыре однокурсника. Тогда в Костроме военных всячески поддерживали, ими восхищались. Часть помещений нашей семинарии отдали под госпиталь для раненых. Один из студентов Костромской семинарии того времени,

будущий советский ученый, основоположник истории химической науки Николай Александрович Фигуровский вспоминал с каким восхищением студенты младших классов смотрели на прибывшего с фронта на побывку молодого штабс-капитана Александра Василевского. Тот пришел в офицерской форме с шашкой и заливхацки рубил ей крупные царские пятаки напополам. «Если хочешь быть красивым – поступай в гусары», – говорил Козьма Прутков. Но за блестящим фасадом молодого офицера уже скрывалась боль от ужасов войны, от осознания ее несчастий и горя. К этому добавлялось ощущение надвигающейся катастрофы 1917 года [3].

С момента начала военной службы биография маршала известна довольно хорошо. Существует много книг и исследований о его военных делах. Поэтому задача научной экспедиции изначально заключалась в поиске материалов о ранних годах жизни маршала, о его семье и духовных корнях. В связи с этим маршрут экспедиции был построен таким образом, чтобы успеть в течение одного дня посетить родные места Василевского, которые находятся на территории бывшей Костромской губернии (ныне – в Ивановской области).

1. Место рождения маршала (бывшее село Новая Гольчиха, ныне – территория п. Вичуга Кинешемского района Ивановской области). В советский период село вошло в состав п. Вичуга и его земли оказались застроенными пятиэтажными зданиями. Так, на месте рождения полководца стоят типовые дома советской постройки. Они занимают территорию бывших церковных строений (храма и поповских домов), которые входили в состав архитектурного храмового ансамбля Никольской единоверческой церкви. Церковь была уничтожена в 1955 году, дома через какое-то время, а землю застроили блочными пятиэтажками. На месте храма расположен пятиэтажный жилой дом (ул. Советская, 39).

2. Приход отца (бывшее село, ныне – урочище Новопокровское Кинешемского района Ивановской области). Храм, где служил отец маршала, и где прошло детство будущего полководца, сохранился. Здание считается действующим храмом, но, по словам местных жителей, служба здесь не совершалась уже несколько лет. За последнее время храм резко обветшал: упал один малый купол на четверике, а кровля заросла деревьями. За храмом расположено довольно ухоженное сельское кладбище.

Несмотря на название села (Новопокровское) храм является Вознесенским. Построен в 1896 году. Отец Михаил, как полагают, пользовался огромным авторитетом в округе, вылечивая не только душевные, но и телесные хвори (был знатным целителем), был мастеровитым столяром и пасечником. До революции при храме существовало церковно-приходская школа, законоучителем в котором был отец Михаил, с 1914 г. учительствовала в школе и его дочь Екатерина. При храме существовал хор, в том числе, несмотря на противодействие властей, и в 1930-х годах. После оставления службы отцом Михаилом (по возрасту и в связи со смертью жены) храм был закрыт.

3. Могила матери. С правой стороны от алтаря Вознесенской церкви находится могила мамы маршала Василевского – Надежды Ивановны Василевской (18 (30) сентября 1872 – 7 августа 1939). Захоронение имеет типовой современный памятник из камня в виде вертикальной скошенной плиты, на кото-

рой изображен крест и выбита надпись: «Надежда Ивановна Василевская. 30.09.1872–1939.07.08». На могиле поставлен венок от патриотического общества. Могила имеет металлическую оградку с калиточкой. Захоронение расположено вплотную к стене храма и не мешает крестному ходу. Вечная память матушке Надежде!

4. Дом-музей в д. Вахутки. Одноэтажное деревянное строение по факту является копией того дома, где прошло детство маршала. Сам дом был разобран и перевезен в Кинешму, где сохранился до настоящего времени. Во время поездки музей был закрыт в связи с делящейся реорганизацией, но проживающие на месте хранители позволили ознакомиться с замечательной экспозицией.

Память о маршале сохраняется с большой заботой, о чем особо упомянул отец ректор к Книге почетных гостей. Здесь была обнаружена нигде не опубликованная фотография матери маршала в последние годы жизни и несколько других интересных документов, которые требуют дополнительного исследования.

В самой деревне сохранился дореволюционный комплекс сапожной фабрики, которая работала еще в советское время. В целом здешние места (храм, фабрика, некоторые дома той эпохи) производят впечатление зажиточности в период детства Василевского. Маршал рос не в глухой деревне, а в довольно современном населенном пункте по тому времени.

5. Музей маршала в кинешемской школе № 18. В год 70-летия Великой Победы школе № 18 присвоено имя Маршала А. М. Василевского. Для доступа в музей потребовалась предварительная договоренность в связи с ковидными ограничениями. Ректор КоДС встретился с директором Верой Георгиевной Задворновой и вручил для музейного собрания книгу «Костромская семинария. Историческая энциклопедия».

Досадным недоразумением является неточность в датах жизни на бюсте маршала, который находится в школьном дворе. Но это, разумеется, поправимо.

Школьный музей занимает одно, но довольно просторное помещение на втором этаже здания, где на протяжении многих лет собираются разные материалы, связанные с памятью маршала. В основном большая часть экспонатов посвящена военной службе маршала и последующим годам его жизни. Особо стоит отметить стильное оформление карт основных сражений маршала, размещенных на стенах. В части довоенного раздела экспозиции представлены некоторые интересные документы Ивановского архива и материалы об участии маршала в Первой мировой войне. Важное место в собрании музея занимают книги о маршале и автобиографическое издание «Путь моей жизни» на многих языках. Хранитель музея, преподаватель истории Смирнов Алексей Владимирович хороший знаток биографии маршала. Он сообщил, что планируется обновление экспозиции и дал весьма ценные пояснения о некоторых биографических вопросах из жизни А. М. Василевского.

К сожалению, информация о музее и его собрании слабо представлена на сайте школы, хотя сам музей неоднократно занимал высокие места в различных конкурсах. Собранные материалы после обработки войдут во второе издание книги о маршале.

6. Исторические места: бывшее Кинешемское духовное училище и дом родителей маршала в Кинешме осмотрены только внешне. В бывшем училище сейчас учат педагогов, а дом родителей до сих пор сохранился как жилое строение. Фотографии объектов также войдут в новую книгу о маршале.

Благодаря хорошо продуманному плану и большой предварительной подготовке, научная экспедиция была признана весьма удачной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ферапонт (Кашин)*, митр. [Обращение к читателю] // Андрианов Г. В., Белов А. М. Александр Михайлович Василевский: от семинариста до маршала. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-mihaylovich-vasilevskiy-ot-seminarista-do-marshala> (дата обращения: 20.09.2021).

2. Информация о поездке // Телеграм-канал Костромской духовной семинарии. – URL: <https://t.me/seminaria44/805> (дата обращения: 20.09.2021).

3. *Андрианов Г.*, свящ. А. М. Василевский: от семинариста до маршала (интервью порталу «Приходы») // Ипатьевский вестник. – 2020. – № 4(12). – С. 23–63.

УДК 340.12

*Левченков Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
проректор по научной работе и международным связям
ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э. А. Дидоренко»*

*Levchenkov Alexander Ivanovich,
doctor of law, professor,
Vice-Rector for Research and International Relations
of the State Institution of the LNR “Lugansk Academy of Internal Affairs
named after E. A. Didorenko”*

naukalavd@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В РАБОТАХ Е. Н. ТРУБЕЦКОГО

PROBLEMS OF THE SPIRITUAL FORMATION OF THE STATE IN THE WORKS OF E. N. TRUBETSKOY

В статье поднимается и исследуется проблема духовности вообще и непосредственно ее состояние в российском обществе в данное время. Для этого автором изучен понятийный аппарат по данному вопросу и предложено свое определение «духовности», обозначены ее признаки. Кроме этого, исследованы возможности передачи и использования в современных условиях духовного опыта предыдущих поколений. Обращено внимание на такие составные понятия «духовность», как милосердие, совесть, сострадание, справедливость и т. п. мен-

тально присущие русскому народу испокон веков. В статье поднята проблема Церкви, определена ее роль в современном обществе и основное предназначение как носителя и хранителя духовных начал русского народа, служение ему в качестве наивысшего морального авторитета. Сделан вывод, что без возрождения духовности в российском социуме все дальнейшие шаги руководства страны будут значительно затруднены в плане устранения пережитков «общества потребления» и сохранения суверенитета государства. В качестве вспомогательной доказательной базы автором использованы труды выдающегося российского религиозного ученого-правоведа Евгения Николаевича Трубецкого и других его современников.

The article raises and explores the problem of spirituality in general and directly its state in Russian society at this time. To do this, the author has studied the conceptual apparatus on this issue and proposed his own definition of “spirituality”, its signs are indicated. In addition, the possibilities of transmitting and using the spiritual experience of previous generations in modern conditions are investigated. Attention is drawn to such composite concepts of “spirituality” as mercy, conscience, compassion, justice, etc. mentally inherent in the Russian people from time immemorial. The article raises the problem of the Church, defines its role in modern society and its main purpose as a carrier and guardian of the spiritual principles of the Russian people, serving them as the highest moral authority. It is concluded that without the revival of spirituality in Russian society, all further steps of the country's leadership will be significantly hampered in terms of eliminating the remnants of the “consumer society” and preserving the sovereignty of the state. As an auxiliary evidence base, the author uses the works of the outstanding Russian religious legal scholar Evgeny Nikolaevich Trubetskoy and his other contemporaries.

Духовность, дух, исторический опыт, церковь, человечество, личность, государство, общество, мораль.

Spirituality, spirit, historical experience, church, humanity, personality, state, society, morality.

Отличие современных исторических событий состоит в том, что мы не знаем, к чему они приведут. Оглядываясь назад, возможно понять смысл произошедшего и увидеть, какие последствия они за собой повлекли. Но история, происходящая у нас на глазах, – для нас не история. Она ведет нас в неведомые дали, и лишь изредка мы можем на мгновение увидеть, что находится впереди. Дело бы обстояло иначе, если бы людям было дано пережить те же события вторично, обладая полным знанием того, что они постигли ранее. Насколько иными все более важными для нас, а зачастую и тревожными, показались бы едва заметные сейчас изменения, происходящие в мире и в стране. Быть может, это даже к лучшему – то, что нам не дано этого испытать и мы не знаем точно до сих пор, каким законам подчиняется историческое развитие нашей цивилизации.

И все же, хоть история никогда полностью не повторяется и как раз благодаря этому ни один путь развития человечества, государства, социума не является абсолютно неизбежным. Исходя из прошлого, мы можем в какой-то мере избежать повторения одного и того же негативного процесса, трагических событий, существенных ошибок.

Сегодня, чтобы сознавать приближение надвигающейся на нас опасности, не надо быть оракулом – мир вновь вошел в зону турбулентности и нового глобального перераспределения сфер влияния между ведущими государствами и центрами силы.

Но тем не менее эффективное использование сочетания исторического опыта и искренней заинтересованности ученых может позволить увидеть подлинную или близкую к ней картину мира и предвосхитить нежелательные и опасные тенденции, угрожающие как человеческой цивилизации в целом, так и отдельным государствам, в том числе и России.

Говоря об историческом опыте и его передаче в конечном итоге, мы приходим к достаточно печальному и известному выводу – мало кто учится на чужих ошибках, как правило, все учатся на своих. При этом духовный опыт – это особый социальный опыт, наиболее сложно передаваемый и используемый в иных исторических рамках и условиях.

По этому поводу в свое время очень четко высказался Е. Н. Трубецкой. В частности, он писал следующее: «...никакой человеческий опыт не включает в себе полноты» не исключает возможности ошибочных суждений. Чужой опыт так же, как и наш собственный, не снимает с нас обязанности судить и испытывать всякое утверждение, кем бы оно не высказывалось. Ибо в основе такого суда лежит религиозная интуиция, которая превышает всяческий человеческий опыт – интуиция полноты божественного [2, с. 251].

Однако, – развивает свою мысль ученый далее, – наше умственное око интуиции затуманено грехом и не всегда видит ясно, а совесть наша далека от чистоты сердца. Поэтому и для интуиции, и для совести нашей требуется проверка [3, с. 254].

Но есть и неопровержимый и бесспорный исторический опыт на ряду с подобными – это порочность идеи мирового господства, какого бы происхождения она ни была, и кто бы не являлся персонально ее носителем и реализатором и под каким лозунгом она бы не осуществлялась и не пропагандировалась сегодня: «С нами Бог, богоизбранная нация», «Пролетарии всех стран объединяйтесь», «Америка превыше всего», «Украина превыше всего» и т. п.

Все аналогии и параллели относительно различия путей развития разных стран, несомненно, обманчивы и неточны. Но несмотря на это можно предотвратить наступления этих опасных и даже трагичных для человечества последствий, если люди (политические национальные элиты, в первую очередь) смогут вовремя увидеть и осознать, к чему может привести то, что они делают исходя из узкокорыстных интересов и другой негативной мотивации.

До недавнего времени значительная часть населения России, особенно ее либеральная интеллигенция, не осознавала, не видела такой опасности и не хотела ее видеть, прикрываясь потерпевшей историческое и моральное поражение доктриной «над схваткой». Но сейчас наступил момент для полного, искреннего и всестороннего исследования и обсуждения этой проблемы. Дело не только

в том, что теперь серьезность ее признается практически не только властными структурами государства, но и широкой общественностью, что заставляет нас в существующей сегодня ситуации взглянуть правде в глаза и определиться со стороной, с которой мы сегодня будем?

Взявшись за исследование данной темы, мы сразу же столкнулись с серьезными трудностями, в плане определения основного понятийного аппарата.

Оказалось, что вразумительного определения понятия «духовность», в научной, специальной или духовной литературе нет, а те, которые присутствуют, нас не устраивали по многим причинам, это, во-первых. Во-вторых, в большинстве справочников и словарей это определение давалось с приставкой «устаревшее». То есть в советских и постсоветских источниках оно дается как «устаревшее» в прямом и переносном смыслах. И для этого есть веские основания. В советское время на щит поднималась только пролетарская, а затем социалистическая духовность резко противоположная духовности религиозной, но и «общество потребления», навязанное нам Западом в 90-е годы прошлого столетия не принесло нам всплеск духовности в ее глубочайшем понимании и сакральном содержании, и которая априори не могла крепко прижиться на славянской почве, как и само «общество потребления», в основе которого доминирующими являются материальные, а не духовно-моральные приоритеты и ценности. Гипертрофированный индивидуализм, деньги, карьерный рост за счет унижения и подавления своего ближнего, агрессивность – животные инстинкты – вот его визитная карточка.

Более ста лет тому назад о недостатках западной цивилизации Е. Н. Трубецкой писал следующее: «Человек, который равнодушно относится к одичанию человеческого общества, к превращению людей в стадо хищных зверей, – тем самым доказывает полное отсутствие любви к ближнему» [1, с. 296].

«Быстрый рост материального благополучия, – продолжает ученый, – всюду оказал на человеческую душу одно и то же отрицательное влияние. Он усыпил духовную жизнь. Сладкая мечта о земном рае, иные одурманивания демократической массы, первоначально выросли на почве сытости и довольства. Роковая причина этого – угасание человеческого духа».

При этом говоря о высокой существующей и потенциальной духовности русского народа, он одновременно подчеркивает, что «в духе русского народа вместе с высокими идеалами добра, правды и справедливости уживается и «воровской идеал» – мечта о богатстве, которое само собой валится в рот человеку без всяких с его стороны усилий» [1, с. 391–394].

По его мнению, крушение материального благополучия одновременно становится стимулом для духовного возрождения: сытое довольно часто ведет к полному угасанию духовной жизни. Наоборот, страдания выковывают силы духовные, разочаровавшись в материалистических упованиях люди испытывают тоску по утраченным святыням [1, с. 408]. Ученый уже тогда видел и пони-

мал, что общество, построенное только на принципах материальной корысти, обогащения любым путем и, не признавая «маленького» человека личностью, рано или поздно потерпит исторический и цивилизационный крах.

Нельзя составить государство из людей, для которых встретиться – значит пожирать друг друга. Для государственности нужно очеловечивание общества, нужна сила, которая подняла бы людей над материальными интересами: нужно, чтобы им открылась область чистых бескорыстных побуждений и для этого необходим тот могущественный духовный подъем, который не боится мучений [1, с. 409], – неоднократно подчеркивал известный правовед.

Евгений Николаевич Трубецкой считал, что государственное, и общественное строительство возможны лишь при условии: должны быть восстановлены духовные основы разрушенного общества. Пока это не сделано – бессильны и политика, и оружие: всякое общественное строение обречено на разрушение, кто бы его не строил – Учредительное Собрание, директория или единоличная власть директора. Восстановление духовного единства нации осуществляется не законодательными и административными мерами, а внутренним жизненным процессом, который совершается в душе народной [2, с. 403].

Возвращаемся к определению понятия «духовность». Ни у А. С. Пушкина, ни у В. И. Даля нет конкретного и четкого определения «духовности».

В. И. Даль писал: «*духовный*» – бесплотный, нетелесный, из одного духа и души состоящий; все относящееся к Богу, церкви, вере, к душе человека, все нравственные и умственные силы его, ум и воля. Духовное родство пуше плотского. Он считал, что понятия «дух» и «душа» настолько близки, что их в отдельности рассматривать нельзя. Ученый писал по этому поводу следующее: «Дух и душа отделены здесь (в словаре) в разные статьи только для удобства изыскания производных» [3, с. 503–504].

А. С. Пушкин, по сути, также говорил об этом: «*духовный*» – нематериальный, относящийся к умственной, душевной жизни человека [4, с. 736].

Дух – Душа, сознание, творческие способности [4, с. 733].

Человек высокой духовности – человек, обладающий определенными душевными качествами и свойствами.

Говорить от души – искренне, от чистого сердца [4, с. 738].

Делать для души – для удовлетворения своей духовной потребности.

Душевно – с душой, духовно.

У человека – силы телесные и духовные [4, с. 740].

Духовность (устарев.) Д. С. Ушаков трактовал в своем обширном словаре, как отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа [5, с. 187].

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что «*духовность*» – это *душевно-нравственная и умственная природа и сущность человека, противоположная его материальной, физической и телесной сущности.*

Духовность – объединяющая и цементирующая основа любого общества, выражающаяся в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированных,

как правило, в религиозных учениях и практиках, в художественной литературе и искусстве.

В индивидуальном сознании и повседневной жизни человека духовность непосредственно связана и проявляется как его *совесть*, моральные качества.

Виктор Франк считал духовность высшим антропологическим измерением личности, которое он ставил выше ее физической и эстетической составляющих.

Говоря о *духовности*, на наш взгляд необходимо обратить внимание на следующее:

- формы ее проявления (существования);
- это массовидное или индивидуальное явление (масштаб и глубина);
- духовность как процесс;
- духовность не может рассматриваться как среднестатистическое явление;
- необходим ее конкретный срез на каждом этапе историческом развитии, особенно в переломные для народа, нации, государства периоды и т. п.;
- динамика явления, скорость и особенности протекания этого процесса (как возрастание, так и угасание ее);
- закономерности и особенности формирования, существования и проявления духовности в конкретно-исторический период;
- возможность или невозможность преемственности духовных процессов и форм их проявления;
- соотношение формы и содержания (сравнительный анализ);
- причины роста и падения духовности.

В итоге, напрашивается вывод, что духовность предполагает милосердие, любовь к ближнему, сострадание, приоритет моральных ценностей над материальными. Естественно, что такой подход к содержанию понятия «духовность» – несовместим с требованиями и ценностями «общества потребления», в котором мы сегодня живем и животные («звериные») законы которого нам были навязаны 30 лет назад западными идеологами типа З. Бжезинского и А. Киссинджера. На преодоление этого состояния уйдут годы и десятилетия, но без этого говорить о перспективах российской государственности достаточно сложно. Трудно утверждать, что сегодня российское общество и особенно его элиты «чувствуют чужую боль, как свою собственную». А это, по словам Виктора Астафьева, является высшим и зримым проявлением духовности человека. Е. Н. Трубецкой неоднократно подчеркивал, что все слои российского общества (хозяева и рабочие, землевладельцы и земледельцы и т. д.) могут составить жизнеспособное целое только на основе *духовного единства*, «которое возвышается над противоположными их экономическими интересами» [1, с. 402].

Теперь несколько слов о Церкви и ее роли в прошлой и нашей теперешней жизни. Церковь, кроме всего того, что они о ней в свое время писали лучшие духовные и светские умы человечества, в том числе князь Е. Н. Трубецкой, должна быть, в первую очередь, *моральным авторитетом* и последним убежищем маленького человека, гонимого социумом, который, не находя правды и

справедливости в светской власти, апеллирует к самой высшей существующей в мире инстанции – к Богу.

«Все общественные связи у нас держались связями религиозными. Когда эти последние ослабели, человек человеку стал волком и все общественное здание рухнуло», – писал в 1919 году Евгений Николаевич [1, с. 260].

После революции 1917 года, по его мнению, вся жизнь стала безбожной – и частная, и государственная – во всех человеческих отношениях господствует один и тот же нравственный кодекс последовательного и беспощадного каннибализма [1, с. 261].

Церковь ненавистна для действующей власти, потому что она возвещает закон иной жизни и воспрещает людям глотать живьем друг друга [1, с. 266], – писал он далее. Анализируя далее эту проблему, Е. Н. Трубецкой пишет, что сегодня мы видим, с одной стороны, – сгустившуюся над миром тьму, а с другой стороны – усилившиеся религиозные искания, в которых уже чувствуются задатки положительного откровения. С одной стороны, массовое озверение, с другой стороны, духовный подъем: страдания выковывают духовные силы [1, с. 273–274].

По его мнению, как это не звучит парадоксально, русская революция, при всех своих отрицательных результатах, принесла пользу только Церкви, ибо способствовала ее духовному росту. Она освободила Церковь от мирского плена, несмотря на то, что рухнуло ее внешнее благополучие [1, с.286].

За обозримые годы нашей с вами истории (досоветской, советской и постсоветской) Церковь была:

- а) в государстве (по сути, структурным элементом его механизма);
- б) рядом с государством;
- в) вне государства (в оппозиции к нему).

Как показал исторический опыт и показывает сегодняшней, первый вариант в конечном счете являлся наиболее нежелательным и срабатывал, в конечном итоге, против нее. Когда она шла в фарватере политики светского государства, то она не могла судить и высказываться против неблагоприятных действий существующих властных институтов. Церковь, обретая материальное, теряла главное свое предназначение в глазах большинства населения страны – переставала быть высочайшим нравственным авторитетом.

Христианские традиции вечны. Современное российское православие должно нам предложить и стать носителем такого видения мира, состояния духовности, которое располагает человека к терпимости и милосердию, к подавлению в нем животных инстинктов, гипертрофированного индивидуализма и отказа от основополагающих ценностей и «общества потребления» – стремления только к материальному благополучию за счет унижения и ущемления интересов других граждан, утери нравственных приоритетов и ориентиров и т. п. Христианская религия в этом случае должна стать инструментом освобождения от всех форм унижения и подавления человека другим человеком, стать орудием построения государства, базирующегося на принципах справедливости, мира, милосердия и гуманизма.

Сегодня российское православие – это «душа бездушного мира».

Без возвращения к основам христианской этики (при всех ее недостатках) чего-то большего и авторитетнейшего у нас сегодня ничего нет, без этого России не подняться и не возродиться или на это уйдут десятилетия и столетия.

На основании вышеизложенного можно сделать несколько неутешительных выводов.

1. С духовностью в наши дни дело обстоит неважно, потребуются годы и целенаправленная повседневная работа всех здоровых сил общества для ее возрождения и устранения препятствий в этом направлении, порожденных «обществом потребления» (многовековую историю имеют те государства, для которых было характерным наличие мощных морально-нормативных регуляторов и высокой духовности).

2. Без духовной основы, объединяющей народ, нацию, государство в одно жизнеспособное целое, любые планы построения такого общества обречены на провал, в конечном итоге (духовное объединение России даст и необходимый социальный ресурс действующей власти).

3. Еще проблематичнее обстоит дело с внедрением элементов духовности в право, так как право есть, в первую очередь, категорией политико-юридической, а духовность – нравственно-религиозной.

Можно говорить о частичном положительном решении этого вопроса, только в плане появления элементов духовности у лиц, осуществляющих правотворческий и правоприменительный процессы, их духовного обогащения и нравственного роста (надеяться на скорые результаты в этом деле не стоит, но иного пути человечество пока не выработало).

4. Для того чтобы это все состоялось, необходимо коренное нравственное переформатирование всего российского и мирового социума в этом направлении – обретении духовности.

Еще раз повторюсь и скажу словами К. Маркса – необходимо попытаться решить старую задачу и «внести душу в этот бездушный ми». Это и будет началом всех начал и залог нашего дальнейшего успеха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Трубецкой Е. Н.* Избранное. – М. : Канон, 1995. – 475 с.
2. *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. – М. : Республика, 1994. – 432 с.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого русского языка. В 4 т. Т. 1. – М. : Русский язык медиа, 2007. – 697 с.
4. Словарь языка Пушкина. В 3 т. Т. 1. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1965. – 806 с.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940. – 864 с.

УДК 257(09) (471.317)

Протоиерей Дмитрий Карнаух,
проректор по АХВ, преподаватель Костромской духовной семинарии,
клирик храма апостола и евангелиста Иоанна Богослова, г. Кострома

Archpriest Dmitry Karnauh,
Vice-Rector for AHV, lecturer at Kostroma Theological Seminary,
cleric of the Church of the Apostle and Evangelist John the Theologian, Kostroma

oikonom44@mail.ru

«КРЕМЛЕВСКАЯ» ВЕХА В ИСТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

THE “KREMLIN” MILESTONE IN THE HISTORY OF KOSTROMA THEOLOGICAL SEMINARY

Костромская духовная семинария является одной из старейших среди духовных учебных заведений в нашей стране. В настоящей статье обозревается небольшой этап ее существования в стенах Костромского кремля, куда семинарию перевели после пожара 1847 г. Несмотря на стесненные условия, в этот период из семинарии выпустилось немало студентов, которые впоследствии внесли немалый вклад в церковную и светскую науку, сыграли немалое значение в истории Костромы, Костромской губернии и России.

Kostroma Theological Seminary is one of the oldest among the theological educational institutions in our country. This article reviews a small stage of its existence within the walls of the Kostroma Kremlin, where the seminary was transferred after the fire of 1847. Despite the cramped conditions, during this period many students graduated from the seminary, who subsequently made a considerable contribution to church and secular science, played a considerable role in the history of Kostroma, Kostroma province and Russia.

Костромской кремль, Костромская духовная семинария.

Kostroma Kremlin, Kostroma Theological Seminary.

Духовная семинария в Костроме – это одна из самых старинных наших духовных школ, и тот факт, что сейчас эта школа возрождена, имеет большое значение не только для Костромы и Костромской епархии, но и для всей Русской Православной Церкви.

*Святейший Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл*

Говоря об исторической памяти и формировании российской государственности, невозможно избежать упоминания о Костромской духовной семинарии. В 2022 году исполняется 275 лет со дня ее основания.

Распахнув свои двери для учащихся в 1747 году в колыбели дома Романовых в Ипатьевском мужском монастыре, духовная школа приняла в свои стены всего около 20 воспитанников. За эти 275 лет семинария пережила духовный взлет, пожары, закрытие после революции по постановлению Исполкома Костромского городского совета в июле 1918 г. и открытие в 1991 г. сначала как духовное училище, а затем в 1996 г. преобразование в духовную семинарию. За эти два с лишним столетия она неоднократно меняла и место своего пребывания.

Так одним из значимых мест пребывания КоДС является Костромской Кремль. Именно сюда, в соборные дома, она была переведена по распоряжению правящего епископа Костромского и Галичского Иустина (Михайлова). До этого учащиеся семинарии имели пристанищем Богоявленский мужской монастырь в центре города, где занимали несколько корпусов. Однако 6 сентября 1847 года произошел ужасающий по своей силе пожар, который уничтожил большую часть города и оставил насельников монастыря и семинаристов без крова над головой (об этом событии очень подробно повествует в своем труде, посвященном Богоявленско-Анастасииному монастырю, Иван Васильевич Баженов, церковный историк, этнограф, преподаватель КоДС с 1883–1918 гг., магистр богословия) [2]. Поэтому Преосвященнейший владыка Иустин и принял решение предоставить для занятий соборный дом Костромского кремля (современный адрес: ул. Чайковского, д. 6). Конечно, это здание казалось не очень удобным. Во-первых, на первом этаже здания уже размещалось духовное училище, во-вторых, число воспитанников семинарии с каждым годом возрастало (например, к 1836 году насчитывалось 393 человека, а к 1846 году – 692 человека) [5]. Из-за отсутствия помещений для проживания воспитанников, казеннокоштные ученики вынуждены были снимать комнаты в частных квартирах, а это в свою очередь влекло дополнительные расходы со стороны епархии [1]. Из-за нехватки классов для занятий, руководство семинарии было вынуждено пойти на крайние меры – постепенное сокращение количества учащихся (к 1851 г. – оставалось 463 чел., а к 1856 г. – оставалось уже 400 человек [1]. Все же, думается, близость Кафедрального собора и главной костромской святыни – Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы, а также великолепный вид на Волгу скрашивали эти неудобства. Несмотря на то, что рядом были два собора Успенский и Богоявленский, молитвенная жизнь воспитанников семинарии была связана с уцелевшим во время пожара и восстановленным храмом в честь Смоленской иконы Пресвятой Богородицы Богоявленского монастыря. Е. Е. Голубинский (выпускник семинарии 1854 г., историк Русской Церкви и церковной архитектуры, Ординарный академик Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности) в своих воспоминаниях говорит, что для участия в богослужениях учащиеся выстраивали парами, около сотни человек и строем вели через центральную часть города в Смоленскую церковь, где находилась чудотворная фреска Божией Матери [1].

Соборные дома, сохранившиеся до нашего времени, для воспитанников семинарии давно уже были знакомы, так как с нач. XIX в. прим. (1810–1814 гг.)

в «Архиерейском» доме (современный адрес: ул. Чайковского, д. 8) проводились годовые публичные испытания (открытый экзамен), на которые приглашался правящий архиерей, губернатор, уездный предводитель дворянства, полицмейстер и другие почетные и уважаемые люди города. После переезда семинарии в соборный дом, владыка уступил часть соседнего Архиерейского корпуса для размещения Правления семинарии. Здесь же находились и квартиры ректора семинарии, инспектора, и Секретаря правления Костромской семинарии [1].

Сразу после пожара 1847 г. Правление семинарии и епархиальное руководство обратилось в Священный Синод с просьбой о восстановлении семинарских зданий в Богоявленской обители, аргументируя это тем, что здания находились в удобном расположении, ограждены крепостной стеной [2]. Однако за эти годы в Духовно-учебном ведомстве так и не нашлось свободных средств на восстановление зданий КоДС. В этих соборных домах на живописном берегу Волги духовная школа находилась добрых девятнадцать лет. Лишь в 1866 году, благодаря заботе преосвященного епископа Платона (Фивейского) и усердию костромского духовенства, удалось приобрести для семинарии у купцов Стригалева большой трехэтажный дом и три флигеля на Верхней Набережной (ныне ул. 1-го Мая, здания Костромского Государственного Университета) [3]. К этому времени (1866 г.) количество учащихся составляло уже 495 чел. и в рейтинге среди десятки «многолюдных» семинарий она находилась на 8-м месте по России [6]. На новом месте пребывания для учащихся в короткий срок был устроен целый семинарский городок со всеми необходимыми службами: учебный корпус, синодальное (казенное) общежитие, квартиры ректора и инспекторов, больница, баня, сараи и прочее. Здания для удобства соединили переходами. После полного обустройства помещений в 1868 году духовная школа совершила переезд [5]. Впрочем, это уже другая веха в истории семинарии.

За время нахождения учебного заведения в кремле, выпускниками семинарии стали такие известные лица, как:

– Павел Иванович Казанский – второй настоятель храм Христа Спасителя в Москве (вып. 1848 г.);

– Сергей (Спасский) – архиепископ Владимирский и Суздальский, историк и агиограф (вып. 1849 г.);

– Иероним (Лаговский) – архимандрит, ректор Пермской духовной семинарии, историк и археолог (вып. 1849 г.);

– Иларион Ефимович Беляев – с 1860 г. принят на службу в Собственную Его Императорского Величества канцелярию, основатель и попечитель Александровского братства (вып. 1852 г.);

– Павел Иванович Андронников – писатель и краевед, редактор «Костромских ведомостей» (вып. 1854 г.);

– Евгений Евстигнеевич Голубинский – церковный историк, преподаватель МДА, академик СПб академии наук (вып. 1854 г.);

– Иоанн Капитонович Херсонский – прот., историк, педагог, автор «Летописи Макарьево-Унженского монастыря»;

– Федор Иванович Успенский – историк-византист, директор Русского археологического института в Константинополе, академик СПб Академии наук (вып. 1866 г.).

Это лишь немногие имена из огромного сонма выпускников тех лет, которыми по праву может гордиться духовная семинария.

Из преподавателей того времени особо хочется отметить Семена Ивановича Ширского (в нынешнем году отмечается 130 лет со дня кончины), выпускник семинарии 1843 г. окончил СПбДА в 1847 году, магистр богословия, преподаватель Священного Писания, Герменевтики, Православного Исповедания и др., с 1849 года определен на должность Секретаря семинарского Правления, с 1856 г. секретарь Костромской духовной Консистории, Председатель совета Александровского братства, а в последующем с 1891 г. прокурор и управляющий канцелярией Грузино-Имеретинской Священного Синода конторы, произведен в действительные статские советники. С. И. Ширский является автором учебника «О преподавании Закона Божия в народных училищах», изданного в 1870 году и принятого учебным комитетом при Священном Синоде и Министерстве народного просвещения, одобренного для библиотек духовных семинарий и училищ, средних и низших учебных заведений [4].

Подводя итог, можно сказать, что в каждом выпуске «кремлевского» периода были выпускники, которые принесли великую пользу Церкви Христовой, Костромской земле, русской науке и державе в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Андронников Н. О.* Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. – Кострома, 1874. – С. 43–47.

2. *Баженов И. В.* Костромской Богоявленско-Анастасиинский женский монастырь. Исторический очерк. – Кострома, 1895. – С. 51–52.

3. *Баженов И. В.* Где помещалась Костромская духовная семинария (Историко-археологический экскурс). – URL: <http://bibl-kostroma.ru/статьи-публикации/баженков-иван-васильевич/и-в-баженков-где-помещалась-костромская/> (дата обращения: 20.09.2021).

4. *Карнаух Д.*, прот. Жизненный путь преподавателя Костромской духовной семинарии Семена Ивановича Ширского // Ипатьевский вестник. – 2021. – № 3(15). – С. 88–116.

5. Костромская духовная семинария. Историческая энциклопедия. – Кострома, 2019. – С. 31, 292, 393, 408, 415.

6. Церковные ведомости. Прибавление к Церковным ведомостям № 34. – СПб., 1895; 2-е полугодие. – С. 1172.

УДК 281.93(092)

Ветелина Лариса Германовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры церковно-исторических дисциплин, Костромская духовная семинария, г. Кострома

Vetelina Larisa Germanovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Church and Historical Disciplines of the Kostroma Theological Seminary, Kostroma

loragerman@rambler.ru

ЖИЗНЬ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ «КОСТРОМСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

THE LIFE OF THE KOSTROMA THEOLOGICAL SEMINARY BASED ON THE MATERIALS OF THE KOSTROMA EPARCHIAL VEDOMOSTI

Статья посвящена дореволюционной истории Костромской духовной семинарии и отражения ее жизнедеятельности в журнале «Костромские епархиальные ведомости». Рассматриваются отдельные публикации журнала, отражающие ее историю, их содержательный характер.

The article is devoted to the pre-revolutionary history of the Kostroma theological seminary and the reflection of its life in the journal "Kostroma eparchial vedomosti". The individual publications of the journal, reflecting its history, their substantive nature is considered.

Духовная семинария, костромские епархиальные ведомости, Костромская епархия, журнал, учащийся, преподаватель семинарии.

Theological seminary, Kostroma diocesan gazette, Kostroma diocese, magazine, student, seminary teacher.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл дал такую характеристику Костромской духовной семинарии: «Духовная семинария в Костроме – это одна из самых старинных наших духовных школ, и тот факт, что сейчас эта школа возрождена, имеет большое значение не только для Костромы и Костромской епархии, но и для всей Русской Православной Церкви».

История Костромской духовной семинарии относится к середине XVIII столетия и связана со следствием преобразований Петра I, когда при епархиях стали возникать духовные учебные заведения. Первая духовная школа в Костромской епархии возникла в 1747 году при Ипатьевском монастыре. Инициатива принадлежала второму Костромскому и Галичскому архиерею – епископу

Сильвестру (Кулябке). Обучающихся было около 20 человек. Она просуществовала недолго, около 3 лет. С переводом Сильвестра в Санкт-Петербург в 1750 г. школа прекратила свое существование.

Следующая попытка создания семинарии относится к 1753–1754 гг. в связи с назначением нового архиерея – епископа Геннадия (Андреевского). Он перевел школу в помещение пустующего Симеоновского монастыря к центру города. 19 октября 1754 года семинария возобновила учебный процесс. Там семинария пробыла до конца 1750-х годов.

В последующие десятилетия происходит окончательное становление костромской духовной семинарии, связанное во многом с деятельностью назначаемых в Костромскую епархию архиепископов и епископов, возглавляющих ее духовную образовательную систему. В истории Костромской духовной семинарии исследователи выделяют несколько периодов: семинария на Запрудне (1760–1813 гг.), семинария в Богоявленском монастыре (1814–1847 гг.), семинария в соборном доме (1847–1866 гг.), семинария на Верхней Набережной (1866–1918 гг.) [1].

С 1885 года при Костромской епархии начинают выходить «Костромские епархиальные ведомости» как ее печатный орган. Журнал отражал жизнь Костромской епархии, выполнял «административно-управленческую и духовно-просветительскую функцию» [2]. Журнал, обращаясь к множественным сторонам жизни Костромской епархии, ярко отражал и жизнь костромской духовной семинарии. По многочисленным публикациям «КЕВ» можно узнать, как о текущей жизни семинарии, начиная от расписания о том, «кому из священнослужителей г. Костромы; наставниковъ семинаріи и училища, въ какой воскресный, праздничный и высокаторжественный день говорить проповѣди слова Божія въ Костромскомъ Кафедральномъ Успенскомъ соборѣ въ 1885 году», и завершая знаковыми событиями в ее жизнедеятельности. По публикациям «Костромских епархиальных ведомостей» можно составить представление о ее истории на рубеже XIX–XX вв. [3].

Так, в сдвоенном № 30-31 за 1885 г. в официальной части помещена информация «От правления Костромского духовного училища. О приемных испытаниях, образец прошения для поступающих», где указаны сроки проведения вступительных экзаменов, список необходимых документов и приведен образец подаваемого прошения [3]. В № 3 за 1886 г. помещено объявление от семинарии о предстоящем служении в семинарском храме епископом Александром на праздник Сретения Господня всеобщего бдения и Божественной литургии.

В журнале публиковались материалы преподавателей и студентов семинарии как на темы внутри семинарской жизни, так и на иные темы. Работы по богословию, катехизации, истории Русской Православной Церкви, современному ее состоянию, проповеди, слова, поучения. «КЕВ» стали ораторской кафедрой, с которой духовенство могло напрямую говорить со своей паствой

как о проблемах современной Церкви, так и о жизни духовной семинарии. В № 2 за 1885 г. содержатся «Заметки по церковному богослужению в недели пригласительные к Великому посту» ректора семинарии архимандрита Иустина, где дается толкование богослужения [3]. Отдельно рассматриваются службы в Неделю мытаря и фарисея, в Неделю блудного сына.

В журнале регулярно публикуется информация о произведении в чины преподавателей семинарии (№ 2 за 1887 г., официальная часть, с. 25–26), уделено внимание текущим проблемам, в частности, проблемам просвещения и образования в Костромском крае. № 3 за 1887 г. содержит такую публикацию, в которой речь идет о невозможности решить проблему открытия образцовой школы при Костромской духовной семинарии по решению Св. Синода, поскольку семинария не располагает свободным зданием, и о попытке решить эту проблему [3]. Помещаются некрологи, поздравления, объявления о различных событиях, происходящих в семинарии, информация об учащих и преподавателях. Так, № 13 за 1887 г. содержит такую информацию, позволяющую четко определить состав учащихся, количество классов, успеваемость [3]. В этом же номере представлена статья воспитанника духовной семинарии А. Панова «Жизнь святого апостола Павла» [3].

В № 18 за 1894 г. (сентябрьский номер) опубликовано «Наставление, сказанное воспитанникам Костромской духовной семинарии на молебне пред началом учения, 24 августа 1894 г.» архимандрита Менандра [3].

Публикации «КЕВ» дают исторически верный и содержательный материал для изучения истории Костромской духовной семинарии и позволяют лучше понять его духовно-содержательный процесс. Показательно, что история Костромской духовной семинарии и издания «Костромских епархиальных ведомостей» трагически прерываются почти одновременно, с небольшой разницей в месяц – с наступлением советской власти и ее нетерпимостью к Православной Церкви.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зонтиков Н. А. Из истории Костромской духовной семинарии: к 270-летию ее основания // Ипатьевский вестник. – 2018. – № 6. – С. 13–20.
2. Ветелина Л. Г. «Костромские Епархиальные ведомости» как летопись духовной жизни Костромского края на рубеже XIX–XX вв. // Историческая память и духовный опыт формирования Российской государственности : сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. (11 сентября 2020 г. г. Кострома). – Кострома : Костром. гос. ун-т, 2020. – С. 23–26.
3. Костромские епархиальные ведомости. 1885–1917 гг.

УДК 281.93 (006.3)

Жигалов Михаил Иванович,
*проректор по воспитательной работе Костромской духовной семинарии,
г. Кострома*

Zhigalov Mikhail Ivanovich,
*vice-rector for educational work of the Kostroma Theological Seminary,
Kostroma*

brfhec2@yandex.ru

**ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН СТЕФАНОВИЧ БЕЛЯЕВ
И ЕГО ТРУД «СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СОБОРОВ
И ЦЕРКВЕЙ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИИ»**

**ARCHPRIEST JOHN STEFANOVICH BELYAEV AND HIS WORK
“STATISTICAL DESCRIPTION OF CATHEDRALS AND CHURCHES
OF THE KOSTROMA DIOCESE”**

В настоящей статье представлено краткое жизнеописание протоиерея Иоанна Стефановича Беляева и дана характеристика его сочинения. Сочинение протоиерея Иоанна Стефановича Беляева, клирика Успенского кафедрального собора г. Костромы «Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющихся по духовному ведомству», издано в 1863 году в г. Санкт-Петербурге. Данный статистический свод представляет собой первую попытку систематизации информации по храмам Костромской губернии и потому является уникальным. В советские годы много церквей утрачено, и потому данный труд является по сути одним из немногих источников исторической информации о многих церквях и монастырях Костромской области, что делает изучение настоящего источника несомненно актуальным.

This article presents a brief biography of Archpriest John Stefanovich Belyaev and gives a description of his work. The work of Archpriest John Stefanovich Belyaev, a cleric of the Assumption Cathedral of Kostroma, “Statistical description of cathedrals and churches of the Kostroma diocese, compiled on the basis of authentic information available on the spiritual department”, was published in 1863 in St. Petersburg. This statistical summary is the first attempt to systematize information on the temples of the Kostroma province and therefore is unique. During the Soviet years, many churches were lost, and therefore this work is in fact one of the few sources of historical information about many churches and monasteries of the Kostroma region, which makes the study of this source undoubtedly relevant.

Протоиерей И. С. Беляев, Костромская духовная семинария, Костромская духовная консистория, Костромская епархия, статистика.

Archpriest I. S. Belyaev, Kostroma Theological Seminary, Kostroma Theological Consistory, Kostroma Diocese, statistics.

Протоиерей Иоанн Стефанович Беляев (1801–1866 гг.) был клириком кафедрального Успенского собора г. Костромы (в Костромском кремле), член Костромской духовной консистории, член Костромского губернского статистического комитета. Он родился в с. Голов Чухломского уезда Костромской губернии, в семье дьячка местной Троицкой церкви Стефана Иванова. В 1818 году Иоанн Беляев заканчивает Солигаличское духовное училище, в 1823 г. – Костромскую духовную семинарию. В 1827 г. в числе 7 академического курса он окончил Санкт-Петербургскую духовную академию с ученой степенью кандидата богословия. Кандидатское сочинение отец Иоанн написал на очень интересную тему: «В каком состоянии Христианская церковь будет находиться пред вторым пришествием Христовым»? [6].

По окончании академии Иоанн Беляев возвращается на родину в Костромскую губернию: он был определен учителем Лухского духовного училища.

В 1829 г. он переезжает в Галич в связи с назначением на должность инспектора (впоследствии смотрителя) Галичского духовного училища, где, в частности, преподавал греческий язык. 1 января 1831 г. он становится священником Спасско-Преображенского собора г. Галича. 1 июля 1833 г. возведен в сан протоиерея. За время служения в Галиче, отец Иоанн нес послушания благочинного, присутствующего Галичского духовного правления, члена Галичского тюремного комитета, цензора проповедей священников Галичского уезда.

С 01.08.1857 года протоиерей Иоанн Беляев переезжает в Кострому, где и становится клириком кафедрального Успенского собора, членом Костромской духовной консистории, членом Костромского губернского статистического комитета. Протоиерей Иоанн Стефанович Беляев умер 16.02.1866 г. и был похоронен в Сергиевском приделе Богоявленского кафедрального собора г. Кострома (на территории Костромского кремля) [3].

Перу протоиерея Иоанна Стефановича Беляева принадлежит сочинение «Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющих по духовному ведомству» [2]. Именно в костромской период жизни о. Иоанна (1857–1862 гг.) идет работа данным научным трудом. Возможно, что данное сочинение было создано целым коллективом авторов – сотрудников Костромской духовной консистории. Но общую редакцию, проверку данных и вычитку текста, очевидно, проводил сам прот. Иоанн Беляев. Однако именно имя о. Иоанна история сохранила в качестве автора указанного труда. Сочинение было дозволено к печати цензурой 12 октября 1862 г. и было издано в 1863 году в Санкт-Петербурге в типографии Почтового департамента.

Данный статистический свод представляет собой первую попытку систематизации информации по храмам Костромской губернии и потому является уникальным. В советские годы много церквей было утрачено, и потому данный труд является по сути одним из немногих источников исторической информации о многих церквях и монастырях Костромской области.

Создание статистического свода всех соборов и церквей в Костромской епархии было необходимо в силу определенных причин.

Во-первых, в период конца XVIII первой половины XIX веков обусловлен бурным ростом каменного храмового строительства в Костромской губернии. Это было обусловлено тем, что в именно к XIX веку стали ветхими распространенные ранее в губернии деревянные храмы.

Во-вторых, в XVIII веке Костромская земля переживает изменения в административно-территориальном устройстве. 29 мая 1719 года создана Костромская провинция в Московской губернии и Галицкая провинция в Архангелогородской губернии. 6 марта 1778 года из этих двух провинций было создано Костромское наместничество, которое 12 декабря 1796 года было преобразовано в Костромскую губернию. В результате образуются новые административные центры, и как следствие на территории Костромской губернии образуется много новых приходов, что придало толчок храмовому строительству. Так, к концу XVII века в Костромском уезде (провинции) насчитывалось 513 приходов и в Галицком – 312 (всего 825), то к началу XX века в губернии было 1230 приходов [7] (см. табл.). Очевидно, что рост приходов составил почти 50 %.

Таблица

Количество храмов Костромской губернии по уездам на 1917 г.

Уезд	Всего храмов*	Из них действующих на 2010 г.	Утраченных	% утраченных
Буйский	56	17	13	23
Варнавинский	65	7	44	68
Ветлужский	60	12	32	53
Галичский	132	11	43	33
Кинешемский	110	33	42	38
Кологривский	65	16	17	26
Костромской	199	52	100	50
Макарьевский	119	37	52	44
Нерехтский	177	50	44	24
Солигаличский	66	10	18	2
Чухломский	66	11	15	23
Юрьеvecкий	115	32	53	46
Всего	1230	288	473	38

Примечание. * – количество сохранившихся, но заброшенных церквей Костромской губернии можно оценить так:

$$1230 - 288 - 473 = 469 (38 \%).$$

В-третьих, стали появляться новые, более дешевые, а следовательно, более массовые строительные материалы. Так если в конце XVII века при строительстве каменных храмов в качестве связующего элемента использовали рас-

твор извести на куриных яйцах, то конце начале XIX веков стал использоваться первые варианты цементного раствора.

В-четвертых, история Костромы напрямую связана с пожарами. За свою многовековую историю город выгорал полностью 14 раз. Очевидно, что пассивной формой защиты от пожаров стало строительство каменных храмов.

Видовая принадлежность источника. Из названия анализируемого сочинения можно четко определить вид данного источника: «Статистическое описание... составленное на основании подлинных сведений, имеющихся по духовному ведомству». Если применять классификацию А. С. Лаппо-Данилевского [4, с. 19], то источник можно охарактеризовать как источник, изображающий факт (остатки самого события: вещественные памятники и юридические акты), так как в основе сочинения лежат конкретные подлинные документы. По классификации С. М. Каштанова (по способу фиксации информации), настоящий источник относится к документальным.

Источники также могут быть классифицированы: а) по цели создания (намеренные и ненамеренные свидетельства); б) по степени близости источника к произошедшему событию (прямые свидетельства и свидетельства, записанные с чужих слов, на основе других источников). По данной классификации данное сочинение квалифицируется как намеренное, прямое свидетельство [5].

Анализ содержания источника. Сочинение прот. Иоанна Беляева было издано в 2 томах. В основу систематизации объектов (храмов и монастырей) положен административно-территориальный принцип: информация представлена по уездам и городам – уездным центрам. Тогда Костромская губерния состояла из 12 уездов.

1. В г. Костроме и Костромском уезде описано 145 церквей (включая заштатный город Судиславль).

2. В г. Галиче и Галичском уезде описано 104 церкви.

3. В г. Кинешме и Кинешемском уезде описано 79 церквей.

4. В г. Нерехте и Нерехтском уезде описано 147 церквей (включая заштатный г. Плес).

5. В Юрьевце и Юрьевецком уезде описано 75 церквей (включая заштатный г. Лух и Посад Пучеж).

6. В г. Буре и Буйском уезде описано 42 церкви.

7. В г. Чухломе и Чухломском уезде 49 церквей.

8. В г. Солигаличе и Солигаличском уезде описано 43 церкви.

9. В г. Кологриве и Кологривском уезде описано 40 церквей.

10. В г. Макарьеве и Макарьевском уезде описано 66 церквей.

11. В г. Ветлуге и Ветлужском уезде описано 29 церквей.

12. В г. Варнавине и Варнавинском уезде описано 24 церкви.

Информация о каждом уезде также построена по определенному плану. Традиционно открывает список соборный храм, а в случае г. Костромы – Кафедральный Успенский собор Костромского кремля. Следом идет описание приходских городских церквей, а также церквей, не имеющие причтов и прихо-

дов (кладбищенские и придворные церкви). Далее идет описание соборов и церквей заштатных городов.

Особым блоком следует выделить сельские церкви, в систематизации информации, о которых положен не административно-территориальный принцип, а присвоенный каждому приходу класс, в соответствии с которым церковный причт получал денежные оклады (содержание). Так все церкви были разделены на 7 классов.

Определенным образом построено и описание каждого храма. В начале статистической справки идет краткое архитектурное и историческое описание. Затем количество приделов (если таковые имеются) и святые, которым посвящены престолы. Продолжает справку о храме информация о клире (причте): сколько и в каком сане положено священно- и церковнослужителей в соответствии с утвержденными штатами, и количество клира сверх штатов.

Особое место в структуре статистической справки занимает информация об экономических параметрах деятельности приходов: размер жалования штатному причту; проценты с капитала, внесенные жертвователями на счет прихода в государственные кредитные учреждения; количество земли (пашня, сенокосная земля и т. д.).

Поскольку в Российской империи низовым элементом административного деления, по сути, был приход, то в справку также включена информация о количестве населения в приходе и о количестве приходских селений. В завершении справки по сельским храмам указывается расстояние до г. Костромы как губернского центра, до уездного центра и до ближайших приходских церквей.

По сути, труд протоиерея Иоанна Беляева в Костромской губернии был первым в своем роде и долго оставался единственным. Только спустя полвека в 1911 году вышла в свет книга «Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии» [1], изданная под редакцией выдающегося церковного историка, краеведа и публициста, преподавателя Костромской духовной семинарии Ивана Васильевича Баженова (1854–1920 гг.). Однако издание 1911 года имеет своим фундаментом труд, созданный прот. Иоанном Беляевым в 1863 году.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Баженов И. В.* Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. – Кострома, 1911. – 407 с.

2. *Беляев И. С.*, прот. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии, составленное на основании подлинных сведений, имеющих по духовному ведомству. – СПб., 1863. – 358 с.

3. Костромская духовная семинария. Историческая энциклопедия / под общ. ред. митрополита Костромского и Нерехтского Ферапонта. – Кострома : Костромская духовная семинария, 2019. – 848 с.

4. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории : в 2 т. – М., 2010. – Т. 2.

5. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – М., 2014. – 580 с.

6. Резепин П. П. Костромской некрополь. Второй Кремль // Светочъ : альманах. – 2018. – Вып. 8. – С. 60–81.

7. Православные храмы Костромской губернии. – URL: <http://www.old-churches.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 271.2

Игумен Антоний (Бутин Андрей Юрьевич),
*магистр истории, аспирант МГУ, магистрант, Минская духовная академия,
преподаватель Костромской духовной семинарии,
г. Кострома*

Higumen Anthony (Butin Andrey Yurievich),
*master of history, graduate student of Moscow State University, undergraduate,
Minsk Theological Academy, teacher of Kostroma Theological Seminary, Kostroma*

igumenantony@mail.ru

НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ СВЯЩЕННИКА-КРАЕВЕДА М. Я. ДИЕВА

NUMISMATIC COLLECTION OF THE LOCAL HISTORIAN M. YA. DIEV

В статье рассматриваются причины, побудившие нерехтского сельского ученого священника собирать древние монеты. На основании эпистолярного наследия определяется состав нумизматической коллекции М. Я. Диева, приводятся его исследовательские доводы относительно некоторых редких нумизматических экземпляров, выдвигается предположение о возможной судьбе этого уникального собрания древних монет.

The article examines the reasons that prompted the Nerekhta rural scientist priest to collect ancient coins. Based on the epistolary heritage determines the composition of M. Diev's numismatic collection, provides his research arguments regarding some rare numismatic specimens, and suggests the possible fate of this unique collection of ancient coins.

Протоиерей М. Диев, профессор И. Снегирев, Историческое общество, древние монеты, коллекция.

Archpriest M. Diev, Professor I. Snegirev, Historical Society, ancient coins, collection.

Известный нерехтский ученый краевед историк и этнограф протоиерей Михаил Яковлевич Диев был еще и собирателем разных коллекций. Он собирал старинные грамоты, рукописи, старопечатные книги и старинные монеты.

Будучи автором многих исторических и этнографических научных статей, он не был осчастливлен широкими публикационными изданиями своих работ. В большинстве своем труды костромского провинциального ученого остались в рукописях, и даже серьезные работы о. Михаила, ставшие для него судьбоносными, до сих пор недоступны для широкого круга читателей и хранятся в разных архивохранилищах нашей страны.

Неизвестной остается и судьба нумизматического собрания провинциального ученого-священника [4]. Из сохранившейся переписки можно выявить, какие нумизматические редкости составляли эту коллекцию.

Вероятно, начало нумизматического собрания протоиерея Диева было положено сотрудничеством с Московским Обществом Истории и Древностей Российских, образованном при Московском Императорском университете. У сельского священника, служившего под Нерехтой, завязалась дружба и активная переписка с секретарем исторического общества профессором Иваном Михайловичем Снегиревым.

В письме Снегиреву от 1 марта 1830 г. о. Михаил пишет: «Почитая единственною целию желаний в тесном кругу моем оправдать внимание достопочтеннейшего Общества (ОИДР. – *Прим. автора*), всем что только могу, собрал я, кроме иностранных и сибирских монет, несколько древних наших русских; в числе их одна серебрянная с надписью: Царь и великий князь Владислав Сигимондович. Есть у меня в виду умножить еще небольшую мою коллекцию по части нумизматической; по замечанию моему в руках простого народа есть много сокровищ, которые извлечь одно единственное время может, и кои по неведению иногда гибнут; простой народ часто находит на своих пашнях древние монеты и, не зная куда употребить, продает их серебрянникам» [1].

Об упомянутой монете и своем нумизматическом собрании Диев сообщает инспектору Костромской семинарии А. А. Горскому: «На сих днях я собрал несколько серебряных полушек, между ними одна имеет надпись «царь и вел(икий) князь Владислав Сигимондович». Полагаю, что последняя довольно редкая» [3].

Нумизматическая коллекция, очевидно, быстро пополнялась интересными экспонатами, которые доставляли своему любознательному пастырю окрестные крестьяне. В письме от 1 августа того же года о. Михаил сообщает московскому профессору: «В числе монет, собранных мною, находится у меня пятак 1723 г., о котором напечатано в части IV кн. 1 «Трудов Летописей Общества Истории и Древностей Российских». Точно ли такой был потерян у г. соревнователя Еремеева, не знаю, потому что печатного рисунка доселе я не видал. Ежели мой пятак различен от пятикопеечника г. Еремеева, то последний, вероятно, был отделан для пробы, ибо у меня есть до семи следующих годов такого же вида, как и пятак 1723 г. Собранные мною монеты стоят ли внимания почтеннейшего Общества, не знаю; для сего почел я за нужное при сем приложить список оным прежде, нежели представлю самые монеты» [2].

В ответе на это письмо И. М. Снегирев прилагает рисунок монеты, которая заинтересовала о. Михаила, и он 20 сентября продолжает поднятую тему: «Чрезвычайно благодарен Вам, милостивый государь мой, за доставление рисунка пятикопеечника 1723 г., утраченного г. Еремеевым. Мой пятикопеечник

другого вида. На одной стороне представлен четвероконечный крест, в нем слова: пять копеек 1723 г., а на другой небольшой двуглавый орел, по сторонам с 5 точками. Недавно мне случилось читать указ Петра Великого, изданный в том 1723 г., коим велено формами теснить деньги. А потому заключаю, что пятикопеечник г. Еремеева отделан для пробы. Собранные мною монеты не премину представить в скором времени в почтеннейшее Общество посредством Юрия Никитича Бартенева (директор костромских училищ любитель истории, умевший своей краеведческой увлеченностью заразить всех окружающих)» [2].

О размере коллекции монет, собранных Диевым за непродолжительное время, можно судить из его письма от 3 октября 1831 г.: «Моя коллекция монет довольно умножилась после того времени, как я имел честь представить Вам реестр. Начиная с Донского, у меня находятся монеты почти всех великих князей и царей, кроме Самозванца. Его высокопреподобие (ректор костромской духовной семинарии архимандрит Афанасий) подарил мне довольно редких монет, в том числе Дмитрия Шемяки и Ивана Андреевича Можайского, друга первому. На сих днях собираюсь съездить в посад Большие Соли, где при рытии гряд нашли более 600 монет. Надеюсь, из медных монет, найденных Павлом Петровичем г. Свиным (издатель журнала «Отечественные записки») реке Чельсме близ Галича, несколько получить посредством буевского любителя древностей Кострова (священник Семен Васильевич Костров – родственник М. Диева, свояк, супруг сестры жены): но они каких времен не имею сведения» [2].

Коллекция пополнялась помимо случайных находок в земле, в размывах берегов рек, еще и посредством взаимобмена и дарений среди коллекционеров. «Старые деньги польские» подарил о. Михаилу П. П. Свиным, очевидно, по ходатайству С. В. Кострова [3].

Сохранился реестр нумизматического собрания М.Я. Диева, написанный рукой хозяина: «Список монетам, собранным сорежателем Диевым: серебряных: две деньги, московская и псковская; с подписью князь великий государь всея Руси; 4 великого князя Иоанна Васильевича; 3 царя Иоанна Васильевича; 2 царя Бориса Федоровича; 1 Владислава Сигимондовича; 7 царя Михаила Федоровича; 2 царя Алексея Михайловича; 1 царя Федора Алексеевича; 7 царя Петра Алексеевича, одна с надписью (1701), а другая (1704); 1 алтын 1704 года; 6 сомнительных, на одной птица с распростертыми крыльями; 1 татарская; 1 жетон императора Павла I; 2 ливонских; бронзовые: два жетона, один Людовика XV, а другой Людовика XVI; медные: одна мелкая продолговатая монета царя Алексея Михайловича; 1 копейка 1701 года; 1 – 1703; 1 – 1705; 1 – 1707; 1 – 1708; 1 – 1710; 2 – 1711; 2 – 1712; 3 – 1715; 1 деньга 1700 года; 3 – 1704; 1 – 1706; 1 – 1707; 1 – 1709; 1 – 1712; 1 полушка 1702; пять мелких полушек, простым народом называемых полуполушками, одна с надписью (1719), а другая 1720; 1 пять копеек 1723 года; 1 – 1725; 3 – 1727; 2 – 1729; 2 – 1730; десять копеек 1762 года, на одной стороне российский герб, а на другой арматура; четыре копейки 1762 года такого же вида, как и десятикопеечник; копейка 1755 года, величиной с большой грош, на другой стороне портрет императрицы Елизаветы Петровны с надписью Елизавет Императрица] Всероссийская], по краям: С-Петербургского монетного двора; копейка 1755 же года, такой же величины, но без портрета и сих слов; сибирских медных

монет: 1 десять копеек 1770 года; 10 пятаков разных годов; 15 двукопеечных разных же годов; 1 деньга 1769 года; старого достоинства пятирублевая ассигнация 1811 года; медные иностранные: 2 татарские с большой пятак; 1 татарская величиной с копейку; 1 молдавская пара 3 копейки; 1 грузинская; 2 английские; 1 австрийская Марии Терезии; 1 португальская; 12 шведских; 4 прусских; 4 иностранных, но каких государств, разобрать не могу» [3].

Судьба этой коллекции осталась неизвестной. Возможно, собиратель передал все свое собрание монет в Историческое Общество, как он обещал в письмах Снегиреву. Но после 1831 г. о. Михаил о коллекции монет в своих письмах больше не упоминал, и никаких сведений о ней не оставил.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Материалы для истории Императорского Общества Истории и древностей российских. Переписка господ действительных членов (1830–1876). Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к Ивану Михайловичу Снегиреву. 1830–1857. – 1887. – 116 с.

2. Переписка Диева с разными лицами. Т. 1 // ОР РНБ. – Ф. 775 (Собрания А. А. Титова). – № 4002.

3. Собрание сочинений М. Диева. Т. 1 // ОР РНБ. – Ф. 775 (Собрания А. А. Титова). – № 4006.

4. *Шутилов А. Д.* Русская провинциальная историография XIX – начала XX вв. Костромская школа. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 544 с.

УДК 908

*Рудацкая Любовь Николаевна,
ассистент, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Rudatskaya Lyubov Nikolaevna,
assistant, Kostroma State University, Kostroma*

x6622x@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ КОЛОКОЛЬНЫХ НАБОРОВ БОГОЯВЛЕНСКОГО СОБОРА КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ

FROM THE HISTORY OF THE BELL SETS OF THE EPIPHANY CATHEDRAL OF THE KOSTROMA KREMLIN

В статье приведено краткое описание имевшихся на колокольне Костромского кремля колокольных наборов. Автор рассматривает источники финансирования количество и вес колоколов. Описание охватывает период с первой трети XVII по начало XXI века.

This article discusses the set of bells on the bell tower of the Kostroma kremlin. The author describes the sources of financing, the number and weight of the bells. The description covers the period from the first third of the 17th century to the beginning of the 21st century.

Костромской кремль, колокола, колоколотейный завод, изъятие ценностей.

Kostroma Kremlin, bells, bell casting plant, confiscation of valuables.

Согласно многочисленным устным преданиям и письменным воспоминаниям колокольный набор Костромского кремля являлся гордостью местных жителей. Костромичи восхищались и размерами благовестников, и числом колоколов в наборе, и, согласно очерку костромского краеведа Андрея Анохина, их звучанием «которому всегда с удовольствием внимают даже привычные жители Костромы» [1].

Краткий историографический обзор позволяет сделать вывод, что в период XVII–первой четверти XX веков существовало 2 колокольных набора. Первый из них сформировался еще в первой трети XVII века и просуществовал до 1773 года. Второй стал формироваться в конце XVIII века и был снят с соборной колокольни в 30-е годы XX века.

О начале формирования первого колокольного набора позволяет судить писцовая книга города Костромы. Из нее мы узнаем о том факте, что Михаил Федорович Романов в 1628 г. в качестве подарка направляет два колокола [3]. Один из них заменил часовой колокол, поврежденный при осаде Ипатьевского монастыря войсками поляков. Другой, весом в 200 пудов, был размещен на колокольне церкви Похвалы Пресвятой Богородицы Костромского кремля. Помимо большого благовестника на шатровой деревянной колокольне размещались колокола в 24 и 15 пудов, и 2 пары колоколов по 8 и 4 соответственно. Эти 7 колоколов были утеряны в связи с пожаром 1773 года [2]. При этом стоит отметить, что в некоторых очерках упоминаются не только названные нами выше, но и позднейшие колокола, вес самого большого из которых составлял 1000 пудов [7].

Подробное описание второго кремлевского колокольного набора содержится в другом очерке, напечатанном в 1885 году в «Костромских епархиальных ведомостях», автором которого протоиерей Иоанн Поспелов [7]. Автор сообщает о том, что в конце XVIII века колокольню при Богоявленском соборе Костромского кремля заполняли 11 колоколов общим весом в 2400 пудов, что делало этот набор самым крупным в Костромской епархии. При этом больший благовестник весом в 1160 пудов был перелит на пожертвования костромского купца Косьмы Ивановича Углечанинова из 1000-пудовика, пострадавшего при пожаре 1773 года. Второй по величине, так называемый полиелейный колокол, весил 500 пудов. Кроме этого, упоминаются колокола в 200 и 100 пудов. Особый интерес представляет третий 300-пудовый благовестник, который по заказу местного купца Василия Алексеевича Дурыгина был отлит на костромском колоколотейном заводе. Можно предположить, что указанный колокол был отлит на производстве, основанном в 1789 году Алексеем Григорьевичем Синцовым [4]. Располагалось это производство в районе современного завода Краси-

на в Костроме. В 10–20-е годы XIX века (как раз предположительное время отливки 300-пудовика) стали периодом перехода производства от купца Синцова к купцу Петру Сергеевичу Денисову. Однако точное время продажи завода по имеющимся документам пока установить не удалось.

Судьба второго колокольного набора также печальна. В том же 1929 году распоряжением Главнауки РСФСР исполнительным комитетам предписывалось соблюдать порядок при реализации имущества в молитвенных зданиях, но несмотря на это снятие колоколов и отправление их на переплавку приобретают массовый характер [5]. Главным лозунгом для разрушения колоколен становится лозунг «Колокола – на социальное строительство». Общим результатом антиколокольной кампании 1929 года становится то, что два вагона (42 колокола) были отправлены на Кольчугинский завод цветных металлов [6]. В том числе был снят большой благовестный колокол с Костромского кафедрального собора и перелит на Тульском литейном заводе.

Третий колокольный набор Костромского кремля относится уже к современной истории. 18 колоколов были отлиты на производстве Владимира Шувалова в Тутаеве и доставлены в Кострому в марте 2018 года. Самый большой колокол набора весит 1000 пудов, повторяя, таким образом, вес своих предшественников. На производстве также работали над повторением профилей колоколов, что важно для их звучания. К тому же колокола подобраны так, что на них можно воспроизвести тему «Славься» из оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя» – ту же, что звучала на кремлевских курантах до революции Единственное, что не удалось повторить – это их убранство (иконы, орнаменты, надписи) были созданы заново, так как имеющиеся изображения не позволяют точно воссоздать их исторический облик.

Завершая свое выступление, хотелось бы отметить, что современный набор, также как и его предшественник в позапрошлом столетии привлекает слушателей. Подтверждением тому служит наш фестиваль колокольных звонов «Русский характер», который уже четвертый год собирает слушателей на колокольные концерты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Анохин А.* Звоны над городом. – URL: <http://starina44.ru/a-a-anokhin-zvony-nad-gorodom> (дата обращения: 03.09.2021).

2. *Баженов И. В.* Костромской кремль. Историко-археологический очерк. – URL: <https://kostromka.ru/bazhenov/kremlin.php> (дата обращения: 03.09.2021).

3. *Брюсова В. Г.* Ипатьевский монастырь. – Ярославль, 1968. 103 с.

4. Государственный архив Костромской области. – Ф. 133, оп. 1, д. 1609, д. 20 об. 21.

5. Государственный архив Костромской области. – Ф. 1538, оп. 22, д. 199, л. 394.

6. Два вагона колоколов (об отправке колоколов из Костромы на Кольчугинский завод) // Северная правда. – 1929. – 29 дек.

7. *Поспелов И.*, прот. Теплый Богоявленский собор при костромском кафедральном Успенском соборе. Костромской кремль : сб. материалов / сост. А. В. Семенова. – Кострома : Костромская епархия Русской Православной Церкви, 2018. – 552 с.

УДК 340

Пуцин Арсений Игоревич,
*студент, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Puschin Arsenii Igorevich
Student, Saint Petersburg State University, St. Petersburg

arsenypushchin@gmail.com

СОБОРНОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ИДЕАЛЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

CONCILIARITY AND JUSTICE AS THE IDEALS OF RUSSIAN STATEHOOD

В статье рассматриваются понятия «соборность» и «справедливость» в контексте рассуждения о российской государственности, которую автор представляет в качестве длящегося исторического процесса. Делается вывод, что соборность – это свойство государствообразующего русского народа, заключающееся в духовном (не обязательно религиозном) единстве его представителей. Народы, сопредельные с государствообразующим, со временем также перенимают данное свойство, что обеспечивает возможность общественной интеграции и государственного строительства. Конечную цель этого процесса автор видит в построении общества справедливости, в котором личность не будет подавляться большинством, а только усилится в межчеловеческом духовном и телесном «многоединстве».

The article examines the concepts of “conciliarity” and “justice” in the context of reasoning about Russian statehood, which the author presents as a continuing historical process. The conclusion is made that conciliarity is a property of the state-forming Russian people, consisting in the spiritual (not necessarily religious) unity of its representatives. The peoples adjacent to the state-forming one also adopts this property over time, which provides an opportunity for social integration and state-building. The author sees the ultimate goal of this process in building a society of justice in which the individual will not be suppressed by the majority, but will only strengthen in the interhuman spiritual and bodily “multi-unity”.

Соборность, справедливость, российская государственность, общество справедливости, духовное единство.

Sobornost, justice, Russian statehood, justice society, spiritual unity.

26 декабря 2021 года исполнится ровно 30 лет с момента распада СССР. Экономические, социальные и культурные достижения ушедшей советской эпохи неоспоримы, и современная Российская Федерация строится на этом фундаменте, перенимая положительный опыт прошлого и стремясь избежать его ошибок. Подобным образом и Советский Союз возник на останках Российской империи и вскоре объединил ее разрозненные осколки. Российская империя также имела своего исторического предшественника – Московское государство, которое, в свою очередь, вобрало в себя множество княжеств, оставшихся после исчезновения Древней Руси. Такой обширный перечень государственных образований, составляющий историю России, отнюдь не является аргументом к ложному выводу о недолговечности и ненадежности власти и закона в нашем обществе – наоборот, он свидетельствует о необычайно упорном стремлении русского народа, испокон веков проживавшего на данных территориях, к объединению, государственному строительству и вовлечению в этот процесс сопредельных с ним этносов. Недаром даже в Конституции после внесения поправок была отмечена особая роль русского народа как государствообразующего.

Отсюда возникает вопрос о причине такого упорства, об основании, благодаря которому российская государственность, несмотря на множественные изменения в экономике, политике, культуре и общественной жизни, сохраняется и развивается уже более тысячелетия. Вряд ли таковым основанием можно считать классовое сознание, поскольку данное явление отлично для каждого класса и не способно обеспечить интеграцию общества, необходимую для продуктивного государственного строительства, не приводя при этом к диктатуре того или иного класса. Кроме того, сформировавшееся некогда в среде пролетариата позитивное классовое сознание – это результат распространения марксистского учения, детище советской эпохи, которое просто не могло оказывать такого существенного влияния на более ранние этапы русской истории. Более продуктивным представляется обратиться к достижениям политико-правовой и философской мысли Российской империи, вобравшей и развившей наиболее значимые учения предшествующих периодов. На ум сразу приходит Теория официальной народности С. С. Уварова, кратко выраженная им в виде знаменитой триады: «Православие, Самодержавие, Народность» [9, с. 70]. Однако если применительно к императорской России данное учение можно признать верным, то при попытке распространить его на всю нашу государственность в ее историческом развитии возникают неминуемые противоречия. Самодержавие, которое С. С. Уваров понимал исключительно как абсолютную монархию и, более того, отождествлял с личностью Николая I [2, с. 8–9], невозможно назвать обязательной чертой российской власти, подтверждением чему служат Советский Союз и современная Российская Федерация. Не является обязательным элементом и Православие, утратившее значительную долю авторитета и влияния на государственную власть и население в советский период. Остается последний «столп» российской государственности – Народность, т. е. полное духовное единение народа как внутри себя, так и снаружи: с царем

и церковью. Но поскольку ранее уже был сделан вывод о том, что царская власть и церковный авторитет не являются строго обязательными для исторического развития России, логически следует утверждение, что искомым основанием российской государственности является некая черта русского (государствообразующего) народа, которая обеспечивает необычайную степень интеграции общества и тем самым выступает нашим конкурентным преимуществом в мировом историческом процессе.

Может последовать замечание, что любому народу присуще стремление к объединению для достижения общего блага. Это утверждение, хотя и верное, представляется излишним упрощением. Западная цивилизация более склонна к индивидуализму, что позволяет обеспечивать широкую свободу развития каждой отдельной личности; на Востоке господствует коллективизм, дающий возможность привлекать гигантские трудовые ресурсы для социально важных проектов. Коллективизм (общинность) представляет собой органическое, но не духовное единство, осознание людьми потребности друг в друге для достижения общего интереса (производственного, культурного и т. д.), что влечет приоритет общества над личностью. Русская крестьянская община же, как следует из трудов славянофилов, явление более высокого, духовного порядка, в основе взаимодействия ее членов лежит свойство соборности [1, с. 74–75].

Термин «соборность» в русской философии имеет два основных значения: богословское и социально-философское. А. С. Хомяков, который впервые ввел его в научный оборот, рассматривал соборность как интегрирующее свойство Православной церкви: коротко его можно сформулировать как «основанный на взаимной любви синтез личной свободы и единства целого» [7, с. 64]. При этом любовь А. С. Хомяков видел следствием разлитой повсюду «божественной благодати», а свободу находил не в независимости личности от воли коллектива, а в возможности индивидуального обращения к Богу. Находясь под некоторым влиянием его трудов, другие религиозные философы (С. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков) рассматривали церковь как объективную реальность, мало зависящую от воли и сознания человека и необходимую для «богочеловеческого» общения («единство по благодати Божией, а не по человеческому установлению»), однако при этом, как отмечает Е. В. Тимошина, они излишне упростили первоначальную категорию соборности, по сути, исключив из нее церковную составляющую, и низвели ее до общинности (коллективизма) [7, с. 65–66].

Не выходя за рамки религиозно-философской парадигмы, С. Л. Франк видел соборность в ином значении: как особый способ бытия русского народа, заключающийся в осознании необходимости общины не просто как привычного органического целого, но как духовного «многоединства» общности индивидов, в котором отдельные личности не подавляются волей большинства, а усиливаются благодаря ей [8, с. 47]. Соборность, по мнению мыслителя, является идеальным принципом развитого intersубъективного общения [10, с. 94] и, следовательно, фундаментом русской общины и необходимой основой российской государственности. При этом, в отличие от ранних славянофилов, С. Л. Франк видит в соборности свойство не религиозного, а еще более высоко-

го, духовного единения народа, в то время как существующая («видимая») церковь для него – это далекий от совершенства социальный институт, который по своей природе представляет собой лишь «видимое общение» [8, с. 63]. Следует признать, что такое понимание соборности наиболее близко с первоначальным значением, предложенным А. С. Хомяковым, и в каком-то смысле является его развитием.

Можно сделать вывод, что причиной возникновения и основанием российской государственности является соборность русского народа, его необычайное единство, берущее начало не только из общности исторической судьбы и схожести условий ведения хозяйства и быта, но и из глубокого духовного родства всей нации: «Всякое умаление действия соборности, всякий отрыв от нее испытывается личностью как умаление и обеднение ее самой, как лишение» [8, с. 61]. Не вполне верным будет возражение о том, что жители современной России утратили свойство соборности: наблюдаемая атомизация общества (как следствие, в том числе, развития информационных технологий и агрессивной экспансии западной культуры) является разрушением (обратимым!) лишь внешней сферы межчеловеческого общения – коллективного взаимодействия или, как его называл С. Л. Франк, «общественности». Духовное единство народа, т. е. соборность, сохраняется, свидетельствами чему могут послужить быстро растущее волонтерское движение и многомиллионные шествия участников акции «Бессмертный полк».

Но, как у нашей государственности есть причина, так у нее должна быть и цель – идеал, к которому Россия будет стремиться, и более того, стремиться с самого своего зарождения! Таким идеалом представляется построение совершенного общества – общества справедливости. В узком смысле справедливость может быть сведена к моральной или правовой соразмерности наказания или поощрения «действительным свойствам и деяниям людей» [3, с. 245], однако ее содержание субъективно и может варьироваться в зависимости от исторической эпохи, государственного и общественного строя и множества других факторов. Объективный же идеал справедливости «вытекает из двоякого естественного стремления человека – сделаться самостоятельной личностью, став, в то же время, частью какого-нибудь большого (общественного) целого» [4, с. 135]. Так, В. Ю. Сурков в одном из своих публичных выступлений сделал вывод, что русская культура – это и есть основанное на особом национальном понимании справедливости «восприятие целого», совместное духовное постижение Высшей истины [6, с. 94–96]. Русская культура идеалистична, интуитивна, а потому находится в конфликте с рациональностью Запада [5, с. 77]. Это, однако, не должно служить поводом для построения опасных шовинистических идей о «превосходстве» или, наоборот, «ущербности» русского народа в сравнении с остальными: как уже говорилось ранее, каждая цивилизация обладает своими неповторимыми особенностями, выступающими как преимуществами, так и недостатками.

В действительности, вытекающее из духовного единства (соборности) стремление создать общество справедливости – это норма русского бытия. Это

ось, на которой исторически строится вся российская государственность, поскольку данный вектор развития со временем перенимают сопредельные с государствообразующими народами, образуя единую многонациональную державу. Историческую роль основной для русских религии – Православия – в данном процессе трудно переоценить, но в то же время необходимо отметить, что придание ему чрезмерно большого значения может быть опасно в условиях многоконфессиональной страны и противоречит не только Конституции, но и здравому смыслу. Единство даже не русского, а российского народа основано на крепкой духовной связи, а религию следует рассматривать лишь как внешний атрибут, как среду духовной коммуникации, которая способна объединить людей и направить их для достижения истинной цели нашей государственности – создания общества всеобщей справедливости, в котором личность не будет подавляться большинством, а только усилится в межличностном духовном и телесном «многоединстве».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бармашова Т. И., Ломанов П. В. Понятие «соборность» в русской философии // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2020. – Вып. 1. – С. 73–80.
2. Заболотная А. С. Теория официальной народности как идейно-теоретическое и философско-правовое обоснование самодержавия в России // Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 4. – С. 2–12.
3. Ильин И. А. Теория права и государства : сб. науч. тр. – М. : Зерцало-М, 2014. – 552 с.
4. Клименко Т. М. Справедливость как принцип права // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 1. – С. 135–137.
5. Моисеенко М. В. Философия культуры И.А. Ильина // Вестник РУДН, сер. Философия. – 2003. – № 1. – С. 76–82.
6. Сурков В. Ю. Русская политическая культура. Взгляд из утопии // Вестник российской нации. – 2008. – № 1. – С. 91–109.
7. Тимошина Е. В. История правовых и политических учений России (первая половина XIX в.) : учебное пособие для обучающихся по образовательной программе бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция». – СПб. : ЛЕМА, 2014. – 70 с.
8. Франк С. Л. Духовные основы общества : сбк. – М. : Республика, 1992. – 510 с.
9. Шевченко М. М. Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 68–78.
10. Ягубова С. Я. Категория «соборность» в философской антропологии С. Л. Франка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2008. – Т. 2, № 2. – С. 90–98.

Роганова Алена Игоревна,
*магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

Roganova Alyona Igorevna
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

belochka1289@mail.ru

Плюснина Ольга Витальевна,
*кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома*

Plyusnina Olga Vitalievna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University, Kostroma

o_plusnina@ksu.edu.ru

**ВОЗРОЖДАЯ УТРАЧЕННОЕ:
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

**REVIVING THE LOST:
IMPROVEMENT OF LEGISLATION REGARDING THE REGULATION
OF THE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS**

Статья посвящена перспективам взаимовыгодного сотрудничества государства и частных инвесторов в восстановлении объектов культурного наследия, связанным с принятием федерального закона о внесении изменений в закон об объектах культурного наследия.

The article is devoted to the prospects of mutually beneficial cooperation between the state and private investors in the restoration of cultural heritage objects associated with the adoption of the federal law on amendments to the law on cultural heritage objects.

Археология, градостроение, законодательство, конституция, культурные объекты, культурные ценности, правовой режим.

Archaeology, urban planning, legislation, constitution, cultural objects, cultural values, legal regime.

В соответствии со ст. 44 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Каждый обязан заботиться

о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» [1].

В рамках реализации данных конституционных принципов 25 июня 2002 г. был принят Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН) [2], определивший основы государственной политики в сфере охраны объектов культурного наследия и имущественных отношений, касающихся указанных объектов.

Ядром регулируемых приведенным законом отношений являются: обеспечение сохранности объектов культурного наследия и правила их гражданского оборота.

В соответствии с нормами указанного Федерального закона (ст. 34), действующими и в настоящее время, с целью охраны объектов культурного наследия должны создаваться зоны охраны, включающие в себя: охранную зону, зону регулирования застройки и хозяйственной деятельности, а также зону охраняемого природного ландшафта. Необходимый состав зон охраны объекта культурного наследия определяется проектом зон охраны объекта культурного наследия.

Каждая из этих зон имеет свой правовой режим, в частности:

Охранная зона – это территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

Зоной регулирования застройки и хозяйственной деятельности является территория, в пределах которой устанавливается режим использования земель, ограничивающий строительство и хозяйственную деятельность, определяются требования к реконструкции существующих зданий и сооружений.

Зона охраняемого природного ландшафта определяется территорией, в пределах которой устанавливается режим использования земель, запрещающий или ограничивающий хозяйственную деятельность, строительство и реконструкцию существующих зданий и сооружений в целях сохранения (регенерации) природного ландшафта, включая долины рек, водоемы, леса и открытые пространства, связанные композиционно с объектами культурного наследия.

Практика применения данного закона выявила определенные проблемы в режиме охраны объектов культурного наследия. Конкретно, с целью недопущения хаотичной застройки территорий объектов культурного наследия укоренилась позиция уполномоченных органов по полному запрету на какое-либо строительство в границах охранных зон объектов культурного наследия.

Такой подход, защищая, с одной стороны, объекты культурного наследия от действительно неправомерной застройки (не имеющей ничего общего с целями сохранения объектов культурного наследия), с другой стороны – полностью

исключил возможность восстановления объекта культурного наследия, если не в первоначальном, то максимально приближенном к историческому виду.

Между тем это не вполне соответствует продекларированным в Конституции и специальном законе целям.

Представляется, что упорядочение отношений в указанной сфере, дополнительное регулирование хозяйственной деятельности в границах территорий объектов культурного наследия являлись одними из мотивов принятия Федерального закона от 22.10.2021 года № 315-ФЗ о внесении изменений в Закон об ОКН.

В соответствии с Федеральным законом от 22.10.2021 года № 315-ФЗ в Закон об ОКН и тесно связанные с ним законодательные акты было внесено большое количество изменений, наиболее существенными из которых, на наш взгляд, являются изменения, связанные с правовым режимом территорий объектов культурного наследия и процедуры вовлечения их в гражданский оборот.

Изменениями в Закон конкретизировано понятие территории объекта культурного наследия.

В соответствии с новой ст. 3.1. Закона территорией объекта культурного наследия является территория, непосредственно занятая данным объектом культурного наследия и (или) связанная с ним исторически и функционально, являющаяся его неотъемлемой частью и установленная в соответствии с требованиями ст. 3.1. В территорию объекта культурного наследия могут входить земли, земельные участки, части земельных участков, земли лесного фонда (далее также – земли), водные объекты или их части, находящиеся в государственной или муниципальной собственности либо в собственности физических или юридических лиц.

Границы территории объекта культурного наследия могут не совпадать с границами существующих земельных участков.

Границы территории объекта культурного наследия, за исключением границ территории объекта археологического наследия, определяются проектом границ территории объекта культурного наследия на основании архивных документов, в том числе исторических поземельных планов и научных исследований с учетом особенностей каждого объекта культурного наследия, включая степень его сохранности и этапы развития.

Сведения о границах территории объекта культурного наследия, об ограничениях использования объекта недвижимого имущества, находящегося в границах территории объекта культурного наследия, учитываются в государственном кадастре недвижимости в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственном кадастре недвижимости. Отсутствие в государственном кадастре недвижимости сведений, указанных в настоящем пункте, не является основанием для несоблюдения требований к осуществлению деятельности в границах территории объекта культурного наследия, установленных земельным законодательством Российской Федерации и статьей 51 Закона об ОКН.

Нововведением также является законодательное закрепление разрешенной деятельности в границах указанных территорий.

В частности, в соответствии со ст. 5.1. Закона на территории памятника или ансамбля запрещаются строительство объектов капитального строительства и увеличение объемно-пространственных характеристик существующих на территории памятника или ансамбля объектов капитального строительства; проведение земляных, строительных, мелиоративных и иных работ, за исключением работ по сохранению объекта культурного наследия или его отдельных элементов, сохранению историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

Таким образом, согласно новым правилам, в границах территории объекта культурного наследия на территории памятника или ансамбля запрещается любое капитальное строительство, за исключением такого, которое направлено на восстановление и сохранение историко-градостроительной среды объекта культурного наследия.

Необходимо отметить прогрессивность и своевременность внесенных изменений, которые направлены на сохранение облика объектов культурного наследия, поскольку, вводя запрет на осуществление строительства капитальных объектов на территории памятников и ансамблей, одновременно допускается строительство на территории памятников и ансамблей объектов, которые составляют историко-градостроительную среду объекта культурного наследия.

Об этом свидетельствует исключение из правила, выраженное в норме права словами: за исключением работ по сохранению объекта культурного наследия или его отдельных элементов, сохранению историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

Представленное понимание правового режима территории объектов культурного наследия также соответствует современному подходу общепризнанной международной организации ЮНЕСКО, которая допускает в определенной степени возможность восстановления историко-градостроительной среды объекта культурного наследия, примером чему может служить включение летом в список всемирного наследия Архитектурного комплекса древнего Болгара, где в 922 году нашей эры предки татар приняли ислам.

В действующей редакции Закона понятие историко-градостроительной среды упоминается только в ст. 34 в определении охранной зоны.

Непосредственное же упоминание о степени разрешенного строительства в пределах охранной зоны памятников имело место только в подзаконном акте – Постановлении Правительства РФ № 315 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Пунктом 10 этого Постановления предусмотрено, что особый режим использования земель и градостроительный регламент в границах охранной зоны устанавливаются с учетом: запрещения строительства, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и восстановление (регенерацию) историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия.

При этом представляется, что само восстановление историко-градостроительной среды в пределах территории объекта культурного наследия укладывается в понятие сохранения объекта культурного наследия, данное в ст. 40 Закона об объектах культурного наследия, определяемое как меры, направленные на обеспечение физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности объекта культурного наследия, предусматривающие консервацию, ремонт, реставрацию, приспособление объекта культурного наследия для современного использования и включающие научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, научное руководство проведением работ по сохранению объекта культурного наследия, технический и авторский надзор за проведением этих работ.

Таким образом, последовательная позиция об ограниченном и строго целевом строительстве на территории объектов культурного наследия уже находит развитие посредством закрепления в специальном федеральном законе, что не может не отразиться положительно на степени привлечения инвестиций в сохранение объектов культурного наследия.

Утвержденные законом понятные «правила игры» для потенциальных инвесторов предопределили и механизм возможной приватизации объектов культурного наследия, существенно измененный названным законом. А именно с 22.10.2021 года, одновременно с вышеуказанными изменениями, вступает в силу новая редакция ст. 29 ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества».

В отличие от действующей редакции данной нормы права, предусматривающей возможность приватизации объектов культурного наследия всеми предусмотренными законом способами при условии их обременения обязательствами по содержанию, сохранению и использованию, новый порядок предусматривает, что объекты культурного наследия могут приватизироваться:

в составе имущественного комплекса унитарного предприятия, преобразуемого в открытое акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью; путем продажи на конкурсе; путем внесения указанных объектов в качестве вклада в уставный капитал открытого акционерного общества;

при условии их обременения требованиями к содержанию и использованию объектов культурного наследия, включенных в реестр объектов культурного наследия, требованиями к сохранению таких объектов, требованиями к обеспечению доступа к указанным объектам.

Однако особый интерес вызывает п. п. 5 и 6 новой редакции, закрепляемой в ст. 29 Закона. В соответствии с ним в отношении объекта культурного наследия, включенного в реестр объектов культурного наследия, состояние которого признается неудовлетворительным в соответствии с Федеральным законом от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – объект культурного наследия, находящийся в неудовлетворительном состоянии) и который приватизируется путем продажи на конкурсе, в соответствующий орган по управлению государственным или муниципальным имуществом пред-

ставляется согласованная в порядке, установленном Федеральным законом от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», проектная документация по сохранению объекта культурного наследия (стадия – эскизный проект реставрации), которая включается в состав конкурсной документации.

При этом, как следует из закона, начальная (минимальная) цена продажи объекта культурного наследия, находящегося в неудовлетворительном состоянии, устанавливается равной одному рублю. Передача такого имущества победителю конкурса и оформление права собственности на него осуществляются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и соответствующим договором купли-продажи, до выполнения победителем конкурса условий конкурса.

Кроме указанного в пункте 3 настоящей статьи существенного условия такой договор должен содержать следующие существенные условия:

об обязанности нового собственника объекта культурного наследия, находящегося в неудовлетворительном состоянии, выполнить в срок и в полном объеме условия конкурса;

о расторжении договора купли-продажи в случае нарушения новым собственником объекта культурного наследия предусмотренных пунктом 3 настоящей статьи и (или) абзацем десятым настоящего пункта существенных условий договора.

В случае расторжения договора купли-продажи объекта культурного наследия, находящегося в неудовлетворительном состоянии, по основаниям, указанным в абзаце одиннадцатом настоящего пункта, объект культурного наследия подлежит возврату в собственность осуществившего приватизацию такого объекта культурного наследия публично-правового образования без возмещения собственнику стоимости такого объекта, включая неотделимые улучшения, и без компенсации расходов, связанных с исполнением договора купли-продажи.

Срок выполнения условий конкурса не должен превышать семь лет, что следует из п. 6 ст. 29 Закона о приватизации.

Рассматриваемый способ приватизации – продажа на конкурсе является принципиально новым для объектов культурного наследия и до этого ранее не использовался. Данное изменение федерального закона видится логичным продолжением и перенесением положительного регионального опыта по привлечению инвестиций в сохранение объектов культурного наследия (в частности, Москвы и Московской области) на федеральный уровень.

Новые правила приватизации позволяют:

– предоставить инвесторам гарантии сохранения и приумножения их инвестиций при добросовестном исполнении условий конкурса;

– обеспечить защиту прав публичного собственника, так как в случае невыполнения условий конкурса объект культурного наследия подлежит возврату в государственную или муниципальную собственность без какого-либо возмещения недобросовестному победителю конкурса;

– увеличить инвестиции в сохранение объектов культурного наследия за счет возможности использования более широкого спектра инвестиционных инструментов в отличие от инвестиций в арендованное имущество: кредитные ресурсы, коллективные инвестиции (ПИФы) и т. п.

Описанные изменения, внесенные в действующее законодательство, несомненно, являются естественным шагом в ногу со временем. Нормальное развитие общества и государства уже невозможно без сотрудничества и взаимодействия. Внесенные в законодательство изменения отражают открытую политику государства, направленную на взаимовыгодное сотрудничество. Без частных инвестиций невозможно восстановить так нуждающиеся в этом объекты культурного наследия, а без поддержки государства не может быть частных инвестиций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2021).

2. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.

3. Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 30.11.1992 № 1487 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 49. – Ст. 2936.

УДК 347.1

Роганова Алена Игоревна,
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома

Roganova Alyona Igorevna
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

belochka1289@mail.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

THE HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE OF LEGAL PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY

Современное законодательство о защите объектов культурного наследия – это результат многовековой истории развития отечественного законодательства. Его изучение дает возможность проанализировать путь становления института правовой защиты культурных ценностей.

Modern legislation on the protection of cultural heritage objects is the result of the centuries-old history of the development of domestic legislation. Its study makes it possible to analyze the way of formation of the institution of legal protection of cultural values.

Археология, архитектура, законодательство, история, конституция, культурные ценности.

Archeology, architecture, legislation, history, constitution, cultural values.

Культурные ценности составляют богатство нашей страны, памятники хранят историю, являются отражением событий, которые в ней происходили и которые повлияли на становление современного представления об истории искусстве.

В древней Руси значимость памятника зависела от его принадлежности к христианскому миру. Если и существовали реликвии, они не рассматривались как свидетельства о прошлом, исторические памятники. Напротив, они считались святынями, имеющими вневременную ценность [7]. Храм мог перестраиваться, а новая роспись ложилась на старую. Периодом зарождения памятнично-охранного законодательства считают эпоху Петра I. Императором был издан Указ об охране археологических находок и о передаче их в Кунсткамеру, в 1722 г. в Астрахани был подписан Указ, предписывавший охрану башни в бульгарах Казанской губернии и ремонт ее фундамента. Этот Указ принято считать первым русским государственным актом, предусматривающим охрану и реставрацию памятника исходя из уважения к историческому наследию. Для хранения и изучения документальных памятников в 1781 г. был создан Государственный архив в Петербурге, а в 1782 г. Государственный архив старых дел в Москве. В 1804 г. возникло Общество истории и древностей Российских, затем началась деятельность археографических экспедиций, что привело к активизации изучения и к публикации документальных памятников. Со второй половины XVIII в. к храму относятся не только как к святыне, но и как к памятнику древности [11].

Слово «памятник» впервые появилось в официальном документе царствования Александра I, называемом «Высочайше утвержденный Устав Общества истории и древностей российских» от 21 января 1811 г [7]. Архитектурные объекты впервые были причислены к памятникам в официальных документах лишь в 1822 г., а 1842 г. к ним были отнесены церковные (культовые) здания [5].

Следующий важный шаг в охране памятников был сделан в царствование императора Николая I. 31 декабря 1826 г. вышел циркуляр Министерства внутренних дел за № 1068, направленный губернаторам и толкующий о доставлении сведений о памятниках-зданиях и о воспрещении разрушать их. В данном документе под памятниками понимали: «остатки древних замков и крепостей или других зданий древности». Фактически издание циркуляра означало, что Николай I впервые в истории России предпринял попытку создать национальный Свод памятников истории и культуры.

В 1859 году была создана Имперская археологическая комиссия, в 1857 был издан Строительный устав запрещающий снос и перестройку зданий возве-

денных до XVIII в. В Уставе строительном (в ред. 1832 г.) появилось указание о строжайшем воспрещении разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности (ст. 617) [3].

В 1869 г. Московское археологическое общество выработало проект положения об охране древних памятников. Было выделено четыре категории памятников: 1) архитектуры (каменные и деревянные здания, все искусственные насыпи – валы, городища, курганы); 2) письменности (рукописи и старопечатные книги); 3) живописи (иконы, стенопись); 4) ваяния, резьбы и изделия из золота, серебра, меди и железа [7]. Однако данное положение так и не было утверждено.

Несмотря на важность защиты памятников, возросшей в период после отмены крепостного права, необходимые законы отсутствовали. Уголовное уложение 1903 г. предусматривало ответственность за посягательства на недвижимые памятники культуры, оно в первую очередь исходило из принципов защиты церковных ценностей, символов православия и устанавливало, например, ответственность как за поругание действием, так и за поношение «Святаго Креста, Святых мощей, Святых икон или других предметов, почитаемых православною или иною христианскою церковью священными» [4].

В 1904 г. при Министерстве внутренних дел была образована комиссия по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий, которая разработала соответствующий проект закона (Основные положения), обсуждение которого было прервано в связи с началом Русско-японской войны. В 1906 году в Государственную Думу был внесен проект положения об охране древностей. В данном проекте содержалось четкое определение понятия культурных ценностей (древностей), которыми признавались «все памятники зодчества, ваяния, живописи и иного искусства до половины XIX в., замечательные по своему художественному, историческому или археологическому достоинству, а равно акты, рукописи и первобытные древности», «независимо от того, какому ведомству, установлению или учреждению принадлежит ближайшее ими заведование или управление» (ст. 1 и ст. 2) [4].

В связи с началом Первой мировой войны принятие данного проекта было отложено, а новая власть, пришедшая в 1917 году, полностью перестроила систему законодательства.

Таким образом, законодательство царского периода, не смотря на прогрессивные проекты, было недостаточно эффективным, не существовало единого законодательного акта, регулирующего защиту культурных ценности, уголовное законодательство не предусматривало многообразие возможных посягательств на памятники истории и культуры, не существовало четкого понятийного аппарата в данной области.

Октябрьские события резко изменили отношение государства к памятникам истории и культуры. Они стали использоваться, прежде всего, как идеологическое оружие для борьбы с «классовыми врагами» и для рассказа о том, насколько ужасным было положение трудящихся при прежнем режиме [10]. Разграбление дворцов и усадеб, уничтожение предметов искусства, бесконтрольный вывоз культурных ценностей за границу – перед советской властью встала

проблема спасения культурного наследия России, недопущения ее разграбления. В 1917 году в воззвании Совете рабочих и солдатских Депутатов говорилось: «...Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы – все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой растет ваше новое народное искусство...» [8]. В 1918 году Совнарком принял Постановление о национализации крупнейших музеев, памятников культуры и объявления их государственной собственностью.

В декабре 1917 г. был образован Наркомат государственных имуществ. В июле 1918 г. функции этого Наркомата были переданы созданному при Наркомпросе Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины. 5 октября 1918 г. был принят Декрет «О регистрации, взятии на учет и охрану памятников, которые находятся во владении частных лиц, обществ и учреждений». По этому Декрету проводилась первая в России регистрация памятников [7]. Понятие «памятника» не раскрывалось, целью издания данного НПА было определение «порядка проведения первой государственной регистрации монументальных и вещевых памятников искусства и старины».

14 апреля 1918 г. выходит Декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». В законодательстве Советской Республики появились новые термины «памятники революционного движения», «памятники революции», «памятники народного быта», «памятники Красной Армии».

Первая советская Конституция 1918 г. право на доступ к культурным ценностям не закрепляла. В этот же период принимаются такие важные документы как: Декрет «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов искусства и старины». Декрет запрещал вывоз и продажу за границу любых предметов искусства и старины без разрешений, которые выдавали уполномоченные на это органы [8].

После гражданской войны 08.03.1923 г. выходит Декрет Совнаркома РСФСР «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» [2], а 07.01.1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», где окончательно было утверждено право государственной собственности на культурные ценности.

31 января 1924 г. была принята Конституция СССР, которая не рассматривала вопрос о культурных ценностях и не закрепляла права человека и гражданина на доступ к культурным ценностям, что было связано с отсутствием в ней раздела о правах и обязанностях граждан.

В 1936 г. в СССР была принята новая Конституция, в которой появляется глава о правах и обязанностях граждан. Эта Конституция закрепила некоторые права и обязанности граждан, связанные с развитием общественной, хозяйственной и культурной жизни. Однако определенных положений, регулирующих государственную культурную политику, и, в частности, в сфере доступа к культурным ценностям не содержала [6].

Главным способом защиты памятников, как и в царское время, оставалось уголовное законодательство. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. позволял при-

влекать к уголовной ответственности за посягательства на памятники истории и культуры. В ст. 87, которая была помещена во вторую часть «О преступлениях против порядка управления» предусматривалась ответственность за оскорбительное проявление неуважения к РСФСР, которое заключалось в надругательстве над государственными гербом, флагом, памятником революции. В ст. 102 УК РСФСР 1922 г. устанавливала ответственность за «сокрытие коллекций и памятников старины и искусства, подлежащих регистрации, учету или передаче в государственные хранилища».

При разработке и принятии УК РСФСР 1960 г. появилась другая новая для отечественной системы уголовного права норма об ответственности за посягательства в отношении культурных ценностей – ст. 230 «Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников культуры» [7].

Невосполнимый урон культурному наследию нанесла Великая отечественная война. Во время войны издавались приказы, направленные на спасение ценностей, перемещение их вглубь страны, в последние годы войны началась работа по восстановлению разрушенных памятников. Кроме того, в результате победы в войне, культурное наследие стало рассматриваться как предмет гордости, символ национальной культуры [6].

Постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» от 14 октября 1948 г. расширило сеть специализированных реставрационных мастерских и стало кульминацией законотворческой деятельности правительства СССР второй половины 40-х годов.

В советский период длительное время использовался термин «памятник культуры». Вопросами памятников занимаются административные структуры, что провоцирует односторонний подход к пониманию данного термина, на первый план выдвигаются идеологизированная воспитательная и утилитарная функции памятников, а не их культурное и эстетическое значение. Понимание феномена как «памятник истории и культуры» появилось в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг., после принятия Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (принятой в Гааге 14 мая 1954) [9].

Большое значение для охраны памятников имело Постановление Совета Министров РСФСР от 24 мая 1966 г. N 473 «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в РСФСР», определившее дальнейшую перспективу в деле учета и охраны памятников. Согласно этому решению в Министерстве культуры РСФСР была создана Государственная комиссия по охране памятников истории и культуры.

В 1970-е гг. руководство СССР вновь пытается создать единое общегосударственное законодательство о защите культурных ценностей. Определенным шагом вперед в данной сфере стал Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1976 г. Он явился первым за всю историю советского законодательства общесоюзным актом такого уровня в области защиты и использования культурных ценностей, сосредоточив в себе весь опыт правового регулирования вопросов в рассматриваемой сфере, стал важным шагом в совершенствовании правовой защиты культурных ценностей.

Принятая в 1977 г. Конституция СССР впервые закрепила основные цели и задачи государства по защите культурных ценностей народов Советских республик. основополагающее значение в рассматриваемой области имели ст. 46, закрепившая право граждан на пользование достижениями культуры, ст. 27, содержащая положения о заботе государства в сфере преумножения, использования и защиты духовных ценностей для воспитания советских людей и повышения их культурного уровня [12].

Важное значение в истории закрепления гарантии доступа к культурным ценностям имеет Закон РСФСР от 15.12.1978 «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Из ст. 6 данного Закона следовало, что движимые вещи могли быть отнесены к таким видам памятников истории и культуры, как «памятники истории», «памятники искусства», «документальные памятники», а также к «другим объектам, представляющим историческую, научную, художественную или иную культурную ценность».

Согласно данному закону под памятниками истории и культуры понимали: «Предметы старины, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, строения, рукописи, коллекции, редкие печатные издания, другие предметы и документы, находящиеся в личной собственности граждан и представляющие значительную историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» [1].

Советский период оказал значительное влияние на становление института защиты культурных ценностей. Законодательство постепенно развивалось в направлении создания единого нормативного акта в сфере защиты культурных ценностей. Однако ни законодательство царского периода, ни советского не имели четко сформулированного представления, что понимать под культурными ценностями. Первоначально прослеживается тесная связь памятников истории и культуры с религией, затем законодатель уделяет внимание конкретным объектам, в советский период вся деятельность по защите памятников пронизана коммунистической идеологией, основная цель актов того времени воспитание нового советского человека. четко сформулированного представления, что понимать под культурными ценностями.

В результате долгой истории становления института защиты культурных ценностей, был накоплен богатейший опыт и нормативный материал, которые впоследствии позволили сформировать тот подход и то определение, которым мы пользуемся в настоящее время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.

2. О запрещении вывоза и продажи за границу предметов искусства и старины: Декрет СНК РСФСР от 19 сентября 1918 г. // Декреты Советской власти: 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М. : Политиздат, 1964. – 664 с.

3. Свод законов Российской империи. – URL: <http://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 02.09.2021).

4. *Беспалько В. Г.* История развития законодательства об охране культурных ценностей от преступных посягательств. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

5. *Ваганова Е. В., Гапоненко В. В.* Охрана памятников истории и культуры: памятники историко-культурного наследия (на примере Республики Бурятия : монография. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2009. – 207 с.

6. *Кабанова Ю. С.* Россия и международные организации, занимающиеся защитой права человека и гражданина на доступ к культурным ценностям // Заметки ученого. – 2015. – Т. 1, № 1-1 (1). – С. 55–58.

7. *Клебанов Л. Р.* Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана : монография. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 160 с.

8. *Лихачев А. В., Родионов И. А.* О нормативной правовой базе по защите культурных ценностей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-normativnoy-pravovoy-baze-po-zaschite-kulturnyh-tsennostey> (дата обращения: 20.09.2021).

9. *Маринич А. А.* Положение памятников истории и культуры в СССР в период второй мировой войны. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-pamyatnikov-istorii-i-kultury-v-sssr-v-period-vtoroy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 20.09.2021).

10. *Монастырев М. М.* Движимые объекты культурного наследия: особенности законодательного регулирования. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

11. *Никольская Т. М.* Охрана памятников искусства. История и перспективы развития. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-pamyatnikov-iskusstva-istoriya-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 20.09.2021).

12. *Шухободский А. Б.* Памятник истории и культуры как специфический вид культурной ценности. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pamyatnik-istorii-i-kultury-kak-spetsificheskiy-vid-kulturnoy-tsennosti> (дата обращения: 20.09.2021).

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ И В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

УДК 347

*Андаржанова Анна Якубовна,
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

*Andarzhanova Anna Yakubovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

andarjanova@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АРБИТРАЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ВОПРОСА О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

IMPROVEMENT OF THE ARBITRATION LEGISLATION TO REGULATE THE ISSUE OF ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS

В статье обозначены основные пробелы в действующем арбитражном законодательстве, регулирующем вопрос о злоупотреблении процессуальными правами. Определены такие проблемы, как отсутствие закрепления в законодательстве: понятия злоупотребления процессуальными правами; признаков, квалифицирующих действие (бездействие) лица, как злоупотребления процессуальными правами; права суда на наложение санкции на недобросовестную сторону в виде судебного штрафа. Предложено внесение изменений и дополнений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, необходимых для решения проблем по вопросу о злоупотреблении процессуальными правами. Раскрыта необходимость и обоснованность внесения предлагаемых изменений в законодательство.

This article outlines the main gaps in the current arbitration legislation governing the issue of abuse of procedural rights. The article identifies such problems as the lack of consolidation in legislation: the concept of abuse of procedural rights; signs that qualify the action (inaction) of a person as abuse of procedural rights; the right of the court to sanction the dishonest party in the form of a court fine. Amendments and additions to the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, necessary for solving problems on the issue of abuse of procedural rights, are proposed. The necessity and validity of the proposed amendments to the legislation is revealed.

Арбитражный процесс, злоупотребление процессуальными правами, добросовестность.

Arbitration process, abuse of procedural rights, good faith.

В настоящее время отсутствуют эффективные механизмы противодействия, пресечения и предупреждения злоупотреблений процессуальными правами в арбитражном процессе поскольку понятие «злоупотребления процессуальными правами» не закреплено в арбитражном законодательстве; законодателем не разрешен вопрос квалификации злоупотребления процессуальными правами и его доказывания; не решен вопрос о наложении санкции на недобросовестную сторону. Из-за данных пробелов в законодательстве суды не могут однозначно определить, злоупотребляет ли лицо процессуальными правами или действует добросовестно [1, с. 6–9].

В связи с указанными выше пробелами в арбитражном законодательстве предлагается внести следующие изменения. Предполагается, что необходимо законодательно закрепить в АПК РФ понятие «злоупотребления процессуальными правами» исходя из толкования данного понятия, представленного в науке, встречающегося в судебной практике, а также исходя из законодательной формулировки о добросовестности в арбитражном процессе. Так, в связи с тем, что часть 2 статьи 41 АПК РФ закрепляет положение о добросовестности пользования лицами принадлежащими им процессуальными правами, целесообразным будет дополнение АПК РФ статьей 41.1 «Злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле» со следующим содержанием в первой части данной статьи: «Действия (бездействие) лица, участвующего в деле, направленные на недобросовестное осуществление процессуальных прав с намерением нарушить права и интересы других лиц для достижения целей, несовместимых с целями и задачами судопроизводства, в нарушение принципа, предусмотренного частью 2 статьи 41 настоящего Кодекса, определяется судом как злоупотребление процессуальными правами».

Если различные суды признают одни и те же действия (бездействие) лиц, участвующих в деле, злоупотреблением, формируя определенную судебную практику, то данное обстоятельство может стать основанием для законодателя создать норму, которая будет квалифицировать данные действия (бездействие) как правонарушение. То есть на основании анализа судебной практики необходимо законодательно закрепить выявленные наиболее часто встречаемые способы злоупотребления процессуальным правом, например, в части 2 статьи 41.1 АПК РФ, которую предложено ввести ранее. Предполагается следующее содержание части 2 статьи 41.1: «Необоснованное и неоднократное заявление отводов судьей, направленное на затягивание судебного процесса; незаблаговременное предоставление суду и лицам, участвующим в деле, доказательств; непредставление доказательств, указанных судом, без уважительной причины; несвоевременное заявление ходатайств; несвоевременное предъявление встречного иска с целью затягивания рассмотрения первоначального иска; подача необоснованного иска к одному из ответчиков, с целью изменения подсудности; неоднократная неявка надлежаще извещенных сторон, без уважительной причины; заявление ходатайства о проведении примирительных процедур либо выражение согласия с проведением таких процедур без цели примирения и иные действия (бездействие) лиц, участвующих в деле, по основаниям, уста-

новленным частью 3 статьи 41.1 настоящего Кодекса, являются злоупотреблением процессуальными правами».

Приведенный выше перечень не является исчерпывающим. И с целью возможности определения действий, не указанных в данном перечне, как злоупотребление процессуальным правом, необходимо также законодательно закрепить общие критерии квалификации, т. е. признаки злоупотребления процессуальными правами, что способствует решению проблемы по его доказыванию [2, с. 4]. Поскольку определить, где кончается право и начинается злоупотребление им – сложно, когда нет четких критериев такой оценки в законодательстве. Исходя из чего, необходимо законодательно закрепить основания для установления судом факта злоупотребления процессуальными правами. Предлагается изложить часть 3 статьи 41.1 АПК РФ в следующем виде: «Наличие явной направленности действий (бездействия) лица на затягивание рассмотрения дела; осуществление процессуальных прав без цели получения судебной защиты; совершение действий, заведомо направленных на причинение вреда другой стороне; недобросовестность осуществления процессуальных прав является основанием для установления судом факта злоупотребления процессуальными правами лицом, участвующим в деле».

Также целесообразно будет изложить норму, закрепленную в абзаце 2 части 2 статьи 41 АПК РФ, в части 4 статьи 41.1 АПК РФ со следующим содержанием без изменений: «Злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные настоящим Кодексом неблагоприятные последствия».

При решении вопроса о наложении санкции на недобросовестную сторону следует предусмотреть ответственность в виде судебного штрафа за злоупотребление процессуальными правами [4, с. 3]. Поскольку согласно части 1 статьи 119 АПК РФ суд может наложить судебный штраф только в случае, если АПК РФ предусматривают такое правомочие суда для конкретного правоотношения [3, с. 29–32]. Статьей же 119 АПК РФ (частью 5) предусмотрено лишь наложение судебного штрафа за проявленное неуважение к арбитражному суду. При этом АПК РФ не предоставляют суду права наложения судебного штрафа на лица участвующие в деле, за злоупотребление ими процессуальными правами (кроме случаев, указанных в ч. 3 ст. 225.10-1 АПК РФ). В связи с чем, предлагается дополнить статью 119 АПК РФ частью 8 со следующим содержанием: «Арбитражный суд вправе наложить судебный штраф на лиц, участвующих в деле, за злоупотребление ими процессуальными правами».

Аналогично, распределение судебных расходов между лицами, участвующими в деле регламентируется также общей статьей 110 АПК РФ, однако специальной статьей 111 АПК РФ предусмотрено отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами. Однако наличие лишь такого вида санкции, как отнесение судебных расходов на лицо недостаточно, поскольку возложение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, почти всегда разрознено по времени с самим фактом недобросовестного использования права. То есть эта санкция не оказывает немедленного корректирующего воздействия, как штраф.

Таким образом, можно сделать вывод, что для решения выявленных проблем необходимо законодательное закрепление понятия и квалифицирующих признаков злоупотребления процессуальным правом, на основании чего появится возможность разрешения вопроса о наложении санкции на недобросовестную сторону, путем закрепления за судом права наложения судебного штрафа, что приведет к формированию эффективного механизма противодействия и пресечения злоупотреблений процессуальными правами в арбитражном процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борбат А. В., Кошелева М. В. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 4. – С. 6–9.
2. Епатко М. Ю. Противодействие злоупотреблению процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражные споры. – 2019. – № 2. – С. 120–154.
3. Ланг П. П., Шабашов Е. А. Последствия процессуальных злоупотреблений в арбитражном процессуальном законодательстве // Российская юстиция. – 2020. – № 11. – С. 29–32.
4. Тульсанов В. В. К вопросу об эффективности санкций за злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2017. – № 4. – С. 41–47.

УДК 342.76

Бадалов Артур Олегович,
*студент, Луганский государственный институт имени Владимира Даля,
г. Луганск*

Badalov Arthur Olegovich,
student, Lugansk State Institute named after Vladimir Dahl, Lugansk

artur.badalov.01@mail.ru

КОВИД-ПАСПОРТА В КОНТЕКСТЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

COVID-PASSPORTS IN THE CONTEXT OF THE POSSIBILITIES OF RESTRICTING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF A PERSON AND A CITIZEN

В статье рассматривается проблема снятия ограничений на свободное передвижение в условиях пандемии коронавируса обусловила поднятие вопроса о необходимости внедрения системы ковид-паспортов, особенно актуального после введения на территории Европейского Союза цифрового ковид-сертификата. На основании последнего, в статье автором

определяется сущность, цель функционирования ковид-паспортов, анализируются возможности ограничения прав и свобод человека, вытекающие из факта их внедрения, делаются выводы о неприемлемости их введения с учетом существующих проблем и необходимости разрешения коронавирусного кризиса на основе соблюдения баланса между коллективными и индивидуальными интересами.

The article deals with the problem of lifting restrictions on free movement in the conditions of the coronavirus pandemic, which led to the raising of the issue of the need to introduce a system of covid passports, especially relevant after the introduction of a digital covid certificate in the territory of the European Union. Based on the latter, the author defines the essence and purpose of the functioning of covid-passports, analyzes the possibilities of restricting human rights and freedoms arising from the fact of their introduction, draws conclusions about the unacceptability of their introduction, taking into account existing problems and the need to resolve the coronavirus crisis on the basis of a balance between collective and individual interests.

Ковид-паспорта, вакцинация, коронавирус, цифровой Ковид сертификат ЕС, ограничения прав человека.

Covid-passports, vaccination, coronavirus, digital Covid EU certificate, human rights restrictions.

Кто бы мог подумать, что китайская вспышка новой коронавирусной инфекции перерастет в настоящую пандемию, которая перевернет все мировое устройство, выразится в беспрецедентных мерах по сдерживанию распространения заражения, и обозначит четко наметившийся переход в цифровую эпоху, однако сейчас все это является объективной реальностью. COVID-19 (далее – ковид) заставил мобилизоваться в борьбе с собой все международное сообщество, внедрить явление массовой самоизоляции и значительно ограничить возможности свободного передвижения людей, как на внутригосударственном, так и на международном уровне. С начала пандемии прошло уже более полутора лет, однако количество случаев заражения и по сей день продолжает непрерывно расти. Весь этот период ограничения свободного передвижения сохраняли свою силу, что закономерно привело к росту социальной напряженности в обществе, и обозначило необходимость снятия внедренных мер. Указанное же послужило основанием для поднятия вопроса не только о формировании коллективного иммунитета и разработке вакцин, но и о введении системы так называемых ковид-паспортов. В целом, стоит заметить, что о необходимости отслеживания статуса инфицированности человека и наличия в его организме антител разговоры были еще с начала пандемии [2]. Вместе с тем, конкретное предложение о введении непосредственно ковид-паспортов определилось лишь в конце прошлого – нынешнем году и связано в немалой степени с инициативами Европейского союза (далее – ЕС).

Итак, в самом общем виде ковид-паспорт представляет собой бумажный или цифровой документ, который отражает данные о вакцинации лица и результаты прохождения им тестов на коронавирус [2], и выступает основанием для выключения в его отношении ограничений в передвижении, введенных для сдерживания распространения заражения. До настоящего времени уже существ-

вовали различные, преимущественно цифровые, приложения и системы, предназначенные для выполнения функций паспортов иммунизации [8], однако их применение по большей части было частной инициативой. Внутренний же шаг в вопросе правовой регламентации внедрения системы ковид-паспортов был сделан этим летом ЕС, которым 14 июня 2021 года был принят Регламент (ЕС) 2021/953 об основании выдачи, проверки и принятия совместимых сертификатов вакцинации, тестирования и восстановления от COVID-19 (цифровой ковид-сертификат ЕС) для облегчения свободного передвижения во время пандемии COVID-19 (далее – Регламент) [9]. Что следует из его названия, данным нормативным актом с 1 июля 2021 по 30 июня 2022 года в пределах ЕС внедряется система цифро-бумажных ковид-сертификатов, которая, как провозглашается, призвана облегчить осуществление их владельцами своего права на свободное передвижение и поспособствовать постепенному снятию ограничений на него [9, ст. 1]. Цифровой ковид-сертификат ЕС, хотя и называется единым документом, включает в себя три отдельных сертификата, которыми соответственно подтверждаются обстоятельства: вакцинации человека, получения им отрицательного теста на ковид или выздоровления от него [9, ст. 3]. Примечательно, что положениями Регламента не регламентируется продолжительность действия каждого из сертификатов (за исключением сертификата о выздоровлении, ограничивающегося пределом в 180 дней), что возлагает вопрос установления такового на государства-члены ЕС. Так, например, в Бельгии срок действия сертификата о вакцинации составляет год, а сертификата о выздоровлении 180 дней [7], во Франции же сертификат об отрицательном тесте на Ковид имеет силу всего в течение 3 дней. Отсутствие общего регулирования срока действия цифрового Ковид сертификата ЕС, указаний о нем в содержании самого документа, за исключением сертификата о выздоровлении, однозначно является существенным недостатком его регламентации, создающим основания для расхождения установленных сроков и возможности злоупотребления этим.

В общем же можно сказать, что сертификатом подтверждается либо наличие у человека антител от Ковида, либо не представление им угрозы его распространения. Формально цифровой ковид-сертификат ЕС не является паспортом вакцинации, поскольку ее прохождение выступает лишь одним из оснований его получения, однако фактически существуют условия для того, чтобы он представал именно им. Даже если не принимать во внимание возможность установления для сертификатов о вакцинации, в сравнении с сертификатами о выздоровлении, больших сроков действия несмотря на то, что в обоих случаях задействуются одни и те же защитные механизмы организма, приобретение лицом полноценного права на свободное передвижение в любом случае связывается с получением им антител от ковида естественным или искусственным путем. И именно этим обуславливаются существующие возможности для ограничения прав и свобод человека и гражданина. Ведь для того, чтобы реализовать принадлежащие ему права, лицо вынуждено либо, подвергая себя риску, перенести ковид, либо пройти вакцинацию. Возможность же последнего нераз-

рывно связывается с разработанными на данный момент вакцинами, применение и распространение которых характеризуется рядом проблем.

Так, сегодня во всем мире используется, по меньшей мере, 7 различных вакцин, разработанных на 3 технологических платформах [3]. Запущенный процесс вакцинации закономерно превратил рынок вакцин в существенный рычаг внешнеполитического влияния и, соответственно, зону соприкосновения интересов различных государств. Так, несмотря на предусмотренную Регламентом возможность признания и имплементации Ковид сертификатов, предоставленных третьей страной [9, ст. 8], для выдачи цифрового Ковид сертификата о вакцинации ЕС необходимо получить не всякую, а конкретную вакцину, разрешенную для применения на территории ЕС Европейским агентством по лекарственным средствам [9, ст. 5]. Они образуют перечень, который сегодня состоит из 4 вакцин (Vaxzevria, Comirnaty, Janssen, Spikevax) [6], и, например, закономерно не включает в себя отечественный Спутник-V, что европейскими медицинскими институтами объясняется сомнениями в его безопасности [1, с. 10]. Это же касается и китайских вакцин. Подобная выборочность в выключении ограничений в передвижении не может быть признана правильной, поскольку в таком случае возможность свободного доступа в ЕС определяется на основании принадлежности лица к кругу государств, в котором используются вакцины, признаваемые ЕС, что является недопустимым. К тому же, далеко не всегда человек может объективно иметь доступ к вакцине. В то время как в Европе процент вакцинировавшегося населения превысил 70 % [10], ВОЗ предупреждает о несправедливом распределении вакцины. Так, отмечается, что хотя в мире на сегодняшний день было израсходовано более 5,7 миллиарда доз вакцин, 73 % из них были использованы лишь в 10 государствах [11]. Подобный дисбаланс не оставляет какого-либо выбора для людей, не имеющих доступа к вакцине, но желающих фактически реализовать свое право на свободное передвижение в пределах ЕС, кроме как приобрести антитела от Ковида естественным путем.

Отдельные вопросы вызывает и действие самой вакцины. Даже в последних исследованиях не только отсутствует точный ответ на вопрос о продолжительности существования иммунитета от ковида [5], но и не установлена способность вакцины защищать от передачи вируса другим лицам [3]. Таким образом, можно подчеркнуть, что ковид-паспорта выступают в качестве системы, сподвигающей людей на прохождение вакцинации с целью достижения такого процента лиц, обладающих антителами от коронавируса, при котором система здравоохранения государства сумела бы в оптимальном режиме реагировать на угрозы, связанные с ним. Отсюда и годовой срок действия Регламента, с возможностью продления на основании эпидемиологической ситуации с пандемией в ЕС [9, ст. 16]. Вместе с тем, существование системы ковид-паспортов в подобном виде, с учетом возможных ограничений прав и свобод человека, представляется неприемлемым, поскольку цель их функционирования может быть достигнута и иным образом. Хотя, по мнению отдельных авторов, использование ковид-паспортов в рамках стратегии борьбы с коронавирусом представля-

ется маловероятным [4, с. 236], их внедрение, пусть и в пределах ЕС, на сегодняшний момент является фактом, отражающим оформившиеся тенденции. Это касается и РФ, учитывая недавние инициативы с QR-кодами и существование в ней сертификатов о вакцинации [4, с. 238]. Отсюда, нельзя допустить, чтобы ковид-паспорт стал документом, предоставляющим лицу право свободно передвигаться на конкретной территории, а наличие у него антител выступало условием для реализации им своих прав и свобод. Оптимальным видится разрешение коронавирусного кризиса на основании соблюдения баланса между общественными и индивидуальными интересами. Неприемлемым же является апробирование, под видом защиты коллективного блага, новых методов государственного контроля, подобных китайской системе AliPay Health Code, разграничивающей права людей по цветному статусу здоровья [8]. Вакцинация должна осуществляться на началах не понуждения, а побуждения людей, посредством всеобъемлющего их информирования о возможных рисках и противопоказаниях, наряду с преимуществами ее прохождения. Силы же международного сообщества должны быть направлены на устранение несправедливого распределения вакцин, с тем чтобы достичь такого уровня вакцинировавшихся, при котором сфера здравоохранения могла бы оптимально ответить на коронавирусную угрозу с последующим формированием коллективного иммунитета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Горошко Н. В., Емельянова Е. К., Пацала С. В.* «Вакцинный туризм» эпохи Covid-19: реальность или иллюзия для России // Социальные аспекты здоровья населения. – 2021. – № 67(3). – С. 2–32.
2. Иммунные паспорта: цифровой «концлагерь» или вынужденная мера? – URL: <https://riafan.ru/1356557-immunnye-pasporta-cifrovoi-konclager-ili-vynuzhdennaya-mera> (дата обращения: 17.09.2021).
3. Поиск вакцины против COVID-19. – URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/covid-19-vaccines> (дата обращения: 17.09.2021).
4. *Шутова А. А.* Цифровой паспорт здоровья: этические и правовые проблемы // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 2(44). – С. 236–241.
5. COVID-19 natural immunity Scientific brief 10 May 2021. – URL: https://www.who.int/publications/i/item/WHO-2019-nCoV-Sci_Brief-Natural_immunity-2021.1 (дата обращения: 17.09.2021).
6. COVID-19 vaccines: authorised. – URL: <https://www.ema.europa.eu/en/human-regulatory/overview/public-health-threats/coronavirus-disease-covid-19/treatments-vaccines/vaccines-covid-19/covid-19-vaccines-authorised> (дата обращения: 17.09.2021).
7. EU vaccination certificate: For how long time will it be valid? – URL: <https://www.brusselstimes.com/news/eu-affairs/174102/eu-vaccination-certificate-for-how-long-time-will-it-be-valid/> (дата обращения: 17.09.2021).

8. Immunity Passport – Part 1: Exploration. – URL: <https://medium.com/@miguelrochefort/exploring-covid-19-immunity-passports-a02d8d890572> (дата обращения: 17.09.2021).

9. Regulation (EU) 2021/953 of the European Parliament and of the Council of 14 June 2021. – URL: <https://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0953> (дата обращения: 17.09.2021).

10. Safe COVID-19 vaccines for Europeans. – URL: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/safe-covid-19-vaccines-europeans_en (дата обращения: 17.09.2021).

11. Who calls on world leaders at the UN General Assembly to focus on vaccine equity, pandemic preparedness, and getting the SDGs back on track. – URL: <https://www.who.int/news/item/17-09-2021-who-calls-on-world-leaders-at-the-un-general-assembly-to-focus-on-vaccine-equity-pandemic-preparedness-and-getting-the-sdgs-back-on-track> (дата обращения: 17.09.2021).

УДК 342.721

Бриль Геннадий Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Brill Gennady Gennadyevich,
doctor of law, professor, Kostroma State University, Kostroma

g_bril@ksu.edu.ru

Зайцев Леонид Николаевич,
старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома

Zaitsev Leonid Nikolayevich,
senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma

zln15@yandex.ru

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

JUDICIAL PROTECTION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY

Статья посвящена вопросам судебной защиты неприкосновенности частной жизни. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблемы соблюдения, защиты, обеспе-

чения прав человека в правотворческой и правоприменительной деятельности органов государства и их должностных лиц, а также граждан в современном мире еще далеки от совершенства. Авторами исследуются общественные отношения, направленные на обеспечение судебной защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Судебная практика становится ориентиром в понимании современного понятия «частная жизнь».

The article is devoted to the issues of judicial protection of privacy. The relevance of the research topic is due to the fact that the problems of observing, protecting, and ensuring human rights in the law-making and law enforcement activities of state bodies and their officials, as well as citizens in the modern world are still far from perfect. The authors investigate public relations aimed at ensuring judicial protection of the constitutional right to privacy. Judicial practice becomes a reference point in understanding the modern concept of “private life”.

Права человека и гражданина, неприкосновенность, частная жизнь, судебная защита.

Human and civil rights, inviolability, private life, judicial protection.

Проблема взаимоотношений государства и личности в настоящее время – одна из центральных в механизме правового регулирования всей системы общественных отношений. Основным звеном здесь выступают конституционные права и свободы человека и гражданина, их гарантированность, взаимная ответственность между государственной властью и личностью. Признание, соблюдение и защита прав – это обязанность государства. Основные права человека и гражданина закреплены как в международно-правовых актах, так и в отечественном законодательстве.

Как известно, права и свободы человека и гражданина подразделяются на личные, политические и социально-экономические. Одним из основных личных прав является конституционное право на неприкосновенность частной жизни [9].

Право на неприкосновенность частной жизни является не только фундаментальным правом человека, но и правом человека, которое поддерживает другие права человека и составляет основу любого демократического общества.

Л. А. Морозова указывает, что «неприкосновенность... частной жизни... по своей значимости сопоставима лишь с правом на жизнь, так как отсутствие свободы человека, возможности проявления своей воли, действовать в соответствии со своими желаниями и интересами лишает любые права смысла» [12, с. 370].

Большинство ученых рассматривают право на неприкосновенность частной (личной) жизни рассматривается в двух аспектах: как самостоятельное субъективное право и, как комплекс его компонентов.

Н. А. Власенко и С. Б. Зинковский к сфере частной жизни человека относят круг интересов и потребностей, мысли, суждения, записи, дневники, социальные связи, интимные стороны жизни и т. п. [9, с. 163].

Г. А. Митцукова отмечает, что «частная жизнь» – это те стороны личной жизни конкретного человека, которые он, исходя из собственной свободы, не желает делать достоянием других. В это понятие включаются следующие ком-

поненты: право на неприкосновенность личной тайны, право на неприкосновенность семейной тайны, право на тайну переписки, телефонных и других переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений личного характера, право на неприкосновенность жилища, на тайну информации о частной жизни лица, выделяя при этом два основных элемента: право на уединение, когда человек самостоятельно определяет стороны своей жизни (привычки, пристрастия, увлечения, образ мыслей, творческие способности, личные записи и т. д.); право на общение, которое определяется в бытовой сфере дружеских, семейных отношений и в установлении контактов с коллегами, с общественными организациями, объединениями, в определенной степени с государственными органами и их должностными лицами [11, с. 10].

Ю. А. Говенко предлагает следующую классификацию нарушений тайны частной жизни: 1) нарушение уединения лица или вмешательство в его личные дела (подслушивание и перехват телефонных переговоров, перлюстрация корреспонденции); 2) предание гласности сведений личного характера, которые по мнению самого лица неблагоприятно влияют на его имидж в обществе или причиняют ему боль и душевные страдания (и в тех случаях, когда такие сведения соответствуют действительности); 3) выставление лица в ложном свете в глазах окружающих; 4) использование имени или изображения лица в интересах того, кто его использует в целях получения коммерческой выгоды.

При этом он указывает, что тайна частного характера включает: тайну частной жизни, личную тайну, семейную тайну, тайну связи (переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений), тайну голосования, усыновления, исповеди, страхования, нотариальную, банковскую, коммерческую, врачебную, адвокатскую, следственную, служебную, свидетельскую тайну, тайну безопасности участников правосудия, безопасности субъектов управления, корпоративную тайну и др. [2, с. 11–12].

М. П. Имекова предлагает, чтобы правовые режимы служебных видов тайн распространялись, в том числе и на биологические материалы [8, с. 54–65].

Тайна частной жизни отражает естественное стремление каждого человека иметь собственный мир интимных и деловых интересов, скрытый от чужих глаз.

Реализации права на неприкосновенность частной жизни заключаются в том, чтобы не допустить совершения действий, которые причинили бы вред не только обществу и государству, но и личности» [10, с. 194–195].

В законодательстве нет исчерпывающих закреплений, что же все-таки является нарушением неприкосновенности частной жизни. Поэтому в этом отношении важную роль в защите конституционного права на неприкосновенность частной жизни играет судебная практика.

Одним из наиболее эффективных способов защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни является судебная защита.

Как свидетельствует судебная практика, нарушения прав частной жизни в нашем обществе имеет место быть.

Так, удовлетворяя исковые требования по делу по иску П. и П. к С. об обязательстве произвести демонтаж установленных видеокамер и взыскании компенсации морального вреда, суд в своем решении отметил, что три видеокамеры системы наблюдения установлены С. таким образом, что ими фиксируется территория земельного участка и часть жилого дома (с окном) П., в связи с чем происходит осуществление видеоконтроля за территорией, относящейся к земельному участку, где находится жилое помещение других лиц, в отсутствие правовой основы и законной цели, что представляет собой серьезное вмешательство в осуществление этими лицами своего права на уважение их частной жизни. Суд усмотрел нарушение права истцов на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [3].

Развитие информационных технологий в условиях современных вызовов также накладывает отпечаток на частную жизнь, как позитивный, так и негативный.

Существует тенденция к появлению новых видов судебных исков данной категории, связанных с защитой информации о частной жизни, в частности в сети Интернет.

Одним из таких примеров нарушений права на тайну частной жизни может служить следующее судебное дело:

К. обратился с иском к М. о защите права на неприкосновенность частной жизни, защите права на охрану изображения, о взыскании компенсации морального вреда (в размере 1 рубль). В обоснование иска истец ссылался на то, что ответчиком в сети Интернет в социальной сети «ВКонтакте» размещена информация, содержащая информацию (сведения) о частной жизни истца, а именно о пребывании истца в марте 2020 г. в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), чем нарушено право истца на неприкосновенность частной жизни. Через несколько дней повторно была размещена информация о пребывании истца в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) и обнародовано изображение (фото) истца об образе жизни и досуге истца, о том, как истец проводит свое личное время. Истец своего согласия на размещение и распространение сведений о частной жизни и изображения не давал.

Удовлетворяя исковые требования, суд указал, что ответчик без согласия истца разместила информацию, содержащую сведения о частной жизни истца, а также изображение (фото) истца об образе жизни и досуге истца, о том, как истец проводит свое личное время, чем нарушила неимущественные права на неприкосновенность частной жизни, защите права на охрану изображения [4].

По другому делу по иску С. действующая в своих интересах и в интересах несовершеннолетнего сына С. истец оспаривала статью, размещенную в сети интернет, касающуюся смерти ее мужа, утверждая, что в статье не была удалена (изменена) фамилия и имя истца. Были разглашены ее персональные данные, более того, из текста данной статьи можно определить личность ее сына, а также были разглашены обстоятельства смерти ее супруга. Читатели данной статьи поняли, особенно знакомые, коллеги по работе, клиенты, учителя и одноклассники сына, что речь идет именно о ней и об ее несовершеннолетнем

сыне. Ответчик не имел правовых оснований для публикации этой статьи, тем более что истец не давала согласие на ее разглашение. Из-за незаконных действий ответчика без согласия истца придали личную, семейную трагедию огласке. Удовлетворяя иск, суд ссылаясь на нарушение ответчиком разглашения тайны частной жизни без согласия истца [5].

В судебной практике встречаются дела, когда в удовлетворении требования стороны по поводу якобы нарушенного права на неприкосновенность частной жизни было отказано.

Например, при рассмотрении дела по иску Ш. к ряду СМИ, ООО «Яндекс», Гугл ЭлЭлСи, ООО «МЭЙЛ.РУ» и другим в связи с использованием видеозаписи с изображением истца без его согласия, суд, отказывая в иске указал на то обстоятельство, что без согласия гражданина обнародование и использование его изображения допустимо в силу подпункта 1 пункта 1 статьи 152.1 ГК РФ, т. е. когда имеет место публичный интерес, в частности, если такой гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), а обнародование и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым. Суд установил, что истец, представившись депутатом Законодательного собрания Новосибирской области, общается с сотрудником ГИБДД на проезжей части г. Новосибирска, при этом диалог между указанными лицами носит конфликтный характер. Действия истца как представителя государственной власти представляют общественный интерес, а освещение его поведения имеет общественную значимость [6].

В другом деле при рассмотрении земельного спора К. во встречном иске ставился вопрос о демонтаже видеокамер, установленных во дворе ответчика Л., мотивируя тем, что этим нарушена неприкосновенность ее частной жизни.

Рассматривая спор, суд указал, что содержание данного права охватывает также охрану тайны всех тех сторон личной жизни лица, оглашение которых лицо по тем или иным причинам считает нежелательным.

Далее суд отметил, что право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. Неприкосновенность означает, что отношения, возникающие в сфере частной жизни, не подвергаются интенсивному правовому регулированию. Можно сказать, что частную жизнь составляют те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других. С точки зрения ГК неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна рассматриваются как нематериальные блага (ст. 150 ГК РФ), а одним из принципов гражданского законодательства является недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ)

Право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера.

Суд, отказывая в иске указал то, что правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как основание своих требований и возражений. Суд акцентировал внимание на непредставление истцом и ее представителем доказательств в подтверждение своих требований о том, что ответчиком неправомерно установлены видеокамеры, осуществляется путем их установки недопустимое вмешательство в их частную жизнь, а также нарушение установкой видеокамер законодательства о защите их персональных данных. Далее суд отметил, что чинимые ответчиком препятствия должны носить реальный, а не мнимый характер [7].

Здесь хочется вспомнить слова французского правоведа Ж.-Л. Бержеля о том, что нельзя забывать, и о состязательности процесса. Он отмечает, что принцип состязательности имеет первостепенное значение [1, с. 564].

Как справедливо отмечают В. В. Лазарев и Д. А. Фурсов «суд уже не только выступает субъектом толкования закона, правоприменителем или субъектом разрешения конфликтных отношений, он вносит свои инновации, он творец права» [9, с. 7].

Таким образом, судебная практика становится ориентиром в понимании современного понятия «частная жизнь». Сама сущность этого понятия не является раз и навсегда определенной, частная жизнь развивается динамично и изменяется вслед за изменениями, происходящими в обществе. Правосудие доказывает способность охранять и реализовывать конституционное право на неприкосновенность частной жизни. Защищаемые судами указанные права являются конкретным проявлением, органической частью уже сложившихся базовых ценностей человека и гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бержель Ж. Л. Общая теория права : пер. с фр. – М. : Издательский дом NOTA BENE, 2000. – 576 с.
2. Говенко Ю. А. Уголовно-правовая охрана тайны частного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 26 с.
3. Дело 2-107/2020. – URL: <http://52308923>. (дата обращения: 05.09.2021).
4. Дело 2-610/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mAj7HUzessxz/> (дата обращения: 05.09.2021).
5. Дело 2-1412/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/91EPLUrImVQu/> (дата обращения: 05.09.2021).
6. Дело 2-1264/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7jtHxPLG8umV> (дата обращения: 05.09.2021).

7. Дело № 2-13/2020 2-13/2020(2-1424/2019;)-М-1115/2019 2-1424/2019 М-1115/2019 от 6 июля 2020 г. по делу № 2-13/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oumzrDBShobx> (дата обращения: 05.09.2021).

8. *Имекова М. П.* Биобанк как объект прав // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 54–65.

9. *Клишас А. А.* Теория государства и права : учебник. – М. : Статут, 2019. – 512 с.

10. *Марченко М. Н., Дерябина Е. М.* Теория государства и права России : учебное пособие : в 2 т. Т. 2. Право. – М. : Проспект, 2019. – 280 с.

11. *Митукова Г. А.* Право на неприкосновенность частной жизни как конституционное право человека и гражданина : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 28 с.

12. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. – 6-е изд. – М. : Норма, 2020. – 464 с.

УДК 349.2

*Громова Виктория Александровна,
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

*Gromova Viktoria Aleksandrovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

viktoria515g@mail.ru

ПРАВО НА ТРУД РЕБЕНКА И ЗАЩИТУ ЕГО ОТ ВСЕХ ФОРМ ЭКСПЛУАТАЦИИ

CHILDREN'S RIGHT TO WORK AND PROTECTION FROM ALL FORMS OF EXPLOITATION

В статье проведен анализ и исследование прав на труд ребенка и защиту его от всех форм эксплуатации. Цель исследования – анализ общей характеристики отечественных и международных универсальных стандартов защиты прав ребенка, становление законодательства о правах детей и его реализации в России. Определено, что актуальность исследования обусловлена тем, что работающие дети и подростки во многих странах не подходят под определение рабочей силы. Их относят к так называемым периферийным работникам, поскольку они вовлечены в периферийный, вторичный рынок труда.

The article analyzes and studies the rights to work of the child and its protection from all forms of exploitation. The purpose of the study is to analyze the general characteristics of domestic and international universal standards for the protection of children's rights, the formation of legislation on children's rights and its implementation in Russia. It is determined that the relevance of the

study is due to the fact that working children and adolescents in many countries do not fit the definition of the workforce. They are referred to as so-called peripheral workers, since they are involved in the peripheral, secondary labor market.

Труд ребенка, защита, эксплуатация труда, несовершеннолетний работник, права ребенка.

Child labor, protection, labor exploitation, minor worker, child rights.

Дети и подростки относятся к самым незащищенным группам работников наравне с женщинами, этническими и религиозными меньшинствами, пожилыми людьми и иностранцами без документов. Правила, защищающие рабочий стаж представителей первичного рынка труда, на вторичный рынок не распространяются.

Обеспечение прав ребенка относится к глобальным проблемам современности, в решении которых заинтересовано все мировое сообщество. Это объясняется определяющей ролью подрастающего поколения в гарантировании жизнеспособности общества и прогнозировании его будущего развития.

В промышленно развитых странах начала XX века не существовало стандартов защиты детей. Обычно они работали вместе со взрослыми в антисанитарных и небезопасных условиях. Растущее признание несправедливости их положения, вызванное более глубоким пониманием потребностей развития детей, привело к движению за улучшение их защиты.

Вопросы эксплуатации несовершеннолетних, будь то трудовая или сексуальная, неразрывно связаны с экономическими проблемами общества, имущественным расслоением, влекущим, помимо обнищания значительных масс населения, и разрушение института семьи, когда родители перестают выполнять функции защитников своих детей.

Все типичные проблемы реализации российского законодательства и функционирования государственных институтов присущи и сфере защиты прав детей [2].

Среди этих проблем – отсутствие разделения полномочий между федеральным и региональным уровнями власти; противоречия в законодательстве; отсутствие четкого разделения между федеральным и государственным бюджетами в части выплаты государственных субсидий на детей; содержание учреждений социальной поддержки; отсутствие работающих механизмов, обеспечивающих реабилитацию и интеграцию детей с ограниченными возможностями.

Трудности в семейных отношениях больше всего отражались на здоровье и благополучии детей. Например, с 1994 по 2003 гг. численность детского населения в России сократилась на 4,4 млн человек; около 80 % выпускников средних школ имеют значительные проблемы со здоровьем [1].

Система органов государственной власти отвечает за помощь детям в защите их прав и контроль за их реализацией. В нее входят органы образования, здравоохранения, по делам молодежи, опеки и попечительства, социальной защиты, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также органы внутренних дел. Однако, как показывает практика, существующая система данных многочисленных органов далеко не совершенна. Все эти институты от-

носятся к исполнительной ветви власти, сфера их деятельности зачастую не может выходить за рамки полномочий ведомства, частью которого они являются, и неизбежными становятся межведомственные противоречия.

Среди других проблем, требующих правового решения, – принятие законов о специализированной системе ювенальной юстиции; развитие различных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей; защита детей от жестокого обращения, коммерческой и сексуальной эксплуатации; принятие правовых мер, направленных на предотвращение похищения родителей и незаконной передачи детей через государственные границы России; правовое просвещение детей, их родителей и должностных лиц, работающих с детьми; дальнейшее привлечение неправительственных организаций к работе по защите детей.

Рост числа детей-сирот и отсутствие эффективной правовой защиты детей от насилия в семье являются примерами не реализации декларированных прав [4].

Ключевой проблемой является отсутствие профилактики и работы, направленной на предотвращение нарушений в отношении детской эксплуатации. Существующая система направлена скорее на наказание, чем на улучшение. Например, исключительной мерой ответственности является лишение родительских прав, однако механизм восстановления в родительских правах крайне затруднителен для оступившегося родителя, которому зачастую проще оставить своего ребенка на попечение государства, чем доказывать свою способность осуществлять родительские обязанности. Аналогичным образом, власти обычно рассматривают насильственное поведение персонала в детских учреждениях, когда оно усугубляется, а затем преследуется как преступление. Применение международных правовых норм в России осложняется тем, что эти нормы редко пропагандируются и популяризируются в стране. Педагоги и социальные работники, занимающиеся вопросами детей, часто не знают основных принципов прав человека и международных требований в отношении прав детей, а в российских вузах такие вопросы не преподаются [3].

Эксплуатация детского труда является проблемой мирового масштаба. Грань между принудительной эксплуатацией и добровольной помощью ребенка очень тонкая. Многие семьи считают в порядке вещей ситуацию, когда их ребенок наравне со взрослыми трудится. Фактически наказания за эксплуатацию детского труда подвергаются только недобросовестные работодатели, которые должным образом не оформляют трудовые отношения с ребенком или вовсе не удосуживаются осведомиться о его возрасте.

Профилактические меры должны быть направлены на снижение уязвимости групп риска. Эти изменения должны начинаться с базовых структур, так как системные изменения в образовании или трудовая интеграция уязвимых лиц повышают качество жизни до разработки программ, направленных на повышение и укрепление потенциала и осведомленности местных властей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Смирных С. Е.* Международно-правовое сотрудничество в борьбе с эксплуатацией детей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno->

pravovoe-sotrudnichestvo-v-borbe-s-ekspluatatsiey-detey (дата обращения: 05.05.2021).

2. *Агракова Д. В.* Образование и развитие института социальной защиты детства в Российской Федерации. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-razvitie-instituta-sotsialnoy-zaschity-detstva-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 05.05.2021).

3. *Бочавер А.* Почему подростки не спешат взрослеть. – URL: <https://iq.hse.ru/news/202366945.html> (дата обращения: 10.05.2021).

4. *Леонтьева А. С.* Особенности регулирования труда работников, моложе 18-летнего возраста по нормам международного и зарубежного права // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. – С. 59–63.

УДК 342.3

Груздев Владислав Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Gruzdev Vladislav Vladimirovich,
doctor of Law, Professor, Kostroma State University, Kostroma

vgruzdev@ksu.edu.ru

Столяров Алексей Сергеевич,
аспирант, Костромской государственной университет, г. Кострома

Stolyarov Alexey Sergeevich,
postgraduate student, Kostroma State University, Kostroma

asstolyarov@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК БОЛЬШОЙ ВЫЗОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

DIGITAL TRANSFORMATION AS A BIG CHALLENGE FOR THE DEVELOPMENT OF A MODERN STATE

В данной статье рассмотрено влияние процессов цифровой трансформации на государственное управление, описаны современные подходы и особенности определения проблем и способов их решения посредством закона «вызовов и ответов». Представлен опыт США и России по определению «больших вызовов» как объектов научного исследования. Высказано предположение, что результаты процессов цифровизации могут использоваться в каче-

стве косвенного внешнего давления, в виде формирования «необходимых» электоральных настроений, кибератак на системы государственного управления, национальной безопасности и жизнеобеспечения, затруднения осуществления правосудия и функционирования финансовой системы. Предложено в рамках Стратегии научно-технологического развития расширить перечень «больших вызовов» за счет рисков и угроз государственному суверенитету России, обусловленных научно-технологическим развитием цифровых технологий.

This article examines the impact of digital transformation processes on public administration, describes modern approaches and features of defining problems and ways to solve them through the law of “challenges and answers”. The experience of the USA and Russia in defining “big challenges” as objects of scientific research is presented. It is suggested that the results of digitalization processes can be used as an indirect external pressure, in the form of the formation of «necessary» electoral sentiments, cyber-attacks on public administration systems, national security and life support, difficulties in the implementation of justice and the functioning of the financial system. Within the framework of the Strategy of Scientific and Technological Development, it is proposed to expand the list of “big challenges” due to the risks and threats to the state sovereignty of Russia caused by the scientific and technological development of digital technologies.

Государственный суверенитет, глобализация, большие вызовы, цифровая трансформация, государственное управление.

State sovereignty, globalization, big challenges, digital transformation, public administration.

Глобальные процессы формирования «Цифровой среды» завораживают и вызывают как восхищение, так и озабоченность своей стремительностью. Число людей, использующих интернет в 2020 году, выросло до 4,54 млрд, увеличившись на 7 % по сравнению с 2019 годом. В 2020 году насчитывалось 3,8 млрд пользователей социальных сетей, и по сравнению с 2019 годом это число увеличилось более чем на 9 % [1].

Безусловно, развитие цифровых коммуникационных сетей «человек – человек» и «человек – государство» устраняет множество личностных, технических и бюрократических препятствий и является в основе своей положительным процессом. Однако он может вызвать неожиданные и сложно предсказуемые последствия для общества и государства, привести как к созидательным, так и негативным результатам, став угрозой для самой сущности государства и его основополагающего признака – государственного суверенитета.

В начале текущего столетия Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан выступая с докладом «Мы, народы: роль ООН в XXI веке» обозначая всемирные вызовы нового века, поставил в один ряд с межгосударственными конфликтами, гражданскими войнами, распространением оружия массового уничтожения, а также терроризмом набирающие скорость процессы глобализации, которые породили «революцию в области глобальных средств коммуникации». Он признал, что «Интернет представляет собой... самое быстро растущее средство коммуникации и, вероятно, наиболее быстро распространяющийся инструмент из всех, которые, когда-либо существовали» [2].

Таким образом, уже в начале XXI века на высшем международном уровне процессы и скорость распространения цифровизации общества, общественных

отношений, государства и его институтов были обозначены в качестве большого вызова для всего человечества.

Учитывая неотвратимость процессов глобализации и возрастающей мировой конкуренции в цифровой среде, государства вынуждены реагировать на изменения в научно-техническом прогрессе, разрабатывать стратегии развития, создавать и наращивать соответствующую инфраструктуру, готовить или привлекать необходимых специалистов, разрабатывать способы укрепления государственного суверенитета в условиях интенсивно усиливающегося влияния глобальной цифровой среды.

Одним из современных подходов при выработке стратегий развития и формировании системы проблем и способов их решения является закон «вызовов и ответов», предложенный английским историком А. Дж. Тойнби, которым, описываются закономерности развития цивилизации под воздействием, возникающих перед обществом проблем («вызовов») – исторических ситуаций или природных факторов. По мнению А. Дж. Тойнби, дальнейший вектор развития общества зависит от выбранного варианта решения («ответа») на этот вызов [7].

Анализ документов научно-технологического сотрудничества ряда ведущих стран мира, таких как США, Япония, ЕС, Южная Корея, Китай, Индия, Канада, Германия, а также ряд других показывает, что при формировании стратегий научно-технологического развития многие из них ссылаются на «большие вызовы» и имеют много схожих направлений научно-технологической и инновационной политики [3].

При этом необходимо учитывать, что одни и те же большие вызовы, связанные с геополитическим положением государства, занимаемой им территорией, изменением климата, недостаточностью природных ресурсов могут являться как угрозой, так и благоприятными возможностями. С учетом страновой специфики, внутренней и внешней политики стран, интересы государств по отношению к глобальным вызовам могут не совпадать и использоваться при формировании политики доминирования в регионе или в мире в целом.

Так, например, интересен опыт США, которые определяют «большими вызовами» и объектами научного исследования, в том числе кибербезопасность и интернет-политику, цифровую инфраструктуру XXI века, создание открытого и подотчетного правительства, открытые данные, вывод США на лидирующие позиции по передовым технологиям [3]. Включение в стратегические документы развития США составляющих цифровой трансформации как объектов для изучения, указывает на определение их в качестве приоритетных возможных угроз или конкурентных преимуществ в отношении других государств.

В Российской Федерации так же разработана Стратегия научно-технологического развития (далее – Стратегия НТР), которая трактует «большие вызовы» как совокупность проблем, угроз и возможностей, реакция на которые признается обществом и государством на данный период времени своей главной задачей и которые не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов [8].

В Стратегии НТР указывается на возникновение существенных рисков для общества, экономики, системы государственного управления Российской

Федерации от результатов воздействия «больших вызовов» к которым отнесены, в том числе новые внешние угрозы национальной безопасности, включающие угрозы утраты национальной и культурной идентичности российских граждан, обусловленные ростом международной конкуренции и конфликтности, а также глобальная и региональная нестабильность, создающая внутренние угрозы национальной безопасности.

При формулировании настоящих и будущих «больших вызовов» для России необходимо учитывать особенности процессов становления и развития российского государства под влиянием внешних и внутренних сил, которые имеют свои отличительные черты. Внешнее давление на систему государственного управления России является одним из основных «больших вызовов» для российского государства в целом и государственного суверенитета в частности. Однако необходимо учитывать, что форма и содержание внешнего давления могут трансформироваться в условиях изменяющейся геополитики и процессов глобализации и принимать неявные, «мягкие» формы, практически не имея до определенного момента жестких и агрессивных признаков.

Процессы цифровизации государственного управления, экономики и иных сфер жизнедеятельности человека в стратегических документах позиционируются лишь как позитивные возможности развития и практически не рассматриваются через призму возможных угроз и рисков для общества и государства, что является необоснованным и опасным. С учетом вышеописанных «больших вызовов» для национальной безопасности России в форме внешнего давления, можно предположить, что результаты процессов тотальной цифровизации могут превратиться в инструменты косвенного внешнего влияния и активизации центробежных сил внутри страны. Они могут быть выражены, например, в манипулировании общественным мнением и формированием «необходимых» электоральных настроений, кибератаках на системы государственного управления, национальной безопасности и жизнеобеспечения, затруднении осуществления правосудия, регулирования общественных отношений и функционирования финансовой системы, а также других форм и способов ослабления государственного суверенитета Российской Федерации.

О существовании угроз государственному суверенитету России в условиях стремительного развития цифровой среды сказал в своем выступлении Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) В. Володин на заседании 140-й Ассамблеи Межпарламентского союза в 2019 году. Он отметил, что традиционно суверенитет включал в себя признаки, которые определяют независимость государства, территория государства, его границы, верховенство власти, самостоятельная правовая система, армия, национальная валюта. В современных реалиях, чтобы нанести ущерб другому государству, пересекать границы не требуется. Интернет-технологии позволяют вмешиваться в работу государственных органов, в избирательные кампании, в работу атомных электростанций, создавать транспортный коллапс, обрушивать финансовую систему стран и корпораций. Он призвал парламенты государств работать над обеспечением цифрового суверенитета стран и формировать модельное законодательство по ключевым проблемам и вызовам [6].

Подтверждением существования внешнего давления посредством цифровой среды на систему государственного управления России является заявление Министерства иностранных дел России от 10 сентября 2021 года, согласно которому было заявлено, что российская сторона обладает неопровержимыми доказательствами нарушения российского законодательства американскими «цифровыми гигантами» в контексте подготовки и проведения выборов в Государственную Думу [4]. Как следует из комментариев Председателя Комиссии Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России В. Пискарева, «Речь идет о приложении, которое подскажет избирателю фамилию кандидата, за которого ему следует проголосовать. Как оказалось, следы ведут в США, к компаниям, связанным с военным ведомством, где работают бывшие сотрудники Пентагона» [5].

Использование цифровых технологий при формировании высшей государственной власти наблюдалось в США во время предвыборной кампании 2020 года, когда в интересах одного кандидата, по субъективному мнению, той или иной сети предпринимались решения о блокировках аккаунтов другого кандидата.

Кроме того, интерес для исследования в качестве источников возможных угроз для государственного суверенитета представляют такие составляющие цифровой трансформации, как электронные деньги, электронное правосудие, электронные средства массовой информации и др.

Необходимо отметить, что российская экономика глубоко интегрирована в цифровую среду, с которой связаны логистика, транспорт, банковские операции и др. Следовательно, влияние на цифровые процессы в отечественной экономике и ее международной составляющей может создать угрозы экономической безопасности Российской Федерации.

С учетом интенсивного развития процессов цифровой трансформации, в том числе и в сфере формирования органов государственной власти, в целях исключения или минимизации угроз для государственного суверенитета Российской Федерации считаем целесообразно в рамках Стратегии НТР расширить перечень «больших вызовов» за счет еще не проявившихся и не получивших широкого общественного признания рисков и угроз, обусловленных научно-технологическим развитием цифровых технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy> (дата обращения: 01.09.2021).

2. Доклад Генерального секретаря на Ассамблее тысячелетия ООН (Пятьдесят четвертая сессия) «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» 27.03.2000. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/144358> (дата обращения: 01.09.2021).

3. Доклад тематической рабочей группы по разработке Стратегии научно-технологического развития России на долгосрочный период «Целевое будущее России: научно-технологический аспект». – URL: https://issek.hse.ru/data/2016/06/29/1115937313/01_Salihov.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

4. О встрече заместителя министра иностранных дел России С. А. Рябкова с послом США в России Дж. Салливаном. – URL: [https://www. mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/ content/id/4856499](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4856499) (дата обращения: 01.09.2021).

5. Проект «Умное голосование» финансируется из США – глава комиссии ГД Пискарев. – URL: http://rapsinews.ru/ election_right_news/20210909/307360675.html (дата обращения: 01.09.2021).

6. Текст выступления председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. Володина на заседании 140-й Ассамблеи Межпарламентского союза. – URL: <http://duma.gov.ru/news/44461> (дата обращения: 01.09.2021).

7. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. – М. : АСТ, 2009. – 670 с.

8. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 49. – Ст. 6887.

УДК 34.09

Грязнова Юлия Олеговна,
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома

Gryaznova Yulia Olegovna
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma
gryaznova@r44.fssprus.ru

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

THE PROBLEM OF IDENTITY IDENTIFICATION IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS

В статье проанализирован проблемный вопрос идентификации личности в исполнительном производстве. Автором рассмотрен ряд мероприятий, направленных на сокращение случаев ошибочной идентификации граждан как должников по исполнительному производству, внесены предложения по возможному совершенствованию законодательства в сфере исполнительного производства, в рамках оперативного решения проблемного вопроса.

The article analyzes the problematic issue of identity identification in enforcement proceedings. The author has considered a number of measures aimed at reducing the cases of erroneous identification of citizens as debtors in enforcement proceedings, made proposals for possible improvement of legislation in the field of enforcement proceedings, as part of solving the problematic issue.

Исполнительное производство, идентификация личности, двойник, должник.

Enforcement proceedings, identity identification, double, debtor.

Обращения от граждан-двойников по данному вопросу поступают в структурные подразделения Федеральной службы судебных приставов практически ежедневно. Так, например, за 2020 год в Управление Федеральной службы судебных приставов по Костромской области (далее – Управление) обратились около 108 граждан-двойников, по состоянию на октябрь 2021 года в Управление по вопросам ошибочной идентификации обратилось 76 граждан. У всех были схожие вопросы, касающиеся ареста счетов, находящихся в кредитных организациях, запрета на регистрационные действия в отношении транспортных средств, запрета на действия по регистрации недвижимого имущества, списания денежных средств со счетов, а также отображения недостоверной информации в личном кабинете Единого портала государственных услуг.

Главной причиной возникновения проблемы является тот факт, что для идентификации должника-гражданина в настоящее время применяется только два идентификационных признака: Ф.И.О. и дата рождения. Зачастую указанные данные не дают возможности идентифицировать гражданина как должника по исполнительному производству по причине их полного совпадения у нескольких лиц.

В рамках возбужденного исполнительного производства сотрудником органа принудительного исполнения периодически направляются запросы в различные ведомства, банки и организации. В запросе пристав указывает только данные из исполнительного документа, а чаще всего, как мы ранее уже замечали, это Ф.И.О. и дата рождения должника. Вследствие чего, ведомства и банки могут предоставить информацию не по должнику, а по другим людям с идентичными данными. С этого момента и начинается проблема ошибочной идентификации физических лиц в исполнительном производстве.

Данный вопрос не остался незамеченным при проведении 11 марта 2021 года круглого стола на тему «Цифровизация системы исполнительного производства в Российской Федерации».

В работе круглого стола также приняла участие первый заместитель директора ФССП России Ольга Александровна Помигалова. По словам О. А. Помигаловой, в настоящее время разрабатываются инициативы, которые должны исправить ситуацию. В частности, суды обяжут вносить в исполнительные документы индивидуальные идентификаторы должников, например СНИЛС, данные паспорта, либо ИНН. Это позволит не взыскивать долги с невиновных граждан.

В случае если гражданин, не являясь должником, установил факт наличия возбужденного в отношении себя исполнительного производства, стоит незамедлительно предпринять меры, чтобы избежать применения мер принудительного исполнения, установленных статьей 68 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Первым делом гражданину необходимо проверить себя на наличие либо отсутствие задолженности в сервисе «Банк данных исполнительных производств», который расположен на официальном сайте УФССП России, где также можно получить сведения о структурном подразделении службы судебных

приставов, фамилии, имени, отчестве, телефоне должностного лица, возбудившего исполнительное производство.

После получения необходимых сведений посредством сервиса «Банк данных исполнительных производств» необходимо каким-либо удобным способом связаться с судебным приставом – исполнителем, возбудившим исполнительное производство, с заявлением об ошибочной идентификации гражданина как должника по исполнительному производству. Предоставленные документы послужат основанием для отмены наложенных ограничений и запретов.

Также в настоящее время организованы и функционируют телефонные «Горячие линии» по вопросам внесения в реестр двойников. Где компетентный сотрудник посодействует в решении сложившейся, непростой ситуации.

Также совсем недавно, сервис Федеральной службы судебных приставов «Интернет-приемная» дополнен новым видом обращений для граждан, ошибочно идентифицированных как должников по исполнительным производствам. Для этого физическим лицам необходимо заполнить форму электронного обращения в сервисе «Интернет-приемная», выбрав тему «Я двойник!». На рассмотрение такого рода обращений, идентификацию гражданина, устранение нарушений и ответ заявителю отводится 2 дня.

Федеральной службой судебных приставов проводится ряд мероприятий, направленных на сокращение случаев ошибочной идентификации граждан как должников по исполнительному производству.

В первую очередь, при поступлении обращения необходимо незамедлительно запрашивать у гражданина, обратившегося с заявлением об ошибочной идентификации его как должника по исполнительному производству, документы, позволяющие однозначно его идентифицировать. Такими документами могут быть ИНН, СНИЛС, копия паспорта, копия водительского удостоверения и пр., а при совпадении ФИО, даты рождения и места рождения – история ранее выданных паспортов [1].

После получения документов, подтверждающих ошибочную идентификацию гражданина как должника по исполнительному производству, необходимо незамедлительно отменить все наложенные ранее аресты и ограничения на имущество, права гражданина, ошибочно идентифицированного как должника по исполнительному производству.

В случае списания денежных средств со счетов в банках или иных кредитных организаций, а также удержаний денежных средств из заработной платы или иных доходов гражданина, принять меры к возврату денежных средств.

В случае наличия в исполнительных производствах ответов из регистрирующих органов, кредитных организаций принадлежащих гражданину, ошибочно идентифицированному как должнику по исполнительному производству, в системе базы данных АИС ФССП России незамедлительно принять меры по исключению указанной информации из исполнительных производств, для недопущения повторного совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения.

Кроме того, сотруднику необходимо принять меры по установлению достоверных персональных сведений должника, путем выхода в адрес по месту регистрации/жительства с целью совершения определенных исполнительных действий.

Также особое внимание следует уделить следующему вопросу. В структурных подразделениях территориальных органов ФССП России рекомендуется проводить консультации для граждан по указанному вопросу, разместить в доступных для граждан местах информацию о возможности совпадения персональных данных должника по исполнительному производству (ФИО, даты и места рождения) с персональными данными иных граждан с разъяснением последующих действий.

Проанализировав п. 1 ст. 12 и п.1 ст.13 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» судебный пристав-исполнитель имеет право на получение и обработку персональных данных при условии, что они необходимы для своевременного, полного и правильного исполнения исполнительных документов, в объеме, необходимом для этого, а также сотрудник органов принудительного исполнения обязан использовать предоставленные ему права в соответствии с законом и не допускать в своей деятельности ущемления прав и законных интересов граждан и организаций [2].

Таким образом, ошибка по идентификации физических лиц в исполнительном производстве обязательно должна находиться на особом контроле у начальников-отделений – старших судебных приставов и непосредственно у судебного пристава-исполнителя, возбудившего исполнительное производство.

На основании вышесказанного мы бы хотели предложить внести дополнения в п. 1 ст. 12 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (далее – Закон). В процессе принудительного исполнения судебных актов и актов других органов, предусмотренных Федеральным законом «Об исполнительном производстве», сотрудник органов принудительного исполнения обязан при поступлении обращений граждан по вопросам ошибочной идентификации их как должников по исполнительному производству, а также применения к ним мер принудительного исполнения, незамедлительно совершать все необходимые действия, направленные на однозначную идентификацию граждан, а также на устранение причин, нарушивших их права и законные интересы. Необходимо, также указать в статье Закона, что сотрудник органов принудительного исполнения несет персональную ответственность за неисполнение данных требований. Потому что, как показывает практика, с первого обращения проблема граждан-двойников почти никогда не решается. Отсюда следуют обращения в Прокуратуру РФ, Следственный комитет и т. п. ведомства, что влечет служебные проверки, за превышение должностных полномочий, депремирование сотрудников, регрессные иски.

Подводя итоги всего вышесказанного, следует отметить, что вопросы, связанные с ошибочной идентификацией физических лиц в исполнительном производстве, должны быть на особом контроле у должностных лиц, к которым обратился гражданин-двойник. В целях избегания многочисленных обращений

и жалоб, сотруднику следует незамедлительно принимать меры по восстановлению нарушенных прав и интересов граждан и организаций, а также по недопущению повторных ситуаций впредь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Письмо Федеральной службы судебных приставов от 29 мая 2017 г. 00011/17/48684-ДА «О вопросах ошибочной идентификации граждан как должников по исполнительному производству». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71645536/> (дата обращения: 02.10.2021).

2. Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» от 21.07.1997 № 118-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/ (дата обращения: 02.10.2021).

УДК 343.57

***Жаденова Екатерина Игоревна,**
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

***Zhadenova Ekaterina Igorevna,**
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

zhadenova96@bk.ru

***Быкова Мария Сергеевна,**
кандидат юридических наук, доцент кафедры,
Костромской государственной университет, г. Кострома*

***Bykova Maria Sergeevna,**
candidate of legal sciences, associate professor of the department,
Kostroma State University, Kostroma*

marbyk@bk.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE PREVENTION OF OFFENSES IN THE FIELD OF CONSUMPTION OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES

Статья посвящена сравнительному анализу систем борьбы с правонарушениями в области оборота наркотических средств и психотропных веществ на международном уровне. Выявлена и обоснована необходимость совместного использования методов борьбы с общемировой про-

блемой всего человечества. Предлагается обратить внимание на мировой опыт предупреждения правонарушений и привести его к части, касаемо российского законодательства.

The article is devoted to the comparative analysis of the systems of combating offenses in the field of trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances at the international level. The necessity of joint use of methods of combating the global problem of all mankind is identified and justified. It is proposed to pay attention to the world experience in the prevention of offenses and bring it to the part concerning Russian legislation.

Наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот, наркотики, статистика о наркотиках.

Narcotic drugs, psychotropic substances, illicit trafficking, drugs, drug statistics.

Необходимость комплексного и системного подхода к борьбе с преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков и их немедицинским потреблением в настоящее время – одна из первостепенных задач нашего общества. Это связано не только с решением демографических остросоциальных проблем, но с продуцированием через наркопреступность иных видов преступлений [1].

Согласно Всемирному докладу о наркотиках, опубликованному Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН), около 269 млн человек в мире потребляли наркотики в 2018 году, что на 30 % больше, чем в 2009 году. Более 35 млн человек страдают расстройствами, вызванными потреблением наркотиков [5].

Проблема наркопреступности не может быть решена в рамках только национальной правовой системы. Объективной необходимостью эффективного противодействия качественно новой наркопреступности является более тесное и реальное международное сотрудничество государств, и обмен опытом в предупреждении данных правонарушений.

Наиболее развитыми комплексами мер профилактики с наркоманией обладает ряд Скандинавских стран и США. Так как Скандинавские страны, по оценкам ООН, признаны наиболее здоровыми, их социальная политика, и пути решения проблемы наркотиков, заслуживает более глубоко и детального рассмотрения. Например, Шведская модель. Через Швецию не проходят основные пути наркоторговли, разница доходов населения невелика, что снижает уровень социальной дифференциации. Эти социальные факторы снижают риск употребления наркотиков [4].

Национальный проект в рамках борьбы с наркозависимостью был принят правительством Швеции в 2011 году и был рассчитан на четыре года. Его целями являются:

- активное проведение профилактических мероприятий, направленных на снижение уровня употребления наркотиков среди несовершеннолетних, с широким привлечением гражданского общества, общественных организаций и родителей;

- эффективное преодоление наркотической зависимости и дальнейшее ограничение доступа к наркотическим и наркосодержащим веществам;

– обеспечение доступа наркозависимых к высококвалифицированному медицинскому обслуживанию в любом регионе страны.

Хочется отметить, что для реализации мероприятий, предусмотренных планом, шведское правительство ежегодно выделяет на предотвращение незаконного оборота наркотиков денежные средства в размере около 260 млн. шведских крон (почти 40 млн. долларов США), это в три раза больше средств, чем в среднем в странах Европейского союза. Этот показатель подтверждает серьезность намерений правительства в борьбе распространением и незаконным употреблением наркотических средств и психотропных веществ.

Еще одним оружием в борьбе с наркоманией является само общество так, например, с 1969г. в Швеции действует Союз общественных организаций «За общество без наркотиков». «Общество без наркотиков» считает, что решающая сила – это не только полицейские или врачи, но и общество.

Американская Национальная стратегия контроля над наркотиками включает следующие меры противодействия развитию наркомании:

Тестирование учащихся на употребление наркотических средств носит некарательный характер и используется в качестве профилактики. Если тестирование дало положительный результат, то ребенку предлагается пройти консультацию у специалиста или лечение. Результаты тестирования доводятся исключительно до родителей учащегося и не сообщаются в правоохранительные органы.

В Соединенных Штатах наркосуды стали альтернативным способом вынесения наказаний и предназначены исключительно для работы с лицами, которые допустили незначительные правонарушения, связанные с наркотиками. В качестве альтернативы тюремному заключению лицам предлагают пройти эффективное лечение, общественное наблюдение и тестирование.

Скрининг – это кратковременная интервенция и отсылка к лечению. Это программа профилактики и лечения, применяемая в учреждениях здравоохранения для выявления и оказания помощи лицам, испытывающим проблемы с наркотиками. Реализуется в госпиталях, больницах и университетских по всей стране.

Уже после прохождения лечебной программы лица, которые обратились за помощью, могут воспользоваться программой «Доступ к восстановлению». Многие люди, встречают на своем пути к лечению такие проблемы, как обеспечение ухода за детьми, проблемы с транспортом, не позволяющие им добраться до тех мест, где производится профессиональная переподготовка, данная программа поддерживает такие услуги с помощью так называемых «лечебных ваучеров», для того чтобы обеспечить человеку доступ к наиболее подходящей для него лечебной программе.

Подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что достижения Швеции и США являются доказательством того, что каждое государство несет ответственность за размеры проблемы употребления наркотиков в своей стране. Проблему незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков невозможно решить только «полицейскими методами». Необходима унификация национального законодательства, постоянный обмен информацией, установление доверительных отношений с обществом [3].

Важно помнить, что законодательству принадлежит важная, но не самая главная роль в борьбе с наркотиками. Наиболее эффективными будут те меры, которые воздействуют на причины появления проблемы.

Во многих развитых государствах сегодня существует система правового, медицинского, социального и прочего обеспечения реабилитации наркоманов одновременно с мощной пропагандистской кампанией против наркотиков, уже более 30 лет функционируют наркосуды, организовано недобровольное (альтернативное) лечение правонарушителей от наркомании [2].

Таким образом, будет целесообразно перенять данный опыт развитых стран для усовершенствования системы профилактики незаконного потребления наркотических средств в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Александрова Л. И.* Деятельность прокуратуры по предупреждению преступлений и иных правонарушений в сфере оборота наркотиков: монография. – М. : Проспект, 2018. – 212 с.

2. *Жидких А.* Международно-правовое сотрудничество прокуратуры. – URL: <http://consultant.or.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

3. *Крюков В.Ф.* Прокурорский надзор : учебник для вузов. – М. : Норма, 2006. – 783 с.

4. *Глюстангелов Б. К.* Международный опыт предупреждения правонарушений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

5. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2019 году. – URL: <https://drugmap.ru/wp-content/uploads/2020/08/Doklad-GAK-2019-KMM.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 342.76

*Зайцев Леонид Николаевич,
старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

*Zaitsev Leonid Nikolayevich,
senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma*

zln15@yandex.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

RESTRICTION OF RIGHTS IN THE IMPLEMENTATION OF COURT DECISIONS

В статье исследуется совокупность общественных отношений, связанных с ограничением конституционных прав, установленных при реализации судебных решений. Автором произ-

веден анализ правового и организационного механизма применения ограничений прав на стадии исполнения судебных решений.

The article examines the totality of public relations related to the restriction of constitutional rights established during the implementation of court decisions. The author analyzes the legal and organizational mechanism of the application of restrictions of rights at the stage of execution of court decisions.

Реализация права, судебный пристав-исполнитель, ограничение прав, судебная защита.

Implementation of the right, bailiff, restriction of rights, judicial protection.

Одной из важнейших форм реализации правовых норм является применение права. Важное значение имеет реализация права при исполнении судебных решений. К сожалению, субъекты правоотношений не всегда правильно выполняют нормы правовых предписаний, в том числе и после вынесения судебных решений, направленных на некоторые обязательства в отношении данных лиц.

Справедливо отмечает Н. И. Сухова, что «правовое регулирование имеет несколько критериев оценки: своевременность, адекватность, эффективность, рискообеспеченность и т. д.» [9, с. 11–20].

При уклонении субъектов на стадии исполнения судебных решений, судебные приставы-исполнители, выполняя предписания закона, применяют ряд ограничений прав, направленных именно на реализацию права, принятого судебным органом.

Ясное дело, такие ограничения вызывают недовольство ряда отдельных лиц, которые и обжалуют их в судебном порядке. Так, за 6 месяцев 2021 года в суды общей юрисдикции и арбитражные суды поступило 108 379 заявлений и исковых заявлений на действия или бездействия судебных приставов-исполнителей, из них судами удовлетворено было 2 858, или 2,63 %. За 2020 год таких заявлений поступило в суды 118232, а удовлетворено 5661, т. е. 4,7 %. За 2019 год в суды поступило 102580 заявлений и исков, а удовлетворено 5877, из них на ограничение права на выезд за пределы России 858, а удовлетворено 107; на ограничение пользования должником специальными правами 298, а удовлетворено – 19. В 2018 году поступило таких исков и заявлений 85 670, а удовлетворено 5717, из них: на ограничение права на выезд за пределы России 733, а удовлетворено 86; на ограничение пользования должником специальными правами 387, а удовлетворено – 16 [11].

Как видно из анализа статистических данных имеется рост обжалования действий судебных приставов-исполнителей, однако судебная практика свидетельствует, за редким исключением, о законности их действий и о невыполнении должниками судебных решений на стадии их исполнения, т. е. при реализации права.

Федеральным законом «Об исполнительном производстве» для реализации исполнения судебных решений судебным приставом-исполнителем как

лично, так и по заявлению взыскателя могут устанавливаться временные ограничения на выезд должника из Российской Федерации на срок до шести месяцев, с последующим возможным продлением. Условиями для таких действий являются уклонение должника и превышение суммы задолженности по исполнительным документам, выданным по делам о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного здоровью, возмещении вреда в связи со смертью кормильца, имущественного ущерба и (или) морального вреда, причиненных преступлением, свыше 10 000 руб. А по делам об иных требованиях сумма задолженности должна быть свыше 30 000 руб. Законодатель также предусмотрел и такую меру, как временное ограничение на пользование должником специальным правом в виде права управления транспортными средствами (ст. 30, 64, 67, 67.1) [10].

Конституционный Суд Российской Федерации в своей правовой позиции, отмечал, что постановление судебного пристава-исполнителя о временном ограничении на выезд должника из Российской Федерации по своей правовой природе является не мерой юридической ответственности гражданина за сам факт вынесения против него судебного постановления, возлагающего на него гражданско-правовую обязанность, а исполнительным действием, совершаемым судебным приставом-исполнителем в соответствии с законодательством об исполнительном производстве и направленным на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе [1].

Нами изучено более 50 судебных решений, связанных с ограничением прав. К сожалению, в данном исследовании невозможно проанализировать все.

Л. не смогла выехать за границу и воспользоваться оплаченной ей туристической путевкой по причине ограничения выезда за границу, что повлекло убытки в виде не возмещенной стоимости путевки и причинило нравственные страдания. Решением суда был удовлетворен ее иск, которым возмещена стоимость путевки и произведена компенсация морального вреда. Основанием для удовлетворения иска послужило то обстоятельство, что после исполнения судебного решения судебным приставом-исполнителем несвоевременно было послано уведомление о снятии ограничения [2].

Интересным представляется следующее дело о нарушенном праве должника: Решением суда был удовлетворен иск К., который в качестве второго пилота вылетал в Финляндию и был задержан подразделением пограничного контроля, ему было сообщено о принятом ограничении на выезд. Судом были установлены ряд нарушений, таких, как: 1) постановления о возбуждении исполнительного производства, о временном ограничении на выезд, о расчете задолженности должнику не направлялись; 2) постановление об ограничении на выезд было вынесено по окончанию ранее и не возобновленному исполнительному производству, без учета того, что К. является пилотом и необходимость выезда за пределы РФ обусловлена его профессиональной деятельностью; 3) судебный пристав-исполнитель не предпринял должных мер для выявления

задолженности и установления виновного уклонения должника от уплаты алиментов. Суд пришел к выводу о том, что действия судебного пристава-исполнителя не соответствовали целям и задачам исполнительного производства и не были направлены на реализацию правильного и своевременного исполнения судебного акта [3].

В следующем деле, признавая незаконными постановления о расчете задолженности по алиментам о временном ограничении выезда из Российской Федерации в отношении В., суд указал на неправомерно сформированный расчет о задолженности по алиментам и, как следствие этого, неправомерное принятие постановления о временном ограничении на выезд должника В. из Российской Федерации [4].

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, значительная часть подобных споров фиксирует правильность применения ограничения прав судебными приставами-исполнителями.

Так, отказывая в удовлетворении иска А., суд указал, что истец, являясь должником по алиментам, знала и должна была знать, что у нее на момент трудоустройства имелась задолженность по алиментам в размере более 10 000 руб., а поэтому в отношении нее правильно был применен запрет на выезд [5].

Другим решением суда по административному иску судебного пристава-исполнителя к Н. к нему было применено временное ограничение на выезд из Российской Федерации и временное ограничение на пользование должником специальным правом в виде права управления автомобильными транспортными средствами за то, что он уклоняется от погашения штрафов на сумму более 100 тысяч руб., хотя был уведомлен о возбужденных в отношении него исполнительных производствах [6].

В ряде других случаев суды также признают действия судебных приставов-исполнителей законными, а должников уклоняющимися от исполнения судебных решений.

Как отмечал Конституционный Суд РФ: «исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть «суда» и, что право каждого на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства допускала, чтобы окончательное, обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу одной из сторон». При этом КС РФ ссылаясь на международную практику, в том числе на конкретные решения Европейского суда по правам человека [1].

Анализ правоприменительной деятельности при рассмотрении дел данной категории и применение ограничения прав позволяет нам согласиться с мнением П. П. Ланга, что полезность и уровень позитивного эффекта для субъектов правоотношений возможны для достижения юридически значимого положительного результата [8, с. 84–87].

Следует отметить, что при разрешении указанных споров важную роль играют также такие функции права, как воспитательная, юридическая [12, с. 370].

Наше исследование позволяет нам прийти к следующим выводам.

Если своевременно, эффективно и адекватно применять ограничительные меры к лицам, уклоняющимся от исполнения судебных решений, это будет более способствовать их исполнению. При решении задач по обеспечению эффективности исполнения судебных решений на стадии их исполнения (правоприменения) важную роль играют и указанные меры, принимаемые для ограничения прав, что способствует защите прав и свобод иных лиц, чьи права защищаются судебными решениями. Именно такие особенности правового регулирования в отношении должников позволяют более эффективно противодействовать такому явлению, как правовой нигилизм указанных лиц. По нашему мнению, только с помощью такой регулятивной юридической функции возможно добиться адекватного правопонимания и правоисполнения субъектами права, поскольку именно такая возможность применения данных мер будет способствовать целям защиты прав и свобод гражданина, подвергаемых нарушению. Только тогда восторжествуют такие принципы права, как принцип законности, принцип юридического равенства граждан перед законом, принцип социальной справедливости [7, с. 344].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1563-О. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2021).
2. Решение № 2А-7347/2016 по делу № 2А-7347/2016. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.09.2021).
3. Решение № 2-1160/2018 по делу № 2-1160/2018. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.09.2021).
4. Решение № 2-852/2020 от 16 июля 2020 г. по делу № 2-852/2020. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.09.2021).
5. Решение № 2А-1909/2019 от 10 февраля 2020 г. по делу № 2А-1909/2019. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.09.2021).
6. Решение № 2-1233/2017 от 16 ноября 2017 г. по делу № 2-1233/2017. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.09.2021).
7. *Клишас А. А.* Теория государства и права : учебник. – М. : Статут, 2019. – 512 с.
8. *Ланг П. П.* Ценность и экзистенция принципов права // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6 (157). – С. 84–87.
9. *Сухова Н. И.* Правовое регулирование в контексте парности действия закона и противодействия его осуществлению // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 8. – С. 11–20.
10. Федеральный закон от 02.12.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в редакции от 30.12.2020). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2021).
11. Федеральная служба судебных приставов (ФССП) России. – URL: <https://fssp.gov.ru/iss/ip> (дата обращения: 05.09.2021).
12. *Шабуров А. С., Жайкбаев Ж. С.* Теория государства и права : учебное пособие. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – 382 с.

УДК 349.23/24

Иванова Лариса Юрьевна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома

Ivanova Larisa Yurievna,
student, Kostroma State University, Kostroma

naloghelp39@gmail.com

Ганжа Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University, Kostroma

nat_ganzha@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LABOR RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE PANDEMIC

В статье рассмотрены вопросы трудового законодательства Российской Федерации в период пандемии. Проанализированы меры, предпринятые Правительством страны для предотвращения распространения коронавирусной инфекции в коллективах предприятий. Перевод сотрудников на дистанционную работу, юридические основания данного перевода в кратчайшие сроки, в условиях недостаточной правовой базы. Ответственность работодателя и предложение оптимального решения для организации перевода работников на удаленный труд. Проанализированы изменения, внесенные в Трудовой кодекс РФ, касающиеся перевода работников на дистанционный труд. Предложено внести изменения в перечень оснований перевода работников на удаленную работу по инициативе работодателя.

The article deals with the issues of labor legislation of the Russian Federation during the pandemic. The measures taken by the Government of the country to prevent the spread of coronavirus infection in the collectives of enterprises are analyzed. Transfer of employees to teleworking, the legal grounds for this transfer in the shortest possible time, in conditions of insufficient legal framework. The responsibility of the employer and the offer of the optimal solution for the organization of the transfer of employees to teleworking. The changes made to the Labor Code of the Russian Federation concerning the transfer of employees to teleworking are analyzed. It is proposed to amend the list of grounds for transferring employees to teleworking on the initiative of the employer.

Дистанционная работа, пандемия, режим самоизоляции, трудовые права, удаленная работа.

Freelancers, labor rights, self-isolation regime, telecommuting, teleworking pandemic.

В начале 2020 года наша страна оказалась в условиях растущей угрозы распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Пандемия серьезно повлияла на взаимодействие субъектов трудовых отношений, прежде всего, работника и работодателя. Меры, предпринятые руководством страны, направленные на борьбу с пандемией, изменили привычную жизнь общества и традиционное понимание трудовых отношений, которые наиболее подверглись влиянию социально-экономических факторов [1, с. 423].

В целях минимизации контактов между людьми Президент издал Указ «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (covid-19)». На основании Указа граждане обязаны были соблюдать режим самоизоляции с 4 по 30 апреля 2020 года. Эти дни относились к нерабочим дням, которые подлежали оплате в полном объеме. В пункте 4 вышеназванного нормативно-правового акта были перечислены предприятия, на которые не распространялось действие Указа.

Не все работодатели были готовы нести материальные издержки в ситуации ограничений деятельности. Имели место быть нарушения трудовых прав работников: работодатели вынуждали их оформлять отпуска без сохранения заработной платы. В сложный эпидемиологический период, опасаясь потерять работу, работники соглашались на требования работодателя. Данные действия являются незаконными, работодатель не имел права отправлять работников в отпуск без сохранения заработной платы по собственной инициативе. Для защиты трудовых прав, работник может воспользоваться следующими способами, указанными в статье 352 Трудового кодекса Российской Федерации:

- 1) самозащита работником трудовых прав;
- 2) защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами;
- 3) государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права [3, с. 3].

В случае установления надзорными органами факта нарушений трудовых прав работника, работодателя могут привлечь к административной ответственности по ст. 5.27 КоАП РФ. Меры административного наказания могут быть наложены на должностное лицо или предпринимателя в размере от 1000 до 5000 рублей и штраф на организацию в размере от 30 000 до 50 000 рублей [2].

Другой важной мерой для предотвращения распространения инфекции стала рекомендация Министерства труда и социальной защиты РФ организовать взаимодействие работников и работодателей с применением гибких режимов работы, для предупреждения распространения инфекции [4]. Многие компании последовали рекомендациям и перевели часть сотрудников на дистанционный труд. Однако обнаружилось отсутствие достаточного зако-

нодательного регулирования для юридически грамотного оформления такого перевода. Так, например, ТК РФ в редакциях 2020 года не содержал правовых норм оформления данного перевода в период эпидемии. По инициативе работодателя, перевод на дистанционный труд мог быть оформлен без согласия работника на срок не более одного месяца, согласно статье 72.2 ТК РФ (ред. от 25.09.2020). Для ситуации, сложившейся по всему миру, срок перевода на один месяц, очевидно, не достаточен. Для оформления перевода на дистанционный труд длительностью более одного месяца по инициативе работодателя, работодатель обязан был уведомить работника о соответствующих изменениях не позже, чем за два месяца до реализации этих изменений, согласно статье 74 ТК РФ. В условиях пандемии, ожидание перевода два месяца могло негативно повлиять на эпидемиологическую обстановку в организации, регионе и стране в целом.

Федерация независимых профсоюзов России объявила о том, что распространение коронавирусной инфекции относится к числу обстоятельств непреодолимой силы, затрагивающим права граждан и каждый работник может просить работодателя о переводе его на удаленную работу [1, с. 425]. Трудовой кодекс не содержал ограничений о переводе на дистанционный труд работника по его инициативе и с согласия работодателя. Для оформления данного перевода достаточно было заявления от Работника, заключения дополнительного соглашения к трудовому договору и издания соответствующего приказа.

Таким образом, мы видим недостаточность юридического содержания статей Трудового кодекса, регулирующих перевод работников на удаленную работу в кратчайшие сроки. Доработка указанных статей кодекса привела к утверждению новой редакции ТК РФ с 01.01.2021г. Статьей 312.9 закрепили право работодателя на временный перевод работника на дистанционный труд в экстренных ситуациях. Однако ТК РФ не указывает сроки данного перевода. Пункт 1 статьи 312.9 гласит, что временный перевод работника на дистанционную работу по инициативе работодателя также может быть осуществлен в случае принятия соответствующего решения органом государственной власти и (или) органом местного самоуправления. Мы считаем, что у работодателей нет правовых оснований определять качество жизненных условий населения, период начала и окончания пандемии. Поэтому решение о временном переводе работников на удаленный труд в любых исключительных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части по инициативе работодателя возможно только в случае принятия такого решения органами государственной власти. Мы предлагаем внести поправку в пункт 1 статьи 312.9 и изложить его в следующей редакции:

«В случае производственной аварии, несчастного случая на производстве, пожара, наводнения, землетрясения, эпидемии или эпизоотии и в любых исключительных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизнен-

ные условия всего населения или его части, работник может быть временно переведен по инициативе работодателя на дистанционную работу на период наличия указанных обстоятельств (случаев). Временный перевод работника на дистанционную работу по инициативе работодателя в случае катастрофы природного или техногенного характера, эпидемии или эпизоотии и в любых исключительных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части, может быть осуществлен в случае принятия соответствующего решения органом государственной власти и (или) органом местного самоуправления».

Начавшаяся пандемия выявила много пробелов трудового законодательства, а также бросила вызов обществу. Участники рынка труда действовали в различных направлениях. В условиях недостаточной правовой урегулированности процессов их взаимодействия имели место быть как давление на работника со стороны работодателя, так и нежелание работников принимать новые условия, манипулирование правом. В данных общественных отношениях на первый план вышла осознанность и уровень правовой культуры субъектов рынка труда. Мы полагаем, что после окончания пандемии успехов достигнет тот работодатель, который сумел сохранить грамотные взаимоотношения с работниками, наладил трудовые отношения в дистанционном формате.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Дугужева М. Х.* Особенности трудовых отношений в период пандемии. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-trudovyh-otnosheniy-v-period-pandemii> (дата обращения: 20.09.2021).

2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : с изменениями и дополнениями на 15 июля 2021 года : принят Государственной Думой 20 февраля 2015 года : одобрен Советом Федерации 25 февраля 2015 года. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.09.2021).

3. *Линхоева Е. М.* Защита трудовых прав работников в период пандемии covid-19: сравнительно-правовой анализ законодательства России и зарубежных стран. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-trudovyh-prav-rabotnikov-v-period-pandemii-covid-19-sravnitelno-pravovoy-analiz-zakonodatelstva-rossii-i-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 20.09.2021).

4. Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 23.04.2020 № 14-2/10/П-3710 «О направлении рекомендаций по применению гибких форм занятости в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/564802414> (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 343.3/7(075)

*Коленченко Антон Александрович,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры, г. Санкт-Петербург*

*Kolenchenko Anton Alexandrovich,
St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office,
St. Petersburg*

kolenchenko.anthon@yandex.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОРПОРАЦИЙ**

**THEORETICAL ISSUES OF CRIMINAL LAW PROTECTION
OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF PARTICIPANTS
OF ENTREPRENEURIAL CORPORATIONS**

В статье рассматриваются некоторые теоретические вопросы уголовно-правовой защиты прав и законных интересов участников предпринимательских корпораций. Анализируется действующее федеральное законодательство, приводятся примеры практической деятельности по рассматриваемой проблеме. Автором поднимаются некоторые практические аспекты в части составов преступлений, включенных в уголовный кодекс РФ. В качестве вывода указывается, что одной из основных причин, затрудняющих применение действующего уголовного закона в таком наиболее значимом сегменте экономики как сфера корпоративных отношений выступает недостаточная разработанность научно- обоснованных рекомендаций и наличие практико-ориентированного подхода к рассматриваемой проблеме.

The article discusses some theoretical issues of criminal law protection of the rights and legitimate interests of participants in entrepreneurial corporations. The current federal legislation is analyzed, examples of practical activities on the problem under consideration are given. The author raises some practical aspects regarding the elements of crimes included in the Criminal Code of the Russian Federation. As a conclusion, it is indicated that one of the main reasons complicating the application of the current criminal law in such a most significant segment of the economy as the sphere of corporate relations is the lack of development of scientifically based recommendations and the presence of a practice-oriented approach to the problem under consideration.

Корпорация, уголовное право, уголовный кодекс, уголовно-правовая защита, предприниматели.

Corporation, criminal law, criminal code, criminal law protection, entrepreneurs.

Известно, что имущественные права и интересы являются одними из важнейших благ, охраняемых уголовным законом. К их числу относятся корпоративные права (права участия и другие), а также законные интересы участников

предпринимательских корпораций. Однако практика применения уголовного законодательства свидетельствует о недостаточной защищенности указанных прав и интересов от преступных посягательств.

И. А. Клепицкий более 10 лет назад называл «единственным серьезным пробелом» закрепленным Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) систему «хозяйственных» преступлений «неразвитость норм, направленных на охрану инвестиционных отношений (как на рынке ценных бумаг, так и в сфере управления хозяйственными обществами)» [1, с. 4].

С тех пор, российское гражданское законодательство было существенным образом реформировано. В нем появились и наполнились содержанием понятия «корпоративные организации», «корпоративные отношения», «корпоративные права», закреплен перечень корпоративных прав и обязанностей участников корпораций.

Сформировался и получил определенное развитие институт «фидуциарных обязанностей» (обязанностей действовать добросовестно и разумно в интересах корпорации) управляющих корпорациями и контролирующих лиц. Появились новые и трансформировались ранее известные механизмы защиты корпоративных прав.

Тем не менее уровень защищенности общественных отношений в сфере корпоративного управления остается на крайне низком уровне. Специалисты в области корпоративного права отмечают, что «в регламентации корпоративного управления назрел переход от декларативности к реальной охране и защите корпоративных прав и законных интересов субъектов корпоративных отношений» [3, с. 56].

Российское уголовное право, призванное охранять права граждан и общественно значимые законные интересы, в том числе интересы участников корпораций, произошедшие в корпоративном праве изменения в значительной степени игнорирует.

«Антирейдерские» составы преступлений, включенные в уголовный закон в 2009–2010 гг. (статьи 170, 170¹, 185², 185³, 185⁴, 185⁵ и 285³ УК РФ), призванные повысить эффективность уголовно-правовой охраны рассматриваемых отношений, либо вообще не применяются на практике, либо применяются эпизодически.

Так, составы фальсификаций (ЕГРЮЛ, реестра ценных бумаг, депозитарного учета ценных бумаг, решений органов управления корпораций), предусмотренные статьями 170¹ и 185⁵ УК РФ, нацелены в первую очередь на защиту права участия в корпорациях.

Однако вследствие некоторых недостатков законодательной техники их конструирования и специфики российского определения мошенничества (в частности, широкого понимания обмана при мошенничестве) возникает трудноразрешимая конкуренция указанных преступлений и мошенничества, которую Верховный Суд Российской Федерации предлагает решать в пользу последнего. Конструкция ряда составов не учитывает изменения, произошедшие в корпоративном законодательстве и законодательстве о рынке ценных бумаг.

В судебной практике рейдерские захваты все также квалифицируются, в основном, по статье 159 УК РФ, изначально не предназначенной для борьбы с такого рода посягательствами по ряду причин. Их предметом являются, чаще всего, права участия в корпорации в виде акций или долей в капитале, по сути своей представляющие единый комплекс имущественных и неимущественных прав.

Между тем, предметом хищения могут быть только вещи, безличные и электронные денежные средства, но не имущественные права. Мошенничество же в форме «приобретения права на чужое имущество» возможно, только если этим чужим имуществом выступают вещи. Приобрести же право на чужое имущество, существующее в форме имущественного права, нельзя, поскольку в гражданском праве не допускается конструкция «право на право».

Деяния, в результате которых происходит так называемое «размывание» долей участия (например, при помощи незаконного увеличения уставного капитала и размещения возникших при этом долей среди подконтрольных лиц), еще сложнее назвать «приобретением права на чужое имущество», ведь участник корпорации не лишается своей доли, уменьшается лишь объем его прав относительно прав других участников («степень корпоративного контроля»).

В то же время нет сомнений в том, что при этом ему причиняется ущерб (в частности, уменьшается его доля в будущей прибыли, ликвидационная доля).

Дискриминационный вывод активов, недобросовестное вытеснение миноритарных участников и другие корпоративные злоупотребления, ставшие нормой в современных российских условиях, практически не наказуемы, так как внешне являются законными, а понятие «фидуциарных обязанностей» управляющих перед участниками корпорации уголовное право (в отличие от гражданского) практически «не знает» и не устанавливает ответственности за их нарушение.

Вместе с тем с каждым годом расширяется практика привлечения к уголовной ответственности руководителей организаций по статье 201 УК РФ, которую многие ученые и практики именуют не иначе как «резиновой». Это обусловлено тем, что в доктрине и на практике получил наибольшее распространение подход, согласно которому «использованием полномочий вопреки законным интересам организации» можно считать любые незаконные деяния, даже если управляющий преследует вполне легальные цели, например, получение коммерческой организацией прибыли».

Статья 201 УК РФ пытается защитить одновременно вполне конкретные интересы участников корпорации и неопределенные права и интересы граждан, организаций, общества и государства от «существенного» вреда (понятие которого также весьма размыто).

Такое обстоятельство, исключая ответственность, как обоснованный риск», по данной категории дел практически никогда не принимается во внимание. Между тем в гражданском судопроизводстве сформировалось четкая позиция, согласно которой директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска.

Статья 165 УК РФ в настоящее время не применяется для защиты прав участника корпорации от злоупотреблений контролирующих лиц, поскольку участник корпорации не может рассматриваться как «законный владелец имущества», которому причиняется вред.

Таким образом, актуальным остается утверждение, что «действующий уголовный закон далеко не в полной мере выполняет свою охранительную и регулятивную функцию в таком наиболее значимом сегменте экономики, как сфера корпоративных отношений» [2, с. 10].

Данные обстоятельства обуславливают интерес к проблемам противодействия нарушениям корпоративных прав и законных интересов участников корпораций и требуют дальнейшего более полного анализа и изучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Клецицкий И. А.* Система хозяйственных преступлений. – М. : Статут, 2005. – 570 с.

2. *Федоров А. Ю.* Правовая охрана корпоративных отношений, актуальные проблемы, противодействие современным криминальным угрозам, зарубежный опыт : науч.-практ. пособие. – М. : Юстицинформ, 2012. – 813 с.

3. *Шиткина И. С.* Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 9. – С. 45–65.

УДК 336.71

*Комлева Ксения Олеговна,
магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

*Komleva Kseniya Olegovna
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma
ksyu.komleva.97@mail.ru*

ВРЕМЕННАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОРГАН УПРАВЛЕНИЯ КРЕДИТНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

PROVISIONAL ADMINISTRATION AS A SPECIAL BODY FOR MANAGING A CREDIT INSTITUTION

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы правового регулирования временной администрации как специального органа управления кредитной организацией, а именно проблема, касающаяся недостаточной информированности вкладчиков, о назначении временной администрации.

This article discusses some problems of the legal regulation of the provisional administration as a special management body of a credit institution, namely the problem of insufficient awareness of depositors about the appointment of the provisional administration.

Банкротство, кредитные организации, управление, досудебные процедуры.

Bankruptcy, credit institutions, management, pre-trial procedures.

В последнее время банковский сектор РФ подвергся серьезным колебаниям и проблемам, как со стороны внешних, так и со стороны внутренних факторов. Как результат, случаи отзыва лицензии возросли в несколько раз. К примеру, раньше отзыв лицензии мог наблюдаться раз или два в месяц, а сейчас банки теряют лицензии почти еженедельно.

В. Ф. Попондопуло указывает: «Целями законодательства о банкротстве финансовых организаций являются сохранение целостности финансовой системы и защита интересов клиентуры финансовых организаций» [1].

Временная администрация является одной из мер по предупреждению банкротства кредитной организации, осуществляемой в досудебном порядке. Эта процедура является наиболее часто применяемой мерой по предупреждению банкротства кредитной организации. Временная администрация носит принудительный характер, и вся процедура проводится под контролем Центрального Банка РФ. Целью назначения временной администрации является восстановление платежеспособности кредитной организации или установление признаков банкротства. Задачами временной администрации является выявление и устранение нарушений в деятельности исполнительных органов кредитной организации.

Срок назначения временной администрации относительно небольшой – шесть месяцев с правом продления Банком России на три месяца. Связано это с основной целью назначения временной администрации – анализ финансового состояния должника. В срок 45 дней с момента назначения временная администрация должна представить регулятору свое заключение с указанием причин неплатежеспособности, наличия возможностей улучшения финансового положения, предлагаемых мер предупредительного порядка. Следовательно, заключение может носить как положительный, так и отрицательный характер. В первом случае представляется план восстановления платежеспособности на утверждение регулятора, а во втором Банк России указывает временной администрации на необходимость обращения в суд с заявлением о признании должника банкротом либо на принятие предложенных участниками финансовой организации мер восстановления финансового положения. Такие меры должны быть предложены до принятия решения судом о признании должника банкротом. Например, Арбитражный суд г. Москвы в решении от 28 июня 2017 г. по делу № А40-129912/2016 указал, что соглашение о цессии прав требования к должнику заключенное между кредитором финансовой организации и ее учредителем после вступления в законную силу решения суда о признании банкротом, не может явиться основанием для отмены состоявшегося решения [2].

С введением временной администрации ограничиваются права учредителей кредитной организации. Рядом авторов указывается, что само по себе это ограничение не выходит за рамки действия части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. В частности, права могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в которой это необходимо в конституционных целях. Информация о назначении временной администрации практически сразу становится известна неограниченному кругу лиц. Данное обстоятельство негативно влияет на репутацию, как отдельных учредителей (участников) кредитной организации, так и на репутацию самой организации. Понимая это, законодатель отнес назначение временной администрации к компетенции Комитета банковского надзора Банка России как органа Центрального Банка, через который последний реализует свои надзорные функции.

Фактически банк в случае назначения временной администрации теряет свою самостоятельность и независимость, а управление делами организации берет на себя временная администрация. Двойственность правового статуса, а также влияние на репутацию кредитной организации приводит к неоднозначности данного правового института. С одной стороны, применение данной процедуры полезно и с правовой точки зрения оправдано тем, что руководство уже не справляется со своими обязанностями по контролю над деятельностью компании, а временная администрация способна в короткие сроки и наиболее эффективно провести перераспределение усилий по выводу банка из сложившегося предбанкротного состояния. С другой стороны, для существующих и потенциальных контрагентов банка назначение временной администрации является важным сигналом о том, что вступать в правоотношения с данной кредитной организацией достаточно рискованно и это может привести к убыткам с большей вероятностью, чем в случае с благополучной банковской организацией.

До сих пор на законодательном уровне не закреплено правило о необходимости опубликования информации о введении временной администрации. Безусловно, вкладчики, должники и иные контрагенты банка должны быть уведомлены в обязательном порядке. На данный момент обязанность по информированию несет Банк России, однако граждане нечасто интересуются публикациями издания «Вестник Банка России». Полагаем, что данная информация должна быть опубликована также и на официальном сайте кредитной организации в сети Интернет, чтобы уведомить большее количество лиц.

В связи с вышеизложенным, представляется правильным возложить обязанность по публикации сведений о назначении временной администрации банка и на саму кредитную организацию. Необходимо дополнить статью 189.26 Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» пунктом 4, изложив его в следующей редакции:

«4. В течение 10 дней со дня принятия Банком России акта о назначении временной администрации информация об этом должна быть опубликована на сайте кредитной организации».

Предложенные способы позволяют минимизировать вероятность негативных последствий, которые связаны с недостаточной информированностью контрагентов кредитных организаций об их финансовом состоянии и правовом.

Предложенный в статье способ позволят минимизировать вероятность негативных последствий, которые связаны с недостаточной информированностью контрагентов кредитных организаций об их финансовом состоянии и правовом статусе

Таким образом, применение процедур банкротства к финансовым организациям имеет ряд особенностей. Во-первых, временная администрация является в целом самостоятельным субъектом отношений в деле о банкротстве, во-вторых, Банку России отведена неактивная контролирующая роль, в-третьих, к финансовым организациям не подлежат применению санация, внешнее управление и наблюдение, в-четвертых, арбитражный суд не участвует в предупредительных процедурах. В целом, наряду с общими положениями о банкротстве финансовых организаций, закон о банкротстве установил и специфику банкротства отдельных их видов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попондопуло В. Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2017. – № 1. – С. 44–52.

2. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28 июня 2017 г. по делу №А40-129912/2016. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JoFmyChYGMUN/> (дата обращения: 29.09.2021).

УДК 341.231.14

Корж Павел Анатольевич,
*старший преподаватель, Западно-Уральский институт экономики и права,
г. Пермь*

Korzh Pavel Anatolyevich,
senior lecturer at the West Ural Institute of Economics and law, Perm

korzh2006@gmail.com

К ВОПРОСУ АБСОЛЮТИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ON THE QUESTION OF THE ABSOLUTATION OF HUMAN RIGHTS

В своей статье автор пытается критически осмыслить абсолютизацию прав человека как некую высшую истину. Обращается внимание на необходимость их обязательного соответствия обязанностям, указываются их возможные ограничения и даже отчуждение законом и этикой. Делается предположение о современной концепции прав человека как религии. Делается вывод о том, что права человека являются лишь частью правовой системы, не существуют без нее и не могут быть важнее системы в целом.

In his article, the author tries to critically comprehend the absolutization of human rights as a kind of supreme truth. Attention is drawn to the necessity of their obligatory correspondence with the duties, their possible restrictions and even alienation by law and ethics are pointed out. An assumption is made about the modern concept of human rights as a religion. It is concluded that human rights are only part of the legal system, do not exist without it and cannot be more important than the system as a whole.

Права человека, права и обязанности, ограничения прав, права человека и правовая система общества.

Human rights, rights and obligations, restrictions on rights, human rights and the legal system of society.

В последнее время в научной литературе и общественной дискуссии не убывает тренд рассматривать права человека, как некую высшую данность, при безусловном соблюдении которой возможно правотворчество и правореализация. Права человека абсолютизируются и, зачастую, подменяют собой право. Позволим себе усомниться в таком положении.

Права человека есть лишь часть правовой системы. Они закрепляются в нормативно-правовых актах, которые входят в систему права (как международного, так и национальных). Но часть никогда не может быть важнее целого. Так, говоря о статусе гражданина, мы указываем в качестве составных его права и обязанности (а говоря о статусе служащего, добавляем еще ограничения и запреты). Соответственно, права и обязанности составляют неразделимое единство статуса личности. Более того, при неисполнении обязанностей, права, в свою очередь, могут быть ограничены. Так же и права одного субъекта всегда корреспондируют к обязанностям другого и наоборот. Поэтому права человека нельзя рассматривать как самостоятельный правовой институт. Они всегда существуют только вместе с иными элементами правового статуса личности.

Если мы будем рассматривать права человека как самостоятельное явление, мы неизбежно придем к подчиненной роли обязанностей. А это недопустимо. Когда мы говорим только о правах, это предполагает пренебрежение обязанностями, а это уже анархия. Не свобода, как осознанная необходимость, а анархия как неосознанное стремление к отсутствию какой-либо подчиненности и необходимости соизмерять свое поведение с требованиями общества и государства. То есть, в конечном итоге, можно говорить об абсолютизации прав человека как угрозе нормального функционирования общества.

Так, Лев Николаевич Гумилев указывал, что снижение пассионарности общества характеризуется появлением прав человека, человеколюбия, прощения слабостей, что в последующем приводит к небрежению долгом и, в конечном счете, преступлению, т. е. поведению антиобщественному. Что характерно именно для фазы затухания общества [2, с. 435–437].

Кроме того, права человека не абсолютны просто потому, что они могут быть ограничены. Более того, права могут быть отчуждены. Например, право

на свободу и личную неприкосновенность - приговором суда. Вплоть до права на жизнь.

Ограничения допускаются напрямую при введении чрезвычайного или военного положений, а также федеральным законом для «защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) [1]. Также могут быть косвенные ограничения путем законодательного закрепления порядка реализации прав. Так, право на проведение публичных мероприятий (ст. 31 Конституции РФ) [1] ограничивается необходимостью соблюдения ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Кроме того, права человека ограничиваются моментом нарушения прав других лиц. Т. е. добавляется и этический фактор.

Таким образом, даже говоря о естественном характере основных прав человека, мы должны помнить об их неразрывной связи с правом, просто как с социальным регулятором и во многом занимающим подчиненное ему положение. Между тем, даже законодатель, формулируя, например, принципы борьбы с коррупцией, выделяет как «признание, обеспечение и защиту прав и свобод человека», так и одновременно законность (ст. 3 ФЗ «О противодействии коррупции»). Но законность, по своей сути, уже содержит необходимость соблюдения прав и свобод человека, как правового института, закрепленного международными и национальными источниками.

По своей сути, на наш взгляд, современная концепция прав человека стала одной из форм религиозного познания. Только если основой религии служат правила поведения, установленные необходимостью выживания человечества, то современное понимание прав человека отрицает обязанности. И, как следствие, вступает в противоречие с выживанием. Но при этом, рекомендуется не исследовать их как элемент права, или даже шире – как элемент жизни общества, а принимать их как данность, т. е., по сути, превращать их в религию. В права человека надо верить, абсолютизировать их, превращать в догмат, который к тому же подлежит толкованию определенными субъектами, что делает их действительно новой религией.

Таким образом, полагаем, что возникает необходимость отказа от концепции абсолютизации института прав человека, и рассмотрение его как одного из элементов правовой системы общества. Это, как следствие, требует правового выделения непосредственной взаимосвязи с другими институтами: обязанностями, правовым статусом личности, законностью и т. д. И только в этом качестве права человека становятся ценностью, закрепляя достижения эволюции человечества и не позволяя разрушать общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2021).
2. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. – М. : АСТ, 2010. – 531 с.

Коровянский Геннадий Георгиевич,
*кандидат исторических наук, преподаватель, Военная академия радиационной,
химической и биологической защиты
имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, г. Кострома*

Korovyansky Gennady Georgievich,
*candidate of historical sciences, lecturer, Military academy of radiation,
chemical and biological protection
named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko, Kostroma*

alla.kor54@mail.ru

Мельников Артем Константинович,
*курсант, Военная академия радиационной, химической
и биологической защиты имени Маршала Советского Союза
С. К. Тимошенко, г. Кострома*

Melnikov Artem Konstantinovich,
*cadet, Military academy of radiation, chemical and biological protection
named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko, Kostroma*

alla.kor54@mail.ru

О РОЛИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ФОРМИРОВАНИИ ВЫСОКОГО МОРАЛЬНОГО ДУХА БОЙЦОВ КРАСНОЙ АРМИИ

ABOUT THE ROLE OF PARTY AND POLITICAL WORK IN THE FORMATION OF HIGH MORALE OF THE RED ARMY SOLDIERS

В статье рассматривается духовная способность и готовность нашего народа и армии перенести трудности, тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и не утратить волю к победе – был одним из решающих факторов, обусловивших наше превосходство над врагом в этой священной для нашего народа войне. Партийно-политическая работа, которую проводила среди народа и его Вооруженных Сил Коммунистическая партия и ее яркие представители – комиссары и политработники, стала мощным оружием во время войны, как средство формирования высокого морального духа как населения, так и бойцов Красной Армии. Опыт ее организации и ведения имеет неоценимое значение, он не утратил своей актуальности и в настоящее время.

The article examines the spiritual ability and readiness of our people and army to endure the difficulties, the hardest trials of the Great Patriotic War of 1941–1945 and not to lose the will to

win – was one of the decisive factors that determined our superiority over the enemy in this sacred war for our people. The party-political work carried out among the people and its Armed Forces by the Communist Party and its bright representatives – commissars and political workers, became a powerful weapon during the war, as a means of forming high morale of both the population and the Red Army soldiers. The experience of its organization and management is invaluable, it has not lost its relevance at the present time.

Великая Отечественная война, СССР, партийно-политическая работа, Коммунистическая партия, комиссар, политработник, политбоец.

The Great Patriotic War, the USSR, party and political work, the Communist Party, commissar, political worker, political fighter.

22 июня 1941 года после вероломного нападения фашистской Германии на СССР началась небывалая в истории по масштабам и жесточенности битва, которая решала не только судьбу нашей страны, но и перспективы мирового общественного развития.

Используя полученные вследствие внезапного нападения временные преимущества, фашистские войска быстро продвигались вглубь советской территории. Над нашей Родиной нависла смертельная опасность.

Коммунистическая партия с первых дней войны развернула боевую, наступательную работу. Эта работа была подчинена единой цели – перестройке сознания советских людей на военный лад, повышению их чувства ответственности за судьбу своего государства, мобилизации духовных сил советского народа на разгром врага, на преодоление любых трудностей и лишений во имя победы.

Директива Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 29 июня 1941 г. определяла развернутую программу действий под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» [1, с. 11].

Одной из приоритетных задач была названа перестройка деятельности партии применительно к условиям военного времени.

С началом войны Центральный комитет ВКП(б) принял меры по повышению роли и значения военных советов – проводников политики партии в Вооруженных Силах, объединявших в своих руках военное и политическое руководство войсками.

Наряду с военными советами направлений, фронтов, округов, армий, флотов и флотилий были созданы военные советы Военно-воздушных сил, бронетанковых и механизированных войск, Войск ПВО страны. Права военных советов были значительно расширены, а их состав усилен за счет руководящих работников партии, которых было более 200 чел. на должностях первых членов военных советов [1, с. 12].

На основе решения Политбюро Центрального комитета ВКП(б) и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. управления и отделы политической пропаганды были реорганизованы в политические управления и политотделы. Во всех полках и дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях

и учреждениях Красной Армии вводился институт военных комиссаров, а в ротах, батареях и эскадрильях – институт политических руководителей.

20 июля 1941 г. это решение было распространено на Военно-Морской флот. В августе 1941 г. вводится должность военного комиссара во всех батальонах и ротах танковых войск, а в начале декабря – должность военкома стрелковых частей и соединений.

Обязанности военных комиссаров были определены Положением о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии и директивой Народного комиссара обороны и Главного политического управления РККА от 20 июля 1941 г. «О задачах военных комиссаров и политработников Красной Армии». Подчеркивалось, что военный комиссар является представителем Коммунистической партии и Советского правительства в армии и наряду с командиром несет полную ответственность за выполнение воинской частью боевой задачи, за ее стойкость в бою и непоколебимую готовность драться до последней капли крови с врагами нашей Родины и с честью отстаивать каждую пядь советской земли. «Военный комиссар, – говорилось в Положении, – является нравственным руководителем своей части (соединения), первым защитником ее материальных и духовных интересов» [1, с. 13].

Одновременно с этим ЦК партии постоянно укреплял политорганы квалифицированными кадрами из числа видных партийных и военных работников. В начальный период в армию и на флот было направлено 500 секретарей ЦК секретарей компартий союзных республик, областных, краевых, городских и районных комитетов партии, 270 ответственных работников аппарата ЦК ВКП(б), 1265 ответственных работников областного и районного звена. Всего за первые шесть месяцев войны по решению ЦК партии в Вооруженные Силы было направлено около 8800 руководящих партийных работников [2, с.120].

Огромное значение для повышения уровня партийно-политической работы в войсках и укрепления политико-морального состояния советских воинов имели неоднократно проводившиеся по указанию ЦК ВКП(б) массовые мобилизации в армию коммунистов и комсомольцев в качестве политбойцов. 27 и 29 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло два постановления об усилении партийно-политического влияния в полках и дивизиях, обязав обкомы и крайкомы партии отобрать в трехдневный срок 41500 коммунистов и лучших комсомольцев и направить их в распоряжение Наркомата обороны. Было предложено провести с ними военные сборы и направить по 500 человек в наиболее нуждающиеся дивизии. Уже в июле 1941 г. 24 тыс. политбойцов после месячного обучения в военных и военно-политических училищах прибыли на фронт. За первые шесть месяцев войны партия послала в Вооруженные Силы около 1 млн коммунистов и более 2 млн комсомольцев. К концу 1941 г. в Красной Армии находились 1 300 тыс. членов и кандидатов партии [3, с. 16].

Благодаря увеличению числа коммунистов в армии усилилось партийное влияние на личный состав частей и подразделений. Это сыграло решающую роль в укреплении дисциплины, повышению стойкости и боеспособности войск.

Бывший комиссар 188 стрелковой дивизии Г. Н. Шинкаренко вспоминает: «С сентября 1941 г. по февраль 1942 г. в дивизию прибыло 172 политбойца. В каждую роту и батарею за это время было направлено по 3–4 коммуниста. Еще больше – в роты автоматчиков, подразделения разведки и истребителей танков. Вместе с ростом партийных организаций это позволило создать во всех подразделениях полнокровные партийные организации, которые цементировали и повышали боеспособность подразделений» [2, с.121].

В дальнейшем ЦК ВКП(б) возложил мобилизацию коммунистов и комсомольцев в качестве политбойцов на Главное политическое управление Красной Армии. С июля по декабрь 1941 г. ГлавПУРРККА, по согласованию с ЦК ВКП(б), провело шесть призывов политбойцов.

Призванные по партийным мобилизациям коммунисты находились в распоряжении ГлавПУРРККА, проходили короткую, но интенсивную подготовку при военных училищах, а затем по его разнарядке и указаниям направлялись в составе коммунистических рот (по 100 чел. каждая) на фронты, в армии, иногда непосредственно в дивизии.

Политбойцы направлялись, как правило, на наиболее угрожаемые участки фронта. Так, в войска Западного фронта, прикрывавшего важнейшее, Московское, направление, было послано более 27 тыс. политбойцов, Юго-Западного – 12 тыс., Северо-Западного – 10 тыс. и т. д. [2, с. 121]. 19 июля 1941 г. в разгар Смоленского сражения ГлавПУРРККА направило Западному фронту самую большую группу политбойцов – 75 коммунистических рот [2, с. 121].

Главное политическое управление постоянно контролировало ход призыва и подготовки политбойцов, правильность их использования в действующей армии. В соответствии с его указаниями политорганы соединений распределяли политбойцов по ротам и батареям группами по 10–12 чел., таким образом, чтобы они составляли ядро партийных и комсомольских организаций рот. Находясь в гуще воинов, будучи в подавляющем большинстве рядовыми, они лучше всего могли проявить и проявляли свою авангардную роль в бою.

Какова же была содержательная направленность партийно-политической работы?

Главная задача состояла в том, чтобы внедрить в сознание советских людей убежденность в победе, вооружить каждого патриота программой всенародной борьбы и пониманием своей роли в этой борьбе, организовать людей на защиту своего Отечества. Но для этого нужно было перестроить сознание людей с мирного на военный лад.

Суть нового настроения людей, который сформировала партия, как подчеркивалось выше, концентрированно выразался в лозунге – «Все для фронта, все для победы!»

При этом решающее значение имели разъяснение сложившейся обстановки, всей глубины опасности, нависшей над Родиной, огромных трудностей начавшейся войны, конкретных задач по организации отпора врагу, сосредото-

чение усилий на вооруженной борьбе с врагом. Была объявлена решительная борьба с благодушием и беспечностью.

Огромное внимание уделялось партией развитию у советских людей чувства патриотизма. В формировании советского патриотизма партия опиралась на революционные, боевые и трудовые традиции, лучшие черты русского и других народов СССР. По специальному решению ЦК партии (1942 г.) была выпущена серия брошюр о великих людях нашей страны, о выдающихся полководцах и воинах – героях прошлого, героической истории нашего народа [2, с. 98].

При этом решалось и ряд других задач. Исключительно актуальной проблемой явился вопрос о воспитании ненависти к фашистским захватчикам. Призывая советский народ к самоотверженной борьбе с фашизмом, Коммунистическая партия подчеркивала, что добиться победы над врагом невозможно без священной ненависти к нему. Большую роль в этом сыграло разоблачение чудовищных злодеяний фашизма на советской земле.

Широкое распространение в военные годы получила индивидуальная и коллективная переписка между фронтовиками и тружениками тыла, трудящимися национальных республик и воинами-земляками, отправка на фронт посылок с подарками. Тыл питал фронт духовной энергией, заряжал боевым настроем, вдохновлял воинов на ратные подвиги. Для придания этой работе большей целеустремленности и плановости по решению ЦК ВКП(б) была создана Центральная комиссия по связи фронта с тылом во главе с членом Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Андреевым [2, с. 100].

Важным содержанием работы партии была информация о событиях на фронтах, в тылу, на временно оккупированной врагом территории и в его стране, на мировой арене. Созданное для этих целей Совинформбюро, начиная с 24 июня 1941 г., выпустило около 2,5 тыс. сводок [2, с. 100].

Важнейшей задачей всех агитаторов и политработников было своевременное доведение до воинов армии и флотам сообщений Советского информбюро.

Следует подчеркнуть, что работа по усилению политического влияния на личный состав строилась исходя из особенностей каждого вида и рода войск. Так, в частях и подразделениях Военно-Воздушных Сил основными направлениями партийно-политической работы являлись: повседневное внесение в сознание воинов ленинских идей о защите социалистического Отечества, разъяснение целей борьбы с фашистскими захватчиками; оперативное информирование личного состава о событиях войны, стоящих задачах и путях их выполнения; непрерывное изучение политико-морального состояния личного состава и принятие оперативных мер по его укреплению; прогнозирование возможного поведения летчиков, штурманов, стрелков-радистов в сложных ситуациях воздушного боя и проведение мероприятий по морально-политической подготовке авиаторов к боевым действиям; формирование у военнослужащих положительных психологических процессов, создание обстановки нетерпимости к отрицательным явлениям; закрытие всех каналов проникновения в части и соединения

вражеской пропаганды; проведение в динамике боевых действий непрерывной партийно-политической работы путем вовлечения в нее всех командиров и политработников, партийного и комсомольского актива и использование наиболее эффективных форм и методов воздействия на сознание и поведение авиаторов [9, с. 5].

Работа приносила свои плоды. В летной среде сформировалось такое особое проявление мужества и отваги как таранные удары в воздухе. Трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин писал о таране так: «История Отечественной войны навсегда сохранит в памяти советского народа имена тех летчиков, которые, не задумываясь ни на минуту, самоотверженно устремились на врага, какой бы численности, силы он ни был, которые дрались с ним, ценой собственной жизни задерживая, уничтожая воздушного противника. Где, в какой стране мог родиться такой прием атаки, как таран? Только у нас, в среде летчиков, которые безгранично преданы своей Родине, которые ставили ее честь, независимость и свободу превыше всего, превыше собственной жизни» [9, с. 14–15].

Нашему народу широко известен подвиг младшего лейтенанта Виктора Талалихина, таранившего в московском небе 7 августа 1941 г. вражеский самолет. Но малоизвестно, что за первые 40 дней войны только воздушные защитники Ленинграда нанесли по врагу 20 таранных ударов. 22 июня 1941 г. в 5 ч 15 мин комсомолец, командир звена младший лейтенант Л. Бутелин штурмовал гитлеровские войска, пока не кончились боеприпасы. По возвращению на свой аэродром он встретил фашистский бомбардировщик Ю-88 и не раздумывая совершил воздушный таран. Сам герой погиб. В тот же день около 10 часов утра, в районе Бреста совершил таран и другой советский летчик Петр Рябцев [9, с.15]. Кроме этих героев в первый день войны воздушный таран применили летчики И. И. Иванов, С. М. Гудимов, А. С. Данилов, Д. В. Кокарев, А. И. Мокляк, Е. М. Панфилов.

Партия глубоко и взволнованно, словами работников культуры и искусства, говорила всему народу о постоянной готовности отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь делу самоотверженной борьбы с агрессорами. Воспеваемый героизм советских воинов, искусство помогало нашему народу выдерживать все испытания войны.

Важную мобилизующую роль, особенно в первый период войны, играла художественная публицистика.

Пламенные статьи А. Толстого, М. Шолохова, Н. Тихонова, Л. Соболева, И. Эренбурга и других писателей читались и перечитывались, вырезались из газет, передавались из рук в руки, обходили передовые линии фронта. Они укрепляли сыновнюю любовь к Родине, разжигали ненависть к врагу.

Впечатляющие образы народа на войне, образы бойцов и командиров создал М. Шолохов в главах романа «Они сражались за Родину», в рассказе «Наука ненависти».

Наряду с художественной публицистикой, на первый план борьбы выдвинулась поэзия. Глубокий отзвук в сердцах фронтовиков находила, напри-

мер, «солдатская поэзия» А. Суркова. Широкой известностью на фронте пользовались стихи Д. Бедного, К. Симонова, М. Светлова, А. Малышко, М. Бажана, М. Танка и других советских поэтов.

Особое место в этом ряду занимает поэма «Василий Теркин», в которой А. Твардовский создал обобщенный образ бойца-фронтовика.

Однако самым распространенным музыкальным жанром, главным оружием музыкального искусства во время войны были песни.

Встречи композиторов с бойцами во фронтовой обстановке, их личное участие в армейской жизни способствовали созданию незабываемых песен военных лет, воспевающих мужество и отвагу, любовь и боевую дружбу.

Патриотические песни популяризировались в радиопередачах, кинофильмах, выступлениях артистов. Особую роль в пропаганде песни играли фронтовые ансамбли. Их организацией и деятельностью непосредственно занимались командиры и политработники.

Фронтовой джаз-ансамбль под руководством Клавдии Шульженко и Владимира Коралли начал свой боевой путь в осажденном Ленинграде. В тяжелых условиях, особенно осенью и зимой 1941–1942 гг., ансамбль выступил на флоте и Ленинградском фронте с 500 концертами. По огненным дорогам войны К. И. Шульженко со своим ансамблем отсчитала не одну тысячу километров. И везде огромное, незабываемое впечатление производили на воинов «Синий платочек», «Давай закурим», и другие песни в ее замечательном исполнении.

«Не забуду солдат, офицеров, политработников, их слова, что после концерта легче идти в бой», – вспоминает К. И. Шульженко [1, с. 246].

Там, где позволяла обстановка, организовывались просмотры кинофильмов, выступления самодеятельных артистов и концертных бригад, читательские конференции, встречи с писателями и художниками. В ходе войны при каждом политотделе армии был создан небольшой ансамбль красноармейской песни и пляски (концертная бригада), а при политуправлении фронтов – ансамбли. Они проводили большую работу по политическому и культурному воспитанию воинов.

Могучим идеологическим оружием в руках Коммунистической партии являлась советская печать. Газета «Правда» – орган Центрального комитета партии – вела огромную идейно-пропагандистскую работу. В ней, как и в других газетах и журналах, неустанно звучали призывы к самоотверженной борьбе на фронте и в тылу, разъяснялись очередные задачи военного, политического и хозяйственного строительства [4, с. 66].

Большую роль в воспитании и информировании военнослужащих играли листовки, памятки и особенно газета, издаваемая в местных полевых типографиях. В ней военнослужащие находили свои фамилии, описание своих подвигов. Солдаты тянулись к ней, любили ее, посылали ее своим родственникам и знакомым для ознакомления и напоминания о себе.

Конечно, решающую роль в агитационно-пропагандистской работе с личным составом, формировании их высокого морального духа играли политработники. Маршал Советского Союза Александр Василевский говорил:

«Я лично могу сказать только добрые слова о нашей славной когорте политработников. От их плодотворной деятельности во многом зависело моральное состояние, боеготовность и боеспособность наших войск. И если наши войска на протяжении всей войны, даже в самые тяжелые для них моменты, не теряли веры в победу и сохраняли высокие морально-боевые качества, то в этом была большая заслуга и политработников» [5, с. 189–190].

Теперь часто можно слышать даже из уст маститых военачальников, писателей и публицистов, что партийные, политические работники отсиживались в тылу, но первыми получали награды. Это неправда. Политработники были первыми в бою. И это правда. Из 11 603 Героев Советского Союза, удостоенных этого звания в годы Великой Отечественной войны, политработников было 411, т. е. – 3,5 % [5, с. 189].

В боях под Новгородом политрук А. И. Панкратов бросился грудью на вражеский пулемет. Именно здесь был совершен первый в войне великий подвиг самопожертвования. Политрук стал Героем Советского Союза [6, с. 284].

В числе Героев Советского Союза, которым звание было присвоено посмертно: заместитель политрука Василий Петров, который отбиваясь от гитлеровцев на 7-й заставе 90-го пограничного отряда в первые часы войны и прикрывая огнем отход личного состава заставы, подорвал себя гранатой при приближении фашистов [7, с. 28–33], политрук Николай Фильчаков, который при осаде Севастополя, закрывая фашистам дорогу в город, бросился с гранатами под вражеский танк и подорвал его [8, с. 212], политрук 4 роты 2-го батальона 1075 стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии Западного фронта Ключков Василий Георгиевич – один из 28 героев-панфиловцев [7, с. 274–303] и многие другие.

Таким образом, партийно-политическая работа в годы Великой Отечественной войны способствовала формированию высокого морального духа воинов армии и флота, что в конечном итоге стало одним из решающих факторов в достижении победы над фашистской Германией и освобождении народов Европы от фашистского ига.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг. – М. : Воениздат, 1985. – 270 с.
2. Великая Победа советского народа : сб. науч. ст. / под общ. ред. генерал-полковника Г. В. Средина. – М. : ВПА имени В. И. Ленина, 1985. – 388 с.
3. Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – М. : Воениздат, 1963. – 528 с.
4. История второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. Т. 12. – М. : Воениздат, 1982. – 495 с.
5. *Бусловский В. Н.* Словом и делом // Воин России. – 2020. – № 1. – С. 186–191.
6. Комиссары : сб. – М. : Молодая гвардия, 1986. – 399 с.

7. Комиссары на линии огня, 1941–1945. На земле. – М. : Политиздат, 1984. – 431 с.

8. Политработники на фронте: (Записки участников Великой Отечественной войны). – М. : Воениздат, 1982. – 222 с.

9. *Маликов В. Г.* Деятельность политорганов и партийных организаций по мобилизации личного состава авиационных частей на разгром врага в годы Великой Отечественной войны. – М. : ВПА имени В. И. Ленина, 1980. – 56 с.

УДК 373.167.1:004

Лобач Дмитрий Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Владивосток

Lobach Dmitry Vladimirovich,
candidate of law, associate professor, Far Eastern law institute (branch) University
of the prosecutor's office of the Russian Federation, Vladivostok

dimaved85@mail.ru

Смирнова Евгения Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Smirnova Evgenia Alexandrovna,
candidate of law, associate professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok

smirnova.ea@dvfu.ru

КИБЕРУГРОЗЫ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

CYBER THREATS AND CYBERSECURITY IN THE CONTEXT OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

В статье анализируются ключевые угрозы, возникающие в сфере кибербезопасности и проявляемые в различных видах кибератак, совершаемых против информационных систем и угрожающих конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, здоровью населения и общественной нравственности. Проанализированы статистические данные относительно распространения угроз в сфере кибербезопасности в мировом масштабе, а также исследована динамика компьютерных преступлений в России за последние 7 лет. Выявлены качественные характеристики киберугроз. Особое внимание об-

ращено на террористическую деятельность и смежный с ней экстремизм, распространяемые в информационном пространстве посредством использования сети Интернет.

The article analyzes the key threats arising in the field of cybersecurity and manifested in various types of cyberattacks against information systems and threatening the confidentiality, integrity and availability of computer data and systems, public health and public morality. Analyzed the statistical data on the spread of threats in the field of cybersecurity on a global scale, and also investigated the dynamics of computer crimes in Russia over the past 7 years. The qualitative characteristics of cyber threats have been identified. Particular attention is paid to terrorist activities and related extremism, spread in the information space through the use of the Internet.

Кибербезопасность, киберугрозы, терроризм, безопасность, интернет-преступность.

Cybersecurity, cyberthreats, terrorism, security, internet crime.

Четвертая промышленная революция, проявляемая в интенсификации технологического развития, быстрой интегративной адаптации общества к научным новациям и векторной динамике социальных отношений, приводит, с одной стороны, к оптимизации процессов управления и более эффективной организации субъектов социального взаимодействия, росту безопасности, экономических благ, улучшению качества жизни и росту уровня жизни населения, но с другой стороны, возникают новые риски (вероятность наступления неблагоприятных последствий при возникновении определенных условий) и угрозы (реальная опасность причинения вреда охраняемым законом интересам общества и государства, актуализируемая в свете современного научно-технологического развития), которые могут с большой долей вероятности детерминировать наступление деструктивных последствий для человека, общества, государства, всей мировой системы и международного правопорядка.

В этом ключе особый интерес вызывают угрозы, возникающие в сфере кибербезопасности и проявляемые в различных видах кибератак, совершаемых против информационных систем и угрожающих конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, здоровью населения и общественной нравственности, а также общественным отношениям, возникающим в связи с правомочиями собственника и в сфере реализации авторских и смежных прав, совершенных на определенной территории в тот или иной период времени.

Об актуальности заявленной проблемы свидетельствуют следующие показатели угроз в сфере кибербезопасности в мировом масштабе. Так, за период 2009–2019 гг. наблюдается экспоненциальный рост количества заражений вредоносным программным обеспечением. Если в 2009 г. было зарегистрировано 12,4 млн инцидентов, то уже в 2010 г. – 29,97 млн инцидентов, в 2011 г. – 48,17 млн инцидентов, в 2012 г. – 82,62 млн инцидентов, в 2013 г. – 165,81 млн, в 2014 г. – 308,96 млн, в 2015 г. – 452,93 млн, в 2016 г. – 580,40 млн, в 2017 г. – 702,06 млн, в 2018 г. было зарегистрировано 812,67 млн соответствующих фактов заражений, а в 2019 г. – было зарегистрировано более 900 млн фактов зара-

жений [3]. За последнее время беспрецедентная пандемия коронавируса глубоко повлияла на распространение киберугроз по всему миру. Глобальный кризис здравоохранения усугубляется резким ростом киберпреступной деятельности, связанной с COVID-19, что создает значительную нагрузку на работу правоохранительных органов по всему миру. В целом киберпреступность, связанная с пандемией COVID-19, проявляется в следующих формах: интернет-мошенничество и фишинг; программы-вымогатели и DDoS-атаки против объектов критически важной инфраструктуры и учреждений здравоохранения; использование вредоносного программного обеспечения для несанкционированного сбора данных; создание вредоносных веб-сайтов; дезинформация и распространение фейковых новостей [2].

На национальном уровне также наблюдается быстрый рост количества совершаемых преступлений в сфере компьютерной информации. Так, если анализировать динамику компьютерных преступлений в России за последние 7 лет, то в репрезентативном виде обнаруживается следующая картина: в 2014 г. было совершено 44 тыс. компьютерных преступлений; в 2015 г. – 58 тыс. компьютерных преступлений; в 2016 г. – 66 тыс. компьютерных преступлений; в 2017 г. – 90 587 компьютерных преступлений; 2018 г. – 174 675 компьютерных преступлений; в 2019 г. – 294 409 компьютерных преступлений; 2020 г. (январь – сентябрь) – 363 035 компьютерных преступлений [4]. Темпы роста с 2014 г. по 2020 г. составили 825 %. В среднем темпы прироста компьютерных преступлений составили 107 %. По состоянию на сентябрь 2020 г. удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в структуре всей преступности составил 23,6 %.

Анализ качественных характеристик киберугроз позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, наблюдается качественная диверсификация хакерских атак, что выражается в появлении новых вредоносных программ, которые ориентированы не только на кражу данных, но и в случае необходимости способны уничтожить или подорвать работу всей системы. Современные вредоносные программы моделируются по принципу превентивного обезвреживания анти-вирусных программ и виртуальных сред для анализа вирусов. Наблюдается тенденция к распространению программ, используемых в противоправном майнинге криптовалюты. При этом среди всего разнообразия используемых методик хакерских атак программы-вымогатели и DDoS-атаки остаются главной угрозой киберпреступности в 2019 году, приносящей наибольший ущерб потерпевшим и позволяющей извлечь наибольшую прибыль [1].

Во-вторых, наблюдается криминальная специализация и функциональная дифференциация хакерских атак, что выражается в появлении новых криминальных IT-профессий (дидосеры, дропперы, фишеры, кардеры, вирусописатели, залившки).

В-третьих, увеличиваются виктимологические риски относительно вероятных кибератак, что объясняется устареванием оборудования и слабым софтом, готовностью потерпевших платить и появлением новых технологий в структуре потребительского спроса (например, майнинг криптовалюты, облачные технологии). Кроме того, хакерская практика эволюционирует соответственно с нарождающимися социальными проблемами. Так, эксперты отмечают, что сегодня электронная почта активно используется для фишинга, связанного с эпидемией новой коронавирусной инфекции. Преступники все чаще имитируют видеоконференции, стриминговые платформы, подделывают сайты, связанные с займами и различными выплатами, а также создаются домены, имитирующие сайты ВОЗ, и площадки, где распространяются антивирусные препараты и рецептура.

В-четвертых, следует отметить увеличение различных убытков от кибератак, которые оцениваются в 500 млрд долл. США – ежегодные убытки, которые несет бизнес из-за кибератак. Интенсивное распространение кибератак и их вредоносный характер создают условия для активного инвестирования значительных средств в сферу кибербезопасности в целях обеспечения сохранности данных, предупреждения прямого взлома их систем со стороны преступников, а также непреднамеренных сбоев в цифровой инфраструктуре. Опыт таких компаний, как Sony Pictures, TalkTalk, Target и Barclays, показывает, что потеря контроля над служебной информацией предприятия и над конфиденциальными клиентскими данными приводит к значительному падению стоимости акций. Это объясняет, почему Банк Америки Мерилл Линч полагает, что рынок кибербезопасности вырастет более чем в два раза: с 75 млрд долл. США в 2015 году до 170 млрд долл. США к 2020 году, т. е. ежегодный рост отрасли в ближайшие пять лет составит более 15 % [6, с. 99].

Особое внимание также необходимо обратить на такое явление социальной действительности, как террористическая деятельность и смежный с ней экстремизм, распространяемые в информационном пространстве посредством использования сети Интернет. В современных условиях цифровой трансформации общества террористические организации и группы все больше используют возможности Интернета в целях распространения идеологии терроризма, рекрутирования новых членов преступного подполья, создания условий для коммуникаций, обучения, подготовки диверсионной деятельности и привлечения средств для финансирования терроризма [5]. Актуализируется постановка проблемы о возможной будущей трансформации традиционного терроризма (терроризма в физическом мире) в терроризм в киберпространстве, т. е. в кибертерроризм. Закономерен вопрос: может ли террористический акт быть совершен посредством использования ИКТ в случае совершения компьютерной атаки на критическую информационную инфраструктуру России? Действительно, развитие информационно-телекоммуникационных технологий способствует трансформации отдельных видов криминальных деяний (если говорить относительно объективной стороны таких преступлений), которые могут совершаться

посредством использования новых технологий в информационно-телекоммуникационном пространстве. Если российский законодатель криминализировал неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, то ничто не мешает сделать разумное допущение о возможной кибератаке на объекты критической информационной инфраструктуры, совершаемой в террористических целях.

Проблема обеспечения кибербезопасности в современных условиях также заключается в юридической неопределенности ряда ключевых понятий. Например, отсутствует единообразное определение таких понятий, как «кибербезопасность», «киберпреступность», «суверенитет в информационном пространстве», «кибератака», «кибервойна», «кибертеракт», «вмешательство во внутренние дела другого государства», «границы юрисдикции» и др.). Нельзя не отметить проблему регулирования Интернета как всемирной системы объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации.

Обобщая все вышеизложенное, необходимо признать, что цифровая трансформация социальных отношений в фокусе активного использования и широкого распространения технологических новаций сопровождается новыми рисками и угрозами, которые имплицитно возникают в сетевом пространстве (киберпространстве) и выражаются в различных видах кибератак, совершаемых против информационных систем и угрожающих конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, а также частным и публичным интересам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cybercrime is Becoming Bolder with Data at the Centre of the Crime Scene. – URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/cybercrime-becoming-bolder-data-centre-of-crime-scene>(дата обращения: 25.07.2021).

2. Official Annual Cybercrime Report 2019. – URL: <https://www.herjavecgroup.com/the-2019-official-annual-cybercrime-report/> (дата обращения: 10.08.2021).

3. The Ultimate List Of Cyber Security Statistics For 2019. – URL: <https://purplesec.us/resources/cyber-security-statistics/> (дата обращения: 14.08.2021).

4. Статистика и аналитика. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 14.08.2021).

5. Туронок С. Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 4. – С. 131–140.

6. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – URL: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revolyuciya_2016.pdf (дата обращения: 14.08.2021).

*Мариничева Ирина Игоревна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Marinicheva Irina Igorevna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

irinkakostroma@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ДРУГИМИ ИСТОЧНИКАМИ ПРАВА

CORRELATION OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH OTHER SOURCES OF LAW

В статье говорится о том, что решения Конституционного Суда РФ являются особым видом документов органа государственной власти, в которых присутствуют отдельные признаки таких источников права как судебный прецедент, нормативный правовой акт и правовая доктрина. Тем не менее, ученые выделяют между ними важные различия и существенные противоречия. В связи с этим, существует спор между учеными об отнесении решений Конституционного Суда РФ к обособленному и самостоятельному источнику российского права.

Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation are a special type of documents of a state authority, in which there are certain signs of such sources of law as a judicial precedent, a normative legal act and a legal doctrine. Nevertheless, scientists identify important differences and significant contradictions between them. In this regard, there is a dispute between scientists about the attribution of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation to a separate and independent source of Russian law.

Решения Конституционного Суда РФ, судебный прецедент, нормативный правовой акт, правовая доктрина.

Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, judicial precedent, normative legal act, legal doctrine.

В юридической науке ведутся споры, во-первых, о том, являются ли решения Конституционного Суда РФ одним из трех видов источника права – судебный прецедент, нормативный акт и правовая доктрина; во-вторых, о том, возможно ли выделить решения Конституционного Суда РФ в самостоятельный вид источника права [1, с. 16–20].

Цель статьи в том, чтобы рассмотреть различные точки зрения на эти проблемы ученых-правоведов и обосновать тезис об отнесении решений Конституционного Суда РФ в качестве обособленного источника российского права.

В. О. Лучин и О. Н. Доронина считают, что решения Конституционного Суда РФ не являются нормативными правовыми актами, потому что с их помощью нормы права лишаются своей силы. Кроме того, решения Конституционного Суда РФ имеют охранительный характер и не создают новых норм права [5, с. 124]. Ж. И. Овсепян высказал мнение о том, что решения Конституционного Суда Российской Федерации имеют свойства как нормативности, так и прецедентности [7, с. 208]. С. А. Карапетян считает решения Конституционного Суда Российской Федерации как особый российский источник конституционного права [3, с. 27].

Существует мнение о том, что решения Конституционного Суда Российской Федерации имеют не просто статус источника права, что они имеют не только интерпретационную природу, но и устанавливают новые правовые нормы. Например, Л. В. Лазарев определяет решения Конституционного Суда РФ как «нормативно-интерпретационные, посредством которых Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет правокорректирующую функцию», а решение Конституционного Суда Российской Федерации оказывает «праворегулирующее воздействие на общественные отношения». В данном случае Л. В. Лазарев делает вывод, что решения Конституционного Суда РФ являются самостоятельным источником права как нормативно-интерпретационные акты, а правовые позиции являются выраженным в них правом [4, с.10].

По мнению Б. С. Эбзеева, решения Конституционного Суда Российской Федерации, которые признают неконституционность действующих норм права, не являются судебными прецедентами, поскольку под прецедентом в праве понимают поведение в определенной ситуации, которое рассматривается как образец при аналогичных обстоятельствах [9, с. 91].

По мнению М. А. Александровой, решения Конституционного Суда Российской Федерации имеют очень много общих свойств с судебными прецедентами, но не являются ими по следующим причинам: 1) судебное решение, которое стало прецедентом, является обязательным для судей, рассматривающих аналогичные дела. Подсудные Конституционному Суду Российской Федерации дела не рассматривает ни один другой суд; 2) решения Конституционного Суда Российской Федерации не могут заменить законы при решении судебных споров, суды ссылаются сначала на нормативный правовой акт, и лишь затем на соответствующее постановление Конституционного Суда Российской Федерации; 3) решением Конституционного Суда Российской Федерации нормативный правовой акт или его часть могут быть признаны неконституционными и до принятия нового нормативного акта применяются нормы Конституции Российской Федерации; 4) только для судов прецедент является обязательным, а решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны для органов власти, должностных лиц, организаций, физических лиц [1, с. 17–18].

Решения Конституционного Суда Российской Федерации как федерального органа власти имеют несомненное сходство с нормативными правовыми актами. Конституционный Суд РФ признает нормативный правовой акт или его часть неконституционным, следствием чего является утрата им юридической

силы, прекращение его применения, хотя формально такой правовой акт отменяет принявший орган власти или должностное лицо. Решение Конституционного Суда РФ имеет признаки обязательности для применения и исполнения, рассчитано на неоднократное применение, предусмотрена ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Несмотря на явную схожесть с нормативными правовыми актами, решения Конституционного Суда Российской Федерации все-таки ими не являются. Во-первых, они не являются законами, которые принимают законодательные органы власти. Во-вторых, они не являются подзаконными актами, поскольку стоят по своей иерархии выше законов, могут эти законы признать неконституционными, а новые законы не могут преодолеть решение Конституционного Суда Российской Федерации [8, ст. 79].

Особенность российской правовой системы в том, что доктрина официально применяется при установлении содержания норм иностранного права. По мнению ученых-правоведов, функцию конституционной доктрины выполняют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, представляющие собой принципы, теории, идеи, концепции, служащие теоретической основой права [2, с. 49–52]. Формирование правовой доктрины выступает особым направлением в деятельности Конституционного Суда России, которое обусловлено целями конституционного правосудия: «Конституционный Суд России играет роль признанного центра, генерирующего основные положения правовой доктрины, что отражает общую закономерность, характерную для всех государств, наделивших власть полномочиями судебного нормоконтроля» [7, с. 145].

Несмотря на то, что в российской правовой системе доктрина не является полноценным источником права, тем не менее, решения Конституционного Суда РФ по своей природе доктринальны. Необходимо отметить тот факт, что решения Конституционного Суда Российской Федерации судьи выносят не по результатам своей научной деятельности, а в ходе исполнения должностных обязанностей.

Можно сделать выводы о том, что в целом российские ученые признают за решениями Конституционного Суда Российской Федерации статус источника российского права. Решение Конституционного Суда является сложным документом, вобравшим в себя признаки многих видов источников права. В то же время, полностью решения Конституционного Суда Российской Федерации отождествлять с ними нельзя. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, признающие нормативные правовые акты неконституционными, выступают особым видом источника российского права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Александрова М. А.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник российского права : автореф. ... канд. юрид. наук . – М., 2017. – 32 с.

2. Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. – М. : Норма, 2005. – 175 с.
3. Карапетян С. А. Источники конституционного права Российской Федерации. – Ростов-на-Дону : Наука, 2018. – 50 с.
4. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. – М. : Формула права, 2008. – 687 с.
5. Лучин В. О. Жалобы граждан в Конституционный Суд РФ. – М. : Юнити, 1998. – 260 с.
6. Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2012. – 254 с.
7. Овсянян Ж. И. Конституционное судебное-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. – 2019. – № 2. – С. 208–210.
8. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 29.07.2018). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2021).
9. Эбзеев Б. С. Конституционный Суд РФ – судебный орган конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 2-3. – С. 91–96.

УДК 342.98

*Молнар Анна Алексеевна,
магистрант, Костромской государственный университет, г. Кострома*

*Molnar Anna Alekseevna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

MolnarAnn@mail.ru

УЧАСТИЕ НЕЗАВИСИМЫХ ЭКСПЕРТОВ В КОМИССИИ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

PARTICIPATION OF INDEPENDENT EXPERTS IN THE COMMISSION FOR THE SETTLEMENT OF CONFLICTS OF INTEREST

В статье рассматривается вопрос о возможности внесения изменений в нормы действующего законодательства РФ в части оплаты труда независимых экспертов, входящих в состав комиссии по конфликту интересов. Проведен анализ данной проблемы в рамках действующего законодательства, которое предусматривает оплату труда независимых экспертов, привлекаемых в состав только аттестационных и конкурсных комиссий. Автором предлагаются пути решения данной проблемы путем реформирования законодательства.

The article discusses the issue of the possibility of amending the norms of the current legislation of the Russian Federation in terms of remuneration of independent experts who are members of the Commission on Conflict of Interest. The analysis of this problem is carried out within the framework of the current legislation, which provides for the remuneration of independent experts involved in the composition of only attestation and competition commissions. The author proposes ways of solving this problem by reforming legislation. Key words: conflict of interest, independent experts, remuneration, commissions, government agency.

Конфликт интересов, независимые эксперты, оплата труда, комиссии, государственный орган.

Conflict of interest, independent experts, remuneration, commissions, government agency.

В соответствии с законодательством о противодействии коррупции [2] в государственном органе, органе местного самоуправления в целях рассмотрения вопросов, связанных с разрешением конфликта интересов должностных лиц, создается комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Согласно Указу Президента от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», в состав такой комиссии должны входить независимые эксперты в количестве не менее одной четверти от общего числа членов комиссии [3].

Независимыми экспертами могут быть работающие в научных и образовательных учреждениях, других организациях граждане Российской Федерации. При этом, при формировании конфликтной комиссии, предпочтение должно быть отдано тем лицам, трудовая (служебная) деятельность которых связана с гражданской службой.

Участие независимых экспертов позволяет реализовать принцип открытости государственной службы, поставить ее под контроль гражданского общества. Именно независимые эксперты должны обеспечивать справедливое, непредвзятое рассмотрение дела по существу, а также исключить попытки формального отношения руководителя к сложившейся ситуации конфликта интересов.

Однако до сих пор неурегулированной остается проблема, на наш взгляд, несомненно, влияющая на эффективную и ответственную работу комиссии – оплата труда независимых экспертов.

В Постановлении Правительства от 12.08.2005 № 509 «О порядке оплаты труда независимых экспертов, включаемых в составы аттестационной и конкурсной комиссий, образуемых федеральными государственными органами» для независимых экспертов установлена ставка оплаты труда в размере 80 рублей в час [4]. Данная ставка, несомненно, требует индексации в связи с тем, что не повышалась уже более 15 лет. Однако необходимо отметить, что данное Постановление Правительства РФ регламентирует оплату труда экспертов лишь в составе аттестационных и конкурсных комиссий, при этом никак не

затрагивая оплату труда независимых экспертов, привлекаемых в состав комиссий по конфликту интересов.

Выходит, что труд независимых экспертов в составе комиссий по урегулированию конфликта интересов вообще никак не оплачивается. В связи с чем безвозмездная работа привлекаемых в качестве независимых экспертов высококвалифицированных специалистов научных и образовательных организаций является несправедливой. Кроме возмещения возможных транспортных расходов необходимо учитывать и то, что заседание конфликтных комиссий зачастую длится несколько часов в связи с необходимостью вникнуть в суть конфликта, изучить все документы, имеющие отношение к рассматриваемой ситуации.

Следует отметить, что Постановление Правительства РФ от 12.08.2005 № 509 «О порядке оплаты труда независимых экспертов, включаемых в составы аттестационной и конкурсной комиссий, образуемых федеральными государственными органами» кроме аттестационной и конкурсной комиссий в редакции до 03.08.2011 в заголовке и по тексту, содержала положения о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. Основания для решения об исключении конфликтных комиссий из данного нормативно-правового акта представляются неочевидными хотя бы исходя из ст. 170 Трудового кодекса Российской Федерации [1], предусматривающей выплату государственным органом, привлекающим работника к исполнению государственных или общественных обязанностей, компенсации.

Таким образом, представляется необходимым внести изменения в Постановление Правительства от 12.08.2005 № 509 «О порядке оплаты труда независимых экспертов, включаемых в составы аттестационной и конкурсной комиссий, образуемых федеральными государственными органами», предусматривающие оплату труда независимых экспертов, в том числе включаемых в состав комиссии по урегулированию конфликта интересов, в размере 500 рублей.

Думается, что введение оплаты труда экспертов комиссии по урегулированию конфликта интересов повысит их заинтересованность в участии и всестороннем, объективном и ответственном принятии решений, а следовательно, обеспечении качественной работы таких комиссий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ: по состоянию на 28.06.2021. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).

2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: по состоянию на 26.05.2021. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).

3. Указ Президента от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.08.2005 № 509 «О порядке оплаты труда независимых экспертов, включаемых в составы аттестационной и конкурсной комиссии». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).

УДК 349.6

*Орловская Ирина Викторовна,
старший преподаватель, Костромской государственной
университет,
г. Кострома*

*Orlovskaya Irina Viktorovna,
senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma*

irinorlovskaya@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ СОЗДАНИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ МЕСТ ПОГРЕБЕНИЯ

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS ENVIRONMENTAL EXPERTISE WHEN CREATING AND RECONSTRUCTION OF BURIAL SITES

В статье проанализированы положения Закона о погребении и Закона об экологической экспертизе на предмет достаточности организационно-правового регулирования вопроса проведения экологической экспертизы при создании и реконструкции мест погребения. Приведены примеры судебной практики, примеры толкования федеральными органами исполнительной власти положений Закона в указанной части. Автором предложены пути решения выявленных проблем правового регулирования.

The article analyzes the provisions of the Law on Burial and the Law on Environmental Expertise for the sufficiency of organizational and legal regulation of the issue of environmental expertise in the creation and reconstruction of burial sites. Examples of judicial practice, examples of interpretation by federal executive authorities of the provisions of the Law in this part are given. The author suggests ways to solve the identified problems of legal regulation.

Экология, экологическая экспертиза, места погребения, экспертиза, строительство новых мест погребения, реконструкция мест погребения, оценка воздействия на окружающую среду.

Ecology, ecological expertise, burial sites, expertise, construction of new burial sites, reconstruction of burial sites, environmental impact assessment.

Геополитическая нестабильность мировой арены стала одной из причин обновления в июле 2021 базового документа по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, 02.07.2021 за № 400 Указом Президента Российской Федерации была принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1] (далее – Стратегия).

В основу такой Стратегии положено утверждение о том, что процветанию России будет способствовать гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека, что возможно при создании правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

С учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование (пп. 6 п. 25 Стратегии).

Аналогичные положения продублированы в Экологической доктрине Российской Федерации [2] (далее – Экологическая доктрина).

Обозначенные в Экологической доктрине и в Стратегии экологические задачи необходимо рассматривать через призму человеческих потребностей, одной из которых является захоронение умерших.

О росте смертности повсеместно сообщается в средствах массовой информации, в иных открытых источниках информации. Согласно данным РБК, смертность в России на фоне пандемии стала рекордной за десять лет [3]. РИА Новости заявляет о росте смертности за 2020 на 17,9 % [4].

В обозначенных условиях, ситуация с возникновением и распространением новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) вскрыла давно назревшие проблемы ритуальной отрасли России, к которым можно отнести в том числе и скудное правовое регулирование обозначенной сферы.

Таким образом, геоэкологические аспекты организации некрополей в условиях дефицита земельных ресурсов создают предпосылки для реформирования законодательства о погребении и смежных с ним земельного и экологического.

В силу ч. 1 статьи 16 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [5] (далее – Закон о погребении) выбор земельного участка для размещения места погребения осуществляется в соответствии с правилами застройки города или иного поселения с учетом гидрогеологических характеристик, особенностей рельефа местности, состава грунтов, предельно допустимых экологических нагрузок на окружающую среду, а также в соответствии с санитарными правилами и нормами и должен обеспечивать неопределенно долгий срок существования места погребения.

Именно в целях реализации принципа обязательности оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности частью 3 статьи 16 Закона о погребении императивно закреплено, что создание новых мест погребения, реконструкция действующих

мест погребения возможны при наличии положительного заключения *экологической* и санитарно-гигиенической *экспертизы*.

В настоящей статье мы остановимся только на вопросе реализации вышеуказанного положения Закона в части проведения экологической экспертизы.

Правильное применение обозначенного законодательного положения невозможно без уяснения аутентичного смысла такой нормы права. Для этого необходимо разобраться в буквальном содержании положений приведенной статьи.

В статье 3 Закона о погребении раскрыто содержание термина «погребение» – «...обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям...».

Погребение может осуществляться путем предания тела (останков) умершего земле (захоронение в могилу, склеп), огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом), воде (захоронение в воду в порядке, определенном нормативными правовыми актами Российской Федерации) (ст. 3 Закона о погребении).

Содержание понятия «места погребения» раскрыто в ст. 4 Закона о погребении – отведенные в соответствии с этическими, *санитарными и экологическими требованиями участка земли* с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших, далее – прах), крематориями для предания тел (останков) умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших.

Из приведенной нормы следует, что, во всяком случае, место погребения – это участок земли с возведенным на нем зданием, сооружением, предназначенными для осуществления погребения умерших, в виде кладбища, стены скорби, крематорием и др. Перечень таких зданий и сооружений является *открытым*.

Учитывая инженерно-техническую специфику мест погребения для исполнения ч.3 ст.16 Закона о погребении важно понимать при создании и реконструкции каких именно объектов требуется проведение государственной экологической экспертизы.

Отсутствие законодательно закрепленного исчерпывающего перечня мест погребения, создает условия для произвольного толкования ч. 1 ст. 4 Закона о погребении в части отнесения или не отнесения к местам погребения того или иного объекта, конкретно не поименованного в Законе о погребении, а значит и возможности применения требования о получении положительного заключения государственной экологической экспертизы при создании новых мест погребения, реконструкции действующих мест погребения.

Кроме того, в Законе о погребении не раскрыты понятия «кладбище», «стена скорби», «крематорий».

Понятие «кладбище» содержится в МДК 11-01.2002. Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации (рекомендованы Протоколом Госстроя РФ от 25.12.2001 № 01-НС-22/1), под ним понимается – градостроительный комплекс или объект, содержащий места (территории) для погребения умерших или их праха после кремации [6].

В иных законодательных актах стена скорби именуется ярусом колумбариев, под которыми понимаются горизонтальные ряды ниш, в которых размещают урны с прахом (МДК 11-01.2002. «Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации» (рекомендованы Протоколом Госстроя РФ от 25.12.2001 № 01-НС-22/1)) [6].

Крематорий (кремационный комплекс) – ритуальное сооружение, предназначенное для предания тел (останков) умерших (погибших) огню (кремации) (МДК 11-01.2002. Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации (рекомендованы Протоколом Госстроя РФ от 25.12.2001 № 01-НС-22/1)) [6].

Вместе с тем не ясно, что значит «создание новых мест погребения» и «реконструкция действующих мест погребения» поскольку содержание данных понятий в Законе не раскрыто.

Анализ положений ст. 15 и ст. 16 Закона о погребении позволяет заключить, что в процесс создания мест погребения входят следующие процедуры:

- внесение предложения по созданию мест погребения (ст. 15 Закона о погребении);
- выбор земельного участка для размещения места погребения (ч. 1–3 ст. 16 Закона о погребении);
- предоставление земельного участка для размещения места погребения (ч. 4–6 ст. 16 Закона о погребении).

Однако на указанном этапе описание процедуры создания мест погребения в Законе обрывается.

Процесс реконструкции действующих мест погребения законодательно вовсе не закреплен.

В настоящее время не ясно, какой процесс венчает окончание «создания места погребения» – процесс строительства кладбища, стены скорби, крематория на выделенном земельном участке или все же достаточно предоставить земельный участок для размещения места погребения в порядке, определенном Законом без возведения на нем строений, и сооружений, образующих понятие «кладбище».

В словаре С. И. Ожегова под «создать» понимается «сделать существующим, произвести, основать» [7], а под «реконструировать» – «произвести реконструкцию чего-нибудь» [8], «реконструкция» – «1. Коренное переустройство, организация чего-нибудь на новых основах. 2. Восстановление чего-нибудь по сохранившимся остаткам, описаниям» [8].

Представляется, что в контексте ст. 3 и ст. 4 Закона о погребении, где раскрыты понятия «место погребения» и «погребение», под «созданием новых мест погребения» следует понимать фактическое и юридическое создание мест

погребения посредством согласования, получения разрешительных документов, проектирования, строительства, изготовления, сооружения, установки в соответствии с положениями экологического, санитарного, земельного и градостроительного законодательства. Под «реконструкцией действующих мест погребения» следует понимать комплекс строительных работ и организационно-технических мероприятий, связанных с изменением основных технико-экономических показателей (нагрузок, строительного объема и общей площади зданий и сооружений, инженерной оснащенности) с целью изменения условий эксплуатации, максимального восполнения утраты от имевшего место физического и функционального износа, достижения новых целей эксплуатации здания, сооружения, а также предусматривающий изменение и обновление объемно-планировочного и архитектурного решений существующего здания, сооружения и его морально устаревшего инженерного оборудования в соответствии с требованиями, предъявляемыми действующими нормами к эстетике и условиям эксплуатации таких зданий и сооружений.

Содержание таких понятий приведено в авторской редакции, однако требуется их законодательное закрепление.

Под экологической экспертизой понимается установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды, в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду (ст. 1 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [9] (далее – Закон об экологической экспертизе)).

В Российской Федерации осуществляются государственная экологическая экспертиза и общественная экологическая экспертиза (ст. 4 Закона об экологической экспертизе).

Государственная экологическая экспертиза в свою очередь делится на государственную экологическую экспертизу федерального и регионального уровней. Перечень объектов государственной экологической экспертизы федерального уровня установлен в ст. 11 Закона об экологической экспертизе, а перечень объектов государственной экологической экспертизы регионального уровня установлен в ст. 12 этого же нормативного акта.

Исходя из общих правил законодательной техники статьи 11 и 12 Закона об экологической экспертизе изложены таким образом, что перечни объектов экологической экспертизы являются закрытыми, что не позволяет расширенно толковать содержание таких перечней.

Между тем, содержание ч. 3 ст. 16 Закона о погребении не продублировано в Законе об экологической экспертизе.

Таким образом, имеет место факт несоответствия друг другу положений нормативных правовых актов, имеющих одинаковую юридическую силу: ч. 3 ст. 16 Закона о погребении императивно устанавливает основание для проведения государственной экспертизы, которое не перечислено в закрытых перечнях

объектов государственной экологической экспертизы, а именно в ст. 11 и в ст. 12 Закона об экологической экспертизе.

На практике подобная ситуация не однозначно истолковывается как государственными и судебными органами, так и природопользователями.

Представляется интересным правовая позиция Минприроды России, изложенная в письменном ответе от 22.06.2020 за № 12-29/15362, адресованном директору Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Костромской области. Согласно такому документу, документация, предусматривающая создание новых и реконструкцию действующих мест погребения, не является самостоятельным объектом государственной экологической экспертизы. Минприроды России в своем ответе обратило внимание на тот факт, что проектная документация, предусматривающая создание новых и реконструкцию действующих мест погребения может подлежать государственной экологической экспертизе в случаях, предусмотренных статьями 11 и 12 Закона об экологической экспертизе, в силу их месторасположения или предусмотренных проектных решений.

Таким образом, Минприроды России увязало необходимость исполнения ч. 3 ст. 16 Закона о погребении с местоположением планируемых к строительству или реконструируемых мест погребения и с проектными решениями по такому строительству или реконструкции, что существенно ограничивает действие указанного положения Закона о погребении.

С приведенной позицией Минприроды России согласиться невозможно.

В силу ст. 3 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [10] хозяйственная и иная деятельность должна осуществляться на основе таких принципов как: презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности; обязательность оценки воздействия на окружающую среду при принятии решений об осуществлении хозяйственной и иной деятельности; обязательность проведения в соответствии с законодательством Российской Федерации проверки проектов и иной документации, обосновывающих хозяйственную и иную деятельность, которая может оказать негативное воздействие на окружающую среду, создать угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан, на соответствие требованиям технических регламентов в области охраны окружающей среды; учет природных и социально-экономических особенностей территорий при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности; соблюдение права каждого на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, а также участие граждан в принятии решений, касающихся их прав на благоприятную окружающую среду, в соответствии с законодательством и др.

Экологическая экспертиза основывается на презумпции потенциальной экологической опасности любой намечаемой хозяйственной и иной деятельности; обязательности проведения государственной экологической экспертизы до принятия решений о реализации объекта экологической экспертизы; комплексности оценки воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и его последствий; обязательности учета требований экологической

безопасности при проведении экологической экспертизы; достоверности и полноты информации, представляемой на экологическую экспертизу; независимости экспертов экологической экспертизы при осуществлении ими своих полномочий в области экологической экспертизы; научной обоснованности, объективности и законности заключений экологической экспертизы; гласности, участия общественных организаций (объединений), учета общественного мнения; ответственности участников экологической экспертизы и заинтересованных лиц за организацию, проведение, качество экологической экспертизы (ст. 3 Закона об экологической экспертизе).

Законодательство об экологической экспертизе основывается на соответствующих положениях Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об охране окружающей среды» и состоит из Закона об экологической экспертизе, принимаемых в соответствии с ним законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (ст. 2 Закона об экологической экспертизе).

Учитывая изложенное, а также вышеприведенные принципы экологического законодательства, Закон о погребении может содержать законодательные положения, регламентирующие правоотношения в области экологической экспертизы, а значит такие нормы обязательны к исполнению.

Между тем, как ранее отмечалось автором, «...Законом о похоронном деле не конкретизирован объект экологической экспертизы, т. е. законодательно не закреплено какие конкретно документы и (или) документация, обосновывающие намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, в данном случае – создание новых мест погребения, реконструкция действующих мест погребения, подлежат проверке на предмет соответствия экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды...» [11].

«...Учитывая содержание определения «места погребения» (ч. 1 ст. 4 Закона о погребении) представляется не понятным, какая конкретно документация подлежит экологической экспертизе в случае строительства кладбища, так как сам по себе указанный объект может представлять собой только земельный участок, в который будут производиться захоронения. Или же в силу Закона о погребении экологической экспертизе подлежит только проектная документация на строительство стен скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших), крематориев для предания тел (останков) умерших огню, а также иных зданий и сооружений, предназначенных для осуществления погребения умерших...» [11].

Законом не регламентирован и вопрос об уровне государственной экологической экспертизы объекта, обозначенного в ч. 3 ст. 16 Закона о погребении. Не определено какой орган государственной власти будет проводить такую государственную экологическую экспертизу – Росприроднадзор (экологическая

экспертиза федерального уровня) или орган исполнительной власти субъекта (экологическая экспертиза регионального уровня).

Учитывая тот факт, что одной из форм погребения умерших является их захоронение на кладбищах в землю, места захоронения – это потенциальный источник воздействия на среду обитания и здоровье человека. В результате процессов разложения останков в почвы, породы зоны аэрации и подземные воды поступают бактерии, органические соединения, соединения азота, хлориды, гидрокарбонаты, тяжелые металлы, что изменяет химический состав почв. Таким образом, строительство и реконструкция мест погребения может угрожать экологии не только конкретно взятого населенного пункта, региона, но и близлежащих, т. е. может носить межсубъектовый характер.

Ввиду изложенного, представляется обоснованным отнесение объекта экологической экспертизе, обозначенного в ч. 3 ст. 16 Закона о погребении, к объектам экологической экспертизы федерального уровня.

Таким образом, для исключения фактов произвольного толкования положений Закона о погребении необходимо ст. 11 Закона об экологической экспертизе дополнить объектом экологической экспертизы федерального уровня, именованным в ч. 3 ст. 16 Закона о погребении, четко указав, что именно будет являться объектом такой экспертизы.

Возвращаясь к письму Минприроды России, хотелось бы отметить, что приведенное в нем толкование норм права не отвечает сложившейся судебной практике и противоречит правовым позициям иных государственных структур.

Так, согласно письму Министерства экономического развития Российской Федерации от 15.12.2011 № Д23-5159 «земельный участок для организации кладбища без предоставления... положительного заключения экологической и санитарно-гигиенической экспертизы, предусмотренных п. 1 и 3 ст. 16 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», не может быть определен...» [12].

Решением Волжского районного суда Самарской области от 15.10.2014 г. удовлетворено исковое заявление прокурора Волжского района Самарской области о возложении на администрацию городского поселения Петра Дубрава муниципального района Волжский Самарской области обязанности провести экологическую и санитарно-гигиеническую экспертизу кладбища, расположенного в п. Дубовый Гай (дело № 2-2273/2014) [13]. Решение суда вступило в законную силу.

О необходимости исполнения ч. 3 ст. 16 Закона о погребении указано в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.06.2015 № Ф03-2248/2015 по делу № А04-6770/2014 оставленном в силе судами апелляционной и кассационной инстанции [14].

Между тем анализ судебной практики по рассматриваемому вопросу показал, что имеет место и третья точка зрения по вопросу о необходимости получения положительного заключения экологической экспертизы при строительстве новых мест погребения и реконструкции действующих мест погребения.

Так, постановлением 17 арбитражного апелляционного суда от 12.07.2017 г. № 17АП-7493/2017-ГК по делу № А71-16842/2016 [15] отменено решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 06 апреля 2017 года по делу № А71-16842/2016 [16] которым признано недействительным уведомление Главного управления архитектуры и градостроительства Администрации города Ижевска от 16.11.2016 № 01-06/8657 об отказе в выдаче разрешения на строительство объекта «Ритуальный комплекс по адресу: Удмуртская Республика, г. Ижевск, земельный участок в границах кладбища «Новые парники» на земельном участке, расположенном по адресу: Удмуртская Республика, г. Ижевск, Ленинский район, (кадастровый номер 18:26:040347:4)».

Из оспариваемого уведомления Главного управления архитектуры и градостроительства Администрации города Ижевска уведомлением от 16.11.2016. № 01-06/8657 следует, что основанием для отказа в выдаче разрешения на строительство, реконструкцию спорного объекта послужило, в том числе, отсутствие положительного заключения экологической экспертизы и санитарно-гигиенической экспертизы, предусмотренных п. 3 ст. 16 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле».

Суд первой инстанции исходил из того, что перечень объектов, обозначенный в ст.11 и в ст.12 Закона об экологической экспертизе является закрытым и не включает в себя крематории и кладбища. Приказом Минприроды Удмуртской Республики от 30.09.2011 № 142 утвержден Административный регламент «Проведение государственной экологической экспертизы объектов регионального уровня», в соответствии с п. 25 которого кладбища и крематории не являются объектами регионального уровня, подлежащими государственной экологической экспертизе. Согласно письму Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Удмуртской Республики от 28.10.2016 № 01-13/7166 и письму Минприроды России от 09.02.2011 № 12-44/1687 документация, обосновывающая организацию и реконструкцию мест захоронения, к объектам государственной экологической экспертизы регионального уровня не относится, нормы п. 3 ст. 16 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» вступают в противоречие с нормами Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе».

Между тем суд апелляционной инстанции отмечает, что из содержания п. 3 ст. 16 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», и из содержания оспариваемого уведомления Главного управления архитектуры и градостроительства Администрации города Ижевска уведомлением от 16.11.2016. № 01-06/8657 не следует, что при создании новых мест погребения, реконструкции действующих мест погребения требуется именно государственная экологическая экспертиза.

Далее суд апелляционной инстанции приходит к выводу о том, что поскольку при подаче МУП г. Ижевска «Ритуал» заявления о выдаче разрешения на строительство объекта «Ритуальный комплекс», расположенный по адресу: Удмуртская Республика, г. Ижевск, земельный участок в границах кладбища «Новые парники», на земельном участке, расположенном по адресу: Удмурт-

ская Республика, г. Ижевск, Ленинский район, (кадастровый номер 18:26:040347:4), не были представлены предусмотренные п. 3 ст. 16 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» заключение экологической и санитарно-гигиенической экспертизы, Главное управление архитектуры и градостроительства Администрации города Ижевска обоснованно направило уведомление от 16.11.2016 № 01-06/8657 об отказе в выдаче разрешения на строительство.

Приведенные судебные позиции были поддержаны судом кассационной инстанции в постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 07.11.2017 № Ф09-6722/17 по делу № А71-16842/2016 [17] и в определении Верховного суда Российской Федерации от 02.02.2018 № 309-КГ17-21945 об отказе в передаче дела на рассмотрение в кассационной инстанции [18].

Однако, возвращаясь в самое начало настоящей статьи, следует напомнить о том, что в силу ст. 4 Закона об экологической экспертизе в Российской Федерации осуществляются государственная экологическая экспертиза и общественная экологическая экспертиза. Иные виды экологических экспертиз Законом не установлены.

Общественная экологическая экспертиза может проводиться в отношении объектов, указанных в статьях 11 и 12 Закона об экологической экспертизе, за исключением объектов экологической экспертизы, сведения о которых составляют государственную, коммерческую и (или) иную охраняемую законом тайну (ст.21 Закона об экологической экспертизе). Таким образом, общественная экологическая экспертиза может быть проведена только в отношении объектов государственной экологической экспертизы.

Арбитражными судами в приведенных судебных актах однозначно указано на существование какого-то иного вида экологической экспертизы нежели государственная экологическая экспертиза, при этом суды цитируют именно законодательное определение понятия «экологическая экспертиза», приведенное в ст.1 Закона об экологической экспертизе.

Таким образом, изложенная позиция арбитражных судов еще больше создала правовую неопределенности в части толкования положений ч. 3 ст. 16 Закона о погребении.

Все это свидетельствует об актуальности, теоретической и практической значимости выбранной автором темы исследования.

Ранее автором отмечалось, что Минприроды России предпринималась попытка полностью отказаться от необходимости проведения экологической экспертизы при создании новых мест погребения, реконструкции действующих мест погребения, для чего «...Минприроды РФ подготовлен, но не внесен для обсуждения в Государственную Думу РФ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и в иные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии со ст.9 такого Проекта предлагается в пункте 3 статьи 16 Федерального закона от 12 января 1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» слова «экологической и» исключить...» [11].

Представляется, что проведение экологической экспертизы при создании новых мест погребения, реконструкции действующих мест погребения, полностью отвечает современной социальной модели в которой экологическая составляющая является определяющей по отношению к другим.

Изложенное позволяет заключить, что, в настоящее время, назрела необходимость реформирования организационно-правового порядка экологической экспертизы при создании и реконструкции мест погребения. Для этого необходимо:

1. Законодательно закрепить исчерпывающий перечень мест погребения.
2. Законодательно раскрыть понятия «кладбище», «стена скорби», «крематорий».
3. Дать законодательное определение понятий: «создание новых мест погребения» и «реконструкция действующих мест погребения»;
4. законодательно определить объект экологической экспертизы в соответствии с ч.3 ст.16 Закона о погребении (что именно будет исследовано в ходе экспертизы).
5. Регламентировать вопрос об уровне государственной экологической экспертизы объекта, поименованного в ч.3 ст.16 Закона о погребении, путем включения такого объекта экологической экспертизы в ст.11 или ст.12 Закона об экологической экспертизе.
6. Конкретизировать требование, изложенное в ч. 3 ст. 16 Закона о погребении, о проведении экологической экспертизы, путем указания на необходимость проведения именно государственной экологической экспертизы.

Предложенные варианты законодательных изменений отвечают актуальным требованиям об экологизации, унификации, гармонизации норм российского права и позволят создать условия для успешной реализации конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию об ее состоянии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2021).
2. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2021).
3. Смертность в России на фоне пандемии стала рекордной за десять лет. – URL: <https://www.rbc.ru/society/16/12/2020/5fbd65c79a794747f677e904> (дата обращения: 01.09.2021).
4. Смертность в России выросла на 17,9 процента за 2020 год. – URL: <https://ria.ru/20210427/smertnost-1730101505.html> (дата обращения: 01.09.2021).
5. Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

6. Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации (рекомендованы Протоколом Госстроя РФ от 25.12.2001 № 01-НС-22/1). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

7. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. – М. : Оникс, 2012. – 1375 с.

8. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : ок. 53 000 слов. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс, 2005. – 1198 с.

9. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

10. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

11. *Орловская И. В.* Экологическая экспертиза мест погребения: проблемы правового регулирования и правоприменения // Органы народовластия на Костромской земле. Опыт прошлого и перспективы будущего (к 25-летию Конституции Российской Федерации, Костромской областной Думы и Думы города Костромы) : сб. тр. XV Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (10–11 декабря 2018 г., г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, И. Н. Мельников, А. Г. Сироткин ; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. – Кострома : Костромской государственный университет, 2019. – С. 153.

12. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 15.12.2011 № Д23-5159. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

13. Решение Волжского районного суда Самарской области от 15.10.2014. – URL: https://volzhsky-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=197498&_uid=&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 01.09.2021).

14. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.06.2015 № Ф03-2248/2015 по делу № А04-6770/2014. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

15. Постановление 17 арбитражного апелляционного суда от 12.07.2017 № 17АП-7493/2017-ГК по делу № А71-16842/2016. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2a49d078-38da-4bdf-b889-048d0c12e314/5fc3daf8-ab82-497e-a255-cf2cfcf60d1a/A71-16842-2016_20170712_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2021).

16. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 06 апреля 2017 года по делу № А71-16842/2016. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2a49d078-38da-4bdf-b889-048d0c12e314/5b7071da-78fc-4162-aa2a-2e778708e572/A71-16842-2016_20170406_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2021).

17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.11.2017 № Ф09-6722/17 по делу № А71-16842/2016. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2a49d078-38da-4bdf-b889-048d0c12e314/1bf64c6a-64a7-4892-924f->

82adc8d97c19/A71-16842-2016_20171107_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2021).

18. Определение Верховного суда Российской Федерации от 02.02.2018 № 309-КГ17-21945. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2a49d078-38da-4bdf-b889-048d0c12e314/1a49d3a7-a056-464d-9e13-edcc436bd083/A71-16842-2016_20180202_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.09.2021).

УДК 342.4

*Печурина Дарья Николаевна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Pechurina Darya Nikolaevna,
student, Kostroma State University, Kostroma*

darya.pechurina1976@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

INTERACTION OF THE NORMS OF THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE NORMS OF INTERNATIONAL LAW

В статье поднимается вопрос о том, что процессы развития интеграционных связей между отдельными народами и странами усилили взаимозависимость России и других государств друг от друга, расширили круг их общих интересов. Развилась тенденция к демократизации общественной жизни, к совершенствованию правовых систем обществ. Это и обусловило углубление взаимодействия конституционного права РФ и международного права. В статье определяется смысловое значение понятий «конституционное право РФ» и «международное право», исследуются основы взаимодействия национального и международного права.

The processes of development of integration ties between individual nations and countries have increased the interdependence of Russia and other states from each other, expanded the range of their common interests. Trends of democratization of social life, improvement of the legal systems of societies have developed. This has led to the deepening of interaction between the constitutional law of the Russian Federation and international law. The article defines the semantic meaning of the concepts of “constitutional law of the Russian Federation” and “international law”, examines the basis of interaction between national and international law.

Норма конституционного права, норма международного права, правовой обычай, обыкновение, договорная норма.

Norm of constitutional law, norm of international law, legal custom, custom, contractual norm.

Конституционное право занимает центральное место в национальной системе права. От других отраслей оно отличается не только значимостью предмета регулирования, но и широтой охватываемых отношений (это единственная отрасль права, которая охватывает все сферы жизни общества: политическую, экономическую, социальную и духовно-идеологическую). Предметом конституционного права выступают фундаментальные общественные отношения по поводу конституционного строя России, ее государственного устройства, правового положения личности в государстве, власти народа и прочее. Задача конституционного права заключается в том, чтобы наиболее эффективно регулировать данные отношения, а также создавать основополагающие нормы, которые могут развиваться в других отраслях. Таким образом, отрасль конституционного права связана с основными правовыми отношениями государства и общества.

Специфика конституционных отношений отражается и в специфике конституционно-правовых норм. По мнению академика О. Е. Кутафина, в конституционное право входят правовые нормы, содержащиеся в Конституции РФ, в конституциях и уставах субъектов Федерации, правовые нормы, складывающиеся в процессе осуществления государственной власти Президентом РФ, законодательными органами государственной власти Федерации и ее субъектов, а также непосредственно народом при проведении референдумов и свободных выборов [7, с. 170–296].

Безусловно, нормам конституционного права присущи черты, общие для всех остальных отраслей права. Нормы конституционного права являются формально закрепленными правилами поведения, они носят общий характер, отражают меру возможного и должного деяния, а также выступают как специфический регулятор общественных отношений.

В то же время, чтобы определить значение понятия «норма конституционного права», необходимо отметить ряд индивидуальных признаков, свойственных только нормам конституционного права. Так, В. Г. Стрекозов выделяет следующие признаки: нормы конституционного права регулируют наиболее важные, коренные общественные отношения; устанавливают правила поведения в самом общем виде, без детализации, конкретизации; регулируют поведение специфических субъектов [9, с. 13]. А. В. Безруков в свою очередь говорит о таких признаках норм конституционного права, как системность и согласованный характер конституционно-правовых норм; наличие большого количества норм общерегулятивного характера (нормы-принципы, нормы-дефиниции); особый механизм их реализации [6, с. 5].

Ученые, которые выделяют признаки норм конституционного права, также говорят и об иерархии этих норм, ведь конституционные нормы, которые не могут быть реализованы сами собой, должны иметь развитие в нижестоящих по иерархии источниках данной отрасли права. Как уже было упомянуто, Конституция РФ является не единственным источником норм конституционного права. Помимо Конституции РФ в систему источников конституционного права входят другие законы и подзаконные акты, а также акты органов судебного

конституционного контроля, внутригосударственные и международные нормативные договоры.

Для конституционно-правового регулирования особенно значимо включение в российскую правовую систему в качестве самостоятельных и обособленных компонентов норм международного права, что говорит о взаимодействии норм конституционного права и норм международного права.

Как отмечает Г. В. Игнатенко, «нормы международного права – это общеобязательные правила деятельности и взаимоотношений государств или иных субъектов» [5, с. 93]. Если в случае с нормами конституционного права РФ ученые имеют схожее мнение о том, что под ними подразумевается, то с понятием «нормы международного права» в среде научных деятелей возникают разногласия. Это обусловлено тем, что, в отличие от конституционного права РФ, в международном праве отсутствуют такие законодательные органы, которые занимались бы правотворческой деятельностью, поэтому субъектам приходится самостоятельно в качестве соглашений устанавливать те или иные правовые нормы в качестве международно-правовых. Если соглашения субъектов достигается по умолчанию, без фиксирования факта применения норм, мы имеем дело с обычными нормами. Если же субъекты, применяя определенные нормы, фиксируют это в виде договоров, значит, речь идет о договорных нормах.

Для начала стоит сказать о правовом обычае. В статье 38 Статута Международного суда ООН от 26.06. 1945 г. под международным обычаем понимается «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы» [1]. Преамбула Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» провозглашает: «Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств» [2].

Говоря о том, как образуются обычные нормы, можно выделить два этапа. Во-первых, происходит согласование правила поведения, т. е. одно и то же действие приобретает схожую форму при осуществлении его разными субъектами. Однако само по себе длительное повторение одних и тех же действий еще не создает международного обычая, поэтому такой признак, как продолжительность существования правила поведения, не может служить главным доказательством существования обычая. Только тогда, когда обычаю придали юридическую силу международно-правовой нормы, он считается правовым.

Следует сказать о таком понятии, как «обыкновение». Очень часто оно ставится в один ряд с «обычаем», однако отождествлять их нельзя. В отличие от правового обычая, обыкновение не имеет в основе определенного правила и складывается в ходе практики его применения. Обыкновение также не носит обязательного характера и используется только в случае, если субъекты правоотношений осведомлены о его существовании. Более того, обыкновение по сравнению с обычаем более гибкое по своей природе и способно меняться в зависимости от конкретных обстоятельств [8, с. 40–42.].

Возвращаясь к правовому обычаю, стоит отметить, что в России не исключается применение обычая как источника права, но в первую очередь он используется в сфере частноправовых отношений. Например, ст. 5 ГК РФ упоминает возможность использования обычая, однако его применение носит диспозитивный характер [4].

Несмотря на признание обычного международного права в качестве источника права в РФ, на данный момент в России не решен спор о том, должны ли применяться правовые обычаи, так как их создание – достаточно длительный процесс, во время которого возникают затруднения с установлением точного содержания нормы. К примеру, процесс создания договорной нормы занимает меньшее количество времени, процедура ее закрепления детально разработана, причем субъекты имеют больше возможностей на изъявление своей воли в договорной форме. К тому же, международные договоры как источники внутригосударственного права, согласно преамбуле к Федеральному закону от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», признаются составной частью правовой системы Российской Федерации. Ст. 2 данного акта определяет международный договор Российской Федерации как «международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [2]. Этим и объясняется широкое применение договорных норм в международном праве и его дальнейшее использование отраслью конституционного права Российской Федерации. Однако на сегодняшний день, несмотря на особую актуальность данной темы, этот вопрос недостаточно раскрыт в отечественной юриспруденции и требует отдельного детального рассмотрения.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать ряд выводов:

1. Нормы конституционного права РФ и нормы международного права представляют собой элементы двух юридических систем, которые взаимодействуют друг с другом, посредством включения норм международного права в российскую правовую систему.

2. Среди ученых массу споров вызывает вопрос об отсутствии иерархии среди источников международного права, поэтому на данный момент, как обычные нормы, так и договорные нормы имеют одинаковую юридическую силу. В конституционном праве Российской Федерации на сегодняшний день большее внимание уделяется договорным нормам международного права в силу практической их применения.

Тем самым наблюдается сближение конституционно-правовой системы РФ и международной правовой системы. И это, скорее, положительный момент. Взаимосвязь государств в современном мире требуют от национальных систем активного взаимодействия друг с другом. Думается, что для достижения

этой цели наиболее приемлемым будет использование международных договоров и других международно-правовых актов, которые были бы ориентированы на максимально эффективное взаимодействие государств-членов мирового сообщества. Решение этой проблемы – длительный и трудоемкий процесс, требующий усилий, как со стороны России, так и со стороны других государств.

Попытка разрешить вопрос с иерархией источников права России была сделана при внесении изменений в Конституцию Российской Федерации 4 июля 2020 года. Ст. 79 основного закона России была дополнена следующим положением: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Косвенно эта норма подтверждает вывод, сделанный Конституционным судом в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П: «Будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции Российской Федерации, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере...» [3].

Вместе с тем, считается, что иерархия источников права традиционно закрепляется в ст. 15 Конституции Российской Федерации, соответствующие изменения в которую внесены не были.

Таким образом, несмотря на попытку законодателя устранить пробел в Конституции Российской Федерации относительно приоритета источника правового регулирования, в настоящий момент можно только предполагать, что имеется в виду в ст. 79 Основного Закона нашего государства.

Полагаем, устранить существующий пробел и внести ясность в целях единообразного правоприменения и обеспечения конституционных прав граждан России возможно только прямым закреплением приоритета того или иного источника права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статут Международного Суда ООН от 26 июня 1945 г. – URL: <https://www.icj-cij.org/fr> (дата обращения: 09.09.2021).

2. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 №101-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.09.2021).

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.10.2021).

4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. – URL: <http://stgkrf.ru/> (дата обращения: 08.09.2021).

5. *Игнатенко Г. В., Тиунов О. В.* Международное право : учебник для вузов – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: Инфра-М, 2010. – 783 с.

6. Безруков А. В. Конституционное право России : учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2015. – 155 с.

7. Кутафин О. Е. Предмет Конституционного права. – М. : Юристъ, 2001. – 444 с.

8. Наумкина В. В. Обычные регуляторы // Современное право. – 2006. – № 5. – С. 40–42.

9. Стрекозов В. Г. Конституционное право России : учебник для академического бакалавриата – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 256 с.

УДК 342

Полтавченко Ирина Геннадьевна,

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва

Poltavchenko Irina Gennadyevna,

*the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of internal affairs of Russia,
Moscow*

irisha-pravo@yandex.ru

ЗЕМЛИ ЗАПАСА КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

RESERVE LANDS AS THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF MUNICIPAL PROPERTY

В статье рассматриваются особенности применения законодательства о землях запаса, уделяется внимание вопросу определения их статуса. Автор подчеркивает стратегическую важность таких земель для государства. Выводы, указанные в статье, основываются на правоприменительной практике Министерства внутренних дел РФ. В статье анализируются проблемы, связанные с определением правового режима земель запаса, проводится поиск способов их охраны от незаконных посягательств. Автор указывает различные категории земель, выделяемые в настоящее время. Подчеркивается, что проблемы правового статуса земель запаса создают угрозу национальной безопасности. Обосновывается необходимость введения охранительного подхода к таким землям. В статье приводятся данные государственного статистического наблюдения, отражающие тенденции в сфере оборота земель. Уделяется внимание разграничению государственной и муниципальной собственности на земельные участки, а также правовому закреплению статуса собственника. Обсуждается вопрос ограничения круга правообладателей на отдельные категории земель. Подобные меры способны стабилизировать ситуацию в рассматриваемой сфере. Также в статье рассматриваются способы привлечения к ситуации внимания органов публичной власти.

The article touches some specialties of legal regulations of the category of reserved lands, defines problems in legislative regulation of this sphere, expounds author's statements about regulations of reserved lands. The author underlines strategic importance of these lands for the state. The conclusions are based on the practice of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation. The problems connected with definition of legal status of reserved lands are analyzed in the article. The ways of solving the problems and the ways of crime protection are found. The author describes different categories of lands, that are defined nowadays. It is underlined that problems in legal determination of the reserved lands status create threats for the national safety. The necessity of conservative approach for these lands is proved. The article includes some data of state statistic observation, that shows the tendencies in turnover of lands. The author pays attention to dividing of state and municipal property for lands and legal determination of the owner's status. The question of restriction of the list of proprietors for some types of lands. These measures are able to balance the situation in the describable sphere. The ways of involving public authorities are also concerned in the article.

Земли запаса, категория земель, органы публичной власти, государство, местное самоуправление, национальная безопасность.

Reserved lands, category of lands, public authority, state, local government, national safety.

Конституция Российской Федерации определяет землю в качестве особого ресурса, который является основой жизни и деятельности народов, проживающих на ней. Вместе с тем закрепляет, что земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности [1]. Значимость земли как ресурсной экономической основы для органов местного самоуправления подчеркивается статьей 49 ФЗ-131 [6]. В настоящее время в Российской Федерации существуют сложности в правовой регламентации статуса земель запаса, что негативно сказывается на отношениях между органами публичной власти и предоставляет недобросовестным лицам возможности для злоупотреблений.

Земли запаса – это особая категория земель, имеющая специфическое предназначение, игнорирование которого недопустимо с точки зрения эффективного государственного планирования.

В соответствии с действующим законодательством производится отнесение земель запаса к различным категориям в соответствии с их целевым назначением и правовым режимом их использования. Выделяются семь категорий земель [4]: земли сельскохозяйственного назначения; земли населенных пунктов; земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; земли особо охраняемых территорий и объектов; земли лесного фонда; земли водного фонда; земли запаса.

В соответствии с данными федеральной статистической отчетности, площадь земельного фонда Российской Федерации составила 1 712 519,1 тыс. га (без учета внутренних морских вод и территориального моря; по состоянию на 1 января 2020 года) [2].

Землями запаса являются земли, которые не предоставлены гражданам или юридическим лицам, таким образом, это неиспользуемые земли. Площадь рассматриваемой категории земель в Российской Федерации составила 88 320,8 тыс. га (по состоянию на 1 января 2020 года).

По своему составу земли запаса неоднородны. В установленном порядке в эту категорию могут переводиться деградированные сельскохозяйственные угодья, а также земли, подвергающиеся радиоактивному и химическому загрязнению и выведенные из хозяйственного использования. В состав указанной категории земель входят земли, занятые обширными природными объектами, не вовлеченные в хозяйственный оборот, представляющие собой скалы, ледники, пески, галечники и т. п., а также земли под участками леса и водными объектами. В отношении последних, при необходимости, проводятся мероприятия по переводу земель или земельных участков в другие категории земель согласно требованиям законодательства Российской Федерации.

Анализ данных, полученных в результате государственного статистического наблюдения за земельными ресурсами, и докладов о состоянии и использовании земель в субъектах Российской Федерации показал, что в период с 2017 по 2019 гг. значительные площади земель были вовлечены в гражданский оборот. Кроме того, продолжались процессы установления (изменения) границ населенных пунктов. В течение указанного периода переводы земель из одной категории в другую затронули все категории земель. В большей степени это коснулось земель особо охраняемых территорий и объектов, земель сельскохозяйственного назначения и земель запаса.

В 2019 году всего в Российской Федерации из категории земель запаса переведено 194,3 тыс. га земель, в том числе в категорию земель сельскохозяйственного назначения – 157,9 тыс. га (в частности, в Тверской области переведено 65,5 тыс. га, Саратовской области – 65,0 тыс. га, Ульяновской области – 7,8 тыс. га, Республике Алтай – 4,9 тыс. га), в категорию земель лесного фонда – 28,2 тыс. га (в Тюменской области – 23,5 тыс. га), в категорию земель промышленности и иного специального назначения – 4,6 тыс. га (при этом в Красноярском крае переведено 1,3 тыс. га, Республике Крым – 0,9 тыс. га), в категорию земель населенных пунктов – 3,2 тыс. га (в Иркутской области переведено 2,7 тыс. га). В целом площадь категории земель запаса уменьшилась на 177,4 тыс. га.

Стратегическая важность земель запаса для Российского государства обусловлена также пропорциональным распределением земельного фонда по округам, связанного с нахождением большего количества земель запаса в Сибирском и Дальневосточном федеральном округах – 41,2 и 36,3 % от общей площади категории земель соответственно (по состоянию на 01 января 2020 г.). Интересным является факт, что при распределении таких земель наибольшую площадь составляют «другие земли» – более половины всех угодий.

Правовой режим земель запаса определяется Земельным кодексом Российской Федерации. Согласно статье 103 которого, к землям запаса относятся земли, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и не предоставленные гражданам или юридическим лицам, за исключением земель фонда

перераспределения земель [4]. Использование таких земель допускается только после перевода их в другую категорию, за исключением случаев включения земель запаса в границы охотничьих угодий, случаев выполнения работ, связанных с использованием недр на таких землях. Деревья, произрастающие на землях запаса, не входят в государственный лесной фонд (лесоустройство на данных участках не проводится). В нескольких субъектах Российской Федерации, к числу которых относятся Архангельская область, Костромская область, Нижегородская область, Кировская область и другие, УМВД фиксируются факты рубок лесных насаждений на землях запаса, что имеет противоправный характер.

В правоприменительной деятельности существует проблема квалификации указанных действий. Органы следствия и дознания усматривают в таких действиях признаки преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ [5] «Незаконная рубка лесных насаждений».

Земли запаса территориально расположены в границах муниципальных образований. Вместе с тем согласно статье 214 ГК РФ земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц, либо муниципальных образований, являются государственной собственностью [3]. При этом принадлежность земель запаса к федеральной собственности не указана. Следовательно, они могут относиться к собственности субъектов Российской Федерации, как к разновидности государственной собственности. Стоит отметить, что до 01.07.2006 разграничение государственной собственности на землю происходило в соответствии с Федеральным законом от 17.07.2001 № 101-ФЗ «О разграничении государственной собственности на землю», а также в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 04.03.2002 № 140 «Об утверждении правил подготовки и согласования перечней земельных участков, на которые у Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований возникает право собственности».

В связи с признанием, утратившим силу названного Федерального закона, (основание – Федеральный закон от 17.04.2006 № 53-ФЗ) разграничение государственной собственности на землю на собственность Российской Федерации (федеральную собственность), собственность субъектов Российской Федерации и собственность муниципальных образований (муниципальную собственность) производится на основании Земельного кодекса и федеральных законов, определяющих принадлежность земель. Регистрация права собственности производится на основании документов, указанных в постановлении Правительства Российской Федерации от 14.04.2016 № 307 «Об утверждении перечня документов, необходимых для государственной регистрации права собственности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования на земельный участок при разграничении государственной собственности на землю, и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 30.06.2006 № 404».

Согласно федеральному статистическому наблюдению, осуществляемому Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (форма 22-1) право федеральной собственности зарегистрировано на земельные

участки площадью 1 004 733,6 тыс. га, что составляет около 64 % общей площади земель, которые находятся в государственной и муниципальной собственности. Право собственности субъектов Российской Федерации зарегистрировано на земельные участки площадью 21 065,4 тыс. га, право муниципальной собственности - на участки площадью 17 831,1 тыс. га.

Разграничение земель государственной и муниципальной собственности осуществлено на площади 122,7 тыс. га (0,1% от общей площади категории), из них в федеральной собственности находятся 53,1 тыс. га (на территории Свердловской области – 43,7 тыс. га, Приморского края – 7,5 тыс. га, Краснодарского края – 1,1 тыс. га, Костромской области – 0,8 тыс. га), в собственности субъектов Российской Федерации – 3,8 тыс. га (на территории Калужской области – 1,7 тыс. га, Амурской области – 1,2 тыс. га), в муниципальной собственности – 65,8 тыс. га (на территории Республики Алтай – 44,5 тыс. га, Калужской области – 11,3 тыс. га, Рязанской области – 4,3 тыс. га, Омской области – 2,6 тыс. га).

Очевидна необходимость внесения реестровых записей о признании собственником земель запаса органов публичной власти в ЕГРН. Важным правовым аспектом этой процедуры является диспозитивность воли правообладателя, поскольку без заявления собственника Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии не правомочна самостоятельно вносить требуемые изменения.

Минимальные темпы прироста земель запаса к площади государственных и муниципальных земель запаса либо полное их отсутствие (за 2017 год прирост 0,8 %; за 2018 год – 0,004 %; за 2019 год – 0,00 %) иллюстрируют пассивную позицию органов публичной власти при решении рассматриваемой проблемы.

Крайне необходимо ограничение круга правообладателей и сохранение охранительного подхода к землям запаса. Нивелирование существующих проблем возможно только с помощью принятия соответствующих управленческих решений, направленных на установление в качестве правообладателя земель запаса надлежащих субъектов. Грамотное управление землями запаса является неотъемлемой частью земельных отношений на всех уровнях публичной власти. Важно заметить, что управление в земельно-имущественной сфере должно быть своевременным и непрерывным, поскольку это позволит улучшить состояние в данной области и обеспечить ей стабильное функционирование, защитив основы местного самоуправления и территориальные основы государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

2. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель Российской Федерации в 2019 году. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

6. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 343.148

Проворова Ирина Александровна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома

Provorova Irina Aleksandrovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

ira.provorova.92@bk.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна,
кандидат педагогических наук, Костромской государственной университет,
г. Кострома

Khlestakova Lyubov Anatolyevna,
candidate of pedagogics, Kostroma State University, Kostroma

lub-kuku@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University, Kostroma

nat_ganzha@mail.ru

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

GENERAL CHARACTERISTICS LEGAL EXPERT ACTIVITY

Статья посвящена правовому регулированию юридической экспертной деятельности, которая включает анализ отдельных вопросов процессуальной и судебной экспертизы. Проанализированы научные подходы к определению термина «юридическая экспертиза».

The article is devoted to the legal regulation of legal expert activity, which includes the analysis of certain issues of procedural and judicial expertise. The scientific approaches to the definition of the term “legal expertise” are analyzed.

Эксперт, экспертная деятельность, нормативное регулирование, процессуальная деятельность, экспертиза, судебно-экспертная деятельность.

Expert, expert activity, regulatory regulation, procedural activity, expertise, forensic expert activity.

Сам термин «экспертиза» происходит от латинского “*expertus*”, что означает «опытный, сведущий». Экспертиза в широком смысле слова подразумевает любое исследование, проводимое сведущим лицом для ответа на вопросы, требующие специальных (научных, профессиональных, опытных) познаний.

Юридическая экспертиза может быть рассмотрена с разных позиций. Например, Д. В. Горожанкина считает, что законотворческий процесс представляет собой систему взаимосвязанных элементов, где ключевая роль отведена именно юридической экспертизе [8, с. 28].

Считаем, что ключевое значение юридическая экспертная деятельность получает при развитии процессуальной или судебной деятельности.

Как отмечает А. В. Гусев, судебная экспертиза, являясь одним из исторически сложившихся элементов процесса доказывания, остается актуальным компонентом научных исследований в области ее теории, а также практики эффективной реализации в судопроизводстве [9, с. 115].

Многочисленные научные исследования судебной экспертизы и деятельности, с ней непосредственно связанной, отражают стремление ученых не только к усовершенствованию процесса судебно-экспертного исследования, но и к формированию действенного процесса ее назначения и оценки полученных результатов. Фактически следует говорить о триединой задаче ученых, изучающих судебную экспертизу как закономерное явление процесса доказывания, требующего широкого использования специальных знаний.

К таким триединым направлениям изучения судебной экспертизы относятся: 1) исследование процесса правового регулирования назначения судебной экспертизы, ее производства и оценки полученных результатов; 2) исследование технологических процессов проведения судебно-экспертных исследований вообще и совершенствование (разработка новых) типовых методик экспертного исследования в частности; 3) совершенствование прав и обязанностей судебных экспертов, а также лиц, в отношении которых проводится судебная экспертиза [9, с. 116].

Проблема правового регулирования юридической экспертной деятельности особо остро встает при рассмотрении необходимости совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. В настоящее время такое правовое совершенствование приобретает определенную значимость, поскольку в ходе рассмотрения дел в гражданском, административном, уголовном и других судопроизводствах не снижается потребность в разрешении вопросов, требующих специальных знаний в областях науки, техники, искусства и ремесла.

Поэтому повышение эффективности деятельности экспертов в государственных экспертных учреждениях в интересах государства и современного гражданского общества достигается, прежде всего, совершенствованием ее законодательной базы.

Самым главным нормативным актом, регулирующим конституционное право гражданина на экспертную профессиональную деятельность, является Конституция Российской Федерации [1].

Федеральным законом, который определяет правовую основу государственной судебно-экспертной деятельности, относя к ней нормативные правовые акты, принимаемые на федеральном уровне, регулирующие организацию и производство судебной экспертизы является Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [7] (далее – ФЗ о ГСЭД). Процессуальные аспекты назначения и проведения судебных экспертиз изложены в кодифицированных федеральных законах: в ГПК РФ [2], УПК РФ [3], в АПК РФ [4] и в КоАП РФ [5].

Все процессуальные кодексы указывают только одно основание (требование) для назначения лица судебным экспертом – наличие специальных знаний (ст. 57 УПК РФ, ст. 85 ГПК РФ, ст. 55 АПК РФ). Вместе с тем, процессуальные кодексы требуют, чтобы в своем заключении судебный эксперт сообщил о своем образовании, специальности, стаже работы, о наличии ученой степени и (или) ученого звания (ст. 204 УПК РФ, ст. 86 АПК РФ). Требование о наличии высшего образования для государственных судебных экспертов содержится в ФЗ о ГСЭД. Эти данные помогают суду (следователю, дознавателю) в решении вопроса о компетентности эксперта.

Статья 41 ФЗ о ГСЭД распространяет свое действие на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, и гласит: «В соответствии с нормами процессуального законодательства Российской Федерации судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами» [7].

Между тем, преамбула к ФЗ о ГСЭД, сферу правоприменения данного закона ограничивает гражданским, административным и уголовным судопроизводствами. Согласно изменениям, одобренных в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года, часть вторая ст. 118 Конституции РФ закрепляет положение, согласно которого судебная власть осуществляется посредством не только гражданского, административного и уголовного судопроизводствами, но и реализуется в рамках арбитражного и конституционного судопроизводства [1].

В соответствии с преамбулой ФЗ о ГСЭД производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации. То есть процессуальное положение эксперта, его права и обязанности при производстве судебной экспертизы определяют соответствующие кодексы.

В научной литературе не заслуженно обойден вниманием вопрос об экспертизе в ходе конституционного судопроизводства.

Согласно ст. 63 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [6], в заседание Конституционного Суда Российской Федерации может быть вызвано в качестве эксперта лицо, обладающее специальными познаниями по вопросам, касающимся рассматриваемого дела. Вопросы, по которым экспертом должно быть дано заключение, определяются судьей-докладчиком либо Конституционным Судом Российской Федерации.

Экспертиза в конституционном судопроизводстве существенно отличается от судебной экспертизы в гражданском, арбитражном и уголовном процессах, так как проводится, прежде всего, по правовым вопросам.

Как отмечает Д. А. Фомичева, целью же производства судебной экспертизы в судах общей юрисдикции является использование специальных знаний в областях науки, техники, искусства и ремесла, исключая правовую сферу. При производстве экспертизы правовых актов в качестве экспертов можно привлечь юристов-специалистов из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, Уральского государственного юридического университета и других научно-исследовательских организаций [10, с. 50].

Таким образом, законодательная регламентация понятия экспертизы и порядка ее производства нуждается в совершенствовании. В судебной практике часто возникает необходимость использования специальных знаний не только в области науки, техники, искусства и ремесла, но и правовой сфере.

Считаем, что есть необходимость приведения положений ФЗ о ГСЭД в соответствии с Конституцией Российской Федерации, части внесения изменений и дополнений в преамбулу ФЗ о ГСЭД. Изложить преамбулу вышеуказанного нормативного правового акта в следующей редакции: «Настоящий Федеральный закон определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в гражданском, административном, уголовном, арбитражном и конституционном судопроизводстве».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

6. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации». – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

7. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

8. *Горожанкина Д. В.* Трудности правового регулирования судебно-экспертной деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12 (192). – С. 28–29.

9. *Гусев А. В.* Правовые проблемы объективизации процесса судебной экспертизы // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2020. – № 4 (8). – С. 114–120.

10. *Фомичева О. А.* Экспертиза как форма законотворческой деятельности специалистов в реализации законодательного процесса // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 5 (113). – С. 49–56.

УДК 342.4

Сидоренко Николай Сергеевич,

*студент, Луганский государственный институт имени Владимира Даля,
г. Луганск*

Sidorenko Nickolay Sergeevich,

student, Lugansk State Institute named after Vladimir Dahl, Lugansk

nikolaylug1@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

PROBLEMS OF CREATING A LEGAL STATE

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы существования правового государства как неотъемлемого государственно-правового явления современности. Автором статьи отмечается исторический подход к пониманию правового государства, указываются общие признаки правового государства и разъясняется, в частности, почему не действуют сегодня такие признаки правового государства, как верховенство права и верховенство закона, а также разделение власти на 3 ветви. Необходимо отметить, что правовое государство представляет собой некий идеал, к достижению которого стремятся многие госу-

дарства на протяжении своей истории, однако это стремление ни в одном государстве не нашло своего реального воплощения.

Some problems of the existence of the rule of law as an integral state-legal phenomenon of modernity are considered in this article. It is noting the historical approach to the understanding of the rule of law by the author of the article, it is indicating the general features of the rule of law and explains, in particular, why such signs of the legal state as the rule of law and the rule of legislation, as well as the division of power into 3 branches, do not work today. It should be noted that there is a kind of ideal that many states have been striving to achieve throughout their history, but this aspiration has not found its real embodiment in any state.

Правовое государство, верховенство права, верховенство закона, разделение властей.

Legal state, rule of law, rule of legislation, separation of powers.

Проблема построения правового государства волновала многих ученых еще с древнейших времен. Однако если во времена не только Древней Греции и Древнего Рима, но и даже в начале XX века правовое государство считалось неким недостижимым явлением, то уже сейчас конституции многих государств провозглашают эти самые государства правовыми.

При этом все больше ученых теперь считают, что правовое государство – явление недостижимое, своего рода, идеал, который стремятся достичь многие современные государства.

Исследованием вопроса о невозможности построения правового государства занимались такие ученые как: В. Г. Беспалько, С. М. Габиева, А. В. Малько, Е. И. Махрова, Ю. А. Тихомиров, А. С. Шабуров и другие.

Стоит отметить, что многие исследователи рассматривают правовое государство как явление, составляющее неотъемлемую часть современного мира, при этом ученые детально не изучают реализацию тех же признаков правового государства.

Для более правильного исследования проблемы необходимо определить, что является правовым государством. Необходимо подчеркнуть, что в теории государства и права нет единого мнения, что следует понимать под термином «правовое государство». Мной будет рассмотрено определение, данное А. С. Шабуровым, который считает: «Правовое государство – государство, функционирование которого основано на принципах приоритета права, правовой защищенности человека и гражданина, единства права и закона, правового разграничения деятельности различных ветвей государственной власти» [6, с. 378].

Получается, что правовое государство представляет собой такое государство, деятельность которого основана на принципах приоритета прав и свобод человека, единства права и закона, разделения ветвей государственной власти. То есть А. С. Шабуров определяет правовое государство через принципы, на которых основывается его деятельность. Такой подход значительно отличается от определений, данных другими учеными, поскольку они определяют правовое государство через его признаки, потому как именно признаки помогают отличить одно государственно-правовое явление от другого. Именно на призна-

ках правового государства можно определить, является ли современное развитое государство таковым.

В научной литературе выделяется множество признаков правового государства, однако большинство правоведов отмечают следующие основные признаки правового государства: верховенство права; незыблемость, гарантированность и реальность прав и свобод личности; взаимная ответственность личности и государства; разделение властей [4, с. 364–365].

Хотелось бы остановиться на некоторых из указанных признаков правового государства, потому как лишь некоторые из них выделяются учеными, но не всегда находят свое практическое воплощение.

Некоторые ученые вместе с таким признаком, как верховенство права, выделяют признак верховенство закона. Верховенство права и верховенство закона – два разных понятия, хотя, на мой взгляд, вытекающими одно из другого, т. е. тесно связанными между собой. Между тем, некоторые исследователи объединяют эти два признака в один и называют верховенством закона.

Е. Г. Шаблова считает, что верховенство права «означает рассмотрение всех вопросов общественной жизни с позиции права» [5, с. 10].

Если следовать данной теории, то можно сделать вывод о том, что вся деятельность государственных органов, в том числе и деятельность по изданию нормативных актов, должна подчиняться идее нерушимости основных прав и свобод человека и гражданина. Это означает, что права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью государства, государство признает эти права и свободы и гарантирует их соблюдение. Однако гражданин, зная свои права, заставляет государство соблюдать эти права, при этом обязанности, которые являются неотъемлемой частью правового статуса гражданина, отходят на второй план. Тем самым, человек начинает злоупотреблять своими правами.

Вторым признаком правового государства является верховенство закона, поскольку данный признак действует в неразрывной связи с верховенством права. Верховенство закона как признак правового государства выделялся еще в Древней Греции Платоном, который отмечал: «Я предвижу близкую гибель такого государства, где законы находятся под чьей-либо властью. Там же, где закон является владыкой, а владыки – его рабами, я усматриваю спасение государства» [2, с. 58].

То есть законы, по мнению Платона, должны быть строго над владыками (правителями, государственной властью). В данном случае философ выделяет один из принципов правового государства – верховенство закона, т. е. норма права является обязательной для всех без исключения. При этом Платон, очевидно, имел в виду, что закон – владыка правителей государства.

На мой взгляд, несмотря на справедливость данной идеи, она никаким образом не может быть реализована, а сама теория может считаться утопической. Это возможно объяснить следующим образом.

В соответствии с ч.1 ст. 105 Конституции Российской Федерации: «Федеральные законы принимаются Государственной Думой» [1].

Получается, что федеральные законы принимаются исключительно Государственной Думой, которая, в свою очередь, является нижней палатой Феде-

рального Собрания [1]. Федеральное Собрание, как известно, является законодательным органом государственной власти. То есть Федеральное Собрание – парламент – как законодательный орган государственной власти (орган, полномочный издавать федеральные законы) стоит над законом, поскольку его издает. Следовательно, для того чтобы закон существовал над властью, необходимо, чтобы этот закон принимался исключительно на основе права и не властью, а народом. В данном случае получается, что законы принимаются не самим народом, а его представителями в государственной власти, что значительно отличается друг от друга. На постсоветском пространстве, в первую очередь в современной Украине, есть множество примеров, когда принимались неправовые законы, исходя из чьих-то политических или экономических интересов. И, следовательно, парламент – владыка, во власти которого находится право издавать любые законы, в том числе неправовые.

Таким образом, на современном этапе развития государственности пока невозможно создать условия для того, чтобы закон был выше государственной власти и ее интересов, как утверждал Платон, был властителем всего государства и не был подвластен какому-либо государственному органу или чьим-то частным интересам. Идея древнегреческого философа, хотя и имеет свою обоснованность, не может быть реализована в полной мере, поскольку власть, не обладающая правом регулирования отношений в обществе (т. е. правом издания нормативных актов, в том числе и законов), существовать не будет, потому как во власти не будет необходимости.

Если говорить о связи признаков верховенства права и верховенства закона, то в своем развитии они могут вступать в противоречие друг с другом, поскольку принимаемые законы могут быть неправовыми, т. е. ущемлять или ухудшать права граждан или, наоборот, давать кому-либо отдельные преференции, в том числе и представителям власти, принимающим законы.

Следующим признаком, на который хотелось бы обратить внимание, является разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную.

Как утверждает А. В. Малько: «Каждая из этих ветвей власти, являясь самостоятельной и сдерживающей другие, должна осуществлять свои функции посредством особой системы органов и в специфических формах» [3, с. 102].

Данное мнение в определенной степени является спорным, поскольку одна из ветвей власти, являясь самостоятельной, не может испытывать на себе ограничения, оказываемые другими ветвями власти. Конечно, суть данного признака заключается также в том, что ветви государственной власти обладают строго определенным кругом полномочий, однако это не исключает тот факт, что ветви государственной власти регулярно оказывают давление друг на друга с целью переложить ответственность за принятие определенных решений или, наоборот, присвоить себе полномочия иных ветвей власти. Кроме того, сегодня, на мой взгляд, для нормальной и бесконфликтной деятельности, в том числе взаимодействия ветвей власти, необходимо полное взаимопонимание, проведение единой политики в развитии государства и всех сфер жизнедеятельности общества. Классическая система сдержек и противовесов между органами вла-

сти, если она будет действовать без компромиссов, однозначного и единого понимания развития государства, может привести к внутренней борьбе и ослаблению всех государственных органов.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что сегодня правовое государство в идеале, несмотря на его прямое закрепление в конституционных нормах, еще не существует. Закрепление отдельных признаков в правовых нормах не означает действительное соблюдение данных норм, потому как в полном объеме эти нормы не реализуются и не отражают действительное предназначение правового государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).
2. Альберт К. О понятии философии у Платона. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2012. – 119 с.
3. Малько А. В. Теория государства и права. – М. : Эксмо, 2020. – 400 с.
4. Морозова Л. А. Теория государства и права. – М. : Эксмо, 2010. – 510 с.
5. Шаблова Е. Г. Правоведение. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 192 с.
6. Шабуров А. С., Жайкбаев Ж. С. Теория государства и права. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – 382 с.

УДК 347.962:349.2

Синдюкова Анастасия Сергеевна,
магистрант, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Sindyukova Anastasia Sergeevna,
undergraduate, St. Petersburg Law Institute (branch) University
of the prosecutor's office of the Russian Federation, Saint Petersburg

sindyukova28@mail.ru

ТРУДОВЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЕ ВРЕМЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

WOMEN'S LABOR RIGHTS IN MODERN TIMES: THE LEGAL ASPECT OF PROSECUTORIAL ACTIVITY

В статье рассматриваются некоторые правовые аспекты, связанные с реализацией трудовых прав женщин в современное время. Автором анализируется действующее федеральное законодательство по рассматриваемой проблеме. Высказываются предложения о необхо-

димости надзорных мероприятий, направленных на выявления нарушений трудовых прав женщин, которые обязательно должны учитывать особенности реализации именно женщинами своих гарантированных Конституцией Российской Федерации прав в сфере трудовых отношений.

The article discusses some legal aspects related to the implementation of women's labor rights in modern times. The author analyzes the current federal legislation on the problem under consideration. Suggestions are made about the need for supervisory measures aimed at identifying violations of women's labor rights, which must necessarily take into account the peculiarities of women's implementation of their rights guaranteed by the Constitution of the Russian Federation in the field of labor relations.

Прокурорская деятельность, женщины, права женщин, трудовые права, соблюдение трудовых прав женщин.

Prosecutor's activity, women, women's rights, labor rights, observance of women's labor rights.

Трудовые права в современном мире имеют огромное значение в связи с интенсивным развитием производственной сферы и появлением новых видов деятельности.

Конституция Российской Федерации предусматривает равные права и возможности для мужчин и женщин в реализации их прав и свобод (ч. 3 ст. 19).

В настоящее время нормами Трудового кодекса Российской Федерации (далее – Трудовой кодекс РФ) гарантированы равные права мужчины и женщин. С одной стороны, Трудовой кодекс РФ юридически закрепил принцип равноправия в сфере трудовых прав, но фактически в современных реалиях мы сталкиваемся с фактами дискриминации по признаку пола и многими другими нарушениями.

Утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.03.2017 № 410-р Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы и план мероприятий по ее исполнению нацеливает органы власти и институты гражданского общества на обеспечение принципа равных прав и свобод и создание для женщин возможностей для их реализации. Кроме того, во многих отраслях современной российской науки, затрагивающих вопросы изучения человеческой личности, не уделяется должного внимания структурному делению исследований по признакам пола [5, с. 23].

Вопросы, связанные с половой спецификой личности, остаются малоисследованными не только в правовом, но и в психологическом, и в педагогическом аспектах. Многими исследователями [9, с. 134] недооценивается такой важный физиологический признак человека, как пол, и, как правило, это оборачивается тем, что традиционно мужские свойства и принципы поведения невольно принимаются за универсальные, а функциональные, психологические и социальные особенности женщин не учитываются, что, несомненно, сказывается на качестве научных исследований и сущности практических аспектов.

В настоящее время ряд ученых, представляющих различные отрасли науки и практики, также указывают на необходимость учета половой принадлеж-

ности личности при изучении тех или иных социальных явлений (прокурорский надзор, и прокурорская деятельности также не остались в стороне). Вместе с тем, в научных работах, посвященных исследованию прав женщин, изучены лишь отдельные аспекты этой очень широко обсуждаемой проблемы [3, с. 76; 4, с. 56].

В современной действительности прослеживаются тенденции, явления и процессы, требующие более глубокого изучения названной проблематики с учетом сегодняшних реалий.

В рамках совершенствования норм трудового законодательства в настоящее время установлены не только запрет дискриминации при приеме на работу по половому признаку, но и административная и уголовная ответственность за правонарушения, связанные с отказом в приеме на работу по мотивам, не связанным с деловыми качествами будущего работника.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» отмечается, что правовое регулирование трудовых и непосредственно связанных с ними отношений с участием женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних осуществляется в целях создания благоприятных и безопасных условий труда и обеспечения равенства возможностей в осуществлении трудовых прав и свобод указанными работниками с учетом их общественно значимых особенностей (в частности, выполнения функций материнства и воспитания детей, наличия членов семьи, нуждающихся в уходе, несовершеннолетних).

Согласно статистическим данным, за 2020 год государственной инспекцией труда было выявлено 402 445 нарушений, из которых 2037 составляют нарушения в области регулирования труда женщин и лиц с семейными обязанностями.

Органы власти субъектов Российской Федерации имеют право принимать лишь ряд нормативных актов, которые содержат положения о повышении качества трудовых прав граждан. Поэтому важное место занимает надзор органов прокуратуры в части соблюдения законности и соответствия нормативно-правовых актов субъектов РФ законодательству в трудовой сфере. Проблемой является отсутствие установленных методов осуществления подобного надзора, в законах установлены только основы его реализации. А меры нуждаются в постоянном совершенствовании, ведь в законодательство часто вносятся изменения и корректировки.

Несмотря на имеющиеся противоречия в судебной практике, органы прокуратуры при осуществлении надзора за соблюдением прав граждан на оплату труда должны активно и бескомпромиссно применять весь комплекс мер прокурорского реагирования, быть на страже неукоснительного соблюдения права каждого гражданина на оплату труда [6].

Трудовое законодательство постоянно развивается, поэтому органы прокуратуры должны регулярно совершенствоваться в профессиональном отноше-

нии, искать новые методы проведения прокурорских проверок за соблюдением трудовых прав женщин. Ведь именно прокуратура оказывает помощь женщинам в случаях нарушения прав, привлекает виновных к ответственности, предотвращает нарушения законодательства, обращается в суд за защитой нарушенных прав.

Вопросы соблюдения трудовых прав женщин, включая сферу занятости и оплаты труда, актуальны, так как требуют регулярного контроля и надзора. Следовательно, именно прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав женщин в настоящее время является наиболее эффективной гарантией и в определенной мере защитой. При осуществлении установленных законом полномочий органы прокуратуры в силах предупреждать массовые нарушения трудовых прав и помогать женщинам, пострадавшим от недобросовестных действий работодателей.

Все изложенное определяет задачи органов прокуратуры по совершенствованию организации надзора за соблюдением трудовых прав женщин, как правило, беременных, имеющих малолетних детей, детей-инвалидов, являющихся многодетными матерями, испытывающих трудности в поиске работы.

Надзорные мероприятия, направленные на выявления нарушений трудовых прав граждан, обязательно должны учитывать особенности реализации женщинами своих гарантированных Конституцией Российской Федерации прав в сфере трудовых отношений. Принимаемые прокурорами меры по обеспечению стабильности и законности на рынке труда должны включать как организационные действия, обеспечивающие постоянный мониторинг ситуации, систематический обмен информацией, так и применение предоставленных законодательством полномочий по проведению соответствующих проверок и принятию при наличии оснований всего комплекса мер реагирования для устранения нарушений закона и восстановления трудовых прав женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Избиенова Т. А.* Льготы или «антильготы» занятости для женщин и лиц с семейными обязанностями // Трудовое право в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 30–32.

2. *Максимов А. А.* Некоторые проблемы конституционно-правового обеспечения равенства прав и свобод мужчин и женщин в сфере труда // Трудовое право в России и за рубежом. – 2016. – № 1. – С. 13–16.

3. *Никитин Е. Л., Кустов М. Н.* Типичные нарушения законодательства об оплате труда, выявляемые органами прокуратуры // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 3. – С. 38–41.

4. *Сабитова И. С.* Конституционно-правовые основы обеспечения равенства прав и свобод мужчин и женщин в сфере труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 26 с.

*Смирнова Екатерина Алексеевна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Smirnova Ekaterina Alekseevna,
student, Kostroma State University, Kostroma*

katya_smirnova.97@mail.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
В ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ
В ПРЕДЕЛАХ ГОРОДСКОГО ОКРУГА**

**PROBLEMATIC ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT IN DETERMINING
THE BOUNDARIES OF SETTLEMENTS WITHIN THE CITY DISTRICT**

В настоящей статье актуализируется проблема определения границ населенного пункта в пределах городского округа, подлежащие отображению на карте генерального плана, а также аргументируется необходимость внесения соответствующих поправок в Градостроительный кодекс Российской Федерации.

This article actualizes the problem of determining the boundaries of a settlement within an urban district to be displayed on the map of the master plan, and also argues for the need to make appropriate amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation.

Правовое регулирование, градостроительство, территориальное планирование, границы населенных пунктов, городской округ, земельное законодательство, лесное законодательство.

Legal regulation, urban planning, territorial planning, boundaries of settlements, urban district, land legislation, forest legislation.

В подпункте 1 пункта 1 статьи 84 Земельного кодекса РФ указано, что установлением или изменением границ населенных пунктов является утверждение или изменение генерального плана городского округа, поселения, отображающего границы населенных пунктов, расположенных в границах соответствующего муниципального образования. Аналогичного содержания норма содержится в ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 21.12.2004 №172-ФЗ «О переводе земель и земельных участков из одной категории в другую» (далее – Закон о переводе земель).

Из части 5.1 ст. 23 ГрК РФ следует, что обязательным приложением к генеральному плану являются сведения о границах населенных пунктов (в том числе границах образуемых населенных пунктов), входящих в состав поселения или городского округа, которые должны содержать графическое описание ме-

стоположения границ населенных пунктов, перечень координат характерных точек этих границ в системе координат, используемой для ведения Единого государственного реестра недвижимости. Органы местного самоуправления поселения, городского округа также вправе подготовить текстовое описание местоположения границ населенных пунктов. Формы графического и текстового описания местоположения границ населенных пунктов, требования к точности определения координат характерных точек границ населенных пунктов, формату электронного документа, содержащего указанные сведения, устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере ведения Единого государственного реестра недвижимости, осуществления государственного кадастрового учета недвижимого имущества, государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости.

Из системного анализа норм земельного и градостроительного законодательства следует, что установление границ населенного пункта в пределах муниципального образования городского округа позволяет отделить земли такого населенного пункта от земель иных категорий.

Вместе с тем в большинстве городских округов, в пределах которых произрастают леса, имеются земли лесного фонда, которые фактически по лесоустроительной документации попадают в границы населенных пунктов. Так, например, по действующему Генеральному плану г. Костромы границы населенного пункта определены как планируемые, хотя в Едином государственном реестре недвижимости занесены о границах населенного пункта, которые пересекают условные границы лесничеств, т. е. земель лесного фонда, имеющих в документах по лесоустройству.

Учитывая, что границы лесничеств, являющиеся одновременно границами земель лесного фонда, отделяющие указанные земли от земель населенного пункта, преимущественно не уточнены в установленном законом порядке, определить местоположение границ населенного пункта, в составе городского округа с учетом указанных обстоятельств является проблематичным. При установлении местоположения таких границ не всегда можно учесть границы лесничеств, которые являются условными, при этом положения пп. 1 п. 1 ст. 84 ЗК РФ [4], ч. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 11 Закона о переводе земель в этом случае вступают в противоречие с нормами лесного законодательства.

Так, например, согласно ч. 4 ст. 6.1 Лесного кодекса РФ, границы земель лесного фонда определяются границами лесничеств. В силу ч. 5 ст. 114 Лесного кодекса РФ, изменение границ земель, на которых располагаются леса, указанные в пунктах 3 и 4 ч. 1 настоящей статьи, которое может привести к уменьшению площади таких земель, не допускается [5].

Недопустимость отнесения земельных участков к двум и более категориям земель подтверждается и судебной практикой (Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда РФ от 19.12.2019

№ 4-АПА19-32 [1]; апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда РФ от 05.12.2019 № 33-АПА19-12 [2]).

Между тем, согласование установления или изменения границ населенного пункта осуществляется с уполномоченным органом, который и будет определять возможность перевода земель лесного фонда в земли населенного пункта путем утверждения генерального плана. Однако градостроительное законодательство, равно как лесное и земельное законодательство, не содержит положений о том, чтобы уполномоченный орган государственной власти вносил изменения в лесоустроительную документацию и государственный лесной реестр при установлении новых или изменению прежних границ населенного пункта, изменивших границы земель лесного фонда (лесничеств), что впоследствии может породить противоречия между несколькими государственными реестрами (как это уже случилось однажды в отсутствие надлежащего правового регулирования данных вопросов).

Учитывая изложенное, с целью устранения возможных противоречий между государственными реестрами, могущими повлечь своего рода недостоверность и неоднозначность документа территориального планирования. Являющегося обязательным для участников градостроительных отношений, предлагаем статью 23 ГрК РФ [3] дополнить частью 8.1 следующего содержания:

«8.1. Сведения о границах населенных пунктов и о границах лесничеств, отображаемых на карте границ населенного пункта генерального плана, утвержденного в соответствии со ст. 24 настоящего Кодекса, являются основанием для внесения соответствующих изменений в государственный лесной реестр».

Указанное дополнение в правовое регулирование по установлению или изменению границ населенного пункта позволит своевременно уполномоченным органам вносить соответствующие изменения в государственный лесной реестр, сведения в котором в настоящее время относительно границ лесного фонда практически не обновляются, тогда как площадь земель лесного фонда в силу различного рода обстоятельств уменьшается, а их границы де-факто безвозвратно изменены. Приведение документации и сведений государственных реестров в соответствии с фактической ситуацией на местности позволяет, в конечном итоге, обеспечить эффективное, комплексное и устойчивое развитие территории, основанное на актуальных данных о территории городского округа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2019 №4-АПА19-32. – URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

2. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда Российской Федерации от 05.12.2019 №33-АПА19-12. – URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №190-ФЗ (ред. От 02.07.2021) – URL: <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ (ред. от 02.07.2021). – URL: <http://www.vsrp.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

5. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 №200-ФЗ (ред. от 02.07.2021). – URL: <http://www.vsrp.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

УДК 711

Смирнова Екатерина Алексеевна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома

Smirnova Ekaterina Alekseevna,
student, Kostroma State University, Kostroma

katya_smirnova.97@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University, Kostroma

nat_ganzha@mail.ru

**УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ
ПО СОДЕРЖАНИЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА ПОСЕЛЕНИЯ
И ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА ГОРОДСКОГО ОКРУГА**

**IMPROVEMENT OF THE CITY PLANNING LEGISLATION OF RUSSIA
ON THE CONTENT OF THE GENERAL SETTLEMENT PLAN
AND THE GENERAL PLAN OF THE CITY DISTRICT**

В настоящей статье актуализируется проблема составления генеральных планов в части характеристик зон с особыми условиями использования территорий, а также аргументируется необходимость внесения поправок в Градостроительный кодекс РФ.

This article actualizes the problem of drawing up master plans in terms of the characteristics of zones with special conditions for the use of territories, and also argues for the need to amend the Urban Planning Code of the Russian Federation.

Правовое регулирование, градостроительство, территориальное планирование, объекты публичного значения, генеральный план, межсечение.

Содержание документа территориального планирования имеет особое значение для развития муниципальных образований, которое напрямую влияет или может влиять на права и законные интересы неопределенного круга лиц. Судебная практика показывает, что в последнее время многие граждане и организации, а также прокуратура, предпринимают попытки оспаривать документы территориального планирования в порядке, предусмотренном главой 21 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [2]. Практика знает достаточно большое количество примеров успешного оспаривания таких документов, как полностью, так и в части соответствующих элементов их содержания.

По вопросу отображения объектов публичного значения, для планируемого размещения которых требуется установление зоны с особыми условиями использования территории (чаще всего санитарно-защитной зоны), существует некоторая правовая неопределенность, которая выражена в следующем.

Так, в пункте 1 части 4 и пункте 7 части 8 статьи 23 ГрК РФ указано, что положение о территориальном планировании должно содержать характеристики зон с особыми условиями использования территорий в случае, если установление таких зон требуется в связи с размещением объектов публичного значения, а сами такие зоны подлежат отображению на соответствующих картах планируемого размещения объектов публичного значения.

Из буквального смысла и логики приводимых норм градостроительного законодательства следует, что в случае, если для планируемого размещения объекта публичного значения требуется установление зоны с особыми условиями использования территории, такая зона подлежит отображению на карте. Вместе с тем, понятие «установление зоны» имеет самостоятельное содержание, а сама по себе такая зона не возникает только лишь в силу самого отображения на соответствующей карте, входящей в состав документа территориального планирования.

Так, из правовой позиции, изложенной в апелляционных определениях Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25.04.2018 № 4-АПГ18-3, от 17.10.2018 № 64-АПГ18-7, от 28.11.2018 № 51-АПГ18-21 и от 18.04.2019 № 9-АПА19-4, следует, что вопросы установления размера и границ санитарно-защитных зон, относящихся к зонам с особыми условиями использования территории (подпункт 18 статьи 105 ЗК РФ), не отнесены к полномочиям органов местного самоуправления, а отображению в документах территориального планирования и градостроительного зонирования подлежат зоны с особыми условиями использования территории, которые установлены с соблюдением требований соответствующего законодательства [4].

Аналогичная позиция, но применительно к отображению санитарно-защитной зоны людского кладбища на карте, но входящей в состав документа

градостроительного зонирования, была выражена в решении Костромского областного суда от 24.04.2019 по делу № За-121/2019 [1].

Вместе с тем, органы местного самоуправления большинства городских округов в Российской Федерации утвердили карты планируемого размещения объектов публичного значения с отображением различного рода зон с особыми условиями использования территории, которые требуются для размещения объектов федерального, регионального и местного значения в силу своей специфики. Наличие таких зон в генеральном плане, которые могут занимать определенное смежное пространство от планируемого к размещению объекта публичного значения, фактически может препятствовать неопределенному кругу лиц осуществлять свои права и законные интересы в части освоения (застройки) и (или) иного использования земельных участков, которые могут попасть в пределы отображаемой в генеральном плане зоны с особыми условиями использования территории, которая не определялась в соответствии с обязательными требованиями по ее установлению (расчета ее размера (границ), распространяемых в ее пределах ограничений и т. д.).

Как отмечают авторы «Юридического справочника застройщика», внесение сведений о санитарно-защитной зоне, либо о любой другой зоне с особыми условиями использования территории, устанавливаемой на основании специальных норм законодательства или подзаконных нормативных актов, в генеральный план является не очень удачным вариантом, так как в силу особенностей таких зон, некоторые из них подвержены корректировке, и в этом случае надо будет либо вносить изменения в генеральный план, либо будут существенные расхождения в градостроительной документации [3, с. 91].

Таким образом, учитывая правоприменительную практику и актуальные позиции доктрины по градостроительному регулированию, нормы, в соответствии с которыми положение о территориальном планировании и соответствующие карты, являющиеся частью генерального плана, должны содержать характеристики зон с особыми условиями использования территорий в случае, если установление таких зон требуется в связи с размещением объектов публичного значения, и отображать размер и границы таких зон, порождают коллизию правового регулирования по данному вопросу, а потому, по нашему мнению, подлежат частичному исключению. При этом представляется, что необходимо оставить положение о том, что, если требуется установление зоны с особыми условиями использования территории для размещения планируемого объекта публичного значения, наименование такой зоны и срок ее установления в соответствии с требованиями законодательства необходимо предусматривать документом территориального планирования, но не отображать ее размер и границы на соответствующей карте, и не указывать конкретные характеристики такой зоны. Следует отметить, что не исключается отображение таких зон в составе проектов планировки или проектов межевания территории, если они будут установлены в соответствии

с требованиями действующего законодательства для объектов публичного значения позднее, или обоснование установления некоторых из таких зон будет содержать сам проект планировки территории или проект межевания территории, в случае если это не противоречит действующему законодательству (пункт 2 части 3, пункты 6, 14 части 4 статьи 42, часть 3, пункт 2 части 7 статьи 43 ГрК РФ).

Учитывая изложенное, с целью решения обозначенной проблемы правового регулирования, предлагаем пункт 1 части 4, пункты 4 и 5 части 7, пункт 7 части 8 статьи 23 ГрК РФ изложить в следующей редакции:

«1) сведения о видах, назначении и наименованиях планируемых для размещения объектов местного значения поселения, городского округа, их основные характеристики, их местоположение (для объектов местного значения, не являющихся линейными объектами, указываются функциональные зоны), а также виды зон с особыми условиями использования территорий в случае, если установление таких зон требуется в связи с размещением данных объектов, и их характеристики, если такие зоны установлены в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации;

4) утвержденные документами территориального планирования Российской Федерации, документами территориального планирования двух и более субъектов Российской Федерации, документами территориального планирования субъекта Российской Федерации сведения о видах, назначении и наименованиях планируемых для размещения на территориях поселения, городского округа объектов федерального значения, объектов регионального значения, их основные характеристики, местоположение, виды зон с особыми условиями использования территорий в случае, если установление таких зон требуется в связи с размещением данных объектов и их характеристики, если такие зоны установлены в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, реквизиты указанных документов территориального планирования, а также обоснование выбранного варианта размещения данных объектов на основе анализа использования этих территорий, возможных направлений их развития и прогнозируемых ограничений их использования»;

5) утвержденные документом территориального планирования муниципального района сведения о видах, назначении и наименованиях планируемых для размещения на территории поселения, входящего в состав муниципального района, объектов местного значения муниципального района, их основные характеристики, местоположение, виды зон с особыми условиями использования территорий в случае, если установление таких зон требуется в связи с размещением данных объектов и их характеристики, если такие зоны установлены в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, реквизиты указанного документа территориального планирования, а также обоснование выбранного варианта размещения данных объ-

ектов на основе анализа использования этих территорий, возможных направлений их развития и прогнозируемых ограничений их использования;

7) зоны с особыми условиями использования территорий в случае, если они установлены в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации».

Предлагаемые изменения позволят однозначно толковать и применять указанные нормы градостроительного законодательства, в соответствии с которыми характеристики зон с особыми условиями использования территории указываются в документе территориального планирования только в том случае, если такие зоны установлены в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, т. е.:

– во-первых, надлежащим образом будут определены их размер и границы;

– во-вторых, будут установлены ограничения по использованию территории (земель и земельных участков) в пределах таких зон, если они необходимы;

– в-третьих, информация об указанных выше характеристиках таких зон будет занесена в Единый государственный реестр недвижимости в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25.04.2018 № 4-АПГ18-3; апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 17.10.2018 № 64-АПГ18-7; апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 28.11.2018 № 51-АПГ18-21; апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2019 № 9-АПА19-4. – URL: <https://www.vsrfl.ru> (дата обращения: 10.08.2021).

2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2021).

3. Юридический справочник застройщика / под ред. Д. С. Некрестьянова. – 6-я ред. – СПб., 2021. – 344 с.

4. Решение Костромского областного суда от 24.04.2019 по делу № За-121/2019 // Сайт Костромского областного суда. – URL: <http://oblsud.kst.sudrf.ru> (дата обращения: 10.07.2021).

5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 01.07.2021). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2021).

УДК 347.123

Федченкова Анастасия Сергеевна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома

Fedchenkova Anastasia Sergeevna,
student, Kostroma State University, Kostroma

fedchenkova.anastasia@yandex.ru

Григорьева Марина Александровна,
*старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

Grigorieva Marina Alexandrovna,
senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma

m_grigoreva@ksu.edu.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

LEGAL REGIME OF DIGITAL RIGHTS

В статье представлен анализ правового статуса цифровых прав, а также их соотношения с цифровыми активами. Авторами предпринята попытка выявления особенностей правового режима цифровых прав, проанализированы их разновидности.

Цифровые права, правовой режим, цифровизация, виды цифровых прав.

The article presents an analysis of the legal status of digital rights, as well as their relationship with digital assets. The authors attempted to identify the features of the legal regime of digital rights, analyzed their varieties.

Digital rights, legal regime, digitalization, types of digital rights.

Происходящая сегодня трансформация экономических и общественных процессов, компьютеризация и цифровизация, изобретение и развитие новых технологий требует от права создания новых механизмов регламентации, выделения и регулирования новых общественных отношений, возникающих в отношении ранее не известных науке объектов гражданского права.

Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», вступивший в силу с 1 октября 2019 г. ввел в Гражданский кодекс Российской Федерации статью 141.1 «Цифровые права», что ознаменовало закрепление в гражданском законодательстве нового объекта

права – цифровых прав и, как следствие, признание на законодательном уровне общественных отношений, объектом которых они являются [1].

Сложности регламентации и развития данного вида общественных отношений связаны с проблемами определения цифровых прав и отнесения к ним тех или иных объектов общественных отношений.

Легальное определение цифровых прав дано в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ. Так, под цифровыми правами понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Такая дефиниция позволяет относить к цифровым права, которые одновременно отвечают следующим требованиям: во-первых, содержание и условия осуществления прав определяется в соответствии с правилами некой информационной системы, во-вторых, сама эта система отвечает установленным законом признакам.

Правовой режим цифровых прав предполагает, что допускается его осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом. Однако перечисленные действия возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (п. 1 ст. 141 ГК РФ).

Пункт 2 ст. 141.1 ГК РФ определяет правообладателя и устанавливает, что обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо.

Таким образом, мы приходим к выводу, что титульным владельцем цифровых прав является лицо, имеющее доступ к информационной системе и права на изменение данных в ней. В противном случае владелец не сможет осуществить правомочие распоряжения. Особо отмечается, что переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву (п. 3 ст. 141.1 ГК РФ).

Определение, приведенное законодателем в ГК, представляет собой общую характеристику цифровых прав, не закрепляет их конкретные виды, признаки, содержательное наполнение. В связи с этим возникают проблемы отнесения тех или иных объектов к цифровым правам, а следовательно, и в урегулировании отношений, возникающих по поводу этих объектов.

На настоящий момент на законодательном уровне можно выделить два вида цифровых прав: утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы. В Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляются утилитарные цифровые права, которые заключаются в праве требования: передачи вещи; передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной дея-

тельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; выполнения работ или оказания услуг.

Цифровые права как правовая категория является общей по отношению к частной категории – цифровым финансовым активам, правовое регулирование которых осуществляется Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает (ч. 2 ст. 1), что под цифровыми финансовыми активами следует понимать:

- 1) цифровые права, включающие денежные требования;
- 2) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества;
- 4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов [2].

Сложность определения правового режима цифровых прав возникает и в связи с терминологическими различиями, используемыми законодателем. Например, цифровые финансовые активы он определяет как цифровые права в ст. 1 Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», но вместе с этим они являются лишь удостоверением прав по ст. 2 этого же закона [2]. В этом случае цифровые права рассматриваются не в качестве объектов гражданского права, а лишь как форма закрепления.

Вместе с данными видами законодатель выделяет, но не регламентирует и иные цифровые права. К ним можно отнести токены и криптовалюты. Спорным вопросом остается возможность отнесения к ним бонусов от организаций, зачисляемых на электронные карты; игровые валюты, покупаемые за реальные деньги и привязанные к игровому аккаунту, а также и сами игровые аккаунты, которые все чаще в настоящий момент становятся предметом купли-продажи.

Анализируя положения п. 2 ст. 141.1 ГК РФ приходим к выводу о полной оборотоспособности цифровых прав, поскольку законодатель определил, что возможно осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом [1]. Однако перечисленные юридические действия допускаются только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Таким образом, представляется, что включение цифровых прав в качестве объектов гражданского права в ГК РФ – только первый шаг на пути детальной регламентации цифровых прав, которая потребует детальной проработки, выработки алгоритмов, механизмов защиты. Обойти вниманием эту проблематику не представляется возможным, поскольку значительная часть экономического оборота неразрывно связана с цифровизацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

УДК 342

Цветкова Дарья Максимовна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома,

Tsvetkova Darya Maksimovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

daria-maksimovna@mail.ru

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University, Kostroma

melnik44@gmail.com

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

SOME ISSUES OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

В данной статье затрагиваются вопросы цифровизации государственно-правового управления, в том числе проблемные аспекты реализации проекта «Цифровое государственное управление» и возможные пути их решения.

This article deals with the issues of digitalization of state and legal management, including problematic aspects of the implementation of the project “Digital public administration” and possible ways to solve them.

Цифровизация, государственное управление, электронный документооборот, государственные услуги.

Digitalization, public administration, electronic document management, public services.

XXI век – время стремительного развития информационных технологий. Технический процесс затрагивает все сферы общественных отношений. Он предоставляет абсолютно новые возможности по накоплению, хранению, последующей обработке и анализу данных. Экономика и вся система государственного правового управления трансформируются и переходят из традиционных для них форм в цифровые. Наиболее перспективными направлениями является аналитика больших объемов данных (bigdata), использование искусственного интеллекта и нейросетей, облачное хранение данных. Тяжелая ситуация в мире, связанная с эпидемией Covid-19, карантин, переход сотрудников многих организаций, в том числе государственного сектора на удаленную работу только подчеркнула необходимость развития различных форм электронного взаимодействия в сфере государственного управления.

«Цифровое государственное управление» является одним из шести федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика».

Ответственность за реализацию данной национальной программы возложена на Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в частности на Департамент цифровой трансформации и координации бюджетных расходов, и Департамент развития облачных сервисов и управления данными.

Руководителем данного федерального проекта является Пак Олег Борисович, статс-секретарь – заместитель Министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Целью реализации проекта «Цифровое государственное управление» является предоставление доступа к основным государственным услугам в цифровом виде как для граждан, так и организаций. Кроме того, данный проект должен привести к созданию национальной системы управления данными, а также способствовать развитию самой инфраструктуры электронного правительства.

Основные ключевые показатели программы планируется достигнуть к 2024 году.

Данные показатели включают:

- предоставление государственных и муниципальных услуг в онлайн-режиме;

- перевод государственных, муниципальных органов, а также бюджетных организаций на систему электронного документооборота;

- предоставление гражданам цифрового удостоверения личности и квалифицированной электронной цифровой подписи;

- увеличение доли электронного документооборота между государственными органами Российской Федерации и государств, являющихся членами Евразийского экономического союза [2].

Несомненно, реализация данного проекта имеет ряд преимуществ: граждане смогут получать государственные и муниципальные услуги в электронном виде, что будет способствовать снижению временных затрат для реализации ими своих прав в получении государственных услуг, а также снижению бюрократических задержек. С другой стороны, это также позволит специалистам органов государственной власти более эффективно осуществлять услуги, связанные с реализацией государственных полномочий и получать всю необходимую информацию незамедлительно в онлайн-режиме [1, с. 426].

Развитие системы электронного документооборота между государственными и муниципальными органами наладит систему межведомственного взаимодействия. Это так же облегчит гражданам реализацию своих прав в рамках получения государственных услуг. Граждане не должны будут неоднократно посещать различные государственные учреждения в целях получения справок, выписок, информационных писем. Все данные, которыми обладают органы государственного и муниципального управления, будут содержаться в одном общем массиве. При необходимости, по запросу, специалисты государственных органов будут сами получать информацию, необходимую для реализации их деятельности в рамках предоставления гражданам государственных услуг. Кроме того, внедрение системы электронного документооборота облегчит взаимодействие между центральными управлениями и региональными отделениями государственных органов, что должно привести к улучшению координации и более полному контролю за работой государственных органов на всех уровнях.

В качестве примера реализации первых двух направлений можно выделить Портал государственных услуг Российской Федерации (www.gosuslugi.ru). Данный Портал предоставляет основные приоритетные государственные услуги гражданам в онлайн-режиме. В целях привлечения граждан к данному проекту и вовлечения всех слоев общества в цифровую среду на Портале представлена возможность оплаты различных государственных пошлин и т. п. в льготном формате.

Предоставление гражданам цифрового удостоверения личности поможет собрать все документы гражданина необходимые для получения им государственных и муниципальных услуг в форме одного документа, а электронная цифровая подпись поможет наиболее полно использовать все услуги в онлайн-режиме.

Развитие системы электронного документооборота с государствами, являющимися членами Евразийского экономического союза так же поможет снизить бюрократическую нагрузку.

Однако необходимо отметить, что в рамках реализации проекта «Цифровое государственное управление» имеется ряд проблем.

Основная проблема связана с реализацией системы электронного документооборота. В настоящее время ряд государственных и муниципальных органов не готов к переходу на системы электронного документооборота и по большей части используют классический, бумажный документооборот. Это

связано с проблемами материально-технического оснащения государственных и муниципальных органов, стабильности работы сети Интернет, особенно в отдаленных районах Российской Федерации. Кроме того, переход на систему электронного документооборота несет и ряд других проблем. В случае нарушения стабильности работы поддерживающих информационных систем или сети Интернет, государственные органы будут не в состоянии надлежащим образом оказывать государственные услуги в рамках их полномочий.

Аналогичная проблема встает и в рамках предоставления гражданам государственных услуг в онлайн-режиме.

Возможные пути решения данных проблем лежат в разных сферах. Прежде всего, необходимо повышать уровень правовой грамотности населения в сфере цифровых услуг. В настоящее время важной новацией в юридическом образовании стала реализация программ обучения, связанных с цифровыми технологиями подготовки правотворческих актов, цифровизацией юридического знания, юридической техники. Однако данные программы начинают использоваться только при подготовке студентов учреждений высшего профессионального образования. Данные методики и положительный опыт их применения должны быть распространены на учреждения среднего профессионального образования, курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Также необходимо обеспечить доступность использования электронной цифровой подписи для граждан и организаций. В настоящее время процесс получения квалифицированной цифровой подписи достаточно сложен. Предоставлять ее могут только сертифицированные удостоверяющие центры. Предлагается использовать положительный опыт, реализованный Федеральной Налоговой службой Российской Федерации. Пользователи сайта УФНС России могут использовать большинство сервисов при помощи авторизованной записи на Портале государственных услуг. Данный механизм является положительным примером межведомственного взаимодействия в целях обеспечения доступа граждан к государственным услугам разных структур в онлайн-режиме.

Проблема стабильности работы государственных онлайн-сервисов может быть решена путем развития национальной информационной системы, реализованной по принципам работы сети Интернет с использованием отечественных серверов и программного обеспечения. Это поможет обеспечить надежность работы всех государственных систем и постоянного доступа к ним в онлайн-режиме, а также защитить информацию, находящуюся в них, от кибератак. Предлагается включить данные предложения в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод, что проект «Цифровое государственное управление» является важным шагом вперед, а его реализация актуальной и своевременной. Однако важно не допустить, чтобы цифровизация государственного управления стала неким формальным шагом, затрагивающим лишь некоторые аспекты рутинной деятельности государственных и муниципальных органов. Необходимо помнить, что главная цель данного проекта –

создание более благоприятной атмосферы для получения государственных услуг, взаимодействия с органами государственного и муниципального контроля главных адресантов данного проекта – граждан, организаций, представителей бизнеса. Для этого необходима не только реализация данного проекта по всем направлениям, но и повышение уровня грамотности населения, улучшение технического оснащения государственных и муниципальных органов, а также защита подобных систем от внешних угроз, в том числе кибератак.

Только реализация всех данных мер в комплексе поможет вывести цифровизацию государственно-правового управления на новый уровень.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Городецкий А. Е.* Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления // Аудит и финансовый анализ. – 2016. – № 6. – С. 426–436.

2. Инфографика реализации национальных проектов. – URL: <https://futurerussia.gov.ru/documents> (дата обращения: 07.08.2021).

СЕКЦИЯ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЧАСТНОПРАВОВОЙ СФЕРЕ

УДК 347.44

*Бибнев Степан Алексеевич,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Bebnev Stepan Alekseevich,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

stepanbebnev@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «ГОНОРАРА УСПЕХА»: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

LEGAL REGULATION OF THE “SUCCESS FEE”: CONTROVERSIAL ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

В статье рассматривается понятие «гонорара успеха» как порядка определения размера вознаграждения лица, оказывающего юридическую помощь, и правовое регулирование «гонорара успеха» как в России, так и в зарубежных странах. Исследуется сущность «гонорара успеха» и необходимость его внедрения в российскую правовую систему. Рассмотрены проблемные вопросы «гонорара успеха», а также определены пути их решения.

This article discusses the concept of “success fee” as a procedure for determining the amount of remuneration of a person providing legal assistance, and the legal regulation of the “success fee” both in Russia and in foreign countries. The essence of the “success fee” and the necessity of its introduction into the Russian legal system are investigated. The problematic issues of the «success fee» are considered, and the ways of their solution are determined.

Гонорар, гонорар успеха, адвокат, вознаграждение, оказание юридических услуг, гражданский процесс.

Fee, success fee, attorney, remuneration, legal services, civil procedure.

«Гонораром успеха» принято считать условие соглашения об оказании юридических услуг, в соответствии с которым размер вознаграждения лица, оказывающего юридическую помощь, может быть поставлен в зависимость от результата оказания юридической помощи.

До 2020 года правовое регулирование «гонорара успеха» в РФ практически не подвергалось комплексному научному исследованию сквозь призму фактического состояния на рынке юридических услуг в РФ. Возникали точеч-

ные рассуждения о необходимости урегулировать «гонорар успеха». Отсутствие законодательной базы, регулирующей «гонорар успеха», подтверждает и обуславливает необходимость тщательного анализа рассматриваемого института, установления для него соответствующего правового режима, с целью устранения пробелов и противоречий в системе законодательства РФ.

Правовое регулирование «гонорара успеха» всегда было и остается в поле зрения юридического сообщества. Такое состояние породила неоднозначность законодателя: отсутствие в законе четкого указания на способы оплаты услуг лица, оказывающего юридическую помощь, или прямого запрета на применение «гонорара успеха». В любом случае необходимо решение конкретных задач по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики, связанных с правовым регулированием «гонорара успеха».

Внимание и интерес к «гонорару успеха» за юридические услуги не случайны и во многом обусловлены его специфической сущностью как вида вознаграждения за юридическую помощь.

«Гонорар успеха» в отличие от других видов вознаграждения позволяет распределять риск неблагоприятного правового, а порой и практического результата при оказании юридических услуг [5, с. 189]. Готовность лица, оказывающего юридическую помощь, принять на себя полностью или частично данный риск, в большинстве случаев компенсировав это увеличением размера гонорара, повышает привлекательность и доступность для доверителя предлагаемой юридической помощи.

В отсутствии законодательного регулирования «гонорара успеха» по данной проблеме высказывались различные позиции, сформулированные Конституционным Судом РФ, Высшим Арбитражным судом РФ, Верховным Судом РФ, причем в ряде случаев их суждения являлись до известной степени неоднозначными и противоречивыми, что еще раз подтверждает тот факт, что отношение российской правовой действительности всегда было неоднозначно к этому явлению. Главным образом, такое состояние породила неоднозначность законодателя: отсутствие четкого указания на способы оплаты услуг лица, оказывающего юридическую помощь или прямого запрета на применение «гонорара успеха».

Нельзя не согласиться с авторами статьи «Гонорар успеха или плата за время?» В. Буробиным, В. Плетневым и К. Скловским, которые утверждают, что нет никаких оснований устанавливать запрет сторонам договариваться о гонораре путем указания на часть суммы присуждения по имущественному спору. Такой запрет – прямое вторжение в свободу договора и ограничение права на свободное установление условий договора, нарушающие требования ст. 55 Конституции РФ» [2, с. 152].

В 2020 году законодателем сделан первый шаг в закреплении правового регулирования «гонорара успеха» – внесены изменения в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», которые позволили адвокатам включать в соглашение об оказании юридической помощи условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результа-

та оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении [4]. Изменения вступили в силу с 01 марта 2020 года. Правила применения «гонорара успеха» утвердила Федеральная палата адвокатов РФ Решением Совета ФПА от 02.04.2020 (Протокол № 12), назвав свой документ «Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи», и заложив в основу нормы законодательства об адвокатуре и нормы Кодекса профессиональной этики адвоката.

Данное изменение является достаточно большим шагом в развитии адвокатской деятельности, поскольку на протяжении долгого времени адвокатам запрещалось получать гонорар в связи с успешным исходом дела.

На сегодняшний день совсем непонятно, почему именно указанный закон стал для законодателя тем пристанищем, где нашел свое закрепление «гонорар успеха», и как включать его в соглашения об оказании юридической помощи тем, кто статусом адвоката не обладает?

Позиция законодателя к развитию рынка юридических услуг, в том числе и норм о «гонораре успеха», выглядит довольно странным образом: с одной стороны, государство пытается развить законодательство об адвокатуре, о судебном представительстве и т. п., а с другой – полностью игнорирует присутствие на рынке других участников – юрисконсультов, юридических фирм и т. д., которые хоть и не обладают статусом адвоката, но юридическую помощь оказывают не хуже. Все это говорит лишь об одном – в России отсутствует концептуальный подход к развитию рынка юридических услуг.

Принимая во внимание изложенное, полагаю, что законодателю стоит рассмотреть вопрос о внедрении «гонорара успеха» не в один закон, а в целом в российскую правовую систему, в том числе и Гражданский кодекс Российской Федерации.

При концептуальном подходе к нормативному закреплению правового регулирования «гонорара успеха» в РФ условие о «гонораре успеха», включенное в соглашение об оказании юридической помощи, позволит повысить гарантии судебной защиты прав лиц, оказывающих юридическую помощь, на заработанное вознаграждение, а также в полной мере будет способствовать реализации гражданами своего конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

По моему мнению, наиболее разумной представляется позиция комбинированного подхода к оплате юридических услуг, при которой в начале процесса клиент возмещает минимальные юридические издержки и договаривается о выплате процента от судебной компенсации в случае вынесения решения в свою пользу.

Статус адвоката как участника гражданского судопроизводства различается в РФ и в зарубежных странах. Интересным представляется зарубежный опыт практики использования в адвокатской деятельности «гонорара успеха».

Так, размер «гонорара успеха» и порядок согласования такого условия в договоре об оказании юридических услуг может быть позаимствован у Испании, где рекомендуемый размер «гонорара успеха» составляет – 15–20 % от взысканной суммы, а клиент и лицо, оказывающее юридическую помощь, могут договориться об оплате только «гонорара успеха» или комбинировать эту оплату с фиксированной ценой или почасовой оплатой [6, с. 210]. Естественно, в России размер процентной ставки может быть увеличен или уменьшен с учетом правовой действительности.

Вопрос о взыскании «гонорара успеха» с проигравшей стороны, на мой взгляд, также подлежит решению по принципу практики Испании. По общему правилу все расходы на представителя, в том числе и «гонорар успеха», в Испании возлагаются на проигравшую сторону с учетом критерия разумности [3, с. 33]. В таком случае, если договором размер «гонорара успеха» будет установлен выше предусмотренного законодательством, то он может быть оспорен третьими лицами, а суд при взыскании такого гонорара, будет руководствоваться размером, установленным законом.

Принятый во внимание опыт зарубежных стран по вопросу правового регулирования «гонорара успеха» позволит в полном объеме понять концепцию «гонорара успеха», которая будет наиболее соответствовать правовой действительности РФ.

«Гонорар успеха» – явление для российской правовой системы положительное, выступающее дополнительным стимулом качественной работы лица, оказывающего юридическую помощь, и возможностью малообеспеченных слоев населения получить квалифицированную юридическую помощь [1, с. 24].

На сегодняшний день можно говорить, что возможность получения «гонорара успеха» урегулирована, есть позиция ФПА о порядке включения в договор этого условия, но в настоящее время не наблюдается какой-то реакции, например, судебных дел об оспаривании размера гонорара или существенных претензий в этой части со стороны каких-то регуляторных или правоохранительных органов.

Заканчивая свои рассуждения, хотелось бы сказать, что проблему правового регулирования «гонорара успеха», достаточно актуальную для юридического сообщества, можно отнести к одному из вечных вопросов юриспруденции и считать проблемным институтом в сфере договорного права РФ. Безусловно, «гонорар успеха» еще многие годы будет находиться в поле обсуждения с различных точек зрения и далеко не факт, что он в полной мере приживется в российской правовой системе, а каким будет итог изменений, покажет время, а пока можно лишь рассуждать о вреде и пользе «гонорара успеха».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Багреева Е. Г.* «Гонорар успеха»: правовая и этическая природа. – URL: <http://bestlawyers.ru/gz/gz.html> (дата обращения: 23.08.2021).
2. *Буробин В., Плетнев В., Скловский К.* Гонорар за успех или плата за время? – URL: <http://bestlawyers.ru/gz/gz.html> (дата обращения: 23.08.2021).

3. *Ильин К.* Адвокатская тайна и отмывание денег в испанском законодательстве. – URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=8390> (дата обращения: 26.08.2021).

4. Федеральный закон от 02.12.2019 № 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.08.2021).

5. *Романова В. Е.* Правовое регулирование взыскания и возмещения судебных расходов на оказание квалифицированной юридической помощи адвокатом : дис. ... канд. юрид. наук – Москва, 2018. – 237 с.

6. *Ярошевская А. М.* Договор о предоставлении юридических услуг: правовое регулирование «гонорара успеха» в России и опыт данного института в зарубежных странах. – URL: <http://jurnauka.ru/> (дата обращения: 26.08.2021).

УДК 347.651

Борисов Дмитрий Николаевич,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома

Borisov Dmitry Nikolaevich,
student, Kostroma State University, Kostroma

dmitriy_dmitriy_borisov@mail.ru

Палюлина Ирина Александровна,
кандидат исторических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Palylina Irina Aleksandrovna,
candidate of historical sciences, associate professor,
Kostroma State University, Kostroma

palylina_ia@ksu.edu.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ УСЫНОВЛЕННЫХ ЛИЦ

PROBLEMS OF REGULATING INHERITANCE LEGAL RELATIONS INVOLVING ADOPTED PERSONS

В статье анализируется отечественное законодательство, регулирующее наследственные права усыновленных лиц, рассматриваются проблемы, возникающие при реализации

данных прав, а также предлагается внесение некоторых изменений в действующие нормативные правовые акты, что, по мнению авторов, могло бы способствовать решению данных проблем.

The article analyses domestic legislation regulating the inheritance rights of adopted persons, discusses the problems arising in the exercise of these rights, and proposes some changes to the current regulations, which, according to the authors, could help solve these problems.

Наследство, наследование, наследственные права, усыновленные лица, усыновители.

Inheritance, inheritance, inheritance rights, adopted persons, adoptive parents.

Наследование является одним из наиболее древних правовых институтов, признаваемым всеми развитыми государствами. В определенный момент он затрагивает интересы каждого человека, который становится наследником, получая перешедшее по закону или завещанию имущество, или наследодателем, если при жизни решил, совершив завещание, распорядиться принадлежащим ему имуществом на случай собственной смерти.

Значение данного института в виде положения о гарантированности права наследования закрепляется в части 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации [1]. Это право урегулировано различными актами, такими как: Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2021 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [4].

В статье 1147 Гражданского кодекса РФ отражены следующие основные положения:

«1. При наследовании по закону усыновленный и его потомство с одной стороны и усыновитель, и его родственники – с другой приравниваются к родственникам по происхождению (кровным родственникам).

2. Усыновленный и его потомство не наследуют по закону после смерти родителей усыновленного и других его родственников по происхождению, а родители усыновленного и другие его родственники по происхождению не наследуют по закону после смерти усыновленного и его потомства, за исключением случаев, указанных в пункте 3 настоящей статьи.

3. В случае, когда в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации усыновленный сохраняет по решению суда отношения с одним из родителей или другими родственниками по происхождению, усыновленный и его потомство наследуют по закону после смерти этих родственников, а последние наследуют по закону после смерти усыновленного и его потомства.

Наследование в соответствии с настоящим пунктом не исключает наследования в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи» [2].

Таким образом, в случае, описанном в пункте 3 данной статьи, усыновленный может наследовать и после усыновителя, и после родственника, с которым он сохранил отношения.

Однако в Гражданском кодексе РФ и других актах затронуты только лишь общие положения, что дает основание полагать, что наследование усыновленными лицами недостаточно урегулировано действующим законодательством.

Так, в частности, в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 137 Семейного кодекса РФ, при усыновлении ребенка одним лицом личные неимущественные и имущественные права и обязанности могут быть сохранены по желанию матери, если усыновитель – мужчина, или по желанию отца, если усыновитель – женщина. А если один из родителей усыновленного ребенка умер, то по просьбе родителей умершего родителя (дедушки или бабушки ребенка) могут быть сохранены личные неимущественные и имущественные права и обязанности по отношению к родственникам умершего родителя, если этого требуют интересы ребенка [3].

В такой ситуации, согласно пункту 3 статьи 1147 Гражданского кодекса РФ, усыновленный сохраняет право наследования по закону после своих отца или матери как наследник первой очереди, а также после своих дедушки или бабушки как наследник первой очереди по праву представления. Однако в случае смерти самого усыновленного возникают некоторые вопросы.

Во-первых, являются ли отец или мать усыновленного, с которыми сохранены имущественные отношения, его наследниками первой очереди? Если да, то родственники усыновленного последующих очередей окажутся не в числе наследников. Это не совсем справедливо, учитывая, что ребенок был принят и воспитывался в семье усыновителя.

Во-вторых, считаются ли дедушка и бабушка усыновленного его наследниками второй очереди? Если да, то в ситуации, когда они не будут иметь статуса иждивенцев наследодателя, и появятся наследники первой очереди, принявшие наследство, дедушка и бабушка по происхождению не войдут в круг наследников по закону.

Кроме того, в соответствии с пунктом 1 статьи 1156 Гражданского кодекса РФ, в случае смерти указанных ранее отца, матери, дедушки или бабушки усыновленного после открытия наследства, но до процедуры его принятия, право на принятие причитавшегося им наследства переходит к их наследникам по закону, а если все наследственное имущество было завещано – к их наследникам по завещанию (наследственная трансмиссия) [2]. Таким образом, имущество усыновленного перейдет к лицам, с которыми у него не были сохранены по решению суда имущественные отношения, а лица, с которыми данные отношения были сохранены, не успеют воспользоваться данными благами.

На наш взгляд, для обеспечения единообразия судебной практики и однозначного толкования норм Гражданского кодекса РФ во взаимодействии с нормами Семейного кодекса РФ было бы целесообразно изложить пункт 3 статьи

1147 Гражданского кодекса РФ в несколько иной редакции. Предлагаем следующий вариант:

«3. В случае, когда в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации усыновленный сохраняет по решению суда отношения с одним из родителей или другими родственниками по происхождению, усыновленный и его потомство наследуют по закону после смерти этих родственников, а последние наследуют по закону после смерти усыновленного и его потомства.

Указанные родители и иные родственники по происхождению при наличии других наследников по закону наследуют вместе и наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. В случае смерти указанных родителей и иных родственников по происхождению после открытия наследства, но до процедуры его принятия, правила о наследственной трансмиссии не применяются.

Наследование в соответствии с настоящим пунктом не исключает наследования в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи».

Данные изменения законодательства позволят, по нашему мнению, в большей степени обеспечить реализацию принципа справедливости.

В качестве еще одной проблемы можно рассмотреть отсутствие детального урегулирования последствий, которые возникают в случае отмены усыновления и связаны с наследственными правами усыновленного. Семейный кодекс РФ в пункте 4 статьи 140 закрепляет положение о том, что: усыновление прекращается со дня вступления в законную силу решения суда об отмене усыновления ребенка. А пунктом 1 статьи 143 того же Кодекса установлено правило, согласно которому при отмене судом усыновления ребенка взаимные права и обязанности усыновленного ребенка и усыновителей (родственников усыновителей) прекращаются и восстанавливаются взаимные права и обязанности ребенка и его родителей (его родственников), если этого требуют интересы ребенка [3].

С одной стороны, могут возникнуть споры по поводу того, что же будет считаться интересами ребенка.

С другой стороны, применительно к наследованию понятно, что после вступления в силу отмены усыновления, усыновленный лишается наследственных прав на имущество усыновителя, появившихся позже, но как будет регулироваться этот вопрос, если открытие наследства произошло раньше, чем вступление в силу данного решения? Возможны следующие варианты:

- 1) усыновленный полностью лишается наследственных прав;
- 2) усыновленный не лишается указанных прав, если успел принять наследство до того, как отмена усыновления вступила в законную силу;
- 3) усыновленный не лишается указанных прав и может принять наследство даже после вступления такого решения в законную силу, так как наследство было открыто раньше, чем вступление в силу решения об отмене усыновления.

А. Л. Маковский и Е. А. Суханов считают, что «если эти права возникли и осуществлены до отмены усыновления, нет оснований для их прекращения» [5], т. е. являются сторонниками второго варианта. Но, по нашему мнению, правильнее будет третий вариант, так как до вступления решения суда в законную силу взаимные права и обязанности усыновленного и усыновителя, в том числе, и наследственные права, продолжали действовать, следовательно, право на принятие наследства возникло и должно быть реализовано.

Учитывая эти доводы, полагаем, что статью 1147 Гражданского кодекса РФ следует дополнить пунктом 4, в котором нужно предусмотреть, что в случае вступления в силу решения суда об отмене усыновления после открытия наследства, наследник (усыновленный или усыновитель) сохраняет все наследственные права, возникшие в результате усыновления.

Таким образом, можно сказать, что отечественными нормативными правовыми актами недостаточно урегулированы вопросы наследования, связанные с усыновленными лицами. Полагаем, что предложенные нами изменения статьи 1147 Гражданского кодекса РФ могли бы несколько сгладить остроту выявленных проблем. На наш взгляд, необходима более детальная проработка всех моментов, связанных с наследственными правами усыновленных лиц. Возможны дополнения Гражданского кодекса РФ новыми статьями, освещающими, в частности, более точную формулировку понятия «интересы ребенка» при отмене усыновления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): с изменениями и дополнениями на 18 марта 2019 года: принят Государственной Думой 01 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 14 ноября 2001 года. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

3. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями на 02 июля 2021 года: принят Государственной Думой 08 декабря 1995 года. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 25.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании». – URL: <http://www.consultant.ru/>(дата обращения: 02.10.2021).

5. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. – URL: <https://uchebnikfree.com/> (дата обращения: 02.10.2021).

УДК 347.466

Бриль Геннадий Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Brill Gennady Gennadyevich,
doctor of law, Professor, Kostroma State University, Kostroma

g_bril@ksu.edu.ru

Богданова Екатерина Ильинична,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома

Bogdanova Ekaterina Ilyinichna,
postgraduate, Kostroma State University, Kostroma

katybgdvn@gmail.com

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СТРАХОВАНИЯ ЛОМБАРДОМ ВЕЩЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ В ЗАЛОГ ИЛИ НА ХРАНЕНИЕ

PROBLEMATIC ISSUES OF PAWNSHOP INSURANCE OF THINGS ACCEPTED AS COLLATERAL OR FOR STORAGE

В данной статье рассматривается институт страхования в ломбардной деятельности. На основе анализа судебной практики и изучения практической деятельности ломбардов выявлена проблема реализации страхового интереса со стороны ломбарда, отмечен дисбаланс между положениями закона о сроке и размере страхования и их практическим применением. Предлагается новая редакция статьи 6 Федерального закона от 19 июля 2007 года № 196-ФЗ «О ломбардах».

This article discusses the institution of insurance in pawnshop activity. Based on the analysis of judicial practice and the study of the practical activities of pawnshops, the problem of the realization of insurance interest on the part of the pawnshop was identified, an imbalance between the provisions of the law on the term and amount of insurance and their practical application was noted. A new version of Article 6 of Federal Law No. 196-FZ of July 19, 2007 "On pawnshops" is proposed.

Ломбард, ломбардная деятельность, договор страхования.

Pawnshop, pawnshop activity, insurance contract.

Институт страхования в деятельности ломбарда имеет важное прикладное значение. Во-первых, он призван обеспечить интересы заемщиков и вкладчиков в сохранении их имущества, во-вторых, для ломбарда крайне важно

обеспечить сохранность принимаемых вещей, поскольку их залог служит средством обеспечения обязательств заемщика.

На наш взгляд, реализация положений Федерального закона от 19 июля 2007 года № 196-ФЗ «О ломбардах» [3] о страховании имеет ряд практических проблем. В статье 6 устанавливаются требования к страхованию сданных в залог или на хранение вещей. Предусмотрена обязанность ломбарда страховать в пользу заемщика или поклажедателя за свой счет риск утраты и повреждения имущества, сданного в залог или на хранение, на сумму его оценки, произведенной по соглашению сторон, на весь период нахождения вещи в ломбарде.

Не совсем логичным и справедливым представляется положение, согласно которому ломбард обязан страховать риск утраты или повреждения вещи, принятой им в залог или на хранение, в пользу поклажедателя или заемщика.

Указанная обязанность ломбарда реализуется путем заключения ломбардом со страховщиком договора имущественного страхования, предусмотренного статьей 929 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1], в пользу заемщика или поклажедателя, являющихся выгодоприобретателями.

Данной нормой, по нашему мнению, ограничиваются права ломбарда. В соответствии с частью 1 статьи 930 ГК РФ имущество может быть застраховано в пользу лица, которое имеет интерес в сохранении этого имущества. Таким образом, данным лицом являются страхователь или выгодоприобретатель. Однако ФЗ «О ломбардах», устанавливая обязанность страховать имущество только в пользу заемщика или поклажедателя, ограничивается лишь выгодоприобретателем несмотря на то, что ломбард так же заинтересован в сохранении имущества. К примеру, по договору займа залог имущества является способом обеспечения обязательства заемщика перед ломбардом. Таким образом, утрата данного имущества ведет к тому, что обязанность заемщика вернуть сумму займа и уплатить проценты за пользование им становится ничем не обеспеченной.

Как показывает судебная практика, в случае наступления страхового случая заемщики и поклажедатели, как правило, не предъявляют требований о выплате страхового возмещения к страховым компаниям, эти действия осуществляют практически во всех случаях сами ломбарды. Однако страховщики часто отказывают ломбардам в выплате страхового возмещения, указывая на то, что они не являются выгодоприобретателями по договору страхования и не имеют страхового интереса. Ломбарды вынуждены обращаться в суд, на что указывает судебная практика по данной категории дел.

ООО «Русский Ломбард» обратилось в Арбитражный суд Краснодарского края с иском к ООО «Страховая компания «Верна» о взыскании страхового возмещения. Свои требования мотивировало ненадлежащим исполнением ответчиком своих обязательств по договору имущественного страхования. Истец указал, что страховщик в ответ на претензию о выплате страхового возмещения направил в адрес ломбарда письмо, которым отказал в удовлетворении его требований в связи с тем, что «Русский Ломбард» не является выгодоприобретателем. После этого ломбард направил в адрес страховой организации уведомление о замене выгодоприобретателя, однако это не было принято ответчиком во внимание.

Суд в своем решении от 31 августа 2020 года пришел к выводу, что ломбард имел право на основании ст. 956 ГК РФ заменить выгодоприобретателя по договору другим лицом, письменно уведомив об этом страховщика. Таким образом, требования к страховой организации о выплате страхового возмещения были направлены надлежащим лицом [6].

Приведем еще один пример.

ООО «Ломбард Ювелир» обратилось в Арбитражный суд Московской области с иском к ПАО СК «Росгосстрах» о взыскании страхового возмещения. Между истцом и ответчиком был заключен договор по страхованию имущества, выгодоприобретателями по которому в отношении вещей, переданных в залог и на хранение, в период срока действия договора займа или хранения были определены заемщики и поклажедатели. В отношении не востребовавшего имущества выгодоприобретателем выступил ломбард.

В отношении ломбарда было совершено разбойное нападение, являющееся страховым случаем по договору страхования. Страховая компания в ответ на обращение ломбарда о выплате страхового возмещения отказала в удовлетворении требований, указав, что выплаты могут быть осуществлены лишь надлежащим выгодоприобретателям, т. е. заемщикам и поклажедателям, при предъявлении ими залогового билета или сохранной квитанции.

Суд первой инстанции встал на сторону истца и решением от 05 июня 2018 года удовлетворил исковые требования в полном объеме.

Десятый арбитражный апелляционный суд согласился с решением суда первой инстанции и оставил жалобу ответчика без удовлетворения. Ответчик в апелляционной жалобе указал на нарушение судом первой инстанции норм материального права, поскольку замены выгодоприобретателя в порядке, установленном статьей 956 ГК РФ, произведено не было, следовательно, выплата страхового возмещения ломбарду произведена быть не может.

Апелляционный суд не усмотрел признаков нарушения гражданского законодательства судом первой инстанции. Он указал, что согласно статье 956 ГК РФ замена выгодоприобретателя происходит по письменному уведомлению об этом страховщика. Суд апелляционной инстанции посчитал, что само обращение истца к страховщику о выплате страхового возмещения при отсутствии в деле доказательств, подтверждающих обращение заемщиков и поклажедателей к страховой компании, может выступать в качестве уведомления страховщика о замене выгодоприобретателя [5].

Как мы видим, судебная практика по данной категории дел достаточно единообразна, однако споры между ломбардами и страховщиками возникают довольно часто. Это является следствием нелогичного и противоречащего практике построения статьи 6 ФЗ «О ломбардах». Несмотря на то что данной статьей установлена обязанность ломбарда страховать имущество в пользу заемщиков и поклажедателей, ломбарды «обходят» эту норму при помощи замены выгодоприобретателя. Однако страховые компании, не желая выплачивать возмещение, пользуются этим и отказывают в выплатах. Ломбарды вынуждены обращаться в суды, которые и без того являются перегруженными. Нам кажется, логичнее было бы исключить из закона требование о страховании имущества

в пользу заемщиков и поклажедателей. Оно далеко от практики. В частности, в рассмотренном нами деле № А41-60873/2017 в качестве третьих лиц было привлечено более ста заемщиков и поклажедателей. Трудно представить, чтобы каждый из них по-отдельности обратился к страховой компании за выплатой страхового возмещения. А ломбард напрямую заинтересован в этом, поскольку часть имущества в любом случае станет не востребоваваемой, следовательно, при отсутствии страхового возмещения ломбард понесет убытки. Ломбарды на практике используют схему, согласно которой самостоятельно обращаются в страховую компанию, получают страховое возмещение и выплачивают его заемщику и поклажедателю за удержанием требований ломбарда.

Таким образом, мы считаем, что возможно снять с ломбарда обязанность по страхованию риска утраты или повреждения принятого в залог имущества. Альтернативой данной обязанности может послужить обязательство ломбарда возместить заемщику или поклажедателю ущерб, причиненный утратой или повреждением вещи, переданной ломбарду в залог или на хранение. В таком случае необходимо будет страховать не сам риск утраты или повреждения имущества в пользу заемщика или поклажедателя, а объектом страхования будут являться имущественные интересы ломбарда, связанные с его обязанностью возместить причиненный ущерб.

С применением положений данной статьи связано еще две проблемы.

Во-первых, имущество должно быть застраховано на весь период нахождения в ломбарде. Как нам кажется, можно ограничить данный период истечением льготного срока. Невостребованные вещи, как отмечают представители ломбардного бизнеса, могут оставаться в ломбарде несколько лет. Складывается ситуация, когда ломбард обязан страховать имущество, которое уже не будет возвращено заемщиком или поклажедателем. Ломбарды несут лишние расходы.

Вследствие обременительности данной обязанности ломбарды часто исполняют ее ненадлежащим образом, страхуя имущество лишь на период до истечения льготного срока. Кроме того, часто не востребоваваемые вещи ломбарды передают на хранение в банк, т. е. фактически имущество перестает находиться в ломбарде. При анализе судебной практики, мы нашли большое количество судебных актов по делам, когда ломбарды оспаривали представления Центрального банка, вынесенные в связи с неисполнением рассматриваемой нами обязанности. Однако суды отказывают в удовлетворении требований ломбарда.

К примеру, в отношении директора одного из костромских ломбардов было вынесено постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 15.26.1 КоАП РФ. В ходе анализа отчета ломбарда было установлено, что сумма задолженности по предоставленным займам оказалась выше страховой суммы, на которую застрахованы все вещи, что указывает на неполное страховое покрытие имущества. Директор ломбарда обратился в суд с требованием об отмене данного постановления, поскольку считал, что в его действиях отсутствует состав административного правонарушения. Он полагал, что не обязан был страховать не востребоваваемые вещи, переданные им на хранение в банк. Однако суд пришел к выводу, что требования

заявителя основаны на неправильном толковании норм права, и отказал в удовлетворении его требований [7].

Кроме того, часто руководители ломбардов, чтобы избежать наказания за ненадлежащее исполнение этой обязанности, регистрируются в качестве индивидуальных предпринимателей и покупают невостребованное имущество, чтобы не страховать его после истечения льготного срока.

Во-вторых, ломбарды должны страховать имущество на сумму, равную сумме его оценки, т. е. в размере полной стоимости вещи. Как было отмечено представителями бизнеса на Международном конгрессе ломбардов [2], данное положение закона так же далеко от практики. В соответствии с частью 3 статьи 7 ФЗ «О ломбардах» сумма оценки заложенной вещи всегда выше суммы займа или равна ему. Таким образом, при наступлении страхового случая ломбарды выплачивают заемщикам не всю сумму оценки вещи, а лишь ту часть, что превышает сумму предоставленного займа, поскольку заем уже находится в пользовании у заемщика. С договором хранения ситуация аналогична: поклажедателю выплачивается сумма оценки вещи за удержанием требований ломбарда.

Мы полагаем, что решить указанные проблемы возможно, изложив статью 6 ФЗ «О ломбардах» в новой редакции. Предлагаем часть 1 и часть 2 статьи 6 сформулировать следующим образом:

«1. Ломбард обязан возместить в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, ущерб, причиненный заемщику или поклажедателю утратой или повреждением вещи, принятой в залог или на хранение.

2. Ломбард обязан страховать свои имущественные интересы, связанные с исполнением обязанности, предусмотренной частью первой настоящей статьи. Имущественные интересы должны быть застрахованы на период нахождения вещи в ломбарде до истечения льготного срока, установленного статьями 10 и 11 настоящего Федерального закона».

Выделение в качестве объекта страхования имущественных интересов правомерно и полностью соответствует части 4 статьи 4 Закона РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [4].

Часть 3 статьи 6 ФЗ «О ломбардах» считаем возможным оставить без изменений. Предлагается следующее название статьи 6 в изложенной нами редакции: «Утрата или повреждение вещи, принятой в залог или на хранение».

Предложенные нами изменения должны способствовать ликвидации негативной практики отказа в удовлетворении требований ломбардов о выплате страхового возмещения в связи с отсутствием у них страхового интереса, а также приблизить положения о страховании вещей ломбардами к их практической реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : с изменениями и дополнениями на 9 марта 2021 года: принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года: одобрен Советом Федерации 30 января 1996 года. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.02.2021).

2. Конгресс ломбардов. – URL: <https://congress-lombardov.ru> (дата обращения: 09.03.2021).

3. О ломбардах : Федеральный закон № 196-ФЗ: с изменениями и дополнениями на 11 января 2021 года: принят Государственной Думой 29 июня 2007 года: одобрен Советом Федерации 6 июля 2007 года. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2021).

4. Об организации страхового дела в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 30.12.2020). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.02.2021).

5. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.08.2018 № А41-60873/2017. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/39LtzJY8FuoF/> (дата обращения: 25.02.2021).

6. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 31.08.2020 № А32-6045/2020. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mRcXFXHSBj1W/> (дата обращения: 25.02.2021).

7. Решение Ленинского районного суда г. Костромы от 26.12.2017 № 12-586/2017. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sbaUmOZlt4Uh/> (дата обращения: 09.03.2021).

УДК 347.447.52

*Булатова Ксения Александровна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Bulatova Kseniya Aleksandrovna,
student, Kostroma State University, Kostroma*

kseniya.bulatova@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

CIVIL-LIABILITY IN THE IMPLEMENTATION OF MEDICAL ACTIVITIES

В данной статье рассматривается институт гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности, а также проблемы правового регулирования гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности.

This article examines the institution of civil liability in the implementation of medical activities, as well as the problems of legal regulation of civil liability in the implementation of medical activities.

Медицина, ответственность, проблемные вопросы гражданской ответственности при осуществлении медицинской деятельности.

На современном этапе развития общества медицина играет первостепенную и исключительную роль. Охрана базовых ценностей, жизни и здоровья является первостепенной задачей государства и общества. Однако на данном этапе развития законодательства и медицины имеется множество коллизий, пробелов в нормах права, которые, безусловно, тормозят и вредят всестороннему развитию системы здравоохранения.

Одним из объектов правонарушений со стороны сотрудников здравоохранения является врачебная тайна. Гражданское законодательство Российской Федерации относит данный институт к понятию личной тайны гражданина. Согласно статье 150 ГК РФ [1] жизнь и здоровье относится к категории нематериальных благ, которые принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В дополнение к этому статья 151 ГК РФ в случае причинения морального вреда действиями, которые нарушают его личные неимущественные права или посягают на принадлежащие лицу нематериальные блага, то суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации. Указанная норма права относится и к врачебной тайне на основании пункта 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 20.12.1994 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [2]. Пункт 1 статьи 1068 ГК РФ устанавливает правило, что юридическое лицо возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Значит, денежная компенсация пациенту осуществляется не лечащим сотрудником, а выплачивается организацией здравоохранения. Однако медицинский работник будет нести дисциплинарную ответственность за совершенное действие в форме взысканий в соответствии со статьей 192 Трудового кодекса РФ. Исходя из описанного, становится ясно, что санкции будут применены к лицу, совершившему данное правонарушение, а также к учреждению здравоохранения.

Запрет на распространение врачебной тайны действует и после смерти пациента в отношении лиц, которые ее узнали в ходе обучения, выполнения своих служебных обязанностей. Ее разглашение возможно только в случае письменного согласия больного или его законного представителя. В то же время есть закрытый перечень случаев, когда такая информация может быть предоставлена без учета мнения пациента. Это предусмотрено пунктом 4 статьи 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3]. Среди них стоит выделить следующие основания: угроза распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений; информирование органов внутренних дел о поступлении пациента, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий; в целях расследования несчастного случая на производстве и профессионального

заболевания; по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством. Из этого следует, что врачебная тайна в обозначенных ситуациях раскрывается для защиты интересов общества и самого пациента, чтоб была возможность в ускоренном порядке предотвратить симптомы заболевания или приступить к лечению.

В подтверждении этой позиции есть Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 по делу № 1-П [4]. Там прописано, что «раскрытие медицинской документации охватывается достаточно строгими гарантиями защиты личной тайны и персональных данных умершего, проистекающими из конституционных требований уважения его частной жизни, а с другой стороны, в ряде случаев раскрытие врачебной тайны может требоваться как для выполнения государством своих позитивных обязательств по защите права на жизнь в аспекте расследования смерти пациента, так и в контексте защиты прав и законных интересов переживших его членов его семьи». В тоже же время Н. А. Скрёбнева в своей статье указала на то, что в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] есть противоречие правовых норм. Начнем с того, что в пункте 5 статьи 67 указанного закона установлено, что заключение о причине смерти и диагнозе заболевания выдается супругу, близкому родственнику (детям, родителям, усыновленным, усыновителям, родным братьям и родным сестрам, внукам, дедушке, бабушке), а при их отсутствии иным родственникам либо законному представителю умершего, правоохранительным органам, органу, осуществляющему государственный контроль качества и безопасности медицинской деятельности, и органу, осуществляющему контроль качества и условий предоставления медицинской помощи, по их требованию. С учетом того, что причина смерти и диагноз входит в содержание врачебной тайны, то предоставление заключения от медицинских работников можно рассматривать в качестве нарушения, потому что согласно статье 13 указанного закона, врачебная тайна должна соблюдаться и после смерти человека. Из-за такой коллизии норм возникают судебные споры.

Таким образом, в целях достижения единообразного толкования и применения правовых норм предлагается для устранения правовых споров в делах по компенсации морального вреда установить соответствие между статьями 13 и 67 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] посредством включения в статью 13 закрытого перечня субъектов, в отношении которых возможно разглашение врачебной тайны после смерти пациента.

Далее обратимся к анализу проблемы причинения вреда пациенту медицинскими изделиями. Развитие современных технологий в медицине помогают как персоналу в учреждениях здравоохранения, так и больным. Такое оборудование позволяет узнавать специалистам показатели жизнеобеспечения пациента, возможность наступления определенных заболеваний до появления симптомов, а также помогает врачам в ходе проведения операций. Из этого следует, что от правильного использования подобных устройств, а также от корректно-

сти работы компьютерных программ зависит жизнь и здоровье больного. Такие технологии имеют сложный механизм, и не каждый медицинский работник в полной мере понимает, как их использовать, поэтому в ходе выполнения лечебных манипуляций может быть причинен вред пациенту. В связи с этим, определить надлежащего ответчика представляется трудновыполнимой задачей. Также количество участников при таких обстоятельствах в правоотношении меняется. Изначально всегда сторонами при возникновении споров были «пациент – медицинский работник/учреждение здравоохранения», теперь же возникла новая «цепь» – «пациент – медицинский работник/учреждение здравоохранения – производители устройства».

Вне зависимости от развития кибернетических технологий они все равно могут принести потери состоянию здоровья больного. Несмотря на то, что такие устройства могут предотвращать вред в различных ситуациях, то при возникновении уязвимостей, они не поддаются устранению даже при максимальной осмотрительности создателем программного обеспечения.

На основании вышеизложенного аргумента, полагаем, что использование таких изделий должно регулироваться статьей 1079 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» [5]. Такой вывод обусловлен наличием у современных медицинских устройств следующих признаков повышенной опасности деятельности программ ЭВМ:

- проявление повышенной вредоносности использования оборудования, которое заключается в возможности наступления особо тяжелых последствий для самого потерпевшего;

- для таких устройств отличительной чертой является неподконтрольность. Она заключается в невозможности остановки воздействия источника повышенной опасности из-за его объективных характеристик и повышенной сложности в эксплуатации, которая требует специальных знаний и подготовки. Однако мы считаем, что эти признаки должны быть отнесены ко всему комплексу современных медицинских изделий, а не только в отношении ЭВМ.

В целях разрешения проблемы, которая связана с медицинским оборудованием и программным обеспечением, нужно: отнести использование медицинских устройств к источникам повышенной опасности.

Таким образом, совокупность представленных мер должна обеспечить снижение споров между сторонами, создать по определенным вопросам единообразную судебную практику, устранить противоречивое толкование норм и урегулировать пробелы в нормативных правовых актах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации Часть первая: с изменениями и дополнениями от 12.05.2020. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2021).

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 20.12.1994 «Некоторые вопросы применения законодательства о ком-

пенсации морального вреда». – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2021).

3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: с изменениями и дополнениями от 22.12.2020. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2021).

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 года по делу № 1-П. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2021).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации Часть вторая: с изменениями и дополнениями от 28.04.2020. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2021).

УДК 342

*Джафарова Гюллю Шакир кызы,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Dzhafarova Gyullyu Sakir kizi,
student, Kostroma State University, Kostroma*

gyulluydz@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL REGULATION OF SURROGACY IN THE RUSSIAN FEDERATION

В данной статье рассматривается современное состояние правового регулирования отношений, связанных с суррогатным материнством, а также понятие суррогатного материнства, вопрос о правовой природе договора суррогатного материнства. Статья содержит предложение о внесении изменений в семейное законодательство с целью реализации прав на применение вспомогательных репродуктивных технологий.

This article examines the current state of legal regulation of relations related to surrogate motherhood, as well as the concept of surrogate motherhood, the question of the legal nature of the surrogate motherhood contract. The article contains a proposal to amend family legislation in order to realize the rights to use assisted reproductive technologies.

Суррогатное материнство, ребенок, репродуктивные технологии, договор, Семейный кодекс.

Surrogacy, child, reproductive technologies, contract, Family code.

Время неумолимо движется вперед, изменяя государства, людей, и, как следствие, законы. Еще сто лет назад никто не мог подумать о том, что можно стать генетической мамой ребенка, не проходя этап беременности. А сегодня медицина шагнула вперед настолько, что выносить и родить ребенка семье может совершенно чужая женщина, при этом генетическими родителями является семейная пара. Данная процедура получила название «суррогатное материнство». Первый ребенок, родившийся с помощью данной технологии, появился на свет в 1980 году в США, а уже спустя 15 лет в Санкт-Петербурге, на свет появились девочки-двойняшки. 24-летняя девушка стала суррогатной мамой для своей подруги, которая в результате кесарева сечения потеряла ребенка и больше не могла иметь детей по медицинским показаниям.

Но успело ли законодательное регулирование института суррогатного материнства за медициной? Какие проблемы с точки зрения права возникают сегодня при регулировании суррогатного материнства в РФ?

Стоит начать с определения суррогатного материнства и его основных терминов. Рассмотрим данное понятие с законодательной точки зрения.

Часть 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет суррогатное материнство как вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [5].

Женщину и мужчину, которые предоставляют свои биологические материалы называют генетическими родителями. Женщину, которая вынашивает ребенка – суррогатной матерью.

Между генетическими родителями и суррогатной матерью заключается соответствующий договор, место которого в системе договоров не в полной мере определено российским законодательством. Договор является двухстороннее-обязывающим, консенсуальным, предмет договора выступает его существенным условием, также как цена и срок.

В российском законодательстве нет определения договора суррогатного материнства, а также не определена его правовая природа [1; 2]. Представляется, что отнесение данного вида договора к гражданско-правовому договору может решить и другую проблему – обеспечение ответственности за его неисполнение либо ненадлежащее исполнение.

В качестве примера можно рассмотреть Дело № 2-43/2020, где гражданка Гаджиева пыталась взыскать убытки с суррогатной матери, в связи с ненадлежащим исполнением условий договора [3]. Между истцом и ответчиком была достигнута договоренность по поводу оказанию услуг суррогатного материнства, в соответствии с которой С. А. Кондратенко обязалась за вознаграждение в общей сумме 1000000 (один миллион) рублей выносить и родить ребенка из донорского эмбриона генетических родителей: С. Г. Гаджиевой и ФИО, пере-

дав им ребенка после рождения. Гаджиева перечислила на счет Кондратенко 595 000 руб. в качестве аванса.

Суд, сославшись на п. 1 ст. 782 ГК РФ, установил, что заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов.

Таким образом, решение было вынесено в пользу истца, и аванс она получила обратно в полном объеме.

Противоречивый характер имеют положения п. 4. ст. 51 Семейный кодекс РФ, согласно которым лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери) [4].

В то же время Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ч. 3 ст.55 предусматривает, что мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство [5]. Также данным правом обладает одинокая женщина. Из-за данной правовой коллизии парам, или одиноким женщинам приходится официально оформлять статус отца или матери только через суд.

Представляется целесообразным внести изменения в абзац второй пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса РФ, изложив его в следующей редакции: «Лица, как состоящие, так и не состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белова Д.А. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 11. – С. 88–94.

2. Корнакова С. В., Полетаева Е. Л., Чигрина Е. В. Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 3. – С. 10–13.

3. Решение Татищевского районного суда Саратовской области от 26 мая 2020 года по делу № 2-43/2020. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021). – URL <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 347.5 (075.8)

Жижина Анастасия Романовна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома

Zhizhina Anastasia Romanovna,
student, Kostroma State University, Kostroma

anastasiyazhizhina@ya.ru

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON THE ISSUE OF CIVIL LIABILITY FOR BREACH OF OBLIGATIONS IN MODERN CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Данная статья посвящена рассмотрению такого вопроса как гражданская правовая ответственность за неисполнение обязательств. Увеличение масштабов гражданского оборота в современной России влечет не только развитие гражданских общественных отношений, но и способствует появлению различных нарушений в этой сфере. Кроме того, современные гражданские отношения развиваются гораздо быстрее, чем совершенствуется российское законодательство, что влечет за собой появление пробелов в правовом регулировании ответственности за нарушение обязательств.

This article is devoted to the consideration of such an issue as civil liability for non-fulfillment of obligations. The increase in the scale of civil turnover in modern Russia entails not only the development of civil social relations, but also contributes to the emergence of various violations in this area. In addition, modern civil relations are developing much faster than Russian legislation is improving, which entails the appearance of gaps in the legal regulation of liability for breach of obligations.

Гражданская правовая ответственность, неустойка, убытки, упущенная выгода, имущественная ответственность.

Civil liability, forfeit, damages, loss of profits, property liability.

Современное законодательство в области гражданского права создавалось в течение довольно длительного срока, преобразовываясь под влиянием изменений, которые происходили в обществе в связи с совершенствованием технологий, механизмов и порядков взаимодействия людей в процессе существования. В процессе становления гражданского законодательства в России общественные отношения становились все более сложными и требовали подробного

правового регулирования, чтобы избежать нарушения законных прав и интересов граждан.

В современной Российской Федерации суды рассматривают большое количество гражданско-правовых споров. Согласно данным статистики Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации за 2020 год в порядке гражданского судопроизводства было рассмотрено 21,4 млн дел, что превышает количество рассмотренных дел в 2019 году на 3,6 млн дел. Таким образом, можно убедиться в том, что загруженность судов гражданскими делами увеличивается с каждым годом [4].

В современном российском законодательстве создана довольно четко регламентированная система ответственности за нарушение обязательств, которая регламентирована Гражданским кодексом РФ и иными нормативно-правовыми актами, которые позволяют участникам правоотношений заранее выбрать способ защиты своих интересов.

Под юридической ответственностью понимается применение мер государственного принуждения к лицу, которое виновно в совершении действия, запрещенного законом. Юридическая ответственность устанавливается нормативно-правовыми актами, которые регулируют применение мер принудительного воздействия к субъектам права, которые нарушили предусмотренные законом запреты и правила. Гражданско-правовая ответственность, являясь подвидом юридической ответственности, регулируется нормами гражданского законодательства и иными нормативно-правовыми актами. При этом в современном гражданском законодательстве отсутствует нормативно закрепленное понятие гражданской ответственности, что влечет различное понимание данного правового явления и создание различных его определений в доктрине гражданского права. Большинство определений являются схожими между собой, так как формируются на основании общих признаков гражданской ответственности. Цивилисты лишь вносят некоторые детали, уточняя определение ответственности. Анализ различных формулировок определения понятия «ответственность» позволяет сформулировать наиболее полное определение гражданской ответственности за нарушение обязательств, под которой понимается вид юридической ответственности, регулируемый нормами гражданского права и представляющий собой особые юридические последствия, которые наступают в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, установленных в предусмотренном законом порядке.

Для полной характеристики гражданско-правовой ответственности необходимо перечислить признаки, которые выделяются современными цивилистами. К числу основных признаков гражданской ответственности за нарушение обязательств можно отнести:

- 1) законодательную закрепленность данного института гражданского права;
- 2) виновность лица, в отношении которого применяются нормы о гражданской ответственности;
- 3) применение специально уполномоченным субъектов;

- 4) применение к лицу отрицательных мер имущественного или иного характера;
- 5) возложение дополнительных обязанностей в связи с нарушением условий договора;
- 6) реализация осуществляется при помощи определенной процессуальной формы;
- 7) применение мер государственного принуждения;
- 8) соответствие причиненного ущерба и размера имущественной ответственности;
- 9) применение мер гражданской ответственности ко всем виновным субъектам гражданских обязательств [3].

В современном российском гражданском законодательстве предусмотрены различные способы защиты своих законных интересов при участии в гражданских правоотношениях. Данные способы являются формами гражданской ответственности, которые представляют собой отдельные механизмы реализации права гражданина на компенсацию причиненного ущерба и вреда.

В качестве оснований классификации гражданской ответственности можно выделить:

- 1) основание возникновения ответственности (договорная и внедоговорная ответственность);
- 2) характер распределения ответственности нескольких лиц (долевая, солидарная и субсидиарная ответственность);
- 3) форма гражданской ответственности (возмещение убытков, неустойка, взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами) [1].

Несмотря на то, что законодательство устанавливает различные способы защиты законных прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, ко всем требованиям о возмещении различного ущерба применяются условия разумности и достоверности. Кроме того, суд имеет право в случае нарушения данных условий изменить размер взыскиваемых средств.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что различие видов и форм ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств позволяет защитить свои права различными способами, в том числе даже используя несколько способов одновременно.

Несмотря на наличие регламентируемых гражданским законодательством форм ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, в связи с быстрым развитием общественных отношений, которые подпадают под регулирование гражданского права, возникают различные проблемы, связанные с правовым регулированием ответственности за неисполнение обязательств.

Одним из основных факторов, которые влияют на образование различных пробелов в сфере регулирования и возложения гражданско-правовой ответственности является то, что гражданское право является отраслью, регулирующей рыночные имущественные отношения, подверженные быстрым изменениям.

Одним из способов устранения пробелов в отношении институтов гражданского права является такой способ как применение аналогии права и закона в соответствии со ст. 6 ГК РФ. При аналогии закона применению подлежат нормы, которые регулируют сходные отношения с теми, которые не урегулированы гражданским законодательством. Аналогия права подразумевает под собой применение общих начал гражданского права и принципов, установленных нормами законодательства [1].

Исходя из анализа судебной практики по гражданским делам, можно выделить еще одну проблему применения гражданской ответственности за неисполнение обязательств, которую можно обозначить как проблема доказывания упущенной выгоды. В целях расширения возможностей кредитора взыскать упущенную выгоду предлагается изложить п. 4 ст. 393 ГК РФ в следующей редакции: «4. При определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления и другие доказательства возможности ее извлечения».

В научной литературе определяется еще одна проблема гражданской ответственности – уменьшение размера процентов за пользование денежными средствами. В гражданском законодательстве указывается право суда при заявлении должника уменьшить размер требований, которые подлежат возмещению. Согласно ст. 395 ГК РФ суд по заявлению должника может уменьшить заявленные требования, но не ниже размера, который получится при использовании ключевой ставки Банка России. Данная норма существенно отличается от ст. 333 ГК РФ, согласно которой заявление должника о снижении неустойки требуется только если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность. В остальных случаях суд может снизить размер неустойки по собственной инициативе при наличии соответствующих оснований. Представляется, что в целях обеспечения равного положения должников необходимо подобную оговорку предусмотреть и для уменьшения процентов, взыскиваемых на основании ст. 395 ГК РФ.

Институт гражданской правовой ответственности за нарушение обязательств является по-настоящему важным для обеспечения стабильности гражданского оборота, так как именно данный институт позволяет восстанавливать нарушенные права и интересы граждан и организаций, а также компенсировать те имущественные потери, которые наступают в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020). – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.09.2021).

2. Устиненко Ю. Ю. Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-grazhdansko-pravovoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 25.09.2021).

3. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году. – URL: [https://](https://www.cdep.ru/) <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 25.09.2021).

УДК 343.9

Журавлев Кирилл Андреевич,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома

Zhuravlev Kirill Andreevich,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

mr.Zhuravlevkirill@mail.ru

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University, Kostroma

melnik44@gmail.com

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

DIGITALIZATION OF LEGAL KNOWLEDGE

В данной статье говорится о тенденциях современной цифровизации российского общества, подчеркивается необходимость дальнейшего развития, а также отмечается важность создания механизмов должного законного вектора развития с учетом национальных интересов России.

This article talks about the trends of modern digitalization of Russian society, emphasizes the need for further development, and also notes the importance of creating mechanisms for a proper legal vector of development, taking into account the national interests of Russia.

Юридическая наука, цифровизация, знание, тенденции формирования науки.

Legal science, digitalization, knowledge, trends in the formation of science.

В начале 2000-х годов в России началось постепенное развитие информационных технологий. Первыми начали появляться мобильные телефоны, позже стал доступен Интернет, а сейчас, айпадизация российского общества достигла

уровня «процветающей» Европы. Наша повседневная жизнь уже попросту невозможна без сотовой связи и доступа к сети Интернет.

Достижения информационных технологий облегчали нашу жизнь как до весны 2020 года, так облегчают и во время пандемии COVID-19. Благодаря высокому уровню технического оснащения в период самоизоляции весной 2020 года были открыты новые возможности коммуникации не только между гражданами России, но и гражданами всех стран.

На примере работы высших учебных заведений отметим, что новейшим форматом обучения стало проведение лекций через платформы видеоконференц-связи, продиктованный санитарными требованиями. Практические занятия и различные формы контроля также проходили в онлайн формате на платформах систем дистанционного обучения, благодаря чему не было допущено прерывания процесса обучения. Многие компании благодаря режиму самоизоляции осознали, что некоторые работники могут работать и удаленно, без ущерба для производства. Подобные плюсы, в первую очередь, выявили для себя телеком-компании, работающие и обслуживающие системы интернет-менеджмента и интернет-маркетинга.

Однако совершение правоотношений посредством IT-технологий обуславливают возникновение двух проблемных аспектов: во-первых, необходимость четкого законодательного регулирования дистанционных способов реализации правоотношений, обеспечивающих надежное и безопасное для контрагентов создание, изменение и прекращение правоотношений. В этом случае это задача законодателя своевременно адаптировать механизмы правового регулирования под условия изменившихся общественных отношений, а, во-вторых, возникает необходимость изучения, познания, определения перспектив развития и выявления проблем данной формы реализации правоотношений. Здесь основой выступают знания, точнее сказать, научные юридические знания. Поскольку ранее, в XIX веке утверждалось, что знания, претендующие на статус научных, должны отвечать критериям истинности [1, с. 160]. Мы не будем вдаваться в подробности понятия «истинность» исходя из свойственной тому времени концепции кумулятивной науки [2, с. 12], отметим лишь то, что и на сегодняшнем этапе новшества в науке означают ее истинность. Особо отметим, что истинность выступает здесь как подтверждение действительного существования, а не как оценочная категория.

Тенденции цифровизации юридической науки, разумеется, уже существуют. Так, справочно-правовая система «КонсультантПлюс», на данном этапе является необходимой составляющей в процессе юридического обучения. Поскольку, изменения в законодательство вводятся буквально каждую неделю, и периодические печатные издания выпускают обновленную продукцию как минимум ежемесячно, однако актуальность подобного, скажем, Федерального закона, быстро истекает, буквально следующим внесением в него изменений. А наличие подобной справочно-правовой системы исключает вероятность деактуализации имеющегося на руках нормативного акта. Что в условиях адаптации к юридической профессии играет большую роль. Достоинство данной

системы состоит еще в том, что доступ возможен в любой необходимый момент через смартфон, планшетный компьютер или же компьютер стационарный. Также в образовательной деятельности используются электронные библиотечные системы, включающие в себя профильные юридические научные статьи, монографии, учебники, учебные пособия и многое другое.

Подчеркнем, что это лишь пример того, как информационные технологии проникают в обыденные жизненные процессы, в частности, в процесс обучения, а значит, цифровизация знания уже началась, и развивается стремительными темпами.

Стоит особо подчеркнуть, что уже начат процесс по цифровой трансформации государственного и муниципального управления. Так, утвержден План мероприятий по нормативному регулированию Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. Всего, согласно Плану, планируется принятие федеральных законов по 38 сферам нормативного регулирования; принятие технических стандартов по 8 сферам регулирования, а также разработка концепции комплексного регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики.

Отмечаем, что развитие цифровизации обуславливает динамику развития права. Однако не стоит преувеличивать значение данного процесса, поскольку, здесь по-прежнему важнейшим остается вопрос государственности, национальной целостности, интеграции общества и государства, взаимодействие с ним, а также стабильное действие правовых государственных институтов. Поэтому, отпускать на «свободное развитие» данный цифровизационный процесс ни в коем случае нельзя. Потому что, ослабление контроля, ослабление правовых механизмов законного распространения подобных форм общественных отношений, может привести неконтролируемые процессы в общество. Опасности подвергается, в первую очередь, граждане подросткового возраста, которым в силу обыденной и ежедневной цифровой жизни крайне привычны мнения из сети Интернет, а иной раз и принимаются как истинные, хотя в действительности таковыми не являются.

Поэтому, определение сущности для общества, внедрения в обиход правоотношений в области цифровизации стоит перед юридической наукой наиглавнейшей задачей. Только она способна изыскать необходимые пути к правильному внедрению в правоотношения подобную форму, а также на достойном теоретическом уровне отметить, что из себя представляет цифровизация, какими возможностями будет обладать общество при интеграции посредством подобной формы, и как сохранить те самые общественные интересы именно гражданина России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Клочков В. В.* Об источниках юридического знания и невежества // Известия Южного Федерального университета. Технические науки. – 2006. – № 10(65). – С. 159–167.

2. Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права: эпистемология государства и права. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 223 с.

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р. об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.09.2021).

УДК 34.07

Исаева Ксения Анатольевна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома

Isaeva Ksenia Anatolyevna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

k_isaeva@ksu.edu.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна,
кандидат педагогических наук,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Khlestakova Lyubov Anatolyevna,
candidate of pedagogics, Kostroma State University, Kostroma

lub-kuku@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

SOME ASPECTS OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE MAINTENANCE OF PETS

Рассмотрены проблемы административно-правового регулирования содержания собак и возможные варианты их решения; обоснована необходимость установления административной ответственности за нарушение правил содержания потенциально опасных собак.

The problems of dogs care administrative-legal regulation problems are considered in the article as well as possible variants of its resolution on the base of the foreign legislation conclusion. The necessity to state the administrative responsibilities for potentially dangerous dogs care rules violations is justified.

Административное правонарушение, административная ответственность, ответственное обращение с животными, правила содержания домашних животных, потенциально опасные собаки.

В конце 2018 года был принят Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Если обратить внимание на данный федеральный закон, то увидим, что установленные ч. 5 ст. 13 Федерального закона № 498 -ФЗ требования к выгулу домашнего животного предусматривают исключение возможности свободного, неконтролируемого передвижения животного при пересечении проезжей части автомобильной дороги, в лифтах и помещениях общего пользования многоквартирных домов, во дворах таких домов, на детских и спортивных площадках (Федеральный закон от 27.12.2018 № 498) [1]. Часть 6 ст. 13 указанного Федерального закона предусматривает, что выгул потенциально опасной собаки без намордника и поводка независимо от места выгула запрещается, за исключением случаев, если потенциально опасная собака находится на огороженной территории, принадлежащей владельцу потенциально опасной собаки на праве собственности или ином законном основании. Данный запрет вступил в силу с 1 января 2020 г. Из вышесказанного следует то, что применение намордника и поводка обязательно только при выгуле потенциально опасной собаки. При этом не установлены требования к подлежащим применению предметам (намордник (кожаный, металлический), ошейник (облегченный, обычный, парфорс), поводок (короткий, длинный), посредством которых владельцем собаки или другим лицом, сопровождающим собаку, должно обеспечиваться исключение возможности свободного, неконтролируемого передвижения животного. С данным подходом вряд ли можно согласиться, учитывая, что поведение собак, которые не относятся к потенциально опасным, предсказать невозможно, у них может появиться агрессивность, и в этом случае собаки без намордника и поводка становятся опасными для граждан.

Рассмотрев введенную Федеральным законом № 498-ФЗ формулировку «потенциально опасные собаки» (Федеральный закон от 27.12.2018 № 498) [1], можно сделать вывод, что по своей природе любые собаки представляют источник повышенной опасности и могут причинить существенный вред здоровью человека. При этом собаки агрессивных пород, а также их метисы многократно опаснее других собак. Тем не менее, в отношении выгула данных собак указанный закон ограничивается лишь обязательным применением намордника и поводка и не предусматривает требований о наличии соответствующей подготовки для владельцев таких собак.

По нашему мнению, необходимость запрета выгула собак без поводка и намордника обуславливается «потенциальной возможностью причинения серьезного вреда здоровью человека или другим животным, а не принадлежностью к определенной породе» [4, с. 73–80].

Также следует отметить, что хозяин собаки обязан обеспечить безопасность окружающих людей и животных, поэтому для собак средних и крупных

пород необходим общий курс дрессировки (на послушание собаки), прохождение которого подтверждено соответствующим документом (сертификатом, дипломом).

Полагаем целесообразным установление на уровне субъекта Российской Федерации, а именно в Кодексе Костромской области об административных правонарушениях запрета выгула собак без намордника и поводка в общественных местах, исключением из которого может быть выгул без намордника собак, так называемых декоративных пород, физические параметры (высота в холке и вес) которых не превышают установленные соответствующим нормативным актом. Владельцы собак должны обладать необходимыми знаниями и опытом. Кроме того, целесообразно установить запрет выгула собаки, представляющей повышенную опасность, лицом, не являющимся владельцем такой собаки, с учетом того, что на него возлагаются обязанности по содержанию, дрессировке, а также ответственность за причинение собакой вреда третьим лицам. В качестве исключения может быть предусмотрена возможность выгула такой собаки профессиональным кинологом.

В юридической литературе обосновывается необходимость законодательной регламентации «порядка приобретения и государственной регистрации некоторых видов опасных животных, как минимум собак бойцовских, сторожевых и охранных пород». По мнению Д. Б. Горохова, «регистрация животных должна вводиться не только для собак, а для всех животных-компаньонов независимо от вида и породы (исключая грызунов, аквариумных рыбок, насекомых, т. е. животных, не требующих выгула)» [3, с. 153–171].

Кодекс Костромской области об административных правонарушениях не предусматривает административной ответственности за нарушение установленного Федеральным законом № 498-ФЗ запрета выгула потенциально опасной собаки без намордника и поводка. Данный пробел в правовом регулировании, ни в какой степени не восполняется ни нормами федерального законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях, ни нормами субъекта Российской Федерации.

Что касается квалификации данного правонарушения, то она связана с определением, отношения выгуливаемой собаки к категории потенциально опасным собакам.

Следует отметить, что ограниченность перечня, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2019 г. № 974 «Об утверждении перечня потенциально опасных собак» (Постановление Правительства РФ от 22.06.2019 № 795) [2], в который входят малораспространенные в России породы собак и не включены такие более распространенные и не менее опасные породы собак, как алабай, американский стаффордширский терьер, бульмастиф, бультерьер, ризеншнауцер, ротвейлер и некоторые другие. Представляется логичным расширение перечня, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2019 г. № 974 «Об утверждении перечня потенциально опасных собак» такими породами собак, как алабай,

американский стаффордширский терьер, бульмастиф, бультерьер, ризеншнауцер, ротвейлер и некоторые другие.

Что касается статистики, то в 2020 году Генеральной Прокуратурой России выявлено более 9,2 тысяч нарушений в сфере защиты животных, с целью устранения которых внесено 4,6 тысяч представлений, в суды направлено 1,3 тысячи заявлений, опротестовано более 600 незаконных правовых актов. Отмечается, что к административной ответственности привлечено 2 тысячи лиц, заведено 23 уголовных дела.

Основополагающие требования в области защиты животных и обеспечения безопасности, иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными установлены Федеральным законом от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В настоящее время административная ответственность за нарушение рассматриваемого нами положения указанного Федерального закона не установлена.

В связи с этим, считаем необходимым дополнить Кодекс Костромской области об административных правонарушениях главой 2.1. «Административные правонарушения в области обращения с животными».

Например, статья 2.1.1. «Нарушение правил выгула потенциально опасной собаки» следующего содержания:

1. Выгул потенциально опасной собаки без намордника и поводка независимо от места выгула, за исключением случаев, если потенциально опасная собака находится на огороженной территории, –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей; на должностных лиц – от двух тысяч до трех тысяч рублей».

В связи с этим, при установлении административной ответственности необходимо предусмотреть соразмерное административное наказание как для лица, осуществляющего выгул потенциально опасной собаки, так и для лица, осуществляющего выгул собаки, формально не являющейся потенциально опасной. Предлагаемые меры ответственности будут способствовать соблюдению установленных требований к содержанию собак и обеспечению безопасности людей и животных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июля 2019 г. № 974 «Об утверждении перечня потенциально опасных собак»

3. *Горохов Д. Б.* Проблемы качества и эффективности применения Закона об ответственном обращении с животными // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 153–171.

4. *Шамардин А. А.* Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными»: оправдались ли надежды? // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2019. – № 39. – С. 73–80.

УДК 347.132

*Кулакова Елена Александровна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Kulakova Elena Aleksandrovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

elenakulakova.urist@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

PROBLEMATIC ISSUES OF INVALIDITY OF TRANSACTIONS IN RUSSIAN CIVIL LAW

В статье исследуются вопросы, связанные с конвалитацией ничтожных сделок, выявляются недостатки отечественного гражданского законодательства по исследуемым вопросам и предлагаются практические рекомендации, направленные на их устранение.

The article examines the issues related to the invalidation of void transactions, identifies the shortcomings of domestic civil legislation on the issues under study and offers practical recommendations aimed at their elimination.

Сделка, недействительность, ничтожность, конвалитация, исцеление, суд.

Transaction, invalidity, nullity, convalidation, healing, trial.

Признание сделки недействительной традиционно отнесено гражданским законодательством к способу защиты нарушенного права. Общие правила недействительности сделок содержатся в § 2 гл. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, в зависимости от оснований сделка может быть ничтожной либо оспоримой. Ничтожные и оспоримые сделки признаются недействительными в общем порядке – для этого нужно подать иск в суд. Однако, как правило, в отношении ничтожных сделок достаточно предъявить в суд требо-

вание о применении последствий недействительности. Недействительность и незаключенность гражданско-правовых сделок – различные юридические категории, влекущие соответственно неодинаковые правовые последствия.

Господствующая в российской цивилистике точка зрения [7, с. 79], поддерживаемая судебной практикой [2], основанной на нормативных предписаниях гражданского законодательства приводит к выводу о том, что правовым последствием недействительной сделки, в отличие от сделки несуществующей (незаключенной) является возвращение переданного по ней имущества в рамках соответствующих норм гражданского кодекса Российской Федерации о реституции, как самостоятельного, специфического правового средства, рассчитанного исключительно в отношении недействительных сделок.

Незаключенность сделки следует при несоблюдении условий, содержащихся в нормативных предписаниях ряда ГК РФ [1]: абз. 2 п. 1 ст. 434 ГК РФ; п. 3 ст. 433 ГК РФ; п. 1 ст. 432 ГК РФ; п. 2 ст. 433 ГК РФ; п. 1 ст. 433 ГК РФ, ст. 440, 441 ГК РФ.

Так, сопоставив нормативные положения п. 2 ст. 162 ГК РФ, п. 1 ст. 165 ГК РФ, абз. 2 п. 1 ст. 434 ГК РФ, п. 1 ст. 432 ГК РФ, можно прийти к выводу, что если стороны договора не соблюдают простую письменную или нотариальную письменную форму сделки, то законом установлены два различных варианта последствий: договор может быть признан незаключенным (и, как следствие, применение норм о неосновательном обогащении) и признание его недействительным (следствием чего является применение норм о реституции), что, на наш взгляд, неправильно [5, с. 312]. То же самое можно сказать и после сопоставления нормативных правил п. 3 ст. 433 ГК РФ и п. 1 ст. 165 ГК РФ: при несоблюдении гражданских законоустановлений, касательно обязательной государственной регистрации – такое соглашение будет являться или несостоявшейся, или недействительным. Смешение этих юридических конструкций можно обнаружить и в судебной практике. Так в одних случаях суд отказывает в признании сделки недействительной, ссылаясь, что «де-юре» он является незаключенным [3]. При этом следует признать обоснованной точку зрения И. И. Багаутдинова, который указывает на принципиальное различие незаключенности и недействительности сделки, взаимоисключаемость их последствий несоблюдения формы сделки невозможность одновременного существования при нарушении формы сделки [4, с. 124].

В этой связи видится обоснованным изменение редакции п. 3 ст. 433 ГК РФ, который устанавливает, что «договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его регистрации», посредством замены словосочетания «считается заключенным» словосочетанием «считается действительным».

Российское гражданское законодательство, регламентируя правовой статус ничтожных сделок, устанавливает ряд сделок, которые могут считаться ничтожными, но при определенных условиях быть признаны действительными.

Это так называемая конвалидация (исцелимость) сделки. Анализ современной цивилистической литературы [8, с. 522] и правовых норм ГК РФ о конвалидации (исцелимости) сделок позволяет сформулировать следующее определение: под конвалидацией гражданско-правовой сделки – понимается правовой механизм, выражающийся в определенных действиях сторон опороченной сделки и (или) суда, направленных на устранение пороков соглашения, вследствие чего опороченная сделка признается действительной, порождающей соответствующие юридические последствия для ее участников.

Например, сделка, совершенная недееспособным и малолетним может быть признана судебным органом действительной («конвалидация») по иску, заявленному опекуном или родителем (усыновителем) этого лица, если она является выгодной указанному субъекту (п. 2 ст. 171, п. 2 ст. 172 ГК РФ). Для соглашений, которые признаются недействительными ввиду того, что нарушена требуемая законом или установленная соглашением сторон нотариальная форма, или когда сделка не прошла государственную регистрацию при ее обязательности, в качестве условий для ее конвалидации выступают следующие обстоятельства: сделка полностью либо в части исполнена хотя бы одним ее участником; другой участник уклоняется удостоверить ее нотариально или (и) передать на государственную регистрацию (п. п. 2-3 ст. 165 ГК РФ).

В качестве общего условия для того, чтобы возникло право на конвалидацию для рассмотренных выше ситуаций, регламентированных в ГК РФ случаев конвалидации выступает ничтожность соглашения, при том, что основание такой недействительности допускает исцеление сделки [8, с. 87].

Практическая сложность в нотариальном удостоверении возникает и в ситуации, когда местонахождение его стороны неизвестно (вне зависимости от его признания или непризнания судебным органом безвестно отсутствующим), и при этом неизвестность его нахождения не является уклонением от нотариального удостоверения сделки [7, с. 122]. Полагаем, что в таких ситуациях смерть, недееспособность или безвестное отсутствие не могут становиться препятствиями для конвалидации порока в форме сделки, поскольку имеет место уже состоявшееся волеизъявление соответствующего лица на ее совершение и исполнение и отсутствуют недобросовестные действия сторон, направленные на совершение такой сделки [6, с. 12]. В связи с этим, учитывая неурегулированность такой ситуации в гражданском законодательстве считаем необходимым внести в п. 2 ст. 165 ГК РФ следующие изменения: после фразы «а другая сторона уклоняется от такого удостоверения сделки», дополнить фразой «или же таковое становится невозможным по иным причинам, не зависящим от заинтересованной стороны».

Из этого следует вывод, что если по прошествии времени недееспособное лицо будет признан дееспособным, либо в случае, когда дееспособность возникнет в результате эмансипации указанные субъекты вправе самостоятельно подать иск о конвалидации сделки, которая была совершена ими во время от-

сутствия у них дееспособности, однако правовые предписания ГК РФ, изложенные в п. 2 ст. 171 и п. 2 ст. 172 ГК РФ не содержат таких нормативных правил, что на наш взгляд является правовым пробелом, подлежащим преодолению путем внесения соответствующих дополнений в ГК РФ:

В п. 2 ст. 171 ГК РФ ввести абзац второй, который следует изложить следующим образом: «Недееспособный гражданин, признанный судом дееспособным, вправе обратиться в суд с иском о признании судом совершенной им во время его недееспособности сделки действительной при условии, что она была совершена к его выгоде».

В п. 2 ст. 172 ГК РФ ввести абзац второй, который следует изложить следующим образом: «В случае эмансипации несовершеннолетнего (ст. 27 настоящего Кодекса), эмансипированный вправе обратиться в суд с иском о признании судом совершенной им ранее сделки действительной, если она была совершена к его выгоде».

Подводя итог, следует отметить, что деление недействительных сделок на оспоримые и ничтожные имеет весьма существенные практические последствия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2007 г. № 5397/07. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 3 и 26 апр. 2008 г. № 7611/08. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).
4. *Багаутдинов И. И.* Гражданско-правовые последствия несоблюдения формы сделки // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 121–126.
5. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга первая: Общие положения. – М., 2001. – 745 с.
6. *Луканова А.* Исцеление недействительных сделок // Юрист. – 2015. – № 1–2. – С. 12–15.
7. *Смольков С. Н.* Недействительные сделки: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 182 с.
8. *Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е.* Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 45. – С. 519–539.
9. *Шихова Е. М.* Отдельные проблемы недействительности гражданско-правовых сделок // Скиф. – 2021. – № 1(53). – С. 193–196.

*Лебедева Анастасия Сергеевна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Lebedeva Anastasia Sergeevna,
student, Kostroma State University, Kostroma*

Lebedeva2013nasya@ya.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE GUARDIANSHIP AND GUARDIANSHIP

В данной статье рассматриваются некоторые особенности развития института опеки и попечительства, особенности регулирования данного института гражданского права. А также выделяется проблема, связанная с осуществлением прав опекунов и подопечных, и предлагается возможный путь решения данной проблемы.

This article discusses some features of the development of the institution of guardianship and guardianship, the specifics of the regulation of this institution of civil law. It also highlights the problem associated with the exercise of the rights of guardians and wards, and suggests a possible way to solve this problem.

Институт опеки и попечительства, опека, попечительство, опекун (попечитель), подопечный.

Institute of Guardianship and guardianship, guardianship, guardianship, guardian (trustee), ward.

Российская Федерация согласно части 1 статьи 7 Конституции РФ провозглашает, что государство является социальным, тем самым берет на себя обязанность обеспечить достойную жизнь граждан страны и заботиться о благосостоянии каждого члена общества [1]. Особое внимание государству нужно уделять менее защищенным слоям общества, которые сами обеспечить достойный образ жизни по тем или иным причинам не могут. В эти слои наравне с другими входят граждане, которые нуждаются в опеке и попечительстве.

В настоящее время в России является актуальной проблема опеки и попечительства. Так еще на Руси в 879 году было упомянуто о нынешнем институте гражданского права – опеке. В летописи упоминалось о том, что Рюрик назначает опекуном сыну своих родственников. То есть после смерти родителей опекунами становились ближайшие родственники, которые занимали место умерших. Далее благодаря реформам Петра I и Екатерины II появились «надзиратели за опекунами» и критерии для лиц, которые желали стать опекунами. Так

продолжилось развитие института опеки и в послереволюционной России, где закреплялись права и обязанности, как опекунов, так и подопечным, их льготы и другое. По проекту Гражданского уложения 1904 года появлялся новый институт права – попечительство. Следующей стадией развития было соединение двух понятий «опеки» и «попечительство» [3]. Так это было отправной точкой к современному отечественному законодательству. При этом на данный момент понятие опеки и попечительство не совпадают, но охватываются единым назначением и поэтому подлежат правовому регулированию в рамках единого института, который традиционно носит название «опека и попечительство».

Значение указанного правового института сложно переоценить, ведь данный институт регулируется несколькими отраслями права. Так в институте опеки и попечительства переплетаются нормы, как гражданского, так и семейного права. Данный институт имеет свою актуальность, так как уделяет внимание на менее защищенные слои общества, которые не могут обеспечить самостоятельно достойный уровень жизни.

Так по статистическим данным Министерства Просвещения России на 01.01.2020 года состояло воспитанников 34 911, из этого числа под опеку было взято 5 214 детей, это почти 15 процентов. Так по сравнительно небольшой Костромской области на 01.01.2020 года было 194 детей оставшихся без попечения родителей. Из этого числа под предварительную опеку (попечительство) было взято 89 детей. А передано под опеку и попечительство 95 детей. То есть если сложить предварительную опеку и попечительство с опекой и попечительство переданных детей на постоянную основу, то получится, что 184 ребенка были отданы в семьи на воспитание (94 процента от общей суммы). Также можно сказать, что на 01.01.2021 года в Костромской области 567 семей, в которых имеется ребенок в опеке или попечении [2].

Понятия опеки представлено в статье 2 Федерального Закона «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 [4] (далее ФЗ «Об опеке и попечительстве»), опека – форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста четырнадцати лет несовершеннолетних граждан) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия.

Вышеуказанная статья отмечает, что попечительство – форма устройства несовершеннолетних граждан в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и граждан, ограниченных судом в дееспособности, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (попечители) обязаны оказывать несовершеннолетним подопечным содействие в осуществлении их прав и исполнении обязанностей, охранять несовершеннолетних подопечных от злоупотреблений со стороны третьих лиц, а также давать согласие совершеннолетним подопечным на совершение ими действий в соответствии со статьей 30 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Проводя анализ опеки и попечительства как института права, мы столкнулись с несколькими юридическими проблемами.

Одной из самых важных является проблема права наследование опекунами и попечителями за своими подопечными. Так главой 63 Гражданского Кодекса установлено наследование по закону, так ни опекун (попечитель), ни подопечный по закону не могут наследовать друг за другом. А наследовать могут только при осуществлении права на свободное завещание. Так если лицо, которое было взято под опеку с малолетнего возраста, имеющее хорошее отношение со своим опекуном, скоропостижно погибает и которое не успело осуществить свое право на свободное завещание, все его нажитое переходит по закону к его биологической семье.

Если рассматривать этот вопрос с самого начала, то можно начать с того, что близкие родственники имеют преимущественное право при установлении опеки и попечительства. На деле это происходит, таким образом, органы опеки и попечительства предлагают взять под опеку ребенка, оставшимся без попечения родителей, близким родственникам, но в силу каких-либо обстоятельств или просто плохого отношения они отказываются. Этот ребенок растет и становится взрослым человек, но при определенных обстоятельствах умирает. То по закону все имущество будут наследовать те родственники, которые отказались от его воспитания. Где же справедливость? Хотя в таком же случае для усыновителей и усыновленных, имеются гражданско-правовые нормы.

Так в этом случае положение может изменить внесения новой статьи в Федеральный закон «Об опеке и попечительстве». Смысл этой статьи должен заключаться в следующем. При отказе близких родственников от ребенка, оставшегося без попечения родителей, должен составляться какой-либо документ, который подтверждал этот отказ, а также включал в себя дальнейший отказ о принятии наследства по закону. Данная статья бы звучала следующим образом: «При отказе от преимущественного права установления опеки и попечительства над подопечным близкими родственниками составляется документ об этом отказе, в котором указывалась добровольность данного решения и последствия отказа. Последствия отказа заключаются в том, что помимо возможности взять несовершеннолетнего под опеку и попечительство, родственник лишается права наследовать и передавать наследство по закону лицу в пользу, которого был написан отказ от преимущественного права установления опеки и попечительства».

Также считаем, нужным предусмотреть права наследования за опекунами и попечителями подопечным и обратным, минуя права на завещание. Так, в Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» стоит включить статью о возможности по закону наследовать подопечному за опекунами и попечителями, а также опекунам и попечителям за своим подопечным. Данная статья должна звучать следующим образом: «Опекун (попечитель) и подопечный, при достижении возраста шестнадцати лет, с согласия органа опеки и попечительства могут составить документ о возможности наследования друг за другом законным способом, доля которых будет приравниваться как доля при наследовании родителя и ребенка, в соответствии со статьей закона».

Данные новеллы, на наш взгляд, позволят ввести новый подинститут гражданского права, который будет реализовывать права и законные интересы в первую очередь – подопечных и, конечно же, опекунов и попечителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2021).

2. *Салагаева Е. С.* История формирования правового института опеки и попечительства над несовершеннолетними. – URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 20.09.2021).

3. Сводные отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 103-рик по России в целом и субъектам Российской Федерации «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» за 2020 год. – URL: <https://edu.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

4. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 347.155.5

*Лебедева Яна Романовна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Lebedeva Yana Romanovna,
student, Kostroma State University, Kostroma*

ianalebedeva133@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОГРАНИЧЕННОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН

PROBLEMS OF PRACTICAL APPLICATION OF LEGISLATION ON THE LIMITED LEGAL CAPACITY OF CITIZENS

В настоящей статье выявляются и анализируются проблемы практического применения норм об ограниченной дееспособности граждан, а также аргументируется необходимость внесения поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации.

This article identifies and analyzes the problems of practical application of the norms on the limitation of the legal capacity of citizens, and also argues for the need to amend the Civil Code of the Russian Federation.

Дееспособность, ограниченная дееспособность, тяжелое материальное положение, члены семьи.

Legal capacity, limited legal capacity, difficult financial situation, family members.

В процессе развития общества в праве зарождались специальные гарантии прав граждан, поэтому в законодательствах различных государств содержатся специальные положения, которые ограничивают права и свободы человека и гражданина. Позиция Европейского суда основывается на том, что признать гражданина ограниченно дееспособным допустимо лишь в случае, если преследуется цель защиты прав и интересов как самого гражданина, так и его семьи. Конституция Российской Федерации в статье 55 предусматривает такое ограничение, но исключительно в рамках федеральных законов, в установленных законом случаях [1].

В статье 30 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится норма, которая гласит: «Гражданин, который вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством» [2].

Для удовлетворения судом заявления об ограничении гражданина в дееспособности, необходимо доказать не только его пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами, но и факт того, что данными действиями он ставит свою семью в тяжелое материальное положение. Понятие «тяжелое материальное положение» по своей природе является оценочным, в связи с чем, вопрос о том, как оценивать такое положение суду, является дискуссионным. Суд, исходя из каждой конкретной ситуации, основываясь на приведенных доказательствах и своем внутреннем убеждении очень часто отказывают в удовлетворении заявления именно вследствие недоказанности тяжелого материального положения семьи и причинно-следственной связи между действиями лица и тяжелым материальным положением его семьи.

Представляется, что тяжелое материальное положение предполагает низкий уровень имущественной обеспеченности, но в законодательстве не содержится единого перечня документов, которые бы подтверждали такое положение, вследствие чего порождается неясность в вопросе доказывания тяжелого материального положения семьи.

В связи с этим назревают следующие дискуссионные вопросы:

Во-первых, каким образом заявителю можно доказать свое тяжелое материальное положение, а также причинно-следственную связь между асоциальными действиями гражданина и тяжелым материальным положением;

Во-вторых, каким образом суду следует оценивать тяжелое материальное положение.

В большинстве случаев тяжелое материальное положение предполагает низкий уровень имущественной обеспеченности семьи этого гражданина, что затрудняет удовлетворение их минимальных потребностей. Как правило, о тяжелом материальном положении свидетельствуют документы, подтверждающие наличие или отсутствие у гражданина и его семьи доходов.

В качестве примера рассмотрим Решение Видновского городского суда № 2-314/2018 от 6 февраля 2018 г. ФИО-1 обратилась в суд с заявлением о признании ФИО-2 ограниченно дееспособным. Мотивировав это тем, что ее супруг «злоупотребляет спиртными напитками», в связи с чем был «уволен с последнего места работы». Периодически, на фоне алкоголизма «страдает психическими расстройствами», в связи с чем, «неоднократно вызывалась бригада скорой помощи, а также полиция». ФИО-2 получает пенсию, которую тратит не на нужды семьи, а на приобретение спиртных напитков. «Денег в дом не приносит», в связи с чем она испытывает значительные материальные затруднения. В качестве доказательств к материалам дела были приложены: медицинская карта с диагнозом «хронический алкоголизм», документы, подтверждающие обращение в правоохранительные органы, а также заслушаны показания свидетеля.

Суд отказал в ограничении гражданина в дееспособности, мотивировав решение тем, что предусмотренные ст. 8 Конвенции при признании его ограниченно дееспособным на основании имеющейся в материалах дела медицинских документов будут ограничены более значительно, чем это необходимо при данных обстоятельствах, установленных материалами дела.

При оценке материального положения семьи, существенных доказательств в деле, суд отдал приоритет интересам лица, в отношении которого ставился вопрос об ограничении лица в дееспособности. Таким образом, в данной судебной практике, мы можем наблюдать факт того, что доказать необходимость признания гражданина ограниченно дееспособным очень сложно. Поэтому уместно было бы предусмотреть в законе перечень документов, которые подтверждали бы тяжелое имущественное положение [3].

Решением данной проблемы может служить включение в Гражданский кодекс отдельного положения, содержащего перечень необходимых документов, подтверждающих тяжелое материальное положение семьи гражданина. В связи с чем предлагается дополнить статью 30 ГК РФ пунктом 4, который будет звучать следующим образом:

«Документы, подтверждающие тяжелое материальное положение:

- 1) Справка о составе семьи, наличии иных лиц, находящихся на иждивении лица;
- 2) Документы о доходах гражданина (справки о доходах и суммах налога физического лица; справки о заработной плате с места работы; справки о размере пенсии, сумме ежемесячной выплаты, ежемесячной денежной компенсации, ежемесячного дополнительного материального обеспечения);
- 3) Документы, подтверждающие нерациональное расходование денежных средств (чеки; расписки; договоры);
- 4) Документы подтверждающие расходы семьи (чеки; справки)».

Также для ограничения дееспособности гражданина истцу необходимо доказать причинно-следственную связь между действиями гражданина и тяжелым материальным положением его семьи. Так, в 2011 году Звенигородский городской суд Московской области отказал В. Н. Толкачевой в удовлетворении ее требований по признанию гражданина ограниченно дееспособным. Обоснованием решения суда послужил тот факт, что Толкачева не предоставила суду доказательства, что именно вследствие злоупотребления спиртными напитками ее сын ставит свою семью в тяжелое материальное положение [4].

В соответствии с п.1 ч.1 ст.134 ГПК РФ судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если заявление предъявлено в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица государственным органом, органом местного самоуправления, организацией или гражданином, которым не предоставлено такое право. В данном случае, возникает проблема определения лиц, правомочных подать заявление о признании гражданина ограниченно дееспособным. Согласно статье 281 ГПК РФ «Дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь», отсюда возникает вопрос, кого можно считать членом семьи гражданина.

Так, Е. Р. Нейбалов обратился в Черкесский городской суд с заявлением о признании его дяди Э. Х. Джандарова ограничено дееспособным. В обосновании своих доводов указав, что является родным племянником Джандарова. Так как, его дядя «состоит в Наркологическом диспансере в связи со злоупотреблением спиртными напитками и находясь под воздействием алкогольного опьянения не всегда осознает фактический характер своих действий, то может переоформить принадлежащую ему долю в квартире посторонним лицам». В связи с этим, чтобы защитить жилищные права своего дяди он обратился в суд с заявлением о признании Э. Х. Джандарова ограничено дееспособным. Суд отказал в удовлетворении требований, посчитав ходатайство прокурора о прекращении производства по делу подлежащим удовлетворению, в связи с тем, что Е. Р. Недбайлов не входит в число близких родственников Джандарова, поскольку является его родным племянником по линии отца, в связи с чем не является лицом наделенным правом обращения в суд с заявлением об ограничении дееспособности Э. Х. Джандарова [5].

Для того чтобы ответить на вопрос: «Кого считать членом семьи, для наделения его правом обращения в суд с заявлением об ограничении дееспособности», в данной курсовой работе в качестве примера была рассмотрена статья 2 Семейного кодекса РФ, которая закрепляет, что к членам семьи относятся: супруги, родители и дети (усыновители, усыновленные). Также статья 31 Жилищного кодекса РФ, которая гласит: «К членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника».

Мы полагаем, что для недопущения расхождений в судебной практике в вопросе определения лиц, наделенных правом подачи заявления об ограничении дееспособности гражданина, целесообразно было бы изложить часть 1 статьи 281 ГПК РФ в следующей редакции: «Дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи-супруга, родителей и детей (усыновителей и усыновленных), органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь».

В ходе анализа нормативно-правовых актов и судебной практики нами были выявлены следующие практические проблемы применения законодательства об ограничении дееспособности: оценочное по своей природе понятие «тяжелое материальное положение» оценивается судом исходя из конкретной ситуации, но, основываясь на внутреннем убеждении, суды могут по-разному оценить наличие тяжелого материального положения и причинно-следственную связь между действиями лица и тяжелым материальным положением его семьи. В связи с чем, в настоящей статье предложено дополнить статью 30 ГК РФ перечнем документов, подтверждающих тяжелое материальное положение семьи гражданина. Вторая проблема была выделена из статьи 281 ГПК РФ, которая говорит о том, что дело об ограничении дееспособности гражданина может быть возбуждено только на основании заявления членов его семьи, но в связи с отсутствием перечня членов семьи в правоприменительной практике возникают расхождения. Поэтому, взяв за основу определение членов семьи из других Нормативно-правовых актов, мы предлагаем внести изменения в статью 281 ГПК РФ, дополнив ее перечнем членов семьи гражданина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2021).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (от 30.11.1994 № 51-ФЗ по состоянию на 31.07.2020). – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

3. Решение Видновского городского суда (Московская область) № 2-314/2018 2-314/2018 (2-5096/2017;) ~ М-4922/2017 2-5096/2017 М-4922/2017 от 6 февраля 2018 г. по делу № 2-314/2018. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.09.2021).

4. Решение Звенигородского городского суда (Московская область) № 2-353/2011 от 11 октября 2011 г. по делу № 2-353/2011. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.09.2021).

5. Определение Черкесского городского суда (Карачаево-Черкесская Республика) от 9 июня 2011 г. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.09.2021).

Палюлина Ирина Александровна,
кандидат исторических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Palylina Irina Aleksandrovna,
candidate of historical sciences, associate professor,
Kostroma State University, Kostroma

palylina_ia@ksu.edu.ru

Григорьева Марина Александровна,
старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома

Grigorieva Marina Alexandrovna,
senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma

m_grigoreva@ksu.edu.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В ПРАВЕ РОССИИ

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF AN INDIVIDUAL IN THE LAW OF RUSSIA

В статье рассматривается история возникновения и развития института несостоятельности (банкротства) физического лица в России. Авторы на основе норм памятников права и норм современного законодательства обосновывают гуманистическую направленность института несостоятельности физического лица в праве России.

The article examines the history of the emergence and development of the institution of insolvency (bankruptcy) of an individual in Russia. The authors, based on the norms of the monuments of law and the norms of modern legislation, substantiate the humanistic orientation of the institution of insolvency of an individual in the law of Russia.

Несостоятельность, банкротство, физическое лицо, должник, кредитор, суд.

Insolvency, bankruptcy, individual, debtor, creditor, court.

Современное состояние отношений несостоятельности (банкротства) физического лица характеризует рост числа личных банкротств. Согласно сведениям, опубликованным на портале Федресурс, количество граждан, признан-

ных банкротами, включая индивидуальных предпринимателей, в январе – сентябре 2021 года составило 137 485, что 1,8 раз больше, чем за 9 мес. 2020 года, тогда как в январе – сентябре 2020 года рост был в 1,6 раз к такому же периоду 2019 года. Кроме того, набирает обороты применение внесудебных банкротств: с 1 сентября 2020 по 30 сентября 2021 года многофункциональные центры (МФЦ) опубликовали сообщения о 5120 возбужденных процедурах внесудебного банкротства граждан [1].

Рост заявлений о банкротстве демонстрирует, что граждане обращаются к этой процедуре как к возможности освобождения от долгов и законному способу урегулирования задолженности, что позволяет говорить о гуманности данной процедуры.

Истоки конкурсного процесса в отношении физических лиц уходят корнями римское право. Однако конкурсный процесс носил в то время личностный характер, предусматривающий переход должника в личную зависимость от кредитора, включая предоставление кредитору права распоряжаться жизнью должника.

Российская система норм о банкротстве физических лиц представляется более гуманной, лояльной к должнику и появляется еще в законодательстве Древней Руси. Уже в Пространной редакции Русской Правды отмечается, что банкротство и последующая утрата купцом взятых в долг денег не влечет за собой уголовной ответственности. За купцом сохраняется право возможность восполнить утраченное, и в рассрочку выплатить долг, что выглядит как весьма прогрессивная норма для того времени. Однако подобная возможность не распространяется на купца, утратившего капитал в результате пьянства и других предосудительных действий. Судьба такого купца в этом случае зависит от кредиторов, которые могут получить возмещение также в рассрочку или потребовать возмещения ущерба путем продажи имущества и его самого в холопы [2]. Таким образом, Русская Правда отдает приоритет материальному возмещению причиненных купцом убытков, т. е. принцип имущественной ответственности и использует принцип личной ответственности лишь при наличии в поведении должника отягчающих обстоятельств.

Нормы о несостоятельности, содержащиеся в Соборном Уложении 1649 года также акцентируют внимание на возможности взыскания долга и предоставлении должнику отсрочки в выплате: «таким должником во всяких долгах давати сроку по рассмотренью на год и на два или на три, а больши трех лет в таких долгах сроку не давати» (гл. X. ст. 203) [3]. В указанном нормативном акте мы также видим перечень оснований, при котором должник может претендовать на предоставление отсрочки: «... заплатит будет ему того долгу вскоре не мощно, потому что он в убожество впал и изволением божиим от огненаго запаления, или животы его какими мерами потонули, или его розбойники, или тати, или иные какие лихие, или воинския люди разорили, и животы его розграбили...» [3].

Таким образом, Соборное Уложение рассматривало банкротство как исключительный случай. Однако законодательный подход к лицам, несостоя-

тельность которых возникла по их вине, был значительно жестче: «206. А будет кто у кого возмет денег в займы, или чего нибудь для торговли, и тот долг истеряет своим безумием, пропьет, или проворует каким нибудь обычаем, а сыщется про то допряма, а окупится ему будет нечем, и его отдати исцу головою до искупу же» [3]. Следует акцентировать внимание на необходимость доказательства злонамеренности утраты имущества: «сыщется про то допряма». Но и в указанном случае должник имеет возможность выплатить долг до того, как будет отдан «исцу головою до искупу же» [3].

В дальнейшем мы видим некоторое ужесточение регулирования личного банкротства и формирование отношения к нему как чему-то позорному. Банкрота приравнивали к вору и подвергали уголовному преследованию, исключали из сообществ (гильдий). Подобный подход направлен на формирование негативного отношения к банкротам, формирование о них представления как об изгоях. Так Устав Благочиния или Полицейский от 8 апреля 1782 г. содержал следующие нормы:

Статья 231: «Подтверждается запрещение учинить уголовное преследование противу общей народной торговли: как то ...

3) неоплаченный долг или банкрот ...» [4].

Статья 273: «Буде кто учинит неоплаченный долг или банкрот, того имать под стражу и отослать к суду ...» [4].

Подобное отношение прослеживается и в «Жалованной грамоте городам» предписывающей: «Буде кто записавшийся по капиталу в гильдии гильдии учинится банкрот его виною, то банкрота выключить из гильдии».

Приведенные нормы о банкротстве направлены, как нам видится, на защиту кредитора путем воздействия на должника.

А вот такой нормативный акт как Устав вексельный содержит уже гражданско-правовые нормы, направленные на защиту прав кредиторов несостоятельного должника. Так статья 20 Устава вексельного «О банкротах», о которых до срока «уведано будет» гласит: «Когда приниматель векселя по слуху в народе банкротом учинился (т. е. в неисправну и убожество впал) и за тем от биржи или публичного места, где торговые люди сходятся, отлучается, то может подаватель через публичного нотариуса, а где оно нет, то в таможенном суде просить и взять от него добрых порук, хотя срок того векселя и не пришел; а ежели в поруках откажет, то надлежит за тем протестовать в недаче порук и послать оный протест к предводителю» [4].

На рубеже XVIII–XIX веков в России была принята целая система отдельных нормативных актов о банкротстве, которые образовали прообраз современного конкурсного права. Принятие отдельных нормативных актов характеризует не только обособление норм конкурсного права, но и подчеркивает его значимость в хозяйственном обороте. Вехами развития конкурсного права явились: «Банкротский Устав» от 15 декабря 1740 г., «Устав о банкротах» от 19 декабря 1800 г., «Устав о торговой несостоятельности» от 23 июня 1832 г.

«Устав о банкротах» от 15 декабря 1740 г. [5] следует охарактеризовать как прогрессивный за счет выделения отсутствия у должника имущества в ка-

честве основного критерия несостоятельности. Вместе с тем данный документ поддерживает сохранявшуюся уже к тому времени несколько столетий дифференциацию причин, приведших к несостоятельности должника, и разграничивает виновное и невиновное банкротство человека.

Как мы видим, подход разграничения ответственности должника по критерию создания условий для своего банкротства сохранился. Дополнительно сформировался подход разграничения банкротства лиц различных социальных групп. Так «Устав о банкротах» 1800 года состоял из двух частей: «Для купцов и другого звания торговых людей, имеющих право обязываться векселями» и «Для дворян и чиновников» и выделял в несостоятельности три разновидности в зависимости от вины должника: несчастную, неосторожную злостную [6]. Подобное деление представляет собой значительный шаг к дифференциации ответственности, от которой отказалось современное конкурсное законодательство.

Кроме того, сформировались процессуальные нормы конкурсного процесса, поскольку Устав о банкротах содержал положения о порядке признания недействительными некоторых сделок, совершенных банкротом, устанавливал последствия несостоятельности, состоявшие в лишении банкрота большинства прав.

Устав о банкротах 1832 года подтвердил дифференциацию виновной и невиновной несостоятельности, ввел понятие несостоятельность торговая, выделил несчастную несостоятельность и как дополнительную причину, приведшую к ней, обозначил «нечаянный упадок должников». Кроме того, документ выделил несостоятельность подложную (прообраз современного фиктивного банкротства). Устав о банкротах 1832 года предписывал объявить о несостоятельности на бирже, в Ведомостях обеих столиц, на Сенатских объявлениях. Должники поражались в праве совершать сделки с имуществом [7]. Устав о банкротах просуществовал вплоть до 1917 года.

После революции 1917 года из российского (советского) права исчезло и понятие несостоятельности, чему послужил отказ от частной собственности и предпринимательской деятельности. Однако в период НЭПа судам приходилось рассматривать иски, связанные с несостоятельностью должников, пользуясь при этом нормами 1832 года. Поскольку законодательство Российской Империи не могло быть положено в основу разрешения споров в новой эпохе развития государства, в ряд статей Гражданского кодекса 1922 года о залоге, поручительстве, займе было введено понятие несостоятельности, но отсутствие механизма применения данных норм не дало никакого положительного результата.

28 ноября 1927 года Декретом ВЦИК и СНК РСФСР Гражданский процессуальный кодекс был дополнен главой 27 «О несостоятельности частных лиц физических и юридических» [8].

События 1991 года, обусловившие переход страны в условия рыночной экономики и интенсивное развитие предпринимательской деятельности потребовали принятия законодательной базы, защищающей интересы участников

экономического оборота от последствий систематического неисполнения недобросовестной стороной принятых на себя обязательств.

Основной целью возрожденного в 1992 году в российском праве института банкротства явилось исключение из гражданского оборота неплатежеспособных субъектов, задерживающих развитие рыночных отношений и стимулирующих рост неплатежей.

Законодательство о несостоятельности физических лиц в современной Российской Федерации не сразу закрепило возможность несостоятельности физических лиц, ограничиваясь лишь банкротством предприятий. В первом в праве современной России законе о несостоятельности (банкротстве) – Законе РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 19.11.1992 № 3929-1 – отсутствовали нормы, предусматривающие банкротство физических лиц. Гражданин мог участвовать в конкурсном процессе исключительно в рамках банкротства предприятий.

Система норм о банкротстве физического лица впервые включена в главу IX Федерального закона от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Законодательные положения на наш взгляд представлялись приближенными к нормам о банкротстве юридических лиц и были направлены преимущественно на погашение задолженности. Кроме того, в законе принята попытка разграничить нормы о несостоятельности лиц-предпринимателей и лиц, не являющихся предпринимателями. Однако до внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, данные нормы применению не подлежали и так и не были применены.

Действующий на сегодняшний день Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ также имеет в своем содержании нормы, регулирующие отношения несостоятельности физических лиц. Нормы главы X Банкротство гражданина неоднократно дорабатывались и сейчас являются универсальными для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и лиц, не являющихся предпринимателями, а также фермеров.

Последствия признания лица банкротом сосредоточены исключительно в плоскости имущественных отношений. Востребованность банкротства доказана приведенной выше статистикой. Особо хочется отметить введение внесудебного банкротства гражданина как значительный шаг в сторону гуманизации законодательства, регулирующего отношения несостоятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. – URL: <https://fedresurs.ru/news/a0f63046-bc8e-4f8b-9ac5-1c970748d291> (дата обращения: 10.09.2021).

2. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. – М. : Юридическая литература, 1984. – 430 с.

3. Соборное уложение 1649 г. – URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/SUglavaX> (дата обращения: 10.09.2021).

4. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 6. – М. : Юридическая литература, 1986. – 432 с.

5. Устав о банкротах от 15 декабря 1740 г. – URL: <https://bankruptclub.ru/2019/12/20/1740ustav/> (дата обращения: 10.09.2021).

6. Устав о банкротах от 19 декабря 1800 г. – URL: <https://bankruptclub.ru/2019/12/20/1740ustav/> (дата обращения: 10.10.2021 г.).

7. Устав о торговой несостоятельности от 23 июня 1832 г. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004873290?page=10&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.09.2021).

8. Телюкина М. В. Развитие законодательства о несостоятельности и банкротстве // Юрист. – 1997. – № 11. – С 19–22.

УДК 34:347.34

*Панфилова Анастасия Сергеевна,
студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

*Panfilova Anastasia Sergeevna,
student, Kostroma State University, Kostroma*

anastasia.sergeevna23@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ, ПРИЧИНЕННОГО НЕНАДЛЕЖАЩИМ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

ACTUAL PROBLEMS OF COMPENSATION FOR HARM TO LIFE AND HEALTH CAUSED BY IMPROPER PROVISION OF MEDICAL SERVICES

Статья посвящена актуальным проблемам возмещения вреда жизни и здоровью, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг, в том числе проблеме отсутствия легального понятия вреда, причиненного жизни и здоровью при оказании медицинских услуг.

The article deals with the actual problem of the absence of a legal concept of harm caused to life and health in the provision of medical services, as well as the problem of compensation for harm to life and health caused by improper provision of medical services.

Возмещение вреда жизни и здоровью, оказание медицинских услуг, неимущественные права.

Compensation for harm to life and health, provision of medical services, non-property rights.

В соответствии со ст. 3 Всеобщей декларации прав человека [1] и статьей 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах к числу наиболее значимых человеческих ценностей относятся жизнь и здоровье, их защита должна быть приоритетной [2].

Российская Федерация в соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека [3]. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита таких личных неимущественных благ, как жизнь и здоровье – обязанность государства, поскольку занимают особое место в иерархии ценностей. Следовательно, можно сказать о том, что гражданско-правовая ответственность за причинение вреда жизни и здоровью в современном обществе играет важную роль, поскольку здоровье – это главная ценность жизни человека.

Одной из важнейших проблем правового регулирования в данной сфере является отсутствие закрепления легального определения такого фундаментального для указанной темы понятия, как вред, причиненный при оказании медицинских услуг.

Гражданскими юристами сформулированы различные определения понятия «вред». Так, по мнению К.Б. Ярошенко, понятие «вред» используется в ГК РФ в значении «последствия нарушения имущественных прав граждан и юридических лиц, а также неимущественных прав граждан» [4]. В. В. Витрянский считает, что под вредом следует понимать негативные последствия в имущественной сфере лица, чьи права нарушены [5].

Вместе с тем не меньшее число сторонников имеет и воззрение на понятие вреда как на умаление имущественных или неимущественных благ. Так, В. А. Белов определяет вред как «всякое умаление имущественного, либо неимущественного субъективного гражданского (частного) права, а также любого неимущественного блага определенного лица» [6]. М. М. Агарков определял вред как «всякое умаление того или иного личного или имущественного блага» [7].

Решением исследуемой проблемы может стать закрепление определения понятия «вред, причиненный жизни и здоровью при оказании медицинских услуг» в п.24 ст.2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8] в следующей редакции:

«24) вред, причиненный жизни и здоровью при оказании медицинских услуг – это последствия нарушения имущественных и (или) неимущественных прав гражданина при оказании медицинских услуг».

Второй, не менее важной, но при этом дискуссионной проблемой выступает вопрос, касающийся ответственности субъектов, которые осуществляют медицинскую деятельность на платной основе, а именно то, что закон возлагает полную гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью гражданину-пациенту какими-либо неграмотными действиями ме-

дицинского работника, не на него самого, а на медицинскую организацию, в которой он осуществляет свою трудовую деятельность, и ответчиком по иску о возмещении вреда будет являться не медицинский работник, который допустил ошибку, а медицинская организация, в которой он осуществляет свою медицинскую практику. А. О. Сухина объясняет данную ситуацию тем, что договор о предоставлении платных медицинских услуг заключается между медицинской организацией и пациентом, а не между пациентом и медицинским работником, который непосредственно данные медицинские услуги предоставляет [9].

Согласно п. 1 ст. 1081 Гражданского кодекса РФ лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

В соответствии с ч. 1 и ч. 2 ст. 238 Трудового кодекса РФ работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб. Под прямым действительным ущербом понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества (в том числе имущества третьих лиц, находящегося у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества), а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам.

Основным видом материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю, является ограниченная материальная ответственность (ст. 241 Трудового кодекса РФ). Она заключается в обязанности работника возместить причиненный работодателю прямой действительный ущерб, но не свыше установленного законом максимального предела, определяемого в соотношении с размером получаемой им заработной платы. Таким максимальным пределом является средний месячный заработок работника. Правило об ограниченной материальной ответственности работника в пределах его среднего месячного заработка применяется во всех случаях, кроме тех, в отношении которых Трудовым кодексом Российской Федерации или иным федеральным законом прямо установлена более высокая материальная ответственность работника, в частности полная материальная ответственность.

В итоге недобросовестный медицинский работник, причинивший вред своему пациенту, остается практически безнаказанным. Суды взыскивают с работников медицинских организаций сумму причиненного ущерба в порядке регресса в размере его среднего месячного заработка. В обоснование вышеуказанного, можно привести решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда № 2-2796/2017 2-2796/2017~М-2798/2017 М-2798/2017 от 1 ноября 2017 г. по делу № 2-2796/2017 [10].

Проанализировав теоретические аспекты данной проблемы, а также судебную практику, можно сделать вывод о том, что ответственность, в том числе бремя по возмещению ущерба пострадавшему, практически полностью возлагается на учреждение, осуществляющее медицинскую деятельность. Представляется, что данный подход не соответствует принципу справедливости, в связи с чем предлагается расширить перечень случаев возложения на работника полной материальной ответственности, внести изменения в статью 243 Трудового кодекса Российской Федерации, дополнив часть первую данной статьи пунктом 9:

«9) неосторожного причинения ущерба пациенту при оказании медицинских услуг ненадлежащего качества».

Совершенствование института возмещения вреда при оказании медицинских услуг и повышения его эффективности позволит повысить качество услуг системы здравоохранения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2021).

4. *Ярошенко К. Б.* Понятие и состав вреда в деликтных обязательствах // Проблемы современного гражданского права : сб. ст. – М. : Городец, 2000. – С. 328–341.

5. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Кн. 1: Общие положения. – М. : Статут, 2005. – 840 с.

6. *Белов В. А.* Гражданское право: Общая часть : учебник. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 637 с.

7. *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. – М. : Юриздат, 1940. – 192 с.

8. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

9. *Сухинина А. О.* Возмещение вреда здоровью при оказании медицинских услуг // Аллея науки. – 2019. – № 12. – С. 559–563.

10. Решение Ворошиловского районного суда г. Волгограда № 2-2796/2017 2- 2796/2017~М-2798/2017 М-2798/2017 от 1 ноября 2017 г. по делу № 2-2796/2017. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

Родионов Александр Сергеевич,
*магистрант, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

Rodionov Alexander Sergeevich,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

greenbor94@yandex.ru

Бриль Геннадий Геннадьевич,
*доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственной университет, г. Кострома*

Brill Gennady Gennadyevich,
doctor of law, Professor, Kostroma State University, Kostroma

g_bril@ksu.edu.ru

**ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ ПЛАТЫ
ЗА ПОСТАВЛЕННУЮ ТЕПЛОВУЮ ЭНЕРГИЮ
ВВИДУ НИЗКОЙ ПЛАТЕЖНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
ТЕПЛОВОЙ ЭНЕРГИИ**

**PROBLEMS OF COLLECTING PAYMENT FOR THE DELIVERED
THERMAL ENERGY DUE TO THE LOW PAYMENT DISCIPLINE
OF CONSUMERS OF THERMAL ENERGY**

В статье рассматриваются особенности законодательства Российской Федерации, регулирующие особенности взыскания дебиторской задолженности за поставленную тепловую энергию как с ее конечных потребителей, так и лиц, осуществляющих управление многоквартирными домами. Проводится анализ положения действующего законодательства в части размера неустойки, установленной ч. ч. 9.1–9.4 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении», за несвоевременно и (или) неполностью оплаченные коммунальные ресурсы, а также предлагается путь к усилению платежной дисциплины.

The article considers the peculiarities of the legislation of the Russian Federation regulating the peculiarities of collecting receivables for delivered thermal energy from both its end users and persons managing apartment buildings. The article analyzes the provisions of the current legislation in terms of the amount of the penalty established by Parts 9.1–9.4 of Article 15 of the Federal Law of July 27, 2010 № 190-FZ “On heat supply” for untimely and (or) incompletely paid utility resources, and also suggests a way to strengthen payment discipline.

Неустойка, ресурсоснабжающие организации, платежная дисциплина, жилищное право, убытки.

Penalty, resource-supplying organizations, payment discipline, housing law, losses.

В современных реалиях рынка жилищно-коммунальных услуг платежная дисциплина, как конечных потребителей тепловой энергии (физические и юридические лица), так и лиц, опосредующих предоставление коммунальных ресурсов (управляющие организации, товарищества собственников жилья и пр.) ежегодно снижается, а следовательно, собираемость платы ресурсоснабжающими организациями едва ли составляет больше 60 % от стоимости поставленных ресурсов.

Учитывая начало в 2020 г. пандемии COVID-19 и последовавшее за этим изменение и дополнение законодательства, в частности принятие и вступление в законную силу Постановления Правительства РФ № 424 от 02.04.2020 г. [5], нацеленное на уменьшение бремени расходов населения Российской Федерации, в сложившейся ситуации, еще больше усилило веру потребителей тепловой энергии в их безнаказанности в случае несвоевременной и (или) не полной оплаты коммунальных услуг.

Так, положениями п. п. 3–4 Постановления Правительства РФ № 424 [5] установлен мораторий на взыскание неустойки (штрафа, пени) в случае несвоевременной и (или) не полной оплаты коммунальных услуг с лиц, осуществляющих управление многоквартирными домами, так и с собственников помещений в соответствующих домах.

Согласно выводам, содержащимся в п. 7 Обзора судебной практики по спорам с участием управляющих компаний Арбитражного суда Московского округа [3], отражающим выводы Постановления Арбитражного суда Московского округа от 16 мая 2016 по делу № А40-196282/2014 [4], Обязательства управляющей организации перед ресурсоснабжающей организацией не могут быть больше, чем обязательства собственников и пользователей помещений многоквартирного жилого дома перед управляющей организацией по расчетам за поставленный ресурс.

К сожалению, даже сейчас, после окончания названного выше моратория, позиция судов в отношении взыскания неустойки за период с 06.04.2020 г. по 31.12.2020 г. различна. Так, Решением Арбитражного суда Ярославской области от 30.08.2021 г. по делу № А82-2754/2021 [6] ресурсоснабжающей организации было отказано во взыскании неустойки за данный период.

По смыслу положений ст. 329 ГК РФ [2], находящих свое отражение в актах судов высших инстанций (Арбитражных судов округов, Верховного суда РФ), неустойка (пени) рассматривается гражданским законодательством в виде способа обеспечения исполнения договорных обязательств в установленные соответствующими договорами, либо законами сроки, а также в виде меры

имущественной ответственности, наступающей при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства перед кредитором.

Частью 9.3 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» [8], как одно из условий договора теплоснабжения, предусматривается размер законной неустойки (пени) предъявления управляющей организацией несвоевременно или неполностью оплатившим стоимость теплоносителя, проданного ресурсоснабжающей организацией в целях предоставления коммунальных услуг по водоснабжению и теплоснабжению. Данная неустойка (пени) представлена в виде градации ее размера соответственно дням просрочки оплаты коммунального ресурса (1/300, 1/170, 1/130). Кроме того, в названной выше норме указывается, что размер неустойки вычисляется с применением ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации.

Однако практика показывает, что данный размер неустойки (пени) не стимулирует управляющие организации оплачивать своевременно и в полном объеме полученные коммунальные ресурсы.

До вступления Федерального закона № 190-ФЗ «О теплоснабжении» [8] в сфере теплоснабжения существовала практика, согласно которой в договоре ресурсоснабжения неустойка, за нарушение обязательств по оплате поставленной тепловой энергии принималась равной 0,1 % от суммы задолженности за каждый день просрочки оплаты. Данная величина неустойки в ретроспективном взгляде соответствовала и по настоящее время соответствует обычаям делового оборота и признается судами различных инстанций соразмерной нарушенному обязательству.

Учитывая, что процент «собираемости» управляющими организациями оплаты за коммунальные услуги с их конечных потребителей стремится к величине, равной 95 %, недоплата за коммунальные услуги управляющими организациями приблизительно равняется 35–40 %, что непосредственно составляет убытки ресурсоснабжающих организаций.

Указанные выше статистические данные показывают, что фактически управляющим организациям проще и дешевле противоправно пользоваться денежными средствами ресурсоснабжающих организаций, нежели взять банковский кредит на покрытие каких-либо убытков, возникших в ходе осуществления своей деятельности.

Федеральным законом от 03.04.2018 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации» [7] Жилищный кодекс РФ был дополнен ст. 157.2, которой устанавливается право собственников и пользователей помещений в многоквартирном доме на принятие решения о заключении прямых договоров с ресурсоснабжающими организациями, региональным оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами.

Кроме того, ч. 2 ст. 157.2 ЖК РФ [1] устанавливает право ресурсоснабжающих организаций в одностороннем порядке отказаться от исполнения до-

говора ресурсоснабжения, заключенного с управляющей организацией, в случае наличия задолженности последней в размере равном или превышающем две среднемесячные величины обязательств по оплате по договору ресурсоснабжения.

Путем принятия, названного выше решения «устраняется» посредник, в виде управляющей организации, товарищества собственников жилья и пр. между конечными потребителями тепловой энергии и ресурсоснабжающими организациями,

Однако реализация, указанной выше нормы показывает, что расходы ресурсоснабжающих организаций увеличиваются пропорционально заключенным договорам на ведение расчетно-кассового обслуживания, а также на увеличение штата сотрудников, необходимых для взыскания задолженности в то время как «собираемость» платы увеличивается незначительно.

Низкая «собираемость» платы за поставленные коммунальные ресурсы ведет к возникновению кредиторской задолженности у самих ресурсоснабжающих организаций перед поставщиками электроэнергии, газа и холодной воды, что в свою очередь может вылиться в нарушение прав и законных интересов неограниченного круга лиц, ввиду возможного ограничения поставки ресурсов, необходимых для осуществления деятельности РСО.

Решение проблемы, связанной с низкой платежной дисциплиной, видится таким, при котором будут внесены изменения в ч. ч. 9.1–9.4 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» [8], в соответствии с которым размер неустойки за несвоевременную и (или) неполную оплату тепловой энергии будет отвязан от величины ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации увеличен до размера равного, например, 0,1 % от суммы задолженности за каждый день просрочки оплаты, как для потребителей коммунальных ресурсов, так и для организаций осуществляющих управление многоквартирными домами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ : по состоянию на 04.09.2021. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : по состоянию на 04.09.2021. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

3. Обзор судебной практики по спорам с участием управляющих компаний Арбитражного суда Московского округа 2018 г. : по состоянию на 04.09.2021. – URL: https://fasmo.arbitr.ru/files/pdf/uk_prezidium_2018_06_15.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 мая 2016 по делу №А40-196282/2014 : по состоянию на 04.09.2021. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

5. Постановление Правительства РФ № 424 от 02.04.2020 г. : по состоянию на 04.09.2021. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

6. Решение Арбитражного суда Ярославской области от 30.08.2021 г. по делу № А82-2754/2021 : по состоянию на 04.09.2021. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

7. Федеральный закон от 03.04.2018 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 04.09.2021. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

8. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении» : по состоянию на 04.09.2021. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

СЕКЦИЯ 4

ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.24

*Баскакова Полина Владимировна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Baskakova Polina Vladimirovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

polinahitrina@yandex.ru

*Спивак Светлана Геннадьевна,
Кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Spivak Svetlana Gennadyevna,
candidate of legal sciences, associate professor,
Kostroma State University, Kostroma*

svetlana.spivak.44@yandex.ru

ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ И ЖЕНЩИНАМ, ИМЕЮЩИМ РЕБЕНКА В ВОЗРАСТЕ ДО ЧЕТЫРНАДЦАТИ ЛЕТ

POSTPONEMENT OF SERVING SENTENCES FOR PREGNANT WOMEN AND WOMEN WITH SMALL CHILDREN

В статье анализируется вопрос, связанный с отсрочкой наказания беременным женщинам и женщинам, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет. Изучается вопрос улучшения и усиления контроля за данной категорией лиц.

This article analyzes the issue related to the postponement of punishment for pregnant women and women with children under the age of fourteen. The issue of improving and strengthening control over this category of persons is being studied.

Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам, контроль, малолетние дети, институт семьи.

Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет один из институтов, направленный на реализацию конституционного принципа гуманизма. В данном случае осужденная женщина освобождается от наказания для того, чтобы обеспечить благоприятные условия для воспитания ребенка. Государство здесь стремится поддержать и сохранить институт семьи, предупредить возможные неблагоприятные условия воспитания ребенка.

Институт отсрочки отбывания наказания начинает свое исчисление с 1992 года, когда впервые законодательно вводится отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. С принятием в 1996 года нового УК РФ, применение данной отсрочки было расширено, увеличился возраст детей с трех до восьми лет к женщинам, в отношении которых применялась отсрочка наказания. После принятия изменений в УК РФ в 2001 году этот возраст был увеличен до четырнадцати лет.

Одной из главных проблем при установлении отсрочки наказания является осуществление контроля за данной категорией лиц. В настоящее время на основании Приказа Минюста РФ от 20 мая 2009 г. №142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» контроль за лицами, которым применена отсрочка наказания, осуществляет уголовно-исполнительная инспекция. Ввиду того что отсрочка наказания, которая предоставляется беременным женщинам, связана, в первую очередь, с воспитанием ребенка, мы считаем, что необходимо установить на законодательном уровне контроль также со стороны органов опеки и попечительства. Такое усиление контроля позволит, эффективней выявлять случаи, когда мать не дает полноценного воспитания ребенка и продолжает вести асоциальный образ жизни, а ребенок сталкивается с плохими условиями развития, отсутствием заботы со стороны матери, возможной агрессией.

Применяя отсрочку наказания, государство стремится к тому, чтобы ребенок рос и развивался в благоприятных условиях, не связанных с преступной и криминальной жизнью, однако необходимо понимать, что ввиду того что женщина, которой необходимо заниматься воспитанием ребенка, до его рождения вела преступный образ жизни, есть риск, что после освобождения от наказания она будет дальше продолжать привычную асоциальную жизнь. Такой фактор может негативно повлиять на взросление ребенка, развитие его как личности, на его социализацию в обществе и психическое состояние. Во избежание данных ситуаций, необходимо увеличение контроля. Введение функции по контролю на органы опеки и попечительства позволит максимально уменьшить риск взросления психически и эмоционально нездорового ребенка.

В настоящее время законодательно не установлены какие-либо обязанности в отношении женщины, которой по решению суда была применена отсрочка наказания. По факту, главной задачей на протяжении всего периода отсрочки, является должное воспитание ребенка и обеспечение благоприятных условий для его проживания. На наш взгляд, этого не вполне достаточно для эффективного контроля за осужденными. Для законопослушных граждан воспитание детей, обеспечение им надлежащих условий развития является проявление родительской любви по отношению к своим детям, а поскольку в некоторых случаях осужденные родители используют детей для продолжения противоправного, аморального образа жизни на свободе, предоставление суду права возлагать на осужденных дополнительные обязанности, видится нам необходимым.

В данном случае можно опереться на обязанности, которые уже существуют в уголовной практике. В настоящее время осужденным, которым применена отсрочка наказания, проверяют только по месту жительства, однако для проведения профилактической работы, на наш взгляд, необходимо установить такую обязанность, как являться в уголовно-исполнительную инспекцию, как на первоначальную регистрацию после вынесения судом постановления об отсрочке [1].

Следующая немаловажная обязанность – это трудоустройство. Исходя из исследований большинство женщин, которым применена отсрочка наказания, до рождения ребенка вели асоциальный образ жизни и условия проживания не соответствуют благополучному развитию ребенка, поэтому такой социальный фактор как трудоустройство осужденных в период отсрочки представляется необходимым и влияет как на исправление осужденных, так и предупреждение совершения повторных преступлений.

Наконец, еще одной важной, с точки зрения социальности, является такая обязанность как получение психологической помощи. Прохождение курса психотерапии может лучшим образом повлиять на осужденных женщин, оказать помощь в избавлении от преступного мира и выйти на путь счастливой семьи.

Мы считаем, что предоставление суду права возлагать на осужденных дополнительные обязанности должно повысить эффективность отсрочки. В данном случае осужденные должны понимать и принимать ответственность за совершенное преступление, так как некоторые осужденные считают, что их освободили от наказания, а значит «они никому ничего не должны».

В данном случае так же следует отметить, что суду при решении вопроса о применении отсрочки наказания справедливо было бы обращать внимание на социальные факторы в частности: имеются ли благоприятные условия для проживания ребенка, материальное и социальное положение осужденного, признание осужденным вины [2].

Таким образом, уголовное законодательство при применении отсрочки отбывания наказания преследует цель нормального развития и воспитания ребенка. Усиление контроля со стороны государства за данной категорией лиц, позволит снизить риск преступности в обществе, а также улучшить развитие института семьи, материнства и детства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белюкова Т. И. Понятие и значение отсрочки отбывания наказания беременной женщине и лицам, имеющим малолетних детей // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 1. – С. 46–49.

2. Копылова О. А., Медведева С. В. Отсрочка отбывания наказания (статья 82 УК РФ): особенности правоприменения // Право: история и современность. – 2019. – № 4 (9). – С. 50–57.

УДК 347

*Безвух Анастасия Владимировна,
магистрант, Костромской государственный университет, г. Кострома*

*Bezvukh Anastasia Vladimirovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

Anastacu9@gmail.com

МОДЕРНИЗАЦИЯ РАБОТЫ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

JUDICIAL REFORM OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

В статье рассматривается исследование проблем в работе судов общей юрисдикции, связанных с несовершенством системы электронного правосудия. Автором проанализирована программа развития судебной системы России на 2013–2024 годы, выявлены имеющиеся на данном этапе развития судебной системы нашей страны проблемы, препятствующие полноценному, оперативному и эффективному функционированию судов общей юрисдикции, предложены варианты решения данных проблем.

The article is devoted to the study of problems in the work of courts of general jurisdiction. The author analyzed the development program of the judicial system of Russia for 2013–2024, identified problems at this stage of development of the judicial system that hinder the full, operational and effective functioning of courts of general jurisdiction, suggested solutions to these problems.

Электронный документооборот, судебная система, программа развития, суды общей юрисдикции, система подачи документов «Мой арбитр», видео-конференц-связь.

Electronic document management, judicial system, development program, courts of general jurisdiction, “My arbiter” document filing system, videoconferencing.

Развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к судебной системе. Анализ деятельности судов общей юрисдикции в Российской Федерации позволяет сделать вывод

о том, что в работе судебной системы нашей страны имеются определенные пробелы, заполнив которые можно улучшить качественные и количественные показатели судебной деятельности.

В настоящее время действует утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 года № 1406 федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы». Данная Программа направлена, в том числе, на повышение качества осуществления правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, обеспечение открытости и доступности правосудия.

Реализация мероприятий Программы по созданию мобильного, электронного правосудия, правосудия, внедрению программных средств аналитического обеспечения деятельности и осуществлению сканирования всех поступающих в суды документов, а также формирование электронных дел и формирование электронного архива судебных дел позволят обеспечить доступ граждан к правосудию, качественную и эффективную работу судов.

По прошествии немалого времени со старта Программы следует отметить, что определенные шаги в указанном направлении достигли своих целей. В частности, в целях повышения уровня доверия граждан к судам была введена автоматизированная система распределения дел, которая обеспечила назначение судей на дела случайным образом. С 1 января 2017 года появилась возможность подавать документы в суды общей юрисдикции в электронной форме.

Вместе с тем одним из важнейших, на наш взгляд, пробелов, который негативно отражается на всей судебной системе, прямым образом влияет на загруженность судей, аппарата суда, скорость рассмотрения дел, на качество рассмотрения споров, был и остается недостаточно высокий уровень развития электронного правосудия непосредственно в судах общей юрисдикции.

Статьей 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации установлено право лица, участвующего в деле, на ознакомление с материалами дела.

Реализация данного права участниками процесса, как правило, происходит посредством посещения здания суда, изучения материалов дела на бумажном носителе, с обязательным присутствием при этой процедуре работника аппарата суда. Такой порядок ознакомления с материалами гражданского дела требует определенных временных затрат со стороны как лица, знакомящегося с материалами дела, так и сотрудника суда, что с учетом современного уровня нагрузки судов, негативно влияет на скорость и качество рассмотрения судебных споров.

В качестве одной из мер по разрешению данной проблемы необходимо выделить возможность введения в системе судов общей юрисдикции Россий-

ской Федерации системы электронного правосудия, подобной той, которая действует в системе арбитражных судов.

Речь о системе электронного правосудия «Мой арбитр». Данная система не только позволяет подавать в суд процессуальные документы, предоставляет участникам процесса возможность дистанционного ознакомления с материалами дела, посредством загрузки архива с файлами, относящимися к конкретному делу, куда входят, в том числе, аудиопротоколы судебных заседаний.

Такая система значительно упрощает и ускоряет работу судов, так как для ознакомления с материалами дела не требуется присутствие в здании суда участника процесса, работника аппарата суда, что позволяет сэкономить достаточное количество времени у обеих сторон.

Что касается работы судов общей юрисдикции, лица, знакомящиеся с материалами дела, нередко лишены возможности получить материалы дела в электронном виде.

Стоит также отметить, что в настоящее время не все суды общей юрисдикции надлежащим образом оснащены программным оборудованием, позволяющим вести электронный документооборот. Так, например, во многих районных судах аппараты судей не имеют доступа к сети «Интернет», что не позволяет надлежащим образом осуществлять электронный документооборот.

Необходимо также отметить, что указанной выше Программой в целях технического обеспечения прав граждан на участие в судебных заседаниях и повышения уровня доступности правосудия предлагается предусмотреть мероприятия по развитию использования в судах системы видео-конференц-связи. Сейчас судами используется видео-конференц-связь, для которой не нужен Интернет, которая предусмотрена только в судах. Соответственно, участвующие в деле лица имеют возможность дистанционно участвовать в судебных заседаниях, если находятся в другой местности. Но такое возможно только в здании суда, что отяжеляет данный процесс, поскольку нужно согласовывать с другим судом, узнавать, имеется ли техническая возможность у другого суда, поскольку в судебном процессе должны участвовать судья и секретарь. Но с учетом технологий возможно проводить судебные заседания дистанционно с помощью видеоконференцсвязи в таких приложениях, как Skype, ZOOM, но для этого нужно надлежащее техническое оснащение.

Подводя итоги, следует заметить, что на данном этапе своего развития судебная система Российской Федерации продолжает двигаться по пути модернизации своей деятельности, однако остается определенный объем задач, которые еще предстоит разрешить в целях обеспечения надлежащего качества деятельности судов общей юрисдикции, а именно, совершенствования судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, обеспечения открытости и доступности правосудия.

*Васильева Анастасия Валерьевна,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Россия, г. Владивосток,*

*Vasilyeva Anastasia Valerievna,
Far Eastern Law Institute (branch) University of the prosecutor's office
of the Russian Federation, Vladivostok*

avd.anastasya93@mail.ru

**ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ
СОЦИАЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ В СВЯЗИ С МАТЕРИНСТВОМ**

**PRACTICAL ASPECTS OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION
OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION ON COMPULSORY
SOCIAL INSURANCE IN CONNECTION WITH MATERNITY**

В статье рассматриваются некоторые вопросы прокурорского надзора за соблюдением законодательства об обязательном социальном страховании в связи с материнством. Анализируется действующее федеральное законодательство, приводятся организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации по рассматриваемой проблеме. Автором поднимаются некоторые практические аспекты в части выявления нарушений соблюдения законодательства об обязательном социальном страховании в связи с материнством. В качестве вывода предлагаются меры и надзорные мероприятия.

The article deals with some issues of prosecutor's supervision over compliance with the legislation on compulsory social insurance in connection with maternity. The current federal legislation is analyzed, organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation on the problem under consideration are given. The author raises some practical aspects in terms of identifying violations of compliance with the legislation on mandatory social insurance in connection with maternity. As a conclusion, measures and supervisory measures are proposed.

Надзор, прокуратура, трудовые права, материнство, правовая основа, соблюдение социальных прав.

Supervision, prosecutor's office, labor rights, maternity, legal basis, observance of social rights.

«Материнство – реализованная способность женщины к рождению, вскармливанию, воспитанию детей. Понятие материнства охватывает родственную связь матери и детей и в более старшем возрасте, осознание ею позитивной

ответственности за здоровье и нормальное развитие детей, реализацию прав и исполнение обязанностей по отношению к детям, эмоциональные отношения с ними» [2].

На сегодняшний день наблюдается значительное снижение числа рождаемости в Российской Федерации. Молодое поколение весьма интенсивно стало прибегать к опыту откладывания рождения первого ребенка на более поздний срок. Специалисты считают это проблемой. По их мнению, оптимальный возраст для рождения первенца от двадцати до двадцати пяти лет. Приоритетным у молодежи становится карьерный рост, а рождение детей перемещается на второй план [1].

Обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности в связи с материнством – это созданная государством система мер для компенсации гражданам утраченного заработка (выплат, вознаграждений) или дополнительных расходов в связи с наступлением страхового случая по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

Пособие по временной нетрудоспособности является наиболее существенной и значимой мерой социальной поддержки человека в случае его болезни. Выплата данного пособия за счет средств Фонда обязательного социального страхования – это возможность без материального ущерба для работодателя сохранять рабочее место за болеющим работником.

Также, в новых социально-экономических условиях одной из наиболее важных задач государства является оказание помощи семье. В связи с этим одним из главных направлений деятельности Фонда обязательного социального страхования является выплата пособий в связи с материнством и детством.

Страховыми случаями по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством являются свершившиеся события, с наступлением которых возникает обязанность страховщика – Фонда социального страхования Российской Федерации, а в отдельных случаях страхователя (организации, индивидуального предпринимателя и т. п.), осуществлять страховое обеспечение (выплату пособий).

С 01.01.2021 ряд субъектов Российской Федерации, в том числе Санкт-Петербург, перешли на прямые выплаты пособий, связанные с материнством, начисление и выплата которых осуществляется ГУ Санкт-Петербургским региональным отделением Фонда социального страхования Российской Федерации.

Правительством Российской Федерации принято Постановление от 30.12.2020 № 2375 «Об особенностях финансового обеспечения, назначения и выплаты в 2021 году территориальными органами Фонда социального страхования Российской Федерации застрахованным лицам страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, осуществления иных выплат и возмещения расходов страхователя на предупредительные меры по сокращению производственного травматизма и профессио-

нальных заболеваний работников», которым предусмотрен порядок назначения и выплаты в 2021 г. застрахованным лицам страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию в связи с материнством [3].

Анализ поступивших в прокуратуру города в первом полугодии 2021 г. жалоб граждан о невыплате пособий, связанных с материнством, показал, что практически всеми районными прокуратурами практикуется их направление в Государственную инспекцию труда Санкт-Петербурга и в ГУ Санкт-Петербургское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации (далее – ФСС, Фонд) без самостоятельного проведения проверки как деятельности юридических лиц, так и районных филиалов Фонда. Контроль за их рассмотрением и восстановлением нарушенных прав граждан не осуществляется (материал практики надзорной деятельности).

В то время как, проводимые проверки свидетельствуют о том, что работодателями допускаются нарушения сроков предоставления документов либо, предоставляется неполный комплект документов, что обусловлено, в том числе, переходом на новую систему выплат и наличием ошибок при заполнении электронных документов (реестров).

Прокуратурой одного из районов Санкт-Петербурга проведена проверка ООО «А», от работников которого поступило более 150 обращений о невыплате пособий, связанных с материнством. По результатам проверки филиала № 4 ФСС России прокуратурой района выявлены многочисленные факты несвоевременного направления документов работодателем в указанный филиал, что повлекло нарушение прав получателей пособий на их своевременное назначение и выплату, в связи с чем руководителю данной организации внесено представление, которое в настоящее время находится на рассмотрении.

Нарушения, связанные с выплатой пособий, допускаются не только работодателями, но и непосредственно должностными лицами филиалов ФСС России. Проверкой прокуратуры города Фонда установлено, что по заявлениям гражданки К. о выплате пособий по беременности и родам и ежемесячного пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет решения не принимались свыше трех месяцев, пособия, связанные с материнством, не назначены и не выплачены. Только после вмешательства прокуратуры города пособия выплачены в полном объеме.

С учетом приоритетов направлений перед органами прокуратуры стоят дополнительные задачи по надзорному сопровождению вопросов поддержки семей с детьми, получения ими всех гарантированных государством выплат.

Пособия, связанные с материнством, предоставляются женщинам для реализации возложенной на них обязанности по уходу за новорожденными детьми, требующими особого внимания и заботы, вопрос выплаты которых носит социально значимый характер, на что особо обращено внимание в Докладе Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания.

Вопросы принятия дополнительных мер к активизации надзорной деятельности на указанном направлении обуславливает необходимость теоретиче-

ского исследования рассматриваемой проблемы, на основании выводов которого появится возможность совершенствовать теоретико-правовую основу и практику надзорной деятельности органов прокуратуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).

2. Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).

3. Постановление Правительства РФ от 30.12.2020 № 2375 «Об особенностях финансового обеспечения, назначения и выплаты в 2021 году территориальными органами Фонда социального страхования Российской Федерации застрахованным лицам страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, осуществления иных выплат и возмещения расходов страхователя на предупредительные меры по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний работников». – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).

УДК 351.745.7

*Владимирова Олеся Алексеевна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Vladimirova Olesya Alekseevna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

olesya.baranova2015@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL BASIS OF USING THE POLYGRAPH IN DISCLOSING CRIMES

В настоящей статье исследуются вопросы практики использования полиграфа в рамках уголовного судопроизводства. На основании действующего законодательства Российской Федерации был проведен анализ правового регулирования использования полиграфа в раскрытии преступлений

This article examines the issues of the practice of using the polygraph in the framework of criminal proceedings. Based on the current legislation of the Russian Federation, an analysis was made of the legal regulation of the use of a polygraph in solving crimes

Использование полиграфа в рамках уголовного судопроизводства, проблемы использования полиграфа, использование полиграфа в раскрытии преступлений

The use of a polygraph in criminal proceedings, problems of using a polygraph, the use of a polygraph in solving crimes.

История применения полиграфа в России свидетельствует, что допустимость применение полиграфа в российском уголовном судопроизводстве прошло достаточно сложный и весьма противоречивый путь развития. На настоящем этапе развития российского общества, полиграфу уделяется значительное внимание как в научной сфере, так и на практике. Однако законодательно данный вопрос не регламентирован, а в науке нет единого мнения относительно возможности и порядка использования полиграфа в уголовном процессе. В то же время решение данного вопроса имеет широкое практическое значение, так как в ее временной правовой реальности полиграф достаточно популярен и уже используется в уголовном судопроизводстве.

В России в настоящее время сложилась правовая база использования полиграфа в практике правоохранительных органов, включающая соответствующие статьи Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г.; Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»; ведомственные нормативные акты.

Практика применения полиграфа показывает, что в настоящее время требуется закрепить в УПК РФ возможность применения полиграфа. Для этого необходимо предусмотреть в гл. 26 УПК РФ (при неизменном ее названии) новое следственное действие «проверка показаний на полиграфе», правила проведения которого можно описать следующим образом.

Цель производства – проверка специалистом-полиграфологом ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем показаний путем определения наличия устойчивых физиологических реакций на вопросы тестов и оценки их следователем с учетом мнения специалиста с позиции достоверности.

Практика использования полиграфа в рамках уголовного судопроизводства как на стадии предварительного расследования, так и в стадии судебного разбирательства стабильно пополняется новыми примерами, приведем следующие примеры.

В Москве бесследно пропал человек – Д. Варужан. В процессе поисков сотрудники полиции и прокуратуры установили, что в последний раз его видели в квартире Ирины С., откуда он уже не вышел.

По словам Ирины С., Тихонов был у нее дома, когда к ней в квартиру пришел и Д. Варужан. Новый гость якобы должен был принести хозяйке

7,5тысячи долларов, которые занимал у нее ранее, однако денег не принес, а на просьбу написать расписку ответил грубостью. За хозяйку вступился присутствовавший при споре Дмитрий. Между мужчинами завязалась драка, и Тихонов убил должника кухонным ножом. Затем перетащил тело в ванную, там расчленил его, упаковал в полиэтиленовые мешки для мусора и спрятал на балконе, а впоследствии вынес из дома и где-то закопал. При этом Ирина каялась в том, что сразу не сообщила в милицию о случившемся, поскольку была напугана. Следователи передали материалы дела в суд. Возражения Тихонова, что он никого не убивал, а когда покинул квартиру Ирины, Д. Варужан был живой, во внимание приняты не были. Дмитрия осудили на 8 лет тюрьмы, из которых он успел отсидеть 3 года.

Но слишком много осталось в этом деле неясностей. Главная из них – время, затраченное на преступление. Записи видеокамер, установленных возле подъезда, показали, что вместе в одной квартире Тихонов и Варужан пробыли не более 25 минут. Потом Тихонов ушел. Те же видеокамеры свидетельствуют, что на следующий день Ирина С. выносила из подъезда явно тяжелую сумку.

На повторное рассмотрение дела, которое состоялось в Гагаринском районном суде г. Москвы, пригласили эксперта-полиграфолога. Исследование производилось в отношении свидетеля Ирины С. и уже осужденного Тихонова. Последний в процессе ПФИ охотно ответил на все вопросы, а Ирина С. отказалась от дальнейшего участия в тестировании, когда ее стали спрашивать о деталях убийства: держала ли она в руках нож, наносила ли удары, расчленила ли тело. С учетом результатов тестирования суд пришел к выводу: Тихонов Варужана не убивал, это совершила Ирина С., которая оклеветала Дмитрия, чтобы запутать следствие. Выяснил суд и мотив преступления. Ирина хотела открыть собственный салон красоты. Недостающие средства на это предприятие она намеревалась получить, продав автомобиль BMW 525, принадлежавший убитому Варужану.

Ирине С. Гагаринский суд назначил 8 лет и 6 месяцев лишения свободы. Московский городской суд в порядке кассационного надзора утвердил этот приговор, оставив его без изменения [1].

Случай в Гагаринском суде Москвы наглядно продемонстрировал, что полиграфы нужны как сыщикам и следователям, так и адвокатам.

Как уже было сказано, правовой базой использования полиграфа в России являются многочисленные инструкции различных ведомств, к числу которых присоединилась принятая в декабре 2010 года Инструкция об организации ПФИ с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре РФ. Многие ученые видят проблему в отсутствии единого нормативного акта, регламентирующего указанную процедуру.

Однако качество указанного законопроекта вызывает нарекания со стороны самих полиграфологов. Так, Н. И. Мягих (приводит ряд замечаний по содержанию законопроекта «О применении полиграфа», начиная от использованной терминологии и заканчивая правовыми решениями в сфере контроля за

деятельностью полиграфологов, обосновывая тем самым необходимость его переработки [4, с. 65].

Не радует качество подготовки проекта законопроекта «О применении полиграфа» и О. В. Белюшину, которая указывает, что некоторые его положения, в частности, в ст. 31, предусматривающей создание государственной комиссии по опросам с использованием полиграфа, положение о которой должно утверждаться Правительством РФ и о которой более в проекте нет ни слова, «простор для произвола». Подводя итог вышеизложенному, О. В. Белюшина пишет, что в России «нужды в персональных, под авторов-разработчиков сделанных законах вообще нет» [3, с. 21].

Нет единства мнений и относительно места полиграфа в уголовном процессе. Ведь судебная экспертиза – не единственное следственное действие, при производстве которого возможно применение полиграфа.

С помощью полиграфа происходит расширение возможностей предъявления для опознания. Обычно полагается, что предъявление для опознания имеет итогом логический вывод о тождестве, сходстве или различии. В специальной литературе упоминается, что в практике судопроизводства возможно ложное опознание и ложное не опознание. Однако предъявление для опознания может иметь и иной исход, который ранее не был известен отечественной криминалистике – умышленное не опознание, т. е. намеренное сокрытие опознающим факта узнавания предъявляемого ему для опознания объекта. Как показал мировая и отечественная практика, выявление умышленного не опознания – тривиальная задача для ОИП, которая успешно разрешается странами – пользователями полиграфа уже десятки лет». И здесь вполне уместно привести пример из практики производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа, когда А. Р. Хаметову, подозреваемому в убийстве, в ходе тестирования были предъявлены в числе других фотографии обогревателя, кабель от которого использовался для удушения жертвы, и кровати, где это произошло. В результате были получены значимые психофизиологические реакции на указанные раздражители, что позволило эксперту сделать вывод о том, что Хаметов был в квартире в момент убийства, хотя на допросе он этот факт отрицал [2].

Представляется допустимым использование полиграфа как в качестве самостоятельного следственного действия, так и при допросе, сходном по своей сущности (но не по форме и доказательственному значению) с оперативно-розыскным мероприятием – опросом. Здесь фиксация психофизиологических реакций на задаваемые вопросы допрашиваемого лица может помочь распознать ложные сведения. При этом отметим, что проведение допроса с применением полиграфа должно стать возможным при соблюдении следующих условий: наличие письменного согласия лица, подлежащего допросу, на применение полиграфа; обязательное участие в нем специалиста-полиграфолога, который до начала допроса окажет следователю содействие в распознавании ложных показаний.

Некоторые ученые считают, что в случае применения полиграфа при допросе, речь уже идет не о допросе, а о совершенно новом следственном действии, в котором проявляется ряд новых существенных черт.

Во-первых, применение полиграфа дает в итоге полиграммы (результат компьютерной фиксации психофизиологических реакций испытуемого) и справку специалиста с их расшифровкой. Полиграммы не могут рассматриваться как показания в традиционном смысле слова, несмотря на то что, безусловно, являются сведениями, полученными от лица и содержащими в себе данные, имеющие значение для уголовного дела. Полиграммы содержат сведения о проявленных тестируемым психофизиологических реакциях, которые при обычном допросе не могут получить объективное отражение в протоколе. Для обеспечения доступа участников уголовного судопроизводства к сведениям, полученным в результате применения полиграфа, требуется специалист, который представит документ с расшифровкой полиграмм и свои выводы в виде справки. Как правило, если справки оказывается недостаточно для оценки полученных сведений, то производится допрос специалиста-полиграфолога.

Во-вторых, тесты и вопросы, задаваемые испытуемому, формирует не следователь, а специалист, исходя из методики проведения ОИП. И если в процессе традиционного допроса следователь не вправе задавать наводящие вопросы, то в ходе ОИП их использование является просто необходимым.

Помимо сказанного, вопросы составляются таким образом, чтобы на них требовались односложные ответы, т. е. «да» или «нет». Итогом этого анализа является вывод о необходимости разработки и закрепления процедуры нового следственного действия, в рамках которого будет осуществляться ПФИ с использованием полиграфа.

В этой связи предлагаем название указанного следственного действия: «проверка показаний на полиграфе».

В гл. 26 УПК РФ регламентируется порядок проведения не только допроса и предъявления для опознания, но и очной ставки, проверки показаний на месте. В основе их объединения в самостоятельную группу следственных действий лежит метод расспроса как наиболее распространенный способ получения вербальной информации. Поэтому есть основания для предположения о том, что перспективным направлением в применении полиграфа станут и такие следственные действия, как очная ставка и проверка показаний на месте.

Таким образом, технические возможности полиграфа позволяют использовать его при производстве различных следственных действий, а следствием применения этого прибора в уголовном процессе является возможность быстрой отработки версии расследования любого криминального события, что, соответственно, экономит время, силы и средства следователя. Возможности полиграфа могут также оказать помощь и стороне защиты, что наглядно продемонстрировано вышеописанным примером. Ввиду этого представляется, что нормативное регулирование его применения в уголовном процессе только начинается и ряд изменений касательно использования полиграфа в ходе допроса, предъявления для опознания, очной ставки или выделения проверки на полиграфе в самостоятельное следственное действие еще найдут место в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Приговор Гагаринского суда г. Москвы от 08.09.2010 по делу № 1-319/2010. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).
2. Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 08.09.2015 по делу № 1-319/2015. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.08.2021).
3. *Белюшина О. В.* Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа имеет право на жизнь // Бизнес-адвокат. – 2013. – № 13. – С. 21–26.
4. *Мягих Н. И.* Наука и техника на службе следствия. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. – 2016. – № 2 (128). – С. 65–69.

УДК 343.982.3

Зеленцова Анна Алексеевна,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома

Zelentsova Anna Alekseevna,
student, Kostroma State University, Kostroma

zelentsova11022000@gmail.com

Зеленцов Алексей Вениаминович,
старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома

Zelentsov Alexey Veniaminovich,
senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma

alexgren71@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

PROBLEMATIC ISSUES OF THE THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC IDENTIFICATION

Статья посвящена рассмотрению отдельных проблем, возникающих в процессе изучения основ производства идентификационных исследований, а также оценке полноты и обоснованности выводов идентификационных экспертиз.

The article is devoted to the consideration of individual problems that arise in the process of studying the basics of the production of identification studies, as well as evaluating the completeness and validity of the conclusions of identification examinations.

Криминалистическая идентификация, отождествление, исследование, эксперимент, экспертиза.

Forensic identification, identification, research, experiment, expertise.

Идентификация объектов материального мира, связанных с событием преступления играет важную роль в процессе расследования и раскрытия преступлений, так как, осуществляя розыскные мероприятия или проводя следственные действия, необходимо достоверно знать, является ли установленное лицо, следы или другие вещественные доказательства именно теми объектами, которые необходимы правоохранительным органам для установления истины по делу. При этом следует отметить, что при освоении курса криминалистики у будущих юристов нередко возникают сложности при изучении теоретических и практических основ криминалистической идентификации, а недопонимание в освоении данной темы неизбежно приведет к ошибкам при осуществлении практической деятельности, устранить которые порой бывает не только сложно, но и невозможно.

Причинами затруднений, связанных с пониманием вопросов криминалистической идентификации являются:

1. Существенные отличия толкования термина идентификация, принятого в криминалистике, от его толкования, используемого в других науках и областях человеческого знания.

2. Большое количество разнообразных по форме и содержанию выполняемых на практике процессов, подразумеваемых под термином, криминалистическая идентификация.

3. Отсутствие единой точки зрения у авторов учебно-методических и научных изданий, касающихся основных теоретических положений криминалистической идентификации.

Для того что бы разобраться в этих проблемных моментах, прежде всего необходимо точно определить, что же понимается под осуществлением идентификации именно в криминалистике. Так, например, личная идентификация (самоидентификация) в философии ищет ответ на вопрос об отношении личности к самой себе. Идентификация в информационных системах – присвоение субъектам и объектам идентификатора или сравнение идентификатора с перечнем присвоенных идентификаторов. Идентификация в химии – это определение химической формулы неизвестного вещества или их соединений. Идентификация в зоологии и биологии заключается в установлении принадлежности организма к определенному классу, виду, роду, семейству. В криминалистике под идентификацией может подразумеваться задача по установлению конкретных

объектов, процесс решения данной задачи, часть общей криминалистической теории или специальный универсальный метод криминалистики.

Наиболее общее понятие идентификации (от лат. *identifico* «отождествлять») дано в энциклопедическом словаре. Так, идентификация – это процесс исследования, познания объекта с целью получения определенной информации [3, с. 843].

Наиболее устоявшимся в отечественной криминалистике понятием является определение, данное Р. С. Белкиным. Оно определяет криминалистическую идентификацию как процесс установления тождества объекта или личности по совокупности общих и частных признаков [2, с. 78].

А. И. Иванов подчеркивает, что предметом криминалистической идентификации являются закономерности сравнительного изучения материальных объектов (человека) и их отображений с целью разрешения вопроса о тождестве объектов, находящихся в известной (действительной) или предположительной связи с событием преступления и получения судебных доказательств [4, с. 179].

Научной основой криминалистической идентификации являются положения теории познания об индивидуальности, относительной устойчивости и способности объектов материального мира отражать признаки на других объектах. Из этого следуют три важных свойства присущих криминалистической идентификации:

1. Объекты криминалистической идентификации – индивидуально определенные тела, обладающие устойчивым внешним строением.

2. Криминалистическая идентификация осуществляется по отображениям устойчивых свойств идентифицируемых объектов.

3. Криминалистическая идентификация происходит в результате сравнительного исследования неизвестного объекта с достоверно установленным объектом или его образцом.

Эти положения свойственны любым процессам криминалистической идентификации, независимо от их формы и содержания. Это может быть и отождествление образующего следы объекта по его материально фиксированному отображению, установление принадлежности части или частей предмета целому объекту, идентификация личности человека или неопознанного трупа, определение неизвестного исполнителя рукописного текста или конкретного экземпляра оружия по стреляным пулям и гильзам, а также множество других задач решаемых посредством криминалистической идентификации, круг которых зависит от потребностей правоохранительной практики. Причем решаться эти задачи могут как в процессуальной форме, путем проведения соответствующих следственных действий и судебных экспертиз, так и не в процессуальной форме, когда не требуется документальной фиксации результатов идентификации.

Несмотря на разнообразие процессов, происходящих при криминалистической идентификации, установление тождества, осуществляемое посредством

экспертных исследований, проходит через несколько этапов, которые принято называть стадиями. В учебной и справочно-методической литературе как правило выделяют три основных стадии.

Так, в учебнике «Криминалистика» под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. Д. Зеленского и д-ра юрид. наук, профессора Г. М. Меретукова констатируется следующее: «В любом идентификационном процессе независимо от вида проводимой криминалистической экспертизы различают три этапа: 1) раздельное исследование; 2) сравнительное исследование; 3) оценка полученных результатов и формулирование вывода» [6, с. 61].

Аналогичная точка зрения встречается в работах Е. П. Ищенко: «Экспертное идентификационное исследование состоит из трех стадий: раздельное исследование, сравнительное исследование, оценка результата и формулирование вывода» [5, с. 29].

М. В. Савельева, А. Б. Смушкин эти стадии дополняют начальным этапом – предварительного или подготовительного исследования. Несмотря на то, что идентификационные исследования проводятся в различных отраслях криминалистической техники, можно выделить некоторую общую структуру, общую методику проведения идентификационного процесса. Идентификационные исследования, как правило, подразделяют на четыре стадии: подготовительную; раздельного исследования; сравнительного исследования; заключительную [7, с. 17].

Некоторыми авторами при описании основных стадий идентификационного исследования, упоминается о том, что на стадии сравнительного исследования может, если требуется, проводиться эксперимент.

Р. С. Белкин и Т. В. Аверьянова выделяют пять стадий идентификационного исследования, считая эксперимент самостоятельной стадией идентификации, при этом оговариваясь, что данная стадия не является обязательной.

При осуществлении идентификации по материально-фиксированным отображениям выделяют:

- а) осмотр объектов;
- б) раздельное исследование объектов;
- в) эксперимент;
- г) сравнительное исследование (сопоставление) объектов;

д) оценка признаков и формулирование вывода. Эксперимент не является обязательной стадией и может не проводиться, если в нем нет необходимости [1, с. 990].

Естественно, что, ознакомившись с вышеизложенными взглядами на методику криминалистической идентификации, у эксперта, проводящего идентификационное исследование или юриста при оценке экспертного заключения по результатам установления тождества, может возникнуть вопрос в полноте и обоснованности выводов экспертизы, если в ходе исследования эксперимент не был проведен.

Чтобы разобраться в данной проблеме, необходимо понимать, для каких целей при производстве идентификационной экспертизы проводится эксперимент.

Стадия отдельного исследования может сопровождаться проведением эксперимента. В ходе эксперимента получают сравнительные образцы (пуль, гильз, следов разруба и т. д.). Он позволяет определить воспроизводимость признаков в следах, отграничить необходимые признаки от случайных, лучше понять механизм отображения признаков. Эксперимент осуществляют в условиях, максимально приближенных к тем, в которых протекало событие (образование следов разруба; возникновение следов близкого выстрела и т. д.). Обязательным условием эксперимента является многократное повторение опытов с целью получения стабильных результатов [1, с. 119].

Таким образом, можно заключить, что эксперимент позволяет решить три самостоятельные задачи.

1. Опытным путем изучить механизм следообразования.
2. Определить устойчивость отображения признаков.
3. Получить образцы для сравнительного исследования.

Если в ходе идентификационного исследования требуется решение данных задач, то эксперимент может и должен проводиться. В случаях, когда механизм следообразования известен и достаточно хорошо изучен, на пример как отображение потожировых следов пальцев рук дактилоскопической экспертизе, а в распоряжении эксперта предоставлены сравнительные образцы, в виде дактилоскопических карт, полученных с соблюдением установленных требований, эксперимент не проводится. В других случаях игнорирование эксперимента в ходе идентификации по материально фиксированным отображениям является грубым нарушением методики исследования и может привести к экспертным ошибкам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминалистика : учеб. для вузов. – М. : Норма-Инфра-М, 1999. – 971 с.
2. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики = Course of criminalistics : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям. 3-е изд., доп. – М. : Юнити, 2001. – 837 с.
3. Большой энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1991. – 862 с.
4. *Иванов А. И.* Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений : монография. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. унта, 2000. – 186 с.
5. *Ищенко Е. П.* Криминалистика : курс лекций. – М.: АСТ : Контракт, 2008. – 411 с.
6. Криминалистика : учебник. – СПб. : Юридический центр, 2015. – 703 с.
7. *Савельева М. В., Смушкин А. Б.* Криминалистика : учебник. – М. : Дашков и К°, 2008. – 607 с.

*Комаров Сергей Владимирович,
магистрант,
Костромской государственной университет,
г. Кострома*

*Komarov Sergey Vladimirovich,
undergraduate, Kostroma State University,
Kostroma*

komar-23@mail.ru

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР – ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОСТИ

PROSECUTOR'S SUPERVISION IS AN EFFECTIVE TOOL FOR PRESERVING CONSTITUTIONALITY

В статье рассматривается эффективность прокурорского надзора, как инструмента сохранения конституционности, сущность прокурорского надзора, определение статуса органов прокуратуры, проблема взаимодействия прокуратуры с институтами власти и общества.

The article examines the effectiveness of prosecutor's supervision as a tool for preserving constitutionality, the essence of prosecutor's supervision, determining the status of prosecutor's offices, the problem of interaction between the prosecutor's office and institutions of power and society.

Конституция, прокуратура, система государственных органов, прокурорский надзор.

Constitution, prosecutor's office, system of state bodies, prosecutor's supervision.

Конституция Российской Федерации основополагающий нормативно-правовой акт, закрепляющий политические, социальные, экономические и правовые основы жизни государства, они же конституционные основы. Конституционные основы выполняют системообразующую роль в регулировании общественных отношений.

Приоритетной задачей государства выступает сохранение и обеспечение надлежащего исполнения закрепленных основ. Для выполнения поставленных задач существует особая система государственных органов – прокуратура.

Статья 129 Конституции РФ прямо указывает, что первоочередной задачей органов прокуратуры выступает – осуществление надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов [1].

Благодаря тому, что в Конституции РФ есть специальные нормы, прямо посвященные регулированию деятельности органов прокуратуры, стоит отметить конституционно-правовой статус прокуратуры.

Рассматривая Конституцию РФ и органы прокуратуры как два отдельных правовых института, следует отметить, что они находятся в неразрывной связи. Конституция РФ является основой существования органов прокуратуры, в то время как сами органы прокуратуры выступают в качестве первоочередного механизма, гарантирующего исполнение правовых норм, закрепленных в ней.

Говоря об особом положении органов прокуратуры в системе прочих, удачно высказывание К. С. Гордеева о том, что «прокуратура не относится непосредственным образом к какой-либо ветви государственной власти, но, в свою очередь, является ее проявлением и выражением» [3].

При оценке эффективности прокурорского надзора как инструмента сохранения конституционности, необходимо рассматривать всю деятельность прокуратуры с точки зрения важнейшего принципа существования государства – законности.

По мнению Э. Р. Шайхлисламова прокурорский надзор неразрывно связан с понятием законности, так как ее сохранение реализуется благодаря осуществлению непрерывного надзора за соблюдением действующего законодательства в различных сферах жизни общества и государства [5].

Изучая сущность прокурорского надзора необходимо отметить, что весь комплекс мероприятий определяющий процесс прокурорского надзора направлен на предупреждение правонарушений и преступлений. Первоочередная задача прокурорского надзора – обеспечить надлежащее исполнение действующих правовых норм поднадзорными объектами, тем самым поддерживая конституционность на всей территории государства.

Аналогичной точки зрения в своей статье придерживается А. Ю. Ульянов, говоря о том, что прокуратура выступает в качестве ключевого звена системы обеспечения конституционной законности [4].

В своей статье Е. Н. Асташкина и Е. С. Курохтина отмечают, что прокуратура, осуществляя надзор за исполнением Конституции РФ, обеспечивает в первую очередь условия для укрепления закона, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов человека и гражданина [2].

Стоит отметить, что особенностью деятельности органов прокуратуры, а именно осуществлением прокурорского надзора, является сохранение законности на территории государства, в данном случае это имеет приоритетное значение, в то время как защита прав и свобод отдельных лиц становится следствием этой деятельности, приобретая статус вторичной цели.

Таким образом, прокурорский надзор, с правовой точки зрения, без преувеличения является ключевым инструментом для сохранения конституционности.

Однако отсутствие правового определения понятия «прокурорского надзора» затрудняет понимание его сущности, влечет множественное толкование характера данного вида деятельности, снижает его потенциальный уровень значимости.

Решение данной проблемы видится в доработке существующих положений основополагающего нормативно-правового акта, регулирующего деятельность органов прокуратуры, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» № 2202-І от 17.01.1992.

Считаем целесообразным дополнить правовое закрепление понятия «прокурорского надзора», закрепленное в ст.1 ФЗ от 17.01.1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» пунктом 1.2 следующего содержания: «Прокурорский надзор – основополагающая специфическая деятельность органов прокуратуры, включающая комплекс мероприятий, в том числе прокурорскую проверку, осуществляемая прокурором в рамках действующего законодательства, направленная на сохранение законности на всей территории Российской Федерации».

Указанные изменения исключают множественные определения «прокурорского надзора», укрепят статус прокурорского надзора, как основополагающей деятельности прокуратуры и основного инструмента сохранения законности, а главное закрепят возможность использования инструментов взаимодействия с прочими государственными структурами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2021).

2. *Асташкина Е. Н., Курохтина Е. С.* Сущность прокурорского надзора: теоретико-правовые аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 1 (132). – С. 169–177.

3. *Гордеев К. С., Гнетова Л. В.* Сходства и различия прокурорского и административного надзора // E-Scio. – 2019. – № 12 (39). – С. 516–521.

4. *Ульянов А. Ю.* Конституционное назначение и функции прокуратуры. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.11.2020).

5. *Шайхлисламов Э. Р., Ганеев Т. Ф.* Сущность современного прокурорского надзора // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 9–2 (48). – С. 204–206.

УДК 343.12

Куликова Варвара Михайловна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома

Kulikova Varvara Mikhailovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

varkins98@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Siverskaya Lyudmila Anatolyevna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University, Kostroma

lsiverskaya@yandex.ru

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА
ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

**THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE
OF PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT
IN THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS**

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с возникновением и становлением института досудебного соглашения о сотрудничестве. Проводится анализ действующего уголовно-процессуального законодательства.

The article is devoted to the consideration of issues related to the emergence and formation of the institution of pre-trial cooperation agreements. The analysis of the current criminal procedure legislation is carried out.

Право, досудебное соглашение, сотрудничество, уголовный процесс, признание вины, сделка с правосудием.

Law, pre-trial agreement, cooperation, criminal procedure, admission of guilt, deal with justice.

В УПК РФ Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» с целью организации эффективного противодействия организованной преступности путем привлечения к сотрудничеству, в ходе расследования уголовного дела, членов организованных преступных групп и сообществ, был введен новый уголовно-процессуальный институт «досудебного соглашения о сотрудничестве». Однако для отечественного

уголовного процесса в генезисе его развития, нормы, соответствующие современному пониманию сущности данного института имели место быть.

Так, по мнению Е. Л. Федосеевой, уже «в X веке в Русской Правде были некоторые нормы, которые устанавливали возможность освобождения от наказания в связи с раскаянием. Так, если виновный в краже, добровольно возвратил похищенное законному владельцу, освобождался от ответственности, если против этого не возражал потерпевший» [10, с. 98]. В этом усматриваются элементы условий досудебного соглашения, а именно возмещение причиненного вреда, раскаяние подозреваемого или обвиняемого несмотря на то, что в современном институте досудебного соглашения о сотрудничестве таковые отсутствуют. Некоторые авторы, например А. Г. Вениаминов, полагают, что раскаяние подозреваемого является неотъемлемым ввиду того, что лицо признает свою вину и готов рассказать о других участниках преступления [2].

Двинская уставная грамота 1397 года содержала в себе новый вид упрощенного производства, а именно примирение сторон до обращения в суд, одним из обязательных условий которого являлось раскаяние лиц, что позволило освобождать их от уплаты штрафа [8, т. 2, ст. 181].

Судебник 1497 года содержал в себе порядок рассмотрения дел небольшой тяжести в форме судебного поединка, неявка в суд обвинителя влекла прекращение дела, неявка ответчика (обвиняемого) – признание его виновным.

Однако имеются и другие точки зрения ученых-процессуалистов на истоки законодательного регулирования института досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, Р. В. Тишин утверждает, что до Судебника 1550 года упоминаний об упрощенном производстве не было [9]. Именно в этом судебнике в статье 20 устанавливается упрощенное судопроизводство: при неявке одной из сторон дело прекращалось, также затрагивается вопрос о солидарной и доле-вой ответственности лиц, совершивших преступление.

В Соборном уложении 1649 года содержится норма о раскаянии лица, совершившего преступление [8, т. 2, ст. 181].

Артикул воинский принятый 26 апреля 1715 года в артикуле 2 содержал нормы, регулирующие вопросы деятельного раскаяния в совершении преступления и смягчения за это наказания [8, т. 2, ст. 181].

А. Ю. Кирсанов считает, что наиболее важным документом в истории упрощенного производства является Устав уголовного судопроизводства 1864 года [5, ст. 8]. По нормам данного акта суд был обязан проводить следствие в случае признания вины подсудимым и по требованию сторон.

В XIX веке упрощенному производству придавалось большое значение, по исследованию М. В. Духовского в 1887 году более 1/3 осужденных признали свою вину и эти дела были рассмотрены в сокращенной форме [6].

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года (далее УПК РСФСР) в статье 282 закрепляет положения об упрощенной форме уголовного судопроизводства, в соответствии с которой, если подсудимый согласен с предъявленным обвинением и дает признательные показания, то суд может не проводить судебное следствие.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года содержались пред-посылки к регламентации соглашения между сторонами обвинения и защиты.

В соответствии со статьей 6 вышеназванного кодекса «Прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки», уголовное дело подлежало прекращению, если совершенное лицом деяние утратило общественно опасный характер, либо лицо, совершившее преступление стало на путь исправления [7, с. 8].

С начала 1990-х годов криминогенная обстановка в России обостряется в связи с ростом преступности, в том числе организованной, стабильно увеличиваются темпы прироста преступлений коррупционной и террористической направленности, появляются новые формы преступлений в сфере экономики, что вызвало необходимость разработки и закреплении норм, способствующих быстрому раскрытию вышеназванных преступлений, сбору исчерпывающих обвинительных доказательств о причастности лиц, их совершивших и изобличению виновных. Как верно утверждают В. Ю. Голубовский и Н. Н. Гусева, эффективным способом повышения раскрываемости криминальных деяний является стимулирование подозреваемых (обвиняемых) на совершение положительных посткриминальных поступков путем оказания содействия в расследовании совершенных ими преступлений [4].

В 1987 году в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (87) 18 подчеркивается необходимость упрощения судебных процедур для устранения задержки в отправлении уголовного правосудия. В России в это время начинают задумываться о разработке новых методов по борьбе с преступностью. Так в 2006 году на Всероссийском координационном совещании глав правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией Президент РФ В. В. Путин согласился с необходимостью установления сотрудничества между лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, и правоохранительными органами в процессе расследования уголовных дел.

Данная позиция была поддержана многими учеными и практиками и в 2007 году законопроект о досудебном соглашении о сотрудничестве был внесен в Государственную Думу. На первом и втором чтении данный законопроект был принят, но во время третьего чтения был отправлен на доработку в части уточнения редакции, впоследствии во всех чтениях Государственной Думы законопроект был одобрен, но был отклонен Советом Федерации, ввиду опасения несоответствия текста законности. В данном законопроекте были расхождения между статьями и коллизии с другими законами. Поэтому было принято решение создания Согласительной комиссии для доработки закона. В результате работы согласительной комиссии 17 июня 2009 года Советом Федерации был одобрен законопроект об институте досудебного соглашения о сотрудничестве.

По данным статистики за последние три года наблюдается снижение заключенных досудебных соглашений о сотрудничестве. В 2018 году поступило дел 4001 с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, осуждено 3614; в 2019 году: 3319 дел, осуждено 3009; за 1 полугодие 2020 г.: поступило дел 1293 с соглашением, осуждено 1160 [11].

Несмотря на то, что данный уголовно-процессуальный институт действует более 10 лет, его нормы не лишены недостатков законодательного регулирования, имеют пробелы и коллизии. Так, до настоящего времени среди ученых-процессуалистов нет. У разных авторов не сложилось единого мнения о цели создания института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Х. Г. Дациева выделяет цель данного института направлено на упрощение и ускорение уголовного судопроизводства, так как подозреваемый, рассчитывая на смягчение наказания, дает показания по преступлению против других лиц, а также оказывает помощь в розыске имущества, тем самым сокращая срок проведения предварительного расследования по делу [5].

К. Гранкин и Е. Мильтова отмечают, что цель досудебного соглашения – это противодействие организованной преступности. При заключении соглашения обвиняемый или подозреваемый предоставляет сведения о других участниках преступления, таким образом, раскрывая всех соучастников и их роли [3].

К. Ф. Багаутдинов пишет, что целью соглашения о сотрудничестве является повышение уровня раскрываемости преступлений [1]. С появлением данного института повысился процент раскрытия дел, а также детальность этого раскрытия. Многими авторами данный институт был встречен скептически, так как при реализации имел много пробелов и коллизий. К сожалению, на данный момент доработок его законодателем нет. Кроме вышеназванной проблемы, также присутствует недостаточная регламентация порядка заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и последствия его нарушения, отсутствие механизма, который препятствует оговору и самооговору обвиняемого, применимость данного института к изобличению не соучастников, а исполнителей других преступлений.

Подводя вывод вышеизложенному, можно сказать, что история упрощенного судопроизводства в России отсчитывает свое начало еще от Древнерусского государства, данный институт изменялся и совершенствовался с целью его законодательного закрепления для борьбы с организованной преступностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Багаутдинов К. Ф.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-ponyatie-soderzhanie-osnovnye-priznaki> (дата обращения: 03.09.2021).

2. *Вениаминов А. Г.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые вопросы правоприменения. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosudebnoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-nekotorye-voprosy-pravoprimereniya> (дата обращения: 05.08.2021).

3. *Гранкин К., Мильтова Е.* Проблемы применения норм УПК РФ, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 76.

4. *Голубовский В. Ю., Гусева Н. Н.* Развитие института досудебного соглашения о сотрудничестве. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-instituta-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 09.09.2021).

5. *Дациева Х. Г.* Назначение института досудебного соглашения о сотрудничестве. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-instituta-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 02.06.2021).

6. *Духовский М. В.* Русский уголовный процесс. – М. : Склад изд. в книжном магазине М. В. Клюкина, 1908. – 464 с.

7. *Курсанов А. Ю.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: анализ, практика, выводы. – М. : Юнити-дана: Закон и право, 2017. – 127 с.

8. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. – М. : Юридическая литература, 1984. – 430 с.

9. *Тишин Р. В.* Генезис досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве // История государства и права. – 2010. – № 18. – С. 43–46.

10. *Федосеева Е. Л.* История развития и предпосылки создания института досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественном законодательстве в период с X по середину XX веков // Общественная безопасность, законность и правопорядок в 3-м тысячелетии : Международная научно-практическая конференция. Ч. 2. – Воронеж, 2010. – С. 98.

11. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 02.06.2021).

УДК 343.163

Кузьмина Екатерина Николаевна,
помощник прокурора города Костромы Костромской области,
прокуратура города Костромы Костромской области, г. Кострома

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna,
assistant prosecutor of the city of Kostroma, Kostroma region,
prosecutor's office of the city of Kostroma Kostroma region, Kostroma

ek.kuzmina@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРАТУРЫ В РАМКАХ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE WITHIN THE FRAMEWORK OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются понятия «правовое положение» и «правовой статус» органов прокуратуры, отмечена проблема определения места прокуратуры, ее связь в контексте системы доктрины разделения властей. Отдельные выводы сформулированы по вопросам об основных целях и задачах деятельности органов прокуратуры и ее правового положения с учетом принятых поправок в Конституцию Российской Федерации.

The article deals with the concepts of “legal standing” and “legal status” of the prosecutor’s office, the problem of determining the place of the prosecutor’s office, its connection in the context of the system of the doctrine of separation of powers is noted. Separate conclusions are formulated on the main goals and objectives of the activities of the prosecutor’s office and its legal status, taking into account the adopted amendments to the Constitution of the Russian Federation.

Прокуратура Российской Федерации в системе государственных органов Российской Федерации занимает особое место, определяемое ее предназначением – осуществлять от имени государства функцию надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»). Прокуратура исполняет и другие функции, предписанные федеральными законами, но все они подчинены ее основной надзорной функции. По справедливому замечанию В. Ю. Шобухина, «высокий статус прокуратуры и важность прокурорской деятельности обуславливают повышенные требования в первую очередь к правовому регулированию вопросов организации и деятельности прокурорской системы» [1].

Стоит отметить, что основу правового положения прокуратуры составляют нормы права, определяющие ее функции и полномочия, а также место, которое ей отводится в государственном механизме. При определении правового положения государственного органа употребляются как понятие «правовой статус», так и «правовое положение». Для целей статьи данные дефиниции используются как взаимозаменяемые, что основано на верном утверждении В. В. Груздева о схожести указанных категорий и тождестве закрепленных этими терминами явлений, однородность их сущности, природы [2].

В настоящее время вопрос об отнесении прокуратуры к отдельной ветви власти является дискуссионным. Как правило, это объясняется отсутствием в Конституции РФ норм, определяющих правовой статус рассматриваемого органа в системе государственного управления.

В. Ю. Шобухин, обобщив результаты научных исследований последних десятилетий, приводит разные взгляды на место органов прокуратуры в системе государственного управления: и как на элемент законодательной власти, на орган исполнительной власти, так и на орган судебной власти (что было особенно актуально до внесения последних поправок в Конституцию РФ, когда положения о прокуратуре были включены в главу «Судебная власть») [5].

В целом заслуживает поддержки позиция Д. Н. Шевченко и М. С. Нагорной о трансформации классического представления о трехзвенной системе органов государственной власти, невзирая внимание на спорные утверждения о поддержке идеи создания отдельной ветви власти – контрольной, в лице прокуратуры РФ [3].

Так, авторы, рассматривая тенденцию модернизации модели разделения властей в России, приводят следующую классификацию:

– *органы государственной власти, входящие в систему государственного управления* (Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ со всеми его министерствами, службами и агентствами и органы судебной власти);

– *органы, не входящие в систему государственного управления, но координирующие и регулирующие деятельность между ветвями власти* (администрация Президента РФ, обеспечивающая его деятельность; Центральный банк РФ, отвечающий за денежно-кредитную политику государства; Счетная палата

РФ, следящая за исполнением федерального бюджета; и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, рассматривающий претензии к деятельности государственных органов и способствующий восстановлению нарушенных прав человека и гражданина).

К числу органов, не входящих в систему государственного управления, но координирующих и регулирующих деятельность между ветвями власти, авторы относят и органы прокуратуры в лице Генеральной прокуратуры РФ. Рассуждая о постепенном изменении, трансформации модели разделения властей, указанные авторы говорят о «четвертой ветви власти», под которыми понимают средства массовой информации. Активно утверждая об изменении концепции разделения властей, Д. Н. Шевченко и М. С. Нагорная оставляют за пределами исследования основания, по которым органы прокуратуры должны быть включены в концепцию разделения властей путем ее расширения.

Примечательна в этом смысле статья Е. А. Скобиной, в которой утверждается о наличии всех признаков, позволяющих создать контрольную ветвь власти в лице прокуратуры РФ наряду с законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти [4]. Исследователь отмечает, что органы прокуратуры по своей юридической природе действуют обособленно и не подчиняются другой ветви власти. Целесообразность такого подхода автора объясняет систематической некомпетентностью существующих органов государственной власти РФ в управлении государством, порождении новых противоречий, в связи с чем создание контрольной ветви власти позволит разрешить значительное число конфликтов в области государственного управления.

Из вышеизложенных «современных» рассуждений наряду с положениями из классических трудов по конституционному и административному праву весьма несложно проследить проблему определения положения органов прокуратуры в системе органов государственной власти и государственного управления. Анализ академической и научной литературы позволяет утверждать, что почти каждый автор в той или иной форме обращает внимание на «соседство» судебной власти и органов прокуратуры в главе 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура». Данный факт зачастую затрудняет корректное определение и понимание истинного положения органов прокуратуры, как в системе трех ветвей власти, так и среди прочих государственных органов. Более того зачастую, существующая неточность вводит в заблуждение и ведет к возникновению множества споров и дискуссии. Очевидно, что данная проблема привлекает внимание не только ученых и авторов, но и законодателя. Это подтверждается деятельностью по доработке и внесению изменений в действующую Конституцию РФ.

В новой редакции Конституции РФ статья 129 расширена, она более не носит отсылочный характер, а раскрывает в полной мере сущность и назначение органов прокуратуры. Анализируя содержание статьи, следует отметить, что новые изменения призваны укрепить ее положение, подчеркнуть ее особый статус. Однако, несмотря на доработку действующей редакции ст. 129, решительных действий по отделению положений о прокуратуре в отдельную главу Конституции РФ не произошло.

Следует согласиться с позицией В. Ю. Шобухина о необходимости решения проблемы места прокуратуры в государственном механизме, требующей серьезного конституционно-правового внимания.

Убедительным и верным представляются выводы С. П. Щербы и Т. В. Решетниковой о том, что в Конституции РФ по-прежнему нормативно не закреплена правовая статус прокуратуры РФ, этот единый федеральный централизованный орган государственной власти не признан самостоятельным на основе принципа разделения ветвей власти и не включен в ст. 10 и 11 Конституции РФ в число органов, осуществляющих государственную власть [6].

Роль, основные функции и полномочия прокуратуры РФ таковы, что эту единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор, не представляется возможным отнести ни к одной самостоятельной ветви государственной власти, установленной в ст. 10 Конституции РФ. Вопрос о том, является ли прокуратура самостоятельным независимым федеральным централизованным органом государственной власти в системе разделения ветвей власти, остается дискуссионным многие годы.

Следовательно, предмет для дальнейших дискуссий сохраняется, а значит, как и ранее будет исследоваться, как вопрос тесной взаимосвязи деятельности прокуратуры и судебной власти, так и точка зрения о невозможности сосуществования положений об этих структурах в рамках одной главы Конституции РФ.

Безусловно, возложенные на органы прокуратуры цели и задачи сегодня обретают первостепенную важность для дальнейшего развития России как правового государства. Надзор за соблюдением Конституции РФ, а также исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина – главнейшие задачи, поставленные перед органами прокуратуры.

Качественное выполнение поставленных задач обеспечивает и гарантирует укрепление верховенства права и соблюдение законности на всей территории страны. Таким образом, органы прокуратуры и их деятельность однозначно можно считать важнейшим государственным институтом, отвечающим за становление стабильного правового государства.

Полагаем, шаг по выделению и закреплению органов прокуратуры в отдельную специальную главу неизбежен и будет предпринят при следующей доработке положений Конституции РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Шобухин В. Ю.* Проблемы и перспективы правового регулирования прокурорской деятельности в условиях правовой реформы в России // *Современное право.* – 2014. – № 2. – С. 50–53.

2. *Груздев В. В.* Человек и право: исторические, общетеоретические и цивилистические очерки : монография. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 462 с.

3. *Шевченко Д. Н., Нагорная М. С.* Модели реализации концепции разделения властей и их отражение в конституциях современных государств // *Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области.* – 2019. – Т. 1. № 1 (24). – С. 100–103.

4. Скобина Е. А., Хренников В. Д. Прокуратура Российской Федерации как четвертая ветвь власти // Молодой ученый. – 2017. – № 8. – С. 246–248.

5. Шобухин В. Ю. Конституционное регулирование статуса прокуратуры Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы изменения ст. 129 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 4. – С. 26–29.

6. Щерба С. П., Решетникова Т. А. Конституционные новеллы о системе и иерархии функции прокуратуры // Законность. – 2021. – № 4. – С. 3–6.

УДК 343.133

Метлова Анастасия Андреевна,
магистрант, Костромской государственный университет, г. Кострома

Metlova Anastasiya Andreevna,
postgraduate, Kostroma State University, Kostroma

anastasia.metlova@yandex.ru

Конардов Сергей Борисович,
*старший преподаватель, Костромской государственный университет,
г. Кострома*

Konardov Sergey Borisovich,
senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma

skonardov@ya.ru

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

HISTORY OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURAL INSTITUTE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Статья посвящена изучению и анализу истории законодательного регулирования института возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельного этапа уголовного процесса.

The article is devoted to the study and analysis of the history of legislative regulation of the institution of initiation of a criminal case as an independent stage of the criminal process.

Возбуждение уголовного дела, уголовный процесс, процессуальный институт, генезис законодательства.

Initiation of a criminal case, institution, criminal procedure, procedural institution, genesis of legislation.

Вопрос защиты интересов граждан и организаций, пострадавших от преступных посягательств по-прежнему является одним из ключевых направлений государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Важная роль в этом отводится правоохранительным органам, деятельность которых связана с принятием сообщения о совершении преступления, соблюдением процессуального порядка его рассмотрения и принятия решения.

В отечественном уголовном процессе нормы, регламентирующие первоначальный этап уголовного судопроизводства относятся к уголовно-процессуальному институту возбуждения уголовного дела.

В уголовно-процессуальной науке историю законодательного регулирования института возбуждения уголовного дела принято подразделять на три периода: досоветский (царский) период (до 1917 года), советский период (1917–1991 гг.), современный (постсоветский) период (1991 – настоящее время).

Досоветский период развития института возбуждения уголовного дела вплоть до начала XVIII века характеризовался отсутствием стадии возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве, поскольку в это время нормы материального и процессуального права не рассматривались отдельно друг от друга.

Первые попытки выделения института возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного судопроизводства были предприняты в период правления Петра I. Так, в принятом в 1715 году Кратком изображении процессов и судебных тяжб впервые было закреплено 2 способа возбуждения уголовных дел: частный и публичный [7, ст. 2]. Также Указ «О форме суда» от 05 ноября 1723 года провозглашал суд как единственный орган, отправляющий правосудие, с закреплением четкой процедуры возбуждения уголовного дела [17].

Дальнейшее развитие института возбуждения уголовного дела можно проследить в принятом в 1775 году «Учреждения для управления губерний», в котором был установлен исчерпывающий перечень оснований для возбуждения уголовного дела [18, ст. 198].

Более четкие границы института возбуждения уголовного дела, как самостоятельной стадии прослеживаются в Своде законов Российской империи 1832 года [13], по которому «производство уголовных дел делилось на три части: следствие, суд, исполнение». Следствие на данном этапе выступало неким прототипом стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовно-процессуальном законодательстве. Его новаторский характер определялся тем, что он положил начало выделению уголовно-процессуального права как самостоятельной отрасли права, заложил предпосылки для образования процессуального института возбуждения уголовного дела, который в трактовке ученых-процессуалистов XIX века именовался как «предуготовительные меры к исследованию преступления» [8].

В принятом в 1864 году Уставе уголовного судопроизводства впервые вводится термин «возбуждение уголовного дела», а также регламентируется порядок начала производства уголовного дела, связанного с наличием повода

для возбуждения, перечень которых закреплялся в соответствующей статье [10, ст. 297]. К. Д. Анциферов считал, что возбуждение преследования может последовать лишь после обнаружения достаточности оснований и законности поводов, которые поступили к органам преследований [1].

Ю. В. Деришев утверждал, что в современном уголовном судопроизводстве институт дознания по дореформенному уголовно-процессуальному законодательству Российской империи представлен уголовно-процессуальной деятельностью по проверке информации о совершенном преступлении [5].

Аналогичной позиции придерживается и Н. А. Власова, которая утверждает, что методы, формы, а также цели деятельности полиции по проверке заявлений и сообщений о преступлениях по дореволюционному законодательству практически аналогичны тем, которые существуют в стадии возбуждения уголовного дела в настоящее время [2].

Советский этап развития института возбуждения уголовного дела характеризуется принятием большого количества нормативных правовых актов, изменивших систему уголовного судопроизводства дореволюционной России. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О суде», принятый 24 ноября 1917 года, стал основополагающим нормативным актом советского уголовно-процессуального права, которым закреплены основы института возбуждения уголовного дела РСФСР [4, ст. 3, 8].

Постановление Народного Комиссариата юстиции РСФСР и Народного Комиссариата внутренних дел РСФСР от 13 октября 1918 года, утвердившее Инструкцию «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», наделило органы милиции полномочиями по принятию и проверке сообщений о преступлениях, возбуждению уголовных дел и их расследованию [11, ст. 26]. Однако ни один нормативно-правовой акт не регулировал вопросы процессуального оформления принятых должностными лицами решений. «Большинство местных судебно-следственных учреждений с начала своей деятельности оформляло принятые решения в постановлении, а устные сообщения о преступлениях, работники рабоче-крестьянской милиции уже тогда оформляли протоколами» [9, с. 23–28]. Такая правотворческая деятельность помогла определить пути дальнейшего развития рассматриваемого института.

Нельзя не заметить, что на данном этапе истории России нормы, регламентирующие порядок возбуждения уголовного дела, были урегулированы нормативными документами, регулирующими деятельность различных ведомств, и не были едиными. По данному вопросу можно согласиться с мнением Н. Н. Полянского: «требование строжайшего соблюдения революционной законности могло быть осуществлено лишь при условии создания кодексов по всем отраслям права» [10, с. 22].

Первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР 1922 года) был принят 25 мая 1922 года, глава 7 которого была полностью посвящена возбуждению уголовного дела и получила название «Возбуждение производства по уголовному делу». Однако данные законодательные нормы не позволяли выделить институт возбуждения уголовного дела в самостоятельную

стадию уголовного судопроизводства, поскольку не был понятен момент окончания этапа возбуждения уголовного дела. Аналогичные нормы о возбуждении уголовного дела были закреплены и в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 года [14].

В уголовно-процессуальной науке складывается мнение, что институт возбуждения уголовного дела сформировался окончательно с введения в Циркуляре Прокуратуры СССР № 41/26 от 5 июня 1937 года нормы, обязывающей выносить постановление о возбуждении уголовного дела [19, п. 2].

Дальнейшее развитие института возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса связано с принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 27 октября 1960 года (далее – УПК РСФСР 1960 года), в котором был регламентирован подробный процедурный порядок стадии возбуждения уголовного дела. Она начиналась с момента официальной фиксации органом дознания, следователем, прокурором или судьей поступившего носителя первичной информации о преступлении, которому закон (УПК РСФСР) придавал значение формального повода к возбуждению. Кроме того, УПК РСФСР 1960 года закреплял официальные поводы для возбуждения уголовного дела: заявления граждан; сообщения организаций, предприятий, учреждений и должностных лиц; сообщения профсоюзных и комсомольских организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций; сообщения, опубликованные в печати; явка с повинной; непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором, судьей или судом признаков преступления [15, ст. 108]. Основанием возбуждения уголовного дела являлись достаточные данные, указывающие на признаки преступления [15, ст. 108]. Впервые в ст. УПК РСФСР законодательно был установлен срок проверки сообщения о преступлении, который составлял не более трех суток, который при необходимости мог быть продлен до 10 суток. Кроме этого, законодательно были закреплены способы проверки без производства следственных действий, а именно: получение объяснений и истребование необходимых материалов [15, ст. 109]. Статьи 112–114 УПК РСФСР 1960 г. регламентировали процедуру возбуждения уголовного дела, а также возможность отказа в возбуждении уголовного дела и направления его по подсудности.

Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин считают, что с законодательным закреплением деятельности в УПК РСФСР 1960 года, внедряется твердое начало законности, придаются четкость, определенность и правовая устойчивость возникшим в ходе этой деятельности отношениям, обеспечивается защита прав и законных интересов граждан, исключается возможность произвола и беззакония [6, с. 30]. А. А. Давлетов и Л. А. Кравчук полагают, что превращение института возбуждения уголовного дела в процессуальную стадию было закономерно и отражало объективные потребности нашего общества в ликвидации «легковесного» механизма уголовного судопроизводства, позволявшего включать всю карательную мощь органов уголовного преследования немедленно по получении сообщения о преступлении и необходимости установки на началь-

ном этапе уголовного процесса своего рода «фильтра», предназначенного для проверки и «отсева» информации о преступлении [3].

Концепция судебной реформы РСФСР, внесенная Президентом РСФСР на рассмотрение Верховного Совета РСФСР и одобренная им 24 октября 1991 года (далее – Концепция), сформировала кардинально новые положения, положившие начало современному уголовно-процессуальному законодательству. В частности, в Концепции указывалось, что обоснованным будет рассматривать «всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела» [12].

Постсоветский этап становления и развития института возбуждения уголовного дела начинается с принятия 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации, которая вносит ряд изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Дальнейшие изменения в институте возбуждения уголовного дела произошли в связи с принятием 18 декабря 2001 года УПК РФ. Можно говорить о том, что УПК РФ 2001 г. продолжил начатое УПК РСФСР 1960 г. развитие стадии возбуждения уголовного дела, однако воплощение в новом кодексе доктрины правового государства привело к существенному усилению правовых гарантий участников уголовного процесса, к изменению роли суда в уголовном процессе и понимании его как самостоятельного органа судебной власти. После принятия УПК РФ 2001 года в раздел VII, посвященный возбуждению уголовному делу, неоднократно вносились изменения.

Так, Федеральным законом «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РФ» № 404-ФЗ от 28.12.2010 года, Федеральным законом «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РФ» № 23-ФЗ от 04.03.2013 года установлены ряд новых процессуальных правил, института возбуждения уголовного дела, среди которых – расширенный список следственных действий, производимых до возбуждения уголовного дела, а именно: освидетельствование и назначение экспертизы [16, ст. 144]; изменен перечень поводов для возбуждения дела [16, ст. 140]; внесены коррективы в процедуру возбуждения уголовных дел частного обвинения.

Институт возбуждения уголовного дела на протяжении всей истории своего становления был важным этапом российского уголовного процесса, целью которого было принятие законного и обоснованного решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела на основании полной проверки каждого поступающего сообщения о совершении преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Анциферов К. Д.* Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. – СПб. : Гос. тип., 1898. – 202 с.
2. *Власова Н. А.* Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе : дис... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – 405 с.

3. *Давлетов А. А., Кравчук Л. А.* Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса. – URL: <http://lawlibrary.ru> (дата обращения: 09.09.2021).

4. Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 года. – URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 09.09.2021).

5. *Дерюшев Ю. В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : дис...д-ра юрид. наук. – Омск, 2005. – 126 с.

6. *Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н.* Возбуждение уголовного дела. – М. : Госюриздат, 1961. – 206 с.

7. Краткое изображение процессов или судебных тяжб от 26 апреля 1715 года. – URL: <http://www.hist.msu.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

8. *Максимов П. В.* Концепция возбуждения уголовного преследования по российскому уголовно-процессуальному законодательству XI–XX вв. Историко-правовое исследование : автореф. дис...канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 21 с.

9. *Непранов Р. Г., Перякина М. П., Короленко И. И.* К вопросу об истории становления института возбуждения уголовного дела в России. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 09.09.2021).

10. *Полянский Н. Н.* Очерк развития советской науки уголовного процесса. – М. : Изд-во: АН СССР, 1960. – С. 212 с.

11. Постановление Народного Комиссариата юстиции РСФСР и Народного Комиссариата внутренних дел РСФСР об утверждении Инструкции «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» от 13 октября 1918 года. – URL: <http://www.hist.msu.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

12. Постановление Верховного Совета РСФСР «Об утверждении Концепции Судебной реформы в РСФСР» от 24 октября 1991 года. – URL: <http://www.hist.msu.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

13. Свод законов Российской империи от 1832 года. – URL: <http://www.hist.msu.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 года. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

16. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 года № 174-ФЗ: по состоянию на 17.06.2021 года. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

17. Указ «О форме суда» от 05 ноября 1723 года. – URL: <http://www.hist.msu.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

18. Учреждения для управления губерний. – URL: <http://www.hist.msu.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

19. Циркуляр Прокуратуры СССР № 41/26 от 5 июня 1937 года. – URL: <http://www.hist.msu.ru/> (дата обращения: 09.09.2021).

УДК 342.951:351.82

Одинцов Антон Юрьевич,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома

Odintsov Anton Yurievich,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

anton.camry777@yandex.ru

Ганжа Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома

Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University, Kostroma

nat_ganzha@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК МЕРА БОРЬБЫ С РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ADMINISTRATIVE SUPERVISION AS A MEASURE TO COMBAT RECIDIVISM

В данной статье рассмотрена необходимость изучения современного законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в связи с появлением новых видов преступлений, ростом организованной преступности, профессиональной рецидивной преступности, так как административный надзор по своему правовому назначению является эффективным средством борьбы с ней.

This article considers the need to study modern legislation on administrative supervision of persons released from prison in connection with the emergence of new types of crimes, the growth of organized crime, professional recidivism, since administrative supervision for its legal purpose is an effective means of combating it.

Административное право, административный надзор, рецидивная преступность, психологические заболевания.

Administrative law, administrative supervision, recidivism, psychological diseases.

В настоящее время показатели рецидивной преступности по-прежнему находятся на достаточно высоком уровне. Считаем, что это, в большей мере, обусловлено недостаточной эффективностью профилактической работы, про-

водимой органами внутренних дел с лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Отсутствие в государстве действенной профилактической своевременной работы превращает уголовно-исполнительную систему в некую структуру, которая лишь обеспечивает временную изоляцию от общества лица, совершившего преступление.

Согласно статистическим данным периода отсутствия административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, более 50 % повторных преступлений приходилось на первый год после освобождения, 30 % – на второй и 15 % – на третий. Притом эти показатели увеличиваются с каждым годом. Следовательно, основные усилия борьбы с рецидивной преступностью необходимо прикладывать на первый год после освобождения лица из мест лишения свободы.

Кроме того, особое внимание следует уделять лицам, страдающим психическими заболеваниями, в связи с тем, что данная категория граждан наиболее склонна к девиантному поведению в силу присущих им психоэмоциональных особенностей. Повышенная криминогенность лиц с психическими расстройствами доказана и научными исследованиями. Так, Е. В. Ильюк [1], В. П. Емельянов и А. М. Тронева [2] в своих работах приходят к выводу о том, что общественная опасность преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими заболеваниями значительно выше общественной опасности преступлений, совершенных лицами без патологий, в связи с тем, что психические заболевания оказывают существенное влияние на интеллектуальную и волевую сферу личности. Такие лица обладают пониженной способностью прогнозирования возможных последствий своих действий и осознанно руководить ими.

Мы разделяем мнение авторов и считаем, что отсутствие надлежащей профилактической работы с лицами, страдающими психическими расстройствами препятствует их исправлению, что способствует совершению ими рецидивных преступлений и говорит о недостижении целей уголовного наказания.

В связи с этим считаем целесообразным внесение изменений в статью 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [3], предусматривающих необходимость административного надзора за совершеннолетними лицами, освободившимися из мест лишения свободы, страдающими психическими заболеваниями, в целях борьбы с рецидивной преступностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ильюк Е. В.* Профилактические меры предупреждения рецидивов со стороны лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости // *Человек: преступление и наказание.* – 2015. – № 48. – С. 100–106.

2. *Емельянов В. П., Тронева А. М.* Нервно-психическая патология и преступное поведение // *Всероссийский криминологический журнал.* – 2016. – № 4. – С. 665–670.

3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (по состоянию на 01.10.2019). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.06.2021).

УДК 343

*Подопригора Валерия Андреевна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Podoprigora Valeriya Andreevna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

vrosovszkaya@icloud.com

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье обосновывается значимость прокурора на всех стадиях уголовного судопроизводства. Анализируется спектр его полномочий, их сущность и функциональное предназначение. Вместе с тем, отмечается проблематичность существующей нормативной конструкции и дискуссионный характер вопроса осуществления им уголовного преследования. Анализируются авторские позиции, и обосновывается собственное видение относительно целесообразности расширения полномочий прокурора. Отмечается ряд предложения, нацеленных на оптимизацию процессуального статуса прокурора и максимизацию результативности его деятельности.

The article substantiates the importance of the prosecutor at all stages of criminal proceedings. The spectrum of his powers, their essence and functional purpose are analyzed. At the same time, the problematic nature of the existing normative structure and the debatable nature of the issue of criminal prosecution is noted. The author's positions are analyzed, and his own vision regarding the expediency of expanding the powers of the prosecutor is substantiated. There are a number of proposals aimed at optimizing the procedural status of the prosecutor and maximizing the effectiveness of his activities.

Уголовный процесс, суд, прокурор, поддержание обвинения, правовой статус, надзор, приговор суда.

Criminal process, court, prosecutor, prosecution support, legal status, supervision, court verdict.

Вопрос правового статуса прокурора в рамках уголовного судопроизводства по праву занимает нишу одного из самых актуальных, поскольку значимость данной фигуры вряд ли можно переоценить. Именно он выступает гаран-

том обеспечения режима законности, справедливости и обоснованности проводимых по делу мероприятий и принимаемых решений. Отправной точкой его вовлечения в процесс является получение сведений о совершенном или готовящемся преступлении, после чего он осуществляет свою деятельность вплоть до пересмотра приговора суда, вступившего в законную силу.

Заслуживает внимания точка зрения ряда исследователей и руководящего корпуса Генеральной прокуратуры РФ, считающих уголовно-процессуальный статус прокурора в рамках действующего КПК РФ крайне скудным, что оказывает деструктивное воздействие на качественный уровень прокурорского надзора и уголовного судопроизводства в целом [1, с. 87].

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом, уполномоченным на осуществление уголовного преследования, а также выполняет надзорные функции в отношении процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия [9]. Однако на практике ни одна из данных функций им не реализуется, и данные полномочия делегируются следователю и руководителю следственного органа, который, к слову, как бы ни было парадоксально, контролирует законность проводимого им же уголовного преследования.

Согласно нормативным предписаниям, в лице прокурора объективируется вся обвинительная сторона дела, проявляющаяся во всем плюрализме своих граней в рамках судебного процесса.

Вместе с тем, не стоит нивелировать его значимость в рамках досудебного производства. Коррективы, которые были внесены в УПК РФ Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [4] повлекли нивелирование его полномочий в аспекте возбуждения и производства по уголовному делу, что внесло еще большие коллизии в его и без того дискуссионный правовой статус.

Обращение к общим положениям УПК РФ позволяет заключить, что, с одной стороны, он лишен права осуществления уголовного преследования, но при этом трактуется в качестве ведущей фигуры уголовного преследования. Как бы ни было парадоксально, но именно на его усмотрение отводится вопрос решения судьбы обвинения в рамках утверждения обвинительного заключения или обвинительного акта, равно как при направлении уголовного дела в суд.

Решение законодателя о сокращении спектра полномочий прокурора в рамках предварительного следствия было продиктовано, во многом, нацеленностью на максимизацию процессуальной автономии следователя. Однако практика правоприменения наглядно проиллюстрировала тщетность данного шага, поскольку нишу прокурора фактически занял руководитель следственного органа, в полной мере контролирующей деятельность следователя (показательны его полномочия по определению векторов процесса расследования, признанию постановлений следователя незаконными и необоснованными и иные) [3, с. 90].

В данном отношении укажем, что, к примеру, А. П. Кругликов, В. М. Быков обосновывают важность реабилитации прокурора в аспекте его права на осуществление уголовного преследования. Как многие утверждают,

наиболее оптимальным решением было бы наделение вновь прокурора правом возбуждения уголовных дел, если наличествуют соответствующие повод и основания. При сложившемся же подходе вести речь о полноценном уголовном преследовании от имени государства не представляется возможным. Скорее, имеет место вынужденное вовлечение прокурора в уголовное преследование для создания «фасада состязательности» в процессе.

Не оспаривая наличие рационального начала в данной позиции, отметим, что приматом в рамках досудебного участия прокурора должна обладать функция надзора, выступающая категорией более совершенного уровня по сравнению с полномочиями по уголовному преследованию [6, с. 89].

Вряд ли встретит возражение тот факт, что абсолютно нецелесообразно возложение функций по уголовному преследованию и надзору на одно и то же лицо, безотносительно к стадии уголовного судопроизводства. При таком же подходе нивелируется ценность таких критериев как беспристрастность и объективность в силу заинтересованности субъекта уголовного преследования в успешном и оперативном изобличении обвиняемого и подтверждении обвинения. Это лишь усилит и без того явственно проявляющуюся тенденцию обострения обвинительного уклона [5, с. 150].

Сам исторический опыт подтверждает необоснованность параллелизма в отношении прокурорского надзора и уголовного преследования на всех стадиях уголовного производства. В силу данных обстоятельств, видится целесообразным внесение в УПК РФ корректив в виде исключения из него права прокурора на дачу дознавателю письменных указаний по вопросу хода расследования и производства процессуальных действий с параллельным делегированием последних начальнику органа дознания.

Что касается непосредственно стадии уголовного процесса, в ходе рассмотрения дела судом прокурор, напротив, является субъектом реализации функции уголовного преследования, а не надзора, что объективируется в поддержании им государственного обвинения. Однако в целом в науке наблюдается плюрализм позиций по поводу спектра полномочий прокурора на данной стадии уголовного судопроизводства.

К примеру, как считает М. Э. Семененко, лишь в рамках слушания дела в судебном заседании прокурор, помимо названного выше уголовного преследования, также осуществляет надзор за точным и единообразным применением закона; превенцию преступлений; воспитательно-профилактическую функцию [7, с. 8].

Отметим также позицию А. А. Тушева, согласно которой правовой статус прокурора вбирает в себя функциональные направления: борьбы с преступностью; 2) надзорную; 3) правозащитную; 4) уголовного преследования; 5) руководства процессуальной деятельностью следователя, дознавателя, органов дознания по возбуждению уголовных дел и расследованию преступлений; 6) координации деятельности правоохранительных органов по возбуждению уголовных дел и расследованию преступлений; 7) установления объективной истины по делу [8, с. 43.].

Все указанные выше функции проявляются в обширном спектре его полномочий в рамках судебного разбирательства: активное участие в процессе (что одновременно выступает его обязанностью при рассмотрении уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, а также при разбирательстве уголовного дела частного обвинения; обращение к суду с заявлениями (ходатайствами) к примеру, в ч.5 ст. 246 УПК государственный обвинитель наделяется правом донесения до суда предложений по поводу применения уголовного закона и назначения подсудимому наказания, вплоть до установления вида исправительного учреждения; рассматривает возможность применения условного осуждения, ставит акцент на отягчающих и смягчающих обстоятельствах. Как явственно показывает практика, прокурор всегда предлагает наказание, являющееся более жестким по назначаемому в итоге приговором суда [5, с. 324].

Прокурор свободен в представлении суду доказательственного материала и может участвовать в его анализе, а также приводить контраргументы на доводы стороны защиты. Он также уполномочен на предъявление и поддержание гражданского иска, предъявленного по уголовному делу.

Отсутствует запрет на отказ прокурора от обвинения, если в ходе судебного разбирательства он придет к выводу о недоказанности вины подсудимого. Важность данного права нельзя переоценить, поскольку полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения выступает императивным основанием для прекращения уголовного дела при должной обоснованности государственным обвинителем своего решения. Прокурор также может изменить обвинение в сторону смягчения, исключив из квалификации отягчающие признаки [2, с. 94].

Данными полномочиями не исчерпывается правовой статус прокурора на стадии судебного разбирательства, однако анализ представленных выше полномочий позволяет отметить их специфичность по сравнению с функциональной нагрузкой прокурора в рамках досудебной стадии. Однако их суммарное исследование позволяет с уверенностью заключить, что прокурор выступает в числе стержневых фигур в уголовном процессе, даже при учете того обстоятельства, что его полномочия в судебном разбирательстве, в большей степени, рекомендательны для суда. Вместе с тем, его роль в принятии судом по настоящему справедливого и обоснованного решения неопределима.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кулажников В. В.* Особенности правового статуса прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // *Образование и право.* – 2020. – № 5. – С. 86–91.

2. *Ламерт О. С.* Прокуратура и судебная власть: участие прокурора в судебном процессе // *Вестник Уральского института экономики, управления и права.* – 2021. – № 7. – С. 70–75.

3. *Назаров А. Д.* Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок

в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного права. – 2019. – № 9 (58). – С. 149–153.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

5. Прокурорский надзор : учебник для бакалавров. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 479 с.

6. Рагулин А. В. О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 4 (29). – С. 52–65.

7. Семененко М. Э. Проблемы уголовного преследования, осуществляемого прокурором в суде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 25 с.

8. Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2018. – 325 с.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

УДК 343.1

Подопригора Дмитрий Андреевич,
магистрант, Костромской государственный университет, г. Кострома

Podoprigora Dmitriy Andreevich,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

dimitriypodoprigora@yandex.ru

ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE ACTIVITIES OF A LAWYER

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся адвокатского расследования в ходе уголовного судопроизводства. Логическим продолжением частного начала в уголовном процессе является расширение права стороны защиты на собирание доказательств по уголовному делу, которые необходимы для опровержения подозрения и обвинения, защиты прав личности. Только таким путем можно уравновесить статус субъектов стороны обвинения и статус субъектов стороны защиты в уголовном судопроизводстве. Статья предназначена для студентов юридических вузов и факультетов в целях углубленного изучения курсов «Адвокатская деятельность и адвокатура в РФ» и «Защита от уголовного преследования в уголовном процессе России», преподавателей, аспирантов и докторантов, научных работников, а также адвокатов, сотрудников правоохранительных органов и суда.

The article deals with issues related to the lawyer's investigation in the course of criminal proceedings. The logical continuation of the private principle in the criminal process is the extension of the right of the defense to collect evidence in a criminal case, which is necessary to refute suspicion and accusation, to protect the rights of the individual. This is the only way to balance the status of the subjects of the prosecution and the status of the subjects of the defense in criminal proceedings. The article is intended for students of law schools and faculties for the purpose of in-depth study of the courses "Advocacy and advocacy in the Russian Federation" and "Protection from criminal prosecution in the criminal process of Russia", teachers, postgraduates and doctoral students, researchers, as well as lawyers, law enforcement officers and the court.

Адвокатское расследование, адвокат-защитник, досудебное производство, уголовное дело.

Lawyer-defender, pretrial proceedings, criminal case.

Требования действующего законодательства, связанные с определением правового статуса и полномочий адвоката на стадии досудебного производства неразрывно сопряжены с обеспечением функций по оказанию квалифицированной юридической помощи. Так, вышеуказанная деятельность подразумевает под собой участие адвоката в обеспечении законных интересов и прав граждан, что включает в себя комплекс юридических действий, как в осуществлении доказывания, так и в деятельности, связанной с объективностью собранных полномочными органами доказательств, указывающих на причастность того или иного лица к инкриминируемому деянию.

Учитывая вышесказанное, считаем, что каждая личность заинтересована в защите самого ценного – прав и свобод, которые выражаются в тех или иных интересах. Данную защиту в правовой сфере может обеспечить адвокат, являющийся гарантом предоставления квалифицированной юридической помощи, без которого уголовный процесс представить затруднительно. Также, наряду с правами участников уголовного процесса, права защитника (адвоката) являются объектом обеспечения соблюдения законности тех или иных признаков и правил принятия решений, с которыми личность сталкивается в уголовном процессе.

Так, деятельность, выраженная в знании и умении применять процессуальные нормы защитником, является разновидностью уголовно-процессуальной деятельности. Кроме этого, обязанности защитника (адвоката) отражены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, статья 53 УПК РФ [1] раскрывает правовой статус адвоката, наделяя последнего правами и обязанностями. Из этого следует, что адвокат имеет право использовать способы защиты, при этом не нарушая нормативно-правовые акты, регламентирующие его деятельность.

Считаем необходимым проанализировать полученные нами статистические сведения, касающиеся отображения ситуации, связанной с ознакомлением компетентным органом участвующего лица о праве привлечения адвоката для защиты интересов, где опрошенные респонденты утверждают: право иметь защитника не разъяснялось им при допросе – 25%, задержании – 31 %, при аресте – 44 %.

Л. В. Головкин отмечал, что законодательством не рассматривалась мысль о параллельном расследовании, в котором суд принимает сторону нейтралитета, позволяя сторонам в полной мере пользоваться правами в процессе, являющемся состязательным, без какого-либо вмешательства [2].

Е. Г. Мартыничук отмечал, что в расследованиях, проводимых адвокатами, заложены функции, позволяющие наиболее точно использовать навыки профессиональной защиты в уголовном процессе [3].

На наш взгляд, невозможно преобразовать структуру досудебного производства, при этом не создав условия реальной состязательности сторон. Данная реформация возможна при детальном изменении Российского уголовного процесса в целом, в ходе которой адвокаты получают дополнительные и необходимые полномочия с целью осуществления адвокатского расследования с применением полученных результатов.

Досудебное производство в России XXI века, также как и уголовное судопроизводство, является публичным, что в полной мере отражает отношения сторон в уголовном процессе. Деятельность адвоката в том или ином судопроизводстве, на наш взгляд, должна включать в себя более объемный список полномочий. Адвокат действует исключительно односторонне в интересах своего доверителя. Данную деятельность можно назвать односторонней. Таким образом полномочия адвоката в доказывании отражают иную природу, обусловленную, с одной стороны, презумпцией невиновности (ст. 49 Конституции, ст. 14 УПК РФ), а с другой – конституционной обязанностью оказывать доверителю квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ).

Уголовный процесс на стадии досудебного производства включает в себя бремя доказывания, которое распределяется между сторонами-участниками. Адвокат, как сторона защиты, фактически осуществляет доказывание тех положений, которые впоследствии будут утверждены перед судом. Введение в концепцию российского законодательства теории проведения защитником адвокатского расследования определенно расширит границы досудебного производства, в более полном объеме раскрывая сферу доказывания и выполнения определенных обязанностей стороной защиты. Согласно УПК РФ, обязанность в доказывании или опровержении тех или иных фактов, с соблюдением процессуальных норм, не является обязательной для защитника. Таким образом создается ощущение того, что защитник частично освобожден от бремени доказывания, и каждый факт, представленный им, должен быть принят на рассмотрение судом с проведением дальнейшего исследования [4].

В УПК РФ внимание акцентируется на процессуальном статусе участников процесса и на том, как он формируется. Закрепленные нормативно-правовыми актами, права адвоката формируют основу, выраженную в доказывании с применением материально-правовой базы. Данные нормы не были закреплены документально, соответственно остались необеспеченными процедурно в силу неполной совокупности предписаний, а также форм целенаправленного управляющего воздействия с последующим введением соответствующей декларации [5].

Так, параллельно с развитием законодательства, должна развиваться и совершенствоваться деятельность адвоката на стадии досудебного производства. На сегодняшний день в уголовном процессе сторона защиты является слабым звеном, так как реализует свои полномочия посредством ходатайств, адресуемых правоохранительным органам, прокурорам или суду, из которых явно меньшая часть проходит стадию удовлетворения, не говоря о ходатайствах, направленных на проведение тех или иных следственных действий. Также обжалование фактов отказа в удовлетворении ходатайств не дает положительного результата. На основании статьи 125 УПК РФ, в рамках судебного производства, чаще всего, жалобы отклоняются. Основанием отказа в жалобах является процессуальная независимость органа дознания или следствия.

Вопросы, связанные с удовлетворением рассматриваемых ходатайств, требуют подробного изучения с целью устранения недостатков в правовой регламентации. О том, какие сроки установлены на рассмотрение ходатайств, законодательная база не регламентирует. Также, не отражены сроки уведомлений о результатах рассмотрения ходатайств, а впоследствии и о возможных сроках обжалования решений, принятых органом расследования.

Только следователь (дознатель), по своему усмотрению, определяет степень значимости обстоятельств, об установлении которых заявляет ходатайства защитник. Данный подход к удовлетворению ходатайств является субъективным и может способствовать нарушению интересов защитника и подзащитного.

На наш взгляд подобный подход имеет противоречия. С целью устранения данных противоречий возникает необходимость в законодательном закреплении, регламентирующем право в принятии и приобщении к делу материалов, которые представляет сторона защиты, а также введения регламента порядка принятия сведений, предметов и документов. На основании этого, рассмотрения требует и вопрос об ответственности за неисполнение этой обязанности [5].

Так, считаем, логическим продолжением частного начала в уголовном процессе является расширение права стороны защиты на собирание доказательств по уголовному делу, опровергающих те или иные факты стороны обвинения и необходимых для полноценной защиты прав и интересов личности. Исключительно таким образом можно уравнивать статусы субъектов стороны обвинения и стороны защиты в досудебном производстве, а впоследствии в судебном. Однако вышеизложенное не означает, что в случае нарушения или ограничения прав потерпевшего, органом дознания, следственным органом или прокурором они не имеют права возложить обязанности по производству расследования своему законному защитнику – адвокату. Наоборот, такое полномочие им следует предоставить в соответствии с Концепцией судебной реформы в РФ. В указанных условиях значительно изменяются направления и формы деятельности стороны защиты, тем более с реальной возможностью участия в процессуальном доказывании, влиянии на ход досудебного процесса в рамках действующего закона.

Одним из предложений по совершенствованию действующего законодательства является внесение в раздел VIII «Предварительное расследование» УПК РФ отдельной главы «Адвокатское расследование». Основные понятия статьи 5 УПК РФ, дополнить пунктом об «адвокатском расследовании», который будет представлять собой сформированную информацию об уголовно-процессуальной деятельности, проводимой на стадии досудебного производства в виде осуществления процессуальных действий, основной частью которых является защита прав, свобод и законных интересов граждан.

Таким образом, логическим продолжением частного начала в уголовном процессе является расширение права стороны защиты на собирание доказательств по уголовному делу, которые необходимы для опровержения подозрения и обвинения, защиты прав личности. На наш взгляд, необходимо обратить внимание на тот факт, что компетенция защитника на стадии досудебного производства не должна рассматриваться полномочными органами как непроцессуальная или альтерпроцессуальная. Считаем целесообразным шагом к легитимации тезиса о том, что недопустимо сводить действия по получению доказательств только к следственным действиям. Доказательства могут быть получены и в ходе иных процессуальных действий. В свою очередь, данный факт подтверждается тем, что при обращении внимания на первоначальный этап процесса доказывания, направленный не как на собирание или формирование уже «готовых доказательств», а как деятельность, направленную на выявление и фиксацию информации о преступлении, то это вполне применимо и к деятельности адвоката-защитника, что, на наш взгляд, обеспечит базисный принцип уголовного судопроизводства, выраженный в равенстве его сторон. Только таким путем можно уравновесить статус субъектов стороны обвинения и статус субъектов стороны защиты в уголовном судопроизводстве.

Статью 150 УПК РФ, по нашему мнению, стоит изложить следующим образом: «Предварительное расследование может производиться как в форме предварительного следствия и форме дознания, так и в форме адвокатского расследования». Таким образом, на стадии досудебного производства адвокат будет уполномочен осуществлять действия, выраженные в собирании доказательств. По мнению автора, адвокат имеет полное право прибегать к проведению адвокатского расследования и получения более полной информации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).
2. Курс уголовного процесса : учебник. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 2017. – 1278 с.
3. *Мартыничук Е. Г.* Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы формирования нового института и модели // Адвокатская практика. – 2012. – № 1. – С. 21–29.

4. Калиновский К. Б. Обоснованность уголовно-процессуальных решений в свете учения о бремени доказывания. – М. : Элит, 2011. – 248 с.

5. Рагулин А. В. О совершенствовании законодательства в направлении охраны профессиональных прав адвокатов // Юридический мир. – 2012. – № 8 (188). – С. 14–18.

УДК 342.5

Рубцова Майя Викторовна,
*научно-исследовательский институт
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Москва*

Rubtsova Maya Viktorovna,
*Research Institute University of the prosecutor's office of the Russian Federation,
Moscow*

majya-rubcova@yandex.ru

ПРОКУРАТУРА В УСЛОВИЯХ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

PROSECUTOR'S OFFICE IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL REFORM AND MODERN REALITIES IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION

Статья посвящена конституционной реформе, изменениям законодательства, в том числе закону о прокуратуре, где дается новое определение прокуратуры, о порядке назначения генерального прокурора и его заместителей, иных прокуроров, надзору за законностью в сфере реализации социальных прав граждан, задачам прокуратуры по борьбе с коррупцией.

The article is devoted to constitutional reform, changes in legislation, including the law on the Prosecutor's office, which gives a new definition of the Prosecutor's office, on the procedure for appointing the Prosecutor General and his deputies, other prosecutors, supervision of the rule of law in the implementation of social rights of citizens, and the tasks of the Prosecutor's office to fight corruption.

Прокуратура, конституционная реформа, изменения законодательства, законопроект, правовая система, международные договоры, защита прав граждан, правоохранительные органы, эффективность государства, правонарушения закона, преступления, противодействие коррупции.

Prosecutor's office, constitutional reform, changes in legislation, draft law, legal system, international treaties, protection of citizens' rights, law enforcement agencies, state efficiency, violations of the law, crimes, anti-corruption.

Поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации, направлены на новый вектор развития законодательства. Главная цель поправок – обеспечить устойчивое развитие общества, достойную жизнь граждан, социальную защиту и повышение эффективности государства, борьба с коррупцией и ее проявлениями. При этом ряд положений потребует развития в действующем законодательстве, внесения соответствующих изменений. В настоящее время готовится план законопроектной работы, согласно которому необходимо будет принять около 100 федеральных и федеральных конституционных законов во исполнение Конституции Российской Федерации. Кроме того, регионы должны посмотреть на соответствие Конституции Российской Федерации свои законодательные акты – от конституций и уставов до отдельных актов субъектов Российской Федерации. 22 сентября 2020 года Президент Российской Федерации внес в Госдуму первую партию законопроектов, разработанных во исполнение поправок к Конституции Российской Федерации, вступивших в силу в июле. В состав пакета вошли следующие 8 законопроектов [1]: «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»; «О внесении изменений в статьи 6 и 11 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; «О Правительстве Российской Федерации»; «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»; «О внесении изменений в статьи 1 и 16 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» и статьи 12 и 17 Федерального закона «О внешней разведке»; «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»; «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности»; «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В частности, первым из перечисленных законопроектов предусмотрено приведение в соответствие с обновленными нормами Конституции Российской Федерации порядка формирования и полномочий Конституционного Суда РФ. Речь идет о положениях, касающихся численности судей, проверки конституционности законопроектов, возможности исполнения решений международных (иностраных) судов, арбитражей и т. д. Часть положений законопроекта направлена на уточнение норм, касающихся порядка конституционного судопроизводства и других вопросов. Так, например, планируется предусмотреть, что Верховный Суд РФ не позднее 2 месяцев после опубликования постановления КС РФ должен дать разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации в части, касающейся норм, в отношении которых Конституционным Судом РФ было принято постановление об их неконституционности либо о признании их конституционными, но в истолковании, данным Конституционным Судом РФ.

Другой законопроект призван полностью заменить ныне действующий Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». С учетом требований новой редакции Конституции Российской Федерации в нем определяется статус Правительства Российской Федерации, организационно-правовые основы его формирования и деятельно-

сти; закрепляются новые полномочия Правительства Российской Федерации в сфере социального обеспечения, защиты семьи и детства, здравоохранения, взаимодействия с институтами гражданского общества и иных областях. Остальные законопроекты из рассматриваемого пакета, затрагивающие работу ФСБ, Службы внешней разведки, прокуратуры, Уполномоченного по правам человека в России также направлены на приведение законодательства в соответствие с новыми нормами Конституции Российской Федерации.

Так, Федеральным законом от 9 ноября 2020 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» дается новое определение прокуратуры: «Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции» (п. 1. ст. 1). Таким образом, органы прокуратуры, осуществляя надзор, должны уделять и уделяют особое внимание надзору за законностью в сфере реализации социальных прав граждан. Задача органов прокуратуры не допускать нарушений прав граждан, способствовать непосредственной реализации прав на всех уровнях. В соответствии с новыми положениями Конституции уточняется, что, несмотря на то что деятельность прокуратуры осуществляется в том числе в соответствии с международными договорами Российской Федерации, имплементированными в правовую систему страны, решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров России в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Прописывается порядок назначения генерального прокурора и его заместителей – президентом после консультаций с Советом Федерации.

Прокуроры субъектов Федерации, военных и других специализированных прокуратур будут назначаться на должность после консультаций президента с Советом Федерации. Считается, что это очень важно, потому что у нас силовая вертикаль – это вторая вертикаль после исполнительной, и сделать ее прозрачной очень важно. Поправки отменяют необходимость согласовывать кандидатуры региональных прокуроров с парламентами субъектов Федерации. Таким образом прокурорская вертикаль окончательно переходит в федеральное управление. Предполагается, что прокуроры станут менее зависимы от региональных элит и больше от федеральных. Данное новшество позволит работать более эффективно и независимо, что может положительно сказаться на состоянии законности в целом по стране.

Так, одно из основных направлений деятельности органов прокуратуры – противодействие коррупционным преступлениям и правонарушениям. При реализации полномочий в указанной сфере используются различные формы координационной деятельности, работа в указанной сфере осуществляется во взаимодействии с правоохранительными и контролирующими органами, органами государственной власти и местного самоуправления. Наиболее подверже-

ны коррупционной преступности деятельность органов власти, строительства, лесная отрасль. При наличии оснований прокурорами предъявляются в суд исковые заявления о взыскании с виновных лиц ущерба, причиненного коррупционными преступлениями. По информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации в десятку регионов, с самым высоким уровнем коррупции вошли: Мордовия, Чувашия, Камчатка, Архангельская, Брянская, Магаданская, Новгородская, Оренбургская, Саратовская и Тюменская области. Коэффициент преступности в этих субъектах РФ на 100 тысяч населения варьируется от 29,68 до 26,31. При этом в целом по стране этот коэффициент составил 21,1 преступления на 100 тысяч населения страны. Наименьший показатель в Алтайском крае, Вологодской, Московской, Мурманской, Пензенской областях, Санкт-Петербурге, Севастополе и Ямало-Ненецком автономном округе. Коэффициент преступности в них на 100 тысяч населения варьируется от 6,41 до 9,94.

Анализ криминогенной обстановки показал, что наиболее подверженными коррупционным проявлениям оставались такие сферы, как освоение бюджетных средств, в том числе выделенных в рамках целевых программ и нацпроектов, организация торгов, управление имуществом, контрольно-ревизионная, правоохранительная деятельность, жилищно-коммунальное хозяйство. Выявляется коррупция в силовых структурах. Всего, например, в 2019 году было зарегистрировано 10,2 тысячи преступлений в Вооруженных силах, пограничных органах ФСБ России, войсках национальной гвардии РФ, воинских формированиях МЧС России. При этом число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности увеличилось на 11 % до 2386, их доля в общей структуре преступности составила около 23 %. Увеличился на 45 % и причиненный государству ущерб, который составил 10,6 млрд рублей. Кроме того, у военных и силовиков на 17 с лишним процентов выросло число присвоений и растрат, на 26 % должностных подлогов, на 14 % – превышений должностных полномочий из корыстных побуждений. Выросло на 22% с лишним количество получений взятки и на 42 % мелкого взяточничества. Практически на прежнем уровне остались мошенничества и корыстные злоупотребления. В то же время отмечается, что соблюдение законности в Вооруженных силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах позволяет обеспечивать необходимый уровень национальной безопасности страны в военной сфере. При этом общее количество преступлений осталось примерно на уровне 2018 года. Что касается уровня доверия к силовым структурам по борьбе с коррупцией со стороны населения, то на первом месте стоят Генпрокуратура и ФСБ.

В прошлом году надзорное ведомство вместе с правоохранительными органами, Росстатом, ВЦИОМ, Фондом «Общественное мнение» провела социологический опрос об оценке населением и предпринимателями эффективности антикоррупционных мер, в котором приняли участие более 38 тысяч респондентов. Оценивая уровень доверия к государственным органам, осуществляющим борьбу с коррупцией, респонденты ответили, что больше всего доверяют ФСБ России и Генеральной прокуратуре РФ. Меньше всего доверия получило МВД – 70 % оценили уровень доверия как низкий. Большинство опрошенных,

почти 87 %, заявили, что одобряют государственную антикоррупционную политику по ужесточению мер в отношении коррупционеров. При этом 86 % из них полагают необходимым дальнейшее усиление антикоррупционных мер. Более половины опрошенных отметили, что предпочтут сообщить о факте коррупции, а 80 % готовы отказаться от дарения и получения подарков для борьбы с коррупцией [2].

В 2019 году и истекшем периоде 2020 года для устранения 5,3 тыс. нарушений законодательства о противодействии коррупции в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности опротестовано 1,3 тыс. незаконных правовых актов, в суды направлено 22 иска (заявлений), на сумму 16,3 млн рублей, внесено 706 представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 1 470 должностных лиц, из них 29 уволено в связи с утратой доверия, по инициативе прокуроров возбуждено 21 уголовное дело [3].

Таким образом, в сфере противодействия коррупции под контролем прокуроров находились все направления: от профилактики до обеспечения принципа неотвратимости ответственности коррупционеров, включая лишение их неправомерно нажитых активов. По итогам контроля за расходами чиновников суды удовлетворили иски прокуроров о взыскании в пользу государства имущества на сумму свыше 20 млрд рублей. В сравнении с 2018 г. произошёл рост почти в 70 раз. Вместе с тем Генпрокурор отметил, что наряду с репрессивной составляющей более важным становится принятие мер превентивного характера. Ключевое значение при этом имеет единообразное применение антикоррупционного законодательства на всей территории страны. Пока оно, к сожалению, не обеспечивается. До настоящего времени отсутствует единый и четкий критерий определения должностей, обязанных декларировать свои доходы в органах местного самоуправления и организациях с государственным участием. Он должен быть максимально прозрачным. В целях предупреждения коррупционных правонарушений следует автоматизировать процесс проверки добросовестности участников госзакупок с использованием реестра юридических лиц, привлеченных к административной ответственности за коррупционные действия, а для этого создать требуемую правовую базу. Соответствующий законопроект подготовлен Генпрокуратурой России и направлен в Правительство Российской Федерации [4].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В Госдуму внесен пакет из 8 законопроектов, направленных на реализацию внесенных в Конституцию РФ изменений. – URL: <https://www.garant.ru/news/1413439> (дата обращения: 09.09.2021).
2. Генпрокуратура назвала самые коррупционные регионы страны. – URL: <https://rg.ru/2020/06/18/reg-pfo/genprokuratura-nazvala-samyekorrupcionnye-regiony-strany.html> (дата обращения: 09.09.2021).
3. Под председательством Генпрокурора России Игоря Краснова прошла коллегия об исполнении законодательства и противодействии коррупции

в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности. – URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1892186/> (дата обращения: 09.09.2021).

4. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с первым докладом в Совете Федерации. – URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1864592/> (дата обращения: 09.09.2021).

УДК 34.343

Самолетов Сергей Николаевич,
*аспирант, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург*

Samoletov Sergey Nikolaevich,
*graduate student, St. Petersburg Law Institute (branch) University
of the prosecutor's office of the Russian Federation, Saint Petersburg*

sergejsamoletov588@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

THEORETICAL QUESTIONS CHANGES BY THE PROSECUTOR OF THE PROSECUTION IN COURT PROCEEDINGS

В статье рассматривается круг вопросов, связанных с изменением прокурором обвинения в судебном производстве. Автором приводятся точки зрения ученых теории уголовного процесса относительно круга и пределов полномочий прокурора при поддержании государственного обвинения. В качестве вывода указывается, что одной из основных причин, затрудняющих эффективность судебного разбирательства с участием прокурора, является недостаточная разработанность научно-обоснованных рекомендаций по изменению обвинения и наличие практико-ориентированного подхода к рассматриваемой проблеме.

The article considers a range of issues related to the prosecutor's change of charges in court proceedings. The author presents the points of view of scientists of the theory of criminal procedure regarding the scope and limits of the prosecutor's powers in maintaining the state prosecution. As a conclusion, it is indicated that one of the main reasons that complicate the effectiveness of the trial with the participation of the prosecutor is the insufficient development of scientifically-based recommendations for changing the prosecution and the presence of a practice-oriented approach to the problem under consideration.

Государственное обвинение, прокуратура, уголовный процесс, отказ, изменение обвинения.

State prosecution, prosecutor's office, criminal process, refusal, change of charge.

Согласно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, но и защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Соответственно, уголовно-процессуальное законодательство должно обеспечить такое регулирование отношений, связанных с изменением обвинения и отказом от обвинения в суде первой инстанции, которое направлено на реализацию обеих вышеуказанных сторон назначения уголовного судопроизводства, что также требуется в целях обеспечения права лиц, вовлеченных в уголовный процесс, на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации) и права потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

При этом, необходимость совместного исследования изменения прокурором обвинения и отказа прокурора от обвинения в суде первой инстанции обусловливает то обстоятельство, что они по действующему УПК РФ представляют собой распорядительные полномочия прокурора в отношении обвинения в суде первой инстанции.

Кроме того, и в теории уголовного процесса, и на практике данные институты нередко четко не разграничиваются, а в их регламентации в УПК РФ имеются пробелы и недостатки, не способствующие правильному применению норм уголовно-процессуального закона, относящихся к обоим данным институтам, что, безусловно, является актуальным и значимым для науки уголовного процесса России.

Факты освобождения подсудимых от уголовной ответственности из-за процессуальных нарушений, допущенных на досудебной стадии, возвращение уголовных дел прокурору, изменение и отказ от обвинения вызывают обоснованную тревогу в российском обществе, поскольку, во-первых, порождают чувство безысходности и неуверенность граждан в защищенности их прав и законных интересов; во-вторых, существенным образом подрывают саму основу правоохранительной деятельности, дискредитируют правоохранительные органы и, как следствие, крайне негативно влияют на все процессы, связанные с противодействием преступности.

Вместе с тем, результаты анализа судебно-следственной практики свидетельствуют о существенных процессуальных ограничениях полномочий прокурора при поддержании государственного обвинения в сфере возможности его корректировки, серьезных ошибках, допускаемых при изменении обвинения.

Недостаточное знание прокурорами сущности, оснований, пределов и процедуры изменения обвинения нередко способствует принятию судом реабилитирующих процессуальных решений.

Различные подходы к проблеме отказа прокурора от обвинения как в стадии подготовки и назначения судебного разбирательства, так и при рассмотрении дела по существу вызваны неоднозначностью в определении типологической направленности развития уголовно-процессуального законодательства [1].

Одной из основных причин, затрудняющих эффективность судебного разбирательства с участием прокурора, является недостаточная разработанность научно обоснованных рекомендаций по изменению обвинения.

Несмотря на то что вопросы, связанные с изменением обвинения, отказом от него затрагиваются во многих исследованиях, ряд проблем теоретико-прикладного характера предметно не изучен и нуждается в дальнейшей разработке [2, с. 28; 3, с. 15].

Так, о недостаточности процессуальной регламентации института изменения прокурором обвинения свидетельствует то, что, во-первых, на страницах юридической литературы используются различные термины, так или иначе его характеризующие: «корректировка обвинения», «распоряжение обвинением» и т. п., что, бесспорно, препятствует единообразному пониманию закона, во-вторых, малоизученным остается вопрос о соотношении понятий «изменение обвинения», «частичный отказ от обвинения», «частичное прекращение уголовного дела (уголовного преследования)».

Недостаточно изученным представляется механизм изменения прокурором обвинения, включая, например, форму изменения обвинения в судебном производстве (на предварительном следствии обвинение фиксируется в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, либо в обвинительном акте, обвинительном постановлении, в суде, как правило, в форме ходатайства, однако единого подхода нет).

Проблемы правоприменения связаны с возможностью внесения прокурором изменений в описание фактических обстоятельств происшествия без изменения квалификации (например, время и место совершения преступления, перечень телесных повреждений, наименование похищенного имущества, в частности его модель), а также исправления прокурором технических ошибок, опечаток, допущенных органами предварительного расследования при формулировании обвинения и др.

Вместе с тем, указанные выше вопросы определяют сущность пределов прав прокурора в уголовном судопроизводстве.

Вполне обоснованной выглядит позиция А. А. Михайлова, полагающего, что пределы прав прокурора в распоряжении судьбой обвинения в российской модели уголовного судопроизводства определяются как необходимостью обеспечения реализации публичных интересов, так и недопустимостью нарушения при распоряжении обвинением прав других сторон [2, с. 23].

Так, по нашему мнению, пределы прав прокурора (государственного обвинителя) в отношении обвинения в суде первой инстанции определяются целями, которые имеет уголовный процесс того или иного государства, степенью реализации публичности в деятельности суда, а также тем, как решен на доктринальном уровне и в законодательстве соответствующего государства вопрос о возможности распоряжения прокурором (государственным обвинителем) материальным правом государства на наказание лица, совершившего преступление.

Изложенное свидетельствует о несомненной необходимости расширения круга полномочий прокурора в суде по поддержанию обвинения в уголовном процессе.

Представляется, что в условиях неоднозначно изученного с теоретической точки зрения подхода вопросов, связанных с возможностью изменения обвинения в суде, обозначенный нами аспект в дальнейшем требует более детального и практического изучения.

Вопросы в необходимости расширения круга полномочий прокурора в суде по поддержанию обвинения в уголовном процессе являются несомненными и в дальнейшем будут являться предметом изучения с учетом применения современного законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Куликова Г. Л.* Изменение прокурором обвинения и отказ от обвинения в суде первой инстанции. – М. : Академия ГП РФ, 2012. – 40 с.

2. *Михайлов А. А.* Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Томск, 2008. – 28 с.

3. *Решетова Н. Ю.* Возможно ли изменение обвинения на новое, ухудшающее положение подсудимого, при рассмотрении уголовного дела судом? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2012. – № 4 (30). – С. 34–40.

УДК 347.9

*Сидоров Александр Николаевич,
старший преподаватель, Костромской государственной университет,
г. Кострома*

*Sidorov Alexander Nikolaevich,
senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma*

an.sydorov@yandex.ru

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН В АДМИНИСТРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

RECONCILIATION OF THE PARTIES IN ADMINISTRATIVE LEGISLATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

В статье проводится сравнительно-правовой анализ уголовного и административного законодательства Российской Федерации в части освобождения от ответственности. Отмечается, что, несмотря на меньшую степень общественной опасности, административ-

ное законодательство, в отличие от уголовного, не охватывает общественные интересы, возникающие в связи с примирением сторон и возмещением причиненного потерпевшему вреда. Автор подчеркивает, что отсутствие данных правовых институтов не позволяет в полном объеме обеспечивать защиту прав и законных интересов участников административного процесса. Исходя из того, что освобождение от административной ответственности при наличии законодательного установления факта примирения сторон позволит на законных основаниях прекращать производство по делу об административном правонарушении, автор предлагает внести соответствующие изменения в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.

The article provides a comparative legal analysis of the criminal and administrative legislation of the Russian Federation in terms of exemption from liability. It is noted that, despite the lesser degree of public danger, administrative legislation, unlike criminal legislation, does not cover public interests arising in connection with the reconciliation of the parties and compensation for the harm caused to the victim. The author emphasizes that the absence of these legal institutions does not allow for the full protection of the rights and legitimate interests of participants in the administrative process. Proceeding from the fact that exemption from administrative responsibility in the presence of a legislative establishment of the fact of reconciliation of the parties will legally terminate proceedings on an administrative offense, the author proposes to make appropriate amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Примирение сторон, освобождение от административной ответственности, прекращение производства.

Reconciliation of the parties, exemption from administrative responsibility, termination of proceedings.

В некоторых отраслях российского права предусмотрена возможность примирения сторон по ранее возникшим конфликтным правоотношениям. Так, КАС РФ статьей 137 «Примирение сторон. Соглашение о примирении сторон» предусмотрена возможность примирения субъектов спорных публичных правоотношений, а пунктом 4 части 1 статьи 194 «Основания для прекращения производства по административному делу» установлено, что, если стороны заключили соглашение о примирении и оно утверждено судом, производство по административному делу прекращается [2].

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации главой 14.1. «Примирительные процедуры. Мирное соглашение» также предусмотрена возможность примирения сторон с заключением мирного соглашения, утверждаемого судом [1].

Уголовное и административное законодательство имеют много общего и обладают значительным сходством, чем с другими отраслями права.

Однако, при разной степени общественной опасности, уголовное законодательство, в частности статья 76 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» Уголовного кодекса Российской Федерации допускает, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответствен-

ности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред [4].

Административное законодательство, несмотря на меньшую степень общественной опасности, не охватывает общественные интересы, возникающие в связи с примирением сторон и возмещением причиненного потерпевшему вреда.

По значительной части дел об административных правонарушениях, предусмотренных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи: 5.61 «Оскорбление»; 5.61.1 «Клевета»; 6.1.1 «Побои»; 7.17 «Уничтожение или повреждение чужого имущества»; 7.27 «Мелкое хищение»; 14.7 «Обман потребителей»; 19.1 «Самоуправство»; 20.1 «Мелкое хулиганство» и другие, поводами к возбуждению дел, являются заявления граждан [3].

Аналогичные составы уголовных преступлений, предусмотренные в Уголовном кодексе Российской Федерации: статьи 128.1 «Клевета»; части 1 и 2 статьи 158 «Кража»; 167 «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества»; часть 1 статьи 213 «Хулиганство»; 330 «Самоуправство» и другие, в том числе и частного обвинения, с учетом степени общественной опасности подпадают под категории преступлений небольшой и средней тяжести, и, следовательно, лицо, впервые совершившее преступление может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2020 году судами общей юрисдикции из окончанных производством 748,9 тыс. уголовных дел, было прекращено 187,8 тыс., из них 102 486 уголовных дел в связи с примирением сторон.

Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и потерпевший зачастую являются знакомыми, в том числе и по работе, соседями по лестничной площадке или подъезду, садово-огородническому товариществу, родственниками. Иногда, до вынесения решения по делу, та или иная сторона, предпринимают меры к примирению, но в КоАП РФ отсутствуют нормы, регулирующие порядок или механизм и юридические последствия примирения. Такие ситуации лишь усиливают необходимость наличия такого обстоятельства для законного прекращения дела об административном правонарушении, в том числе и с учетом декриминализации некоторых составов уголовных преступлений.

При рассмотрении дел об административных правонарушениях, в случаях, когда потерпевший прощает лицо, причинившее физический, имущественный или моральный вред и не желает его наказания в связи с примирением, судья, орган, должностное лицо зачастую вынуждены признавать административное правонарушение малозначительным, или искусственно находить обстоятельства, смягчающие ответственность, для минимизации административного наказания. Таким образом, создается видимость законных оснований для прекращения дела или минимального вида наказания, хотя само деяние и его по-

следствия, в случае не примирения, никак не могли бы быть малозначительными или влекущими минимальное наказание.

Освобождение от административной ответственности при наличии законодательного установления факта примирения сторон позволит на законных основаниях прекращать производство по делу об административном правонарушении.

Учитывая меньшую степень общественной опасности административных правонарушений по отношению к уголовным преступлениям, наличие такого обстоятельства, на основании которого возможно прекращение дела, повысит степень правовой защищенности участников производства по делам об административных правонарушениях.

Отношения между участниками конфликта в будущем будут строиться на основе примирения, не порождая вражды и мести, что в конечном итоге минимизирует возникновение новых административных или уголовных деяний.

Суд, орган, должностное лицо уполномоченное рассматривать дело об административном правонарушении в таких случаях не будет подвергаться критике за жесткость наказания либо за его мягкость, так как решение о примирении принял сам потерпевший, а орган административной юрисдикции лишь утвердил факт примирения на основе законодательно установленной нормы права.

В целях совершенствования действующего административного законодательства предлагается вариант внесения изменений в КоАП РФ.

Дополнить КоАП РФ статьей 2.8.1 «Освобождение от административной ответственности в связи с примирением» следующего содержания:

«Потерпевшее лицо вправе представить судье, органу, должностному лицу письменное заявление об отсутствии претензий и примирении с лицом, причинившим вред, до вынесения решения по делу.

Судья, орган, должностное лицо при наличии таких обстоятельств освобождает лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, от административной ответственности с прекращением дела об административном правонарушении.

Повторное прекращение дела об административном правонарушении при наличии аналогичных обстоятельств в отношении одного и того же лица, не допускается».

Дополнить часть 1 статьи 24.5 «Обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении» КоАП РФ пунктом 3.1: «наличие письменного заявления от потерпевшего лица об отсутствии претензий и примирении с лицом, причинившим вред».

Включение указанных положений позволит обеспечить возможность реализации прав участников административного процесса на защиту законных прав и интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями на 1 июля 2021 года: принят Государственной Думой

23 октября 2002 года: одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.09.2021).

2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: с изменениями и дополнениями на 15 июля 2021 года: принят Государственной Думой 20 февраля 2015 года: одобрен Советом Федерации 25 февраля 2015 года. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.09.2021).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях с изменениями и дополнениями на 1 октября 2021 года: принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.09.2021).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: с изменениями и дополнениями на 22 августа 2021 года: принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.09.2021).

УДК 343.2

*Симагин Максим Александрович,
студент, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Simagin Maxim Alexandrovich,
student, Kostroma State University, Kostroma*

maxolimp19@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА «КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ» И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF “EXTREME NECESSITY” AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

В настоящей статье автор анализирует проблемы уголовно-правового института «крайней необходимости» и приводит аргументы о необходимости внесения поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации.

This article identifies and analyzes the problems of the institution of “extreme necessity”, and also argues for the need to amend the Criminal Code of the Russian Federation.

Крайняя необходимость, превышение пределов крайней необходимости, причинение вреда, возмещение вреда.

Extreme necessity, exceeding the limits of extreme necessity, causing harm, compensation for harm.

Несмотря на то что уголовно-правовой институт «крайней необходимости» имеет достаточно понятное законодательное определение, а также детально характеризующие научные дефиниции, до сих пор возникает много споров и противоречий, касающихся пределов, признаков и правовых последствий деяний, совершенных в состоянии крайней необходимости.

Анализируя современные научные источники, мы пришли к выводу о том, что из множества схожих проблем, связанных с институтом крайней необходимости, можно выделить следующие:

1. Проблема определения пределов крайней необходимости и уголовная ответственность за их превышение.

2. Допустимость смерти человека в состоянии крайней необходимости.

3. Проблема, связанная с возмещением ущерба, причиненного в состоянии крайней необходимости.

Начнем с первой проблемы. Тему ответственности за превышение пределов крайней необходимости в своей научной работе освещают В. А. Репин и А. А. Глазков. Они утверждают, что, несомненно, положение, закрепленное в Уголовном Кодексе РФ, наиболее разумно и точно отражает характеристики крайней необходимости. Однако даже при наличии законодательного обоснования в теории и судебной практике все же возникают споры по ряду проблем, закрепленных за этим институтом. Наиболее важный вопрос, точка зрения на который до конца не сформирована, касается ответственности за нарушение пределов крайней необходимости, а также ее признаков и правовых последствий. Современное законодательство не дает однозначного определения понятию пределов правомерности крайней необходимости. Этот факт влечет за собой не только отрицательные последствия в рамках уголовно-правового и криминологического разбирательства, но существенно влияет на социальный фактор и тенденции, возникающие в обществе [1].

Правомерная гражданская самозащита необоснованно признается преступлением с превышением ее пределов (ст. 108, 114 УК РФ) либо названные деяния, совершенные защищающимися при смягчающих обстоятельствах, расцениваются как более опасные умышленные преступления против жизни и здоровья личности.

Существующий пробел, связанный с определением пределов причиненного вреда, в законодательстве не дано четких границ, только формулировка «меньший вред», но определить характер и степень вреда, его количество – очень трудный процесс для правоприменителя. Возможно, такой пробел существует из-за того, что практики по таким делам очень мало, в связи, с чем Пленум Верховного Суда Российской Федерации не дает разъяснения для статьи 39 УК РФ.

Для решения проблемы следует согласиться с мнением М. Г. Кислицыной и ввести в уголовное законодательство норму, устанавливающую специальную ответственность за умышленное совершение преступления при устранении грозящей опасности с превышением пределов крайней необходимости, или норму

об уголовной ответственности при превышении пределов правомерности обстоятельств, исключая преступность деяния [2].

Уголовной ответственности не должна подлежать попытка устранения вреда, когда причиненный вред значительно больше или равен, но был направлен на защиту охраняемых интересов, ведь человек не мог объективно оценить свои действия, а хотел предотвратить надвигающуюся опасность, однако его действия в результате окажутся напрасными.

Мы можем только согласиться с мнением вышеперечисленных авторов, которые указывают на то, что при желании лица устранить наступающую опасность любым способом, он не думает о том, превышает ли он пределы крайней необходимости или нет. Возможно, лицо совсем не знает о том, что его действия совершаются в рамках крайней необходимости.

Законодателю следует прописать конкретные пределы превышения крайней необходимости, разграничить условия и пределы на законодательном уровне, а не оставлять это за судьей. Такие изменения можно внести в п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ, указать на то, что уголовная ответственность должна наступать именно за превышение пределов крайней необходимости, а не ее условий. Или следует создать специальную норму на подобии ст. 114 УК РФ, только про причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при крайней необходимости. В которой бы четко указывалось, какой вред можно причинять, а какой нельзя.

В результате таких изменений и дополнений, вопрос, связанный с определением пределов крайней необходимости будет снят, так как в законодательстве появятся четкие границы, разногласий в судебной практике станет меньше.

Вторая проблема довольно актуальна. Смерть в состоянии крайней необходимости – вынужденная мера или преступление?

Российский законодатель указывает, что смерть человека в состоянии крайней необходимости это преступление, которое было совершено умышленно.

Уголовная ответственность за превышение пределов крайней необходимости наступает с учетом п. «ж» ч.1 ст. 61 УК РФ и имеет значение смягчающего обстоятельства при назначении наказания. Из этого следует, что обстоятельства, повлекшие за собой смерть, расцениваются как преступление.

Е. В. Поликарпов полагает что, если в случае превышения пределов крайней необходимости нет возможности применить специальную норму, потому что ее нет; следовательно, лицо будет подлежать ответственности по ч. 1 ст. 105 УК РФ с угрозой назначения наказания в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет, что является неправильным и несправедливым [3].

Е. В. Поликарпов также предлагает внесение изменений в нормы Особенной части, а конкретно дополнения статьей 108 и 114 УК РФ частями третьими, в которых будет предусматриваться уголовная ответственность соответственно за убийство, совершенное при превышении пределов крайней необходимости, и за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов крайней необходимости.

Мы считаем такие доводы правомерными, устранить пробел, связанный с причинением смерти человека в состоянии крайней необходимости, возмож-

но, мог бы разъяснить Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Это позволило бы судам при вынесении приговора в таких нетипичных уголовных делах. Так как законодатель рассматривает смерть человека в состоянии крайней необходимости – умышленным преступлением, то следует внести изменения или уточнения в ст. 108 УК РФ или создать статью по аналогии для крайней необходимости. По нашему мнению, норма 108.1 УК РФ «Убийство, совершенное при превышении пределов крайней необходимости», должна звучать следующим образом: «Убийство, совершенное при превышении пределов крайней необходимости, –

наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Третья проблема – это возмещение вреда. В состоянии крайней необходимости, в основном, вред причиняется интересам третьих лиц. В уголовном праве вообще нет упоминаний о возмещении вреда. Комментарий к ст. 39 УК РФ отсылает нас к ст. 1067 ГК РФ [4]. Вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть возмещен лицом, причинившим вред.

Именно в этом и кроется причина споров. С одной стороны, лицо, причиняющее вред, действовало в интересах третьих лиц, предотвратило угрозу, которая на них надвигалась. Но, с другой стороны, вред причинен, и кто-то должен его возместить.

Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред.

В. И. Цыганов и А. А. Демин считают, что главным элементом является наличие вины. Условием наступления ответственности считается наличие вины, а в некоторых случаях предусматривается ответственность и при отсутствии вины. В юридической литературе такой вид ответственности получил наибольшую поддержку и именуется концепцией «вины с исключением». Так, высшие судебные инстанции указывают, что по делам о возмещении вреда суд должен установить факт причинения вреда, вину причинителя вреда и причинно-следственную связь между незаконными действиями (бездействием) причинителя вреда и причиненным вредом [5].

Д. Е. Богданов отмечает, что в науке гражданского права действия в состоянии крайней необходимости относят к мерам самозащиты гражданских прав. Под самозащитой гражданских прав традиционно понимается совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов [6].

Мы считаем, что следует изучить вопрос возмещения ущерба при крайней необходимости более детально в уголовной науке. Исходя из практики, суды по-разному решают вопрос, связанный с возмещением вреда, зачастую, несправедливо. Также будет разумно добавить к статье 39 УК РФ примечание, где будет более подробно расписан вопрос, о причинении вреда в состоянии крайней необходимо-

сти, как и при каких условиях, этот вред будет возмещаться, кто его будет возмещать. Норма, о возмещении вреда при крайней необходимости должна быть закреплена не только в Гражданском, но и Уголовном кодексах РФ.

В ходе анализа проблем института «крайней необходимости» нами были выделены следующие правовые проблемы: определение пределов крайней необходимости и уголовная ответственность за их превышение. В связи с этим в настоящей статье предложено прописать конкретные пределы превышения крайней необходимости, разграничить условия и пределы на законодательном уровне, а не оставлять это за судьей. Такие изменения можно внести в п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ, указать на то, что уголовная ответственность должна наступать именно за превышение пределов крайней необходимости, а не ее условий. Или следует создать специальную норму на подобии ст. 114 УК РФ, только про причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при крайней необходимости. В которой бы четко указывалось, какой вред можно причинять, а какой нельзя.

Вторая проблема, которая говорит о допустимости смерти человека в состоянии крайней необходимости. Для решения мы предлагаем изменения или уточнения в ст. 108 УК РФ или создать статью по аналогии для крайней необходимости (ст. 108.1 УК РФ). Третья проблема, связанная с возмещением ущерба, причиненного в состоянии крайней необходимости. В связи с этим будет разумно добавить к статье 39 УК РФ примечание, где будет более подробно расписан вопрос, о причинении вреда в состоянии крайней необходимости, как и при каких условиях, этот вред будет возмещаться, кто его будет возмещать. Норма, о возмещении вреда при крайней необходимости должна быть закреплена не только в Гражданском, но и Уголовном кодексах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Глазков А. А., Репин В. А.* Пределы необходимой обороны и крайней необходимости в уголовно-правовой теории. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 08.09.2021).

2. *Кислицына М. Г.* Проблемы института крайней необходимости в уголовном праве. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 08.09.2021).

3. *Поликарпов Е. В.* Специальные нормы уголовного закона о превышении пределов крайней необходимости. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 08.09.2021).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (от 30.11.1994 № 51-ФЗ по состоянию на 31.07.2020). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.09.2021).

5. Определение Верховного суда РФ от 24 окт. 2017 г. № 49-КГ17-21. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.09.2021).

6. *Богданов Д. Е.* Возмещение вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости, с позиций справедливости. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 08.09.2021).

Смирнова Виктория Алексеевна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома

Smirnova Victoria Alekseevna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

smirnowa199718@gmail.com

**ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ У УЧАСТНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ И НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМ
БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ**

**COMMON PROBLEMS ENCOUNTERED BY PARTICIPANTS
OF STATE AND NON-STATE SYSTEMS OF FREE LEGAL AID**

В работе рассмотрены вопросы предоставления бесплатной юридической помощи участниками государственной и негосударственной системами бесплатной юридической помощи, выявлены основные общие проблемы, возникающие у участников систем, предложены решения выявленных проблем. Так, автором предлагается разработать единые требования (стандарты) к качеству оказываемой услуги в области предоставления гражданам бесплатной юридической помощи участниками как государственной, так и негосударственной системами, рассмотреть возможность расширения полномочий территориальных органов Министерства юстиции в области контроля за деятельностью адвокатов, а именно регламентировать порядок истребования у адвокатов материалов с целью проверки объема и качества оказания бесплатной юридической помощи гражданам, а также определить порядок осуществления контроля за деятельностью участников негосударственной системы.

The paper considers the issues of providing free legal aid by participants in the state and non-state systems of free legal aid, identifies the main common problems that arise among the participants of the systems, and proposes solutions to the identified problems. So, the author proposes to develop uniform requirements (standards) for the quality of the service provided in the field of providing citizens with free legal aid by participants in both state and non-state systems, to consider the possibility of expanding the powers of territorial bodies of the Ministry of Justice in the field of control over the activities of lawyers, namely, to regulate the procedure for reclaiming from lawyers of materials in order to check the volume and quality of the provision of free legal aid to citizens, as well as to determine the procedure for monitoring the activities of participants in the non-state system.

Бесплатная юридическая помощь, государственная и негосударственная системы бесплатной юридической помощи.

Free legal aid, state and non-state systems of free legal aid.

Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации») определяет несколько участников бесплатной юридической помощи, в частности, органы исполнительной

власти, территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации, участники государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи.

При оказании бесплатной юридической помощи все перечисленные участники системы сталкиваются с общими проблемами.

В соответствии с пунктом 7 статьи 11 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» к полномочиям уполномоченного федерального органа исполнительной власти относится, в том числе, разработка и установление единых требований к качеству оказываемой гражданам бесплатной юридической помощи, а также обеспечение контроля за соблюдением лицами, оказывающими бесплатную юридическую помощь, норм профессиональной этики и установленных требований к качеству юридической помощи [1].

Одной из основных проблем оказания юридической помощи является отсутствие единых требований к качеству оказания услуги различными участниками системы оказания бесплатной юридической помощи. Отсутствие единых требований приводит к различию в конечных результатах оказания услуги в зависимости от участника, оказывающего такую услугу.

Однако до настоящего времени единые требования, а также рекомендации по обеспечению контроля не разработаны и не используются в работе, что приводит к невозможности выявления, а также пресечения оказания некачественной бесплатной юридической помощи нуждающимся в ней гражданам.

Кроме того, у территориальных органов Министерства юстиции Российской Федерации по субъектам Российской Федерации (далее – территориальные органы Минюста России), которые являются органами, уполномоченными на осуществление контроля в сфере оказания гражданам бесплатной юридической помощи, отсутствуют возможности осуществлять контроль за качеством оказания бесплатной юридической помощи адвокатами – участниками системы. Указанная ситуация обусловлена отсутствием у территориальных органов Минюста России достаточных правовых инструментов для выявления и пресечения фактов нарушений со стороны указанных субъектов [5].

При этом представленные территориальным органам Минюста России полномочия в сфере контроля и надзора за деятельностью адвокатуры не позволяют запрашивать у адвокатов – участников системы материалы, необходимые для рассмотрения жалоб граждан на действия адвокатов.

Для усиления контрольных полномочий федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных в области оказания бесплатной юридической помощи, предлагаем реализовать следующие мероприятия:

1) разработать единые требования (стандарты) к качеству оказываемой услуги в области предоставления гражданам бесплатной юридической помощи;

2) рассмотреть возможность расширения полномочий территориальных органов Министерства юстиции в области контроля за деятельностью адвокатов, а именно регламентировать порядок истребования у адвокатов материалов с целью проверки объема и качества оказания бесплатной юридической помощи гражданам.

Случаи оказания некачественной бесплатной юридической помощи возникают также и у участников негосударственной системы. Так, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» содействие в предоставлении бесплатной юридической помощи определенным социально незащищенным категориям граждан отнесено к числу общественно полезных услуг [3].

Социально ориентированная некоммерческая организация, осуществляющая данный вид деятельности может быть признана исполнителем общественно полезных услуг и включена в соответствующий реестр с правом на приоритетное получение мер поддержки, при этом одним из необходимых условий для включения в реестр является соответствие ее деятельности требованиям к ее содержанию (объем, сроки, качество предоставления) [2].

На основании изложенного, качество оказываемых услуг является необходимым требованием для включения некоммерческой организации в реестр некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг [4]. Однако в целях исключения злоупотребления со стороны участников негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи необходимо:

- 1) разработать единые требования к порядку оказания юридической помощи участниками негосударственной системы;
- 2) определить порядок осуществления контроля за деятельностью участников негосударственной системы.

Пунктом 9 статьи 24 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» предусмотрена ответственность для негосударственных центров бесплатной помощи за возможные неблагоприятные последствия оказания гражданам такой помощи, при этом такую ответственность несет непосредственно лицо, оказывающее услугу, тогда как негосударственные центры юридической помощи – участники системы как юридические лица не несут ответственности за оказания некачественной услуги [1].

Мы считаем целесообразным установить ответственность на участников как государственной, так и негосударственной систем бесплатной юридической помощи, а также органы исполнительной власти всех уровней, оказывающих услуги в области предоставления бесплатной юридической помощи.

Считаем, что в целях повышения качества оказания бесплатной юридической помощи участниками как государственной, так и негосударственной систем бесплатной юридической помощи, целесообразным установить административную ответственность для юридических лиц и соответствующих должностных лиц за некачественно оказанную бесплатную юридическую помощь, а также за оказание такой помощи с нарушением норм действующего законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.09.2021).

2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.09.2021).

3. Постановление правительства от 27.10.2016 № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.09.2021).

4. Постановление правительства от 26.01.2017 № 89 «О реестре некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.09.2021).

5. Чумакова О. В. Деятельность органов исполнительной власти по обеспечению граждан бесплатной юридической помощью : дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2020. – 441 с.

УДК 342.9

*Смирнова Ирина Алексеевна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Smirnova Irina Alekseevna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

irinka-ggg@yandex.ru

*Ганжа Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University, Kostroma*

nat_ganzha@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE LEGAL PROCEEDINGS IN RUSSIA IN THE FIELD OF APPLICATION OF MEDICAL MEASURES

В данной статье авторы исследуют основы правового регулирования принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар до и после принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, анализируют особенности реализации данного правового института, а также процессуальные особенности рассмотрения заявления по существу и вынесения судом решения по делам о недобровольной госпитализации.

ции в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

In this article, the authors examines the basics of the legal regulation of the forced hospitalization of a citizen in a psychiatric hospital before and after the adoption of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, analyzes the features of the implementation of this legal institution, as well as the procedural features of the consideration of the application on the merits and the court's decision on cases of involuntary hospitalization in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions.

Административное судопроизводство, недобровольная госпитализация, медицинское вмешательство, психиатрическая помощь, принудительное освидетельствование.

Administrative proceedings, involuntary hospitalization, medical intervention, psychiatric care, compulsory examination.

Вопросы медицинского вмешательства, как принудительного, так и на добровольной основе на протяжении развития правового регулирования данной отрасли отношений остаются актуальными всегда, поскольку сопрягаются с балансом прав и интересов отдельной личности и всего общества. Определение у человека каких-либо отклонений, не позволяющих ему адекватно воспринимать окружающую обстановку, или иным образом препятствующих вести нормальную жизнь наряду с другими людьми, зачастую зависит от психического здоровья самого человека, его поведения и иных факторов.

Госпитализация гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в условиях отсутствия на то воли такого гражданина на совершение в отношении него указанных действий, обладает особым правовым режимом, имеющим конституционный подтекст, при котором одной из задач правопорядка выступает сохранение и соблюдение прав и законных интересов, как самого гражданина, так и общественных интересов, которые не должны быть затронуты в случае, если такому гражданину не будет своевременно оказана психиатрическая помощь [2].

Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [3].

Анализируя части 2 статьи 7, статьи 41, части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации следует, что здоровье людей в Российской Федерации находится под охраной государства, что обуславливает наличие у каждого гражданина Российской Федерации права на получение медицинской помощи. При этом в целях защиты здоровья человека и гражданина права и свободы другого человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, что и выступает механизмом балансирования частных и общественных интересов.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) предусматривает процессуальное регулирование рассмотрения исследуемой категории дел в главе 30 КАС РФ [4]. Таким образом, названная категория дел является по своему процессуальному местоположению одной

из разновидностей административных дел, т. е. дел, вытекающих из публичных правоотношений.

По сравнению с ранее действующим регулированием, предусмотренным ГПК РФ, за счет содержания пункта 3 части 1 статьи 274 КАС РФ перечень административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую организацию в недобровольном порядке носит открытый характер, поскольку предусматривает возможность принудительной «судебной» госпитализации не только в психиатрический стационар, но в иные медицинские организации, если для этого имеются основания, предусмотренные законом.

Проводя анализ норм процессуального законодательства, следует отметить, что положения КАС РФ в наибольшей степени регулируют указанную область правоотношений, в особенности в части установления конкретных обстоятельств, подлежащих выяснению.

Общие вопросы принудительной психиатрической госпитализации гражданина, сопряженные с указаниями по соблюдению прав и свобод человека и гражданина, закреплены также в основных международных правовых актах, как ратифицированных Российской Федерацией, так и в тех актах, в которых Россия не является участником.

Так, согласно пункту 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (далее – Конвенция), каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в порядке, установленном законом и в случаях задержания и (или) заключения лица под стражу в случаях, указанных в данной статье Конвенции [5]. Аналогичные положения были закреплены в статьях 2, 3 и 6 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 (далее – Декларация) [1], а также в пункте 1 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 (далее – Пакт) [6].

Таким образом, отметим, что нормы Конвенции, Декларации и Пакта, примерно по такому же принципу, как и нормы Конституции Российской Федерации, устанавливают возможность ограничивать права и свободы человека и гражданина, если такие ограничения обусловлены, в том числе, защитой (охраной) здоровья других лиц.

Одним из принципов госпитализации, включенного в состав Принципов защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи [7], принятых 17.12.1991 Резолюцией 46/119 на 75-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, следует, что, когда лицо нуждается в лечении в психиатрическом учреждении, необходимо прилагать все усилия, чтобы избежать принудительной госпитализации (Принцип № 15).

Представляется, что указанный выше принцип имеет важное практическое значение и направлен на обеспечение основных конституционных гарантий человека и гражданина. В связи с этим, считаем важным для суда, при рассмотрении административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных

условиях, в недобровольном порядке, также устанавливать обстоятельства, все ли усилия были приложены, чтобы избежать принудительной госпитализации.

Международное правовое регулирование, основанное, прежде всего, на указанных Принципах в этой области, не предписывает обязательный судебный контроль принудительного помещения лица в психиатрический стационар. В России же, как известно, определен судебный контроль указанным медицинским вмешательствам, что представляется, следует относить к плюсам указанного правового регулирования.

Обобщая вышеизложенное, предлагаем часть 1 статьи 278 КАС РФ дополнить пунктом 5 следующего содержания:

«5) были ли со стороны медицинской организации, иных лиц, предусмотренных законом, приняты все меры, направленные на помещение гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в добровольном порядке».

Мы считаем, что указанное дополнение позволит должностным лицам наиболее ответственно подходить к выполнению мероприятий и реализации определенных методик по госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в добровольном порядке.

Подводя итог, стоит отметить, что текущее правовое регулирование правоотношений в области принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар по сравнению с ранее действующим, наилучшим образом обеспечивает сохранение баланса прав, свобод и законных интересов госпитализируемого лица и неопределенного круга лиц. Нормативная правовая база, регулирующая правоотношения в области принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар, не является обширной, однако содержит тот наиболее актуальный перечень вопросов, которые могут возникнуть в практике правоприменения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2021).

2. Голубева А. Р. Проблемы законодательства Российской Федерации о психиатрической помощи // Социальное и пенсионное право. – 2019. – № 2. – С. 49–51.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2021).

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) от 04.11.1950 (ред. от 13.05.2004, с изм. от 02.10.2013). – URL: <http://www.coe.int> (дата обращения: 07.09.2021).

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ: по состоянию на 30.04.2021. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.09.2021).

6. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966. – URL: <https://base.garant.ru/2540295/> (дата обращения: 07.09.2021).

7. Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (приняты 17.12.1991 Резолюцией 46/119 на 75-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). – URL: <https://www.un.org/ru> (дата обращения: 07.09.2021).

УДК 347.91/.95(470)

Суманеева Елена Александровна,
заведующая правовым отделом администрации
Сусанинского муниципального района Костромской области, г. Кострома

Sumaneeva Elena Aleksandrovna,
head of the legal department of the administration
Susaninsky municipal district of Kostroma region, Kostroma

sumaneeva_elena@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

FEATURES OF THE PROCEDURAL POSITION OF THE PROSECUTOR IN CIVIL PROCEEDINGS

В данной статье рассматриваются особенности процессуального положения прокурора в гражданском процессе при защите прав, свобод и законных интересов других лиц. Выявлена проблема смешения материально-процессуальных участников и процессуальных участников, в частности прокурора, которую предложено решить путем усовершенствования норм гражданско-процессуального законодательства.

This article discusses the features of the procedural position of the prosecutor in civil proceedings in the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of others. The problem of mixing material and procedural participants and procedural participants, in particular the prosecutor, is revealed, which is proposed to be solved by improving the norms of civil procedure legislation.

Защита прав, свобод и законных интересов других лиц, гражданский процесс, прокурор, судопроизводство.

Protection of the rights, freedoms and legitimate interests of other persons, civil procedure, prosecutor, judicial proceedings.

В настоящее время правовое регулирование процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве определяется: Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 129) [1] (далее – Конституция РФ), Федеральным

законом «О прокуратуре Российской Федерации» [2] (далее – ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»), Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [3] (далее – ГПК РФ), Семейным кодексом Российской Федерации [4] и другими федеральными законами и международными нормативно-правовыми актами.

Процессуальным законодательством в соответствии с п. 1 ст. 23 и п. 1 ст. 35 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» и ст. 34 ГПК РФ, прокурор отнесен к лицам участвующим в гражданском деле.

При этом научные дискуссии об участии прокурора в гражданском судопроизводстве, о его месте и роли при рассмотрении гражданских дел, представляли и представляют научный интерес среди ученых процессуалистов.

Несмотря на имеющиеся точки зрения различных автор, которые придерживаются позиции, что прокурор в гражданском процессе, так или иначе, осуществляет надзорную функцию за деятельностью суда, анализируя правовоположения действующего правового регулирования возможностей участия прокурора в гражданском судопроизводстве, приходим к выводу, что прокурор все же является самостоятельным участником процесса. Так, прокурор отличается от сторон и третьих лиц тем, что, у него нет материально-правовой заинтересованности, его интерес в исходе дела носит процессуальный характер, даже когда он сам предъявляет иск.

Правоприменительная практика по участию прокурора в гражданских делах достаточно разнообразна, однако следует признать, что отсутствие конкретных формулировок правомочий и процессуального положения прокурора вызывает немалые трудности в толковании и применении норм права, как судом, так и представителями прокуратур различного уровня.

Определяя правовой статус прокурора, участвующего в гражданском судопроизводстве, статья 34 ГПК РФ относит его к лицам, участвующим в деле, отличным от сторон, заявителей, третьих лиц и проч. но при этом необходимо все же отметить, что такое указание все же не достаточно четко определяет процессуальное положение прокурора.

Анализируя положения действующего нормативно-правового регулирования и научную литературу, посвященные институту участия прокурора в гражданском процессе, сразу бросается в глаза тот факт, что законодатель, перечисляя состав лиц, участвующих в деле, смешивает материально-процессуальных участников, таких как стороны (истец и ответчик), третьи лица, заявители, заинтересованные лица, и процессуальных участников (прокурора, и других лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения).

По своей сути лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, в процессуальном понимании будут являться истцами или заявителями, в зависимости от вида гражданского судопроизводства. И прокурор в данном случае будет также лицом, обратившимся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, после чего также приобретет тот или иной процессуальный статус – истец или заявитель. То же касается и лиц, вступающих в процесс в целях дачи заключения, к которым, так или иначе, относится помимо остальных и прокурор.

Таким образом, в целях разделения лиц, участвующих в деле на материально-процессуальных и процессуальных, представляется необходимым изложить статью 34 ГПК РФ в следующей редакции: «Лицами, участвующими в деле, являются стороны, третьи лица, заявители и заинтересованные лица, а также прокурор и лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным статьями 4, 45, 46 и 47 настоящего Кодекса».

Говоря об обязательной форме участия прокурора в гражданских делах правоприменители сталкиваются с некоторыми трудностями. Одна из них связана с формой заключения: письменная или устная. Чаще и в основном свое заключение прокурор дает устно, оно заносится в протокол судебного заседания. Практика показывает, что при изложении заключения прокурора в устной форме, могут быть упущены существенные моменты (неточность формулировки, значения или просто не фиксирование фраз, слов), которые могут носить правовые последствия, при закреплении позиции прокурора по рассматриваемому делу и вынесении судебного решения по рассматриваемому делу.

В этой связи целесообразно ввести обязанность по подготовке прокурором письменного заключения по рассматриваемому гражданскому делу и дополнить часть 3 статьи 45 ГПК РФ указанием на необходимость подготовки письменного заключения.

Кроме того, есть перечень дел, в которых прокурор должен участвовать обязательно и давать заключение. Вместе с тем, в соответствии с ч. 3 ст. 45 ГПК РФ неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, не является препятствием к разбирательству дела. При этом представляется, что в тех случаях, когда законодатель предусматривает обязательное участие прокурора в рассмотрении и разрешении судом гражданского дела, такие дела в отсутствие прокурора при любых обстоятельствах рассматриваться не могут. В связи с чем, полагаем неправильным предусмотреть возможность рассмотрения таких дел без участия прокурора, надлежащим образом извещенного о времени и месте.

ГПК РФ не предусматривает предоставления прокурору и иным лицам, дающим заключение по делу, времени для подготовки заключения. В связи с этим, в целях обеспечения возможности обязательного представления письменного заключения прокурора необходимо также внести изменения в ст. 169 ГПК и дополнить ее положением о том, что отложение разбирательства дела допускается также по ходатайству прокурора для подготовки заключения.

Еще одной проблемой, влияющей на качество участия прокуроров в гражданском процессе, является сменяемость сотрудников прокуратуры при рассмотрении одного гражданского дела.

Так, по конкретному гражданскому делу, которое, как правило, рассматривается не в одном, а в нескольких судебных заседаниях, в каждое судебное заседание приходят разные прокуроры. При этом с учетом загруженности новый прокурор не знает о ходе рассмотрения дела в прошлом судебном заседании. В связи с чем, возможность выполнения задач участвующего в деле прокурора, связанных с защитой и реальным восстановлением нарушенных прав, за-

конных интересов граждан, а также обеспечения законности, как на то указывается в Приказе Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве», вызывает сомнение. Думается, что необходимо закрепить в приведенном выше приказе необходимость участия в конкретном гражданском или административном деле от начала и до конца рассмотрения дела одного прокурора, указав на замену одного другим лишь в исключительных случаях. Предлагаемые пути решения выявленных проблем представляется должны способствовать совершенствованию института участия прокурора в гражданском процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2021).

2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019). – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.01.2019).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138–ФЗ (ред. от 27.12.2018). – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2019).

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223–ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019). – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.12.2018).

УДК 332.021

Титова Екатерина Викторовна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома

Titova Ekaterina Viktorovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma

ekaterinaVTitova@yandex.ru

ПРАКТИКА ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

THE PRACTICE OF PROACTIVE BUDGETING IN FOREIGN COUNTRIES

В данной статье рассматриваются практики инициативного бюджетирования в иностранных государствах. Характеризуются практики инициативного бюджетирования на примере города Сеула (Южная Корея) и Нью-Йорка (США). Выявлено несколько общих аспектов, важность которых необходимо учитывать при выборе того или иного варианта реализации практик инициативного бюджетирования.

This article discusses the practices of initiative budgeting in foreign countries. The practices of initiative budgeting are characterized by the example of the city of Seoul (South Korea) and New York (USA). Several general aspects have been identified, the importance of which must be taken into account when choosing one or another option for implementing proactive budgeting practices.

Практики инициативного бюджетирования, социальный аспект, перераспределительный аспект, управленческий аспект.

Practices of initiative budgeting, social aspect, redistributive aspect, managerial aspect.

Инициативное бюджетирование – это отечественный вариант распространенного сегодня во всем мире, так называемого партисипаторного бюджетирования, которое заключается в вовлечении граждан в бюджетные процессы [1]. Это направление возникло еще в конце восьмидесятых годов прошлого столетия в Бразилии. Появлению партисипаторного бюджетирования способствовало активная жизненная позиция населения, стремящегося благоустроить собственные территории на фоне стремления органов власти прозрачно и эффективно расходовать бюджетные средства на социокультурные цели. Первооткрывателем практики партисипаторного бюджетирования стал один из крупнейших городов Бразилии Порту-Алегри, который является столицей южного бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул. Именно это место на карте мира принято считать началом развития практик инициативного бюджетирования [2]. Пионером инициативного бюджетирования столица бразильского штата стала в связи с тем, что часть исполнительной власти проявила политическую волю и взяла на себя ответственность по финансированию из местного бюджета социальных объектов, которые представляли интерес для местных жителей, которые давно стремились к взаимодействию с органами власти. Именно в конце восьмидесятых годов и было принято решение провести реформы касающиеся улучшения качества жизни населения, а применение практик партисипаторного бюджетирования являлось новым средством их внедрения, а в 1989–2004 гг. эта практика в достаточной мере закрепились.

В 1996 году на международной конференции в Стамбуле практики инициативного бюджетирования были признаны одними из лучших по решению социальных проблем, что впоследствии позволило партисипаторному бюджетированию достаточно динамично оказывать воздействие на развитые страны по всему миру. Опыт Бразилии был отнесен Всемирным банком в разряд наилучших демократических практик. Последующие годы были ознаменованы активным распространением практики инициативного бюджетирования в странах Латинской Америки, а затем Европы и США.

Сегодня под категорию партисипаторного (инициативного) бюджетирования попадает множество разнообразных практик. Проблемы, которые решаются путем партисипаторного бюджетирования, различны, но в целом они зависят от конкретных исторических и социально-экономических условий в той или иной стране [3]. Общим является то, что под действие практик попадают наиболее острые проблемы для населения. В Европе первые партисипаторные бюджеты появились в конце девяностых годов, а начиная с двухтысячных, после Всемирного социального форума, практика партисипаторного бюджетиро-

вания начинает распространяться с огромной скоростью в Западной Европе, в таких странах как Италия, Франция, Германия, Испания. В тоже время практики партисипаторного бюджетирования различны, различны и его механизмы.

Сравним практики реализации партисипаторного бюджетирования на примере столицы Южной Кореи городе Сеуле и города Нью-Йорка США. В городе Сеуле реализацией практик партисипаторного бюджетирования занимаются: администрации города и городских районов, волонтеры. В соответствии с постановлением администрации города Сеула о партисипаторном бюджетировании для общего управления практикой создан Городской комитет партисипаторного бюджетирования, принимающий все его касающиеся важные решения, включая рассмотрение и приоритизацию проектных предложений прямым голосованием членов комитета. Комитет состоит из 250 человек, не менее 150 из них (6 человек из каждого района) – обычные граждане, которые по собственной инициативе принимают участие в работе Комитета. При большом количестве желающих члены Комитета выбираются жеребьевкой. Еще 25 членов Комитета представляют 25 общественных организаций, так же выбранные путем жеребьевки. В основные функции Городского комитета партисипаторного бюджетирования входят: сбор мнений и проектных предложений для долгосрочного планирования развития города и подготовки инвестиционных проектов; обсуждение проектов, мнений и планов; присвоение приоритетов прямым голосованием проектных предложений, которые соотносятся с итогами голосования выборки населения, после чего результаты рекомендуются Городскому совету для включения в бюджет; оценка эффектов и результатов практики партисипаторного бюджетирования. Помимо Городского комитета в каждом из 25 районов города создаются районные комитеты, которые на уровне районов выполняют такие же функции, что и Городской комитет. Впервые партисипаторное бюджетирование упоминается в Законе Южной Кореи о местных финансах 2005 года. В сегодняшнее время процессом партисипаторного бюджетирования в Южной Корее охвачен каждый третий муниципалитет. Стоит отметить, что в Южной Корее партисипаторное бюджетирование активно работает с использованием цифрового портала “Digital Budget and Accounting Sistem”. Правительство Южной Кореи поощряет внедрение партисипаторного бюджетирования на национальном уровне [4]. В стране также существуют универсальные правила, которые регламентируют процесс партисипаторного бюджетирования, но его качество отличается по населенным пунктам. С целью преодоления разрыва в качестве реализации практик организованы бюджетные школы, в обязанности которых входит обучение местных жителей основам партисипаторного бюджетирования. Южная Корея по праву признана одной из стран с наилучшими практиками партисипаторного бюджетирования.

С 2011 года в городе Нью-Йорке США запущен процесс партисипаторного бюджетирования. Реализация практик на уровне города поддерживается и координируется Городским комитетом партисипаторного бюджетирования, который формируется для каждого цикла партисипаторного бюджетирования. В комитет входят служащие Нью-Йоркской мэрии, местные жители, представители гражданских организаций, а также представители районных комитетов партисипаторного бюджетирования. Городской комитет формулирует правила

для практики партисипаторного бюджетирования, которые направлены, в частности, на привлечение жителей, которые отстранены от участия в решении проблем своего города. Реализация практик осуществляется на уровне районных администраций. В каждом районе создается свой комитет с аналогичной городскому комитету структурой. Финансовые средства, которые привлекаются для реализации практик, часто ограничены депутатскими фондами. В среднем около 1–1,5 млн долларов на район. Сотрудники, занимающиеся реализацией практик на постоянной основе, отсутствуют. Роль местных администраций в основном заключается в политической и информационной поддержке, финансированию процесса и организации голосования за предложенные проекты. Данное обстоятельство обуславливает приоритетность роли общественности, независимых консультантов и волонтеров. Независимые консультанты осуществляют разработку дизайна проекта, проведение тренингов участников и анализ результатов. При этом основная нагрузка по совершенствованию дизайна проекта, проведению его обсуждения, проведения технического анализа и доработки проектных предложений ложится на волонтеров, которые работают в форме общественных комиссий. В некоторых случаях для профессионального моделирования обсуждений или организации работы с отдельными сообществами привлекаются дополнительные консультанты – индивидуальные или некоммерческие организации. Важно отметить, что в Нью-Йорке, в отличие от других штатов США проекты с использованием партисипаторного бюджетирования были использованы как инструмент, обеспечения прав иммигрантов. В связи с тем, что Нью-Йорк является космополитичным городом и 37 % его жителей родились за рубежом, а 22 % жителей не являются гражданами США. Каждый четвертый мигрант живет за чертой бедности, права мигрантов часто нарушаются, они не имеют права голоса на выборах. Так как мигранты не входят в электорат, решение их проблем не является приоритетом для избираемой власти, поэтому администрация города Нью-Йорка оказалась заинтересованной в том, чтобы включить данные категории населения в городские процессы через инструмент партисипаторного бюджетирования [5].

Сравнительный анализ существующих моделей партисипаторного бюджетирования в разных странах позволил выделить несколько общих аспектов, важность которых необходимо учитывать при выборе того или иного варианта реализации практик партисипаторного бюджетирования.

Социальный аспект. Использование партисипаторного бюджетирования направлено в основном на поиск получения социального результата. Возможность пересечения интересов различных слоев населения, которые в обычных условиях редко пересекаются и обмениваются мнениями. Выбор приоритетного направления для реализации практик, направления, которые население ставит на первоочередной план.

Политический аспект. В данном случае партисипаторное бюджетирование является отчасти проявлением демократии. Оно позволяет основы политической системы, ставя вопрос о новых формах и механизмах принятия политических решений.

Перераспределительный аспект. Партисипаторное бюджетирование рассматривается в качестве средства для пересмотра направлений использования

бюджетных средств в зависимости от специфических проблем и потребностей населения конкретных территорий. Появляется возможность формирования бюджета с учетом интересов населения, находящегося в наименее благоприятных условиях.

Управленческий аспект. В данном случае партисипаторное бюджетирование рассматривается в качестве способа повышения эффективности публичного управления и социально-экономической политики в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вагин В. В., Тимохина Е. А. 25 вопросов об инициативном бюджетировании : учебное пособие. – М. : Изд. технологии, 2017. – 46 с.

2. Wyngowski S. Local Participation in Brazil: Porto Alegre's Model for 21st Century Local Government. – URL: <http://www.gnovisjournal.org/2013/12/11/local-participation-in-brazil-porto-alegres-model-for-21st-century-local-government/> (дата обращения: 20.09.2021).

3. Миронова С. М. Зарубежный опыт участия граждан в финансовой деятельности муниципальных образований // Бизнес. Образование. Право. – 2017. – № 2(39). – С. 275–278.

4. Suggested Citation: Kim, Soonhee: Participatory Governance and Policy Diffusion in Local Governments in Korea: Implementation of Participatory Budgeting, KDI Research Monograph. – URL: <http://dx.doi.org/10.22740/kdi.rm>. (дата обращения: 20.09.2021).

5. Hayduk R. Immigrant Engagement in PB: Lessons from NYC. – URL: <https://drive.google.com/folder> (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 342.92

*Тихомирова Ксения Александровна,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Tikhomirova Ksenia Alexandrovna,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

tikhomirova.xenya2015@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

CONCEPT OF LEGAL RESPONSIBILITY OF A PUBLIC OFFICER IN SCIENTIFIC LITERATURE

В статье рассмотрены теоретические подходы к понятию юридической ответственности государственных служащих, изучены мнения различных авторов.

© Тихомирова К. А., 2021

The article examines theoretical approaches to the concept of legal responsibility of civil servants, studies the opinions of various authors.

Административная ответственность, государственный служащий, законодательство.

Administrative responsibility, civil servant, legislation.

Вопросы юридической ответственности государственного служащего всегда привлекали внимание исследователей. Среди них можно выделить Б. М. Лазареву, Е. В. Шорину, Е. А. Агееву и др. Их труды о понятиях, особенностях и видах ответственности государственного служащего заложили основу изучения данного юридического факта как важного элемента, определяющего правовой статус государственного служащего.

На основании данных мнений можно выделить общие черты в отношении понимания юридической ответственности государственного служащего:

1. Юридическая ответственность неразрывно связана с правонарушением.

2. Юридическая ответственность связана с применением государственного принуждения.

3. По сути, юридическая ответственность – это существо того, что правонарушитель подвергается любым неблагоприятным последствиям в виде личных, организационных или имущественных лишений и ограничений.

Иными словами, суть юридической ответственности государственных служащих состоит в том, что каждый государственный служащий имеет строго индивидуализированное юридическое обязательство соблюдать и соблюдать требования верховенства закона, а в случае их нарушения – юридическое обязательство подвергнуться осуждению и различным юридическим ограничениям.

Анализируя позиции авторов, можно считать, что фактическим основанием юридической ответственности государственных гражданских служащих является правонарушение, которое, в свою очередь, характеризуется набором признаков, формирующих его состав.

Юридическая ответственность государственных гражданских служащих по своей сути не отличается от других субъектов, она характеризуется всеми целями, функциями и принципами юридической ответственности.

Отличительной особенностью юридической ответственности государственных гражданских служащих является: наличие конкретных оснований возникновения ответственности, система применения юридической ответственности.

Таким образом, под юридической ответственностью государственного служащего понимается, что государственный служащий, как субъект управления, наделен соответствующими функциями и полномочиями, претерпевает негативные последствия за принятые им противоправные решения, ненадлежащее осуществление полномочий.

Государственные служащие несут как общую ответственность, так и специальную. Именно специальная ответственность и определяет правовой статус государственного служащего.

В настоящее время на уровне государства уделяется особое внимание вопросу ответственности государственного служащего. В ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию уделяется большое внимание необходимости усиления ответственности государственного служащего согласно правовым нормам. Делается акцент на два фактора, которые и обеспечивают ответственность государственного служащего: объективная необходимость четкого нормативно-правового регулирования ответственности государственного служащего; неотвратимость несения ответственности за неправомерное деяние.

УДК 343.2

*Хиле Артем Владимирович,
магистрант, Костромской государственной университет, г. Кострома*

*Hile Artem Vladimirovich,
undergraduate, Kostroma State University, Kostroma*

Akhile@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

THE ABSENCE IN THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE COMPOSITION FOR CRUELTY TO ANIMALS

В данной статье раскрыта проблема отсутствия в КоАП РФ состава за жестокое обращение с животными, а также предложено введение новой нормы административной ответственности.

This article reveals the problem of the absence of a composition for cruelty to animals in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and also a version of this rule is proposed.

Административное правонарушение, жестокое обращение с животными, административная ответственность, законы об административной ответственности.

Administrative offense, cruelty to animals, administrative responsibility, laws on administrative responsibility.

Необходимость введения административной нормы обсуждается уже давно. Это связано с тем, что зачастую происходят ситуации, при которых страдают животные от рук людей. И иногда эти действия не попадают под уголовный состав преступления. А виновное лицо остается безнаказанным.

Мы разделяем мнение научных деятелей, которые утверждают, что отсутствие административной нормы образует пробел в законодательстве.

Теме жестокого обращения с животными как преступления против общественной нравственности посвящены работы В. Н. Китаевой, Р. Г. Гунариса, Е. В. Бочарова, М. В. Талана и др.

Е. Р. Абдрахманова в своей работе «Юридическая ответственность за жестокое обращение с животными: проблемы и перспективы» отмечает: «Особо обостряется проблема реформирования законодательства о жестокое обращении с животными в современный период, так как неуклонно пополняются ряды движения кроухантеров и догхантеров – людей, удовлетворяющих свои садистические потребности, издеваясь и убивая птиц и бездомных (а нередко, и домашних) кошек и собак, выкладывая видео со своими подвигами в Интернет» [1].

В России были приняты попытки ввести подобную норму в 2016 году. Законопроект о «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления ответственности за жестокое обращение с животными» был зарегистрирован в Государственную Думу 15.09.2016. Но проект был отклонен в 2018 году. Главными причинами стали:

- 1) отсутствие отраслевого регулирования;
- 2) внесение изменений в Уголовный кодекс РФ;
- 3) возникновение правовой неопределенности;
- 4) конкуренция норм.

Мы данные причины видим необоснованными. Поскольку установление новой нормы об административной ответственности за жестокое обращение с животными, на наш взгляд, не вызовет конкуренции норм в силу того, что будут регулироваться разные правовые отношения.

Также хотелось бы отметить, что в России административная ответственность за жестокое обращение с животными (при отсутствии признаков ст. 245 УК РФ) предусмотрена некоторыми законами об административных правонарушениях субъектов РФ, например, в Законе об административных правонарушениях Тюменской области (ст. 1.21 данного Закона, Законе об административных правонарушениях Хабаровского края (ст. 13 данного Закона), Законе Белгородской области об административных правонарушениях (ст. 6.5 данного Закона), Законе об административных правонарушениях Республики Бурятия (ст. 50 данного Закона) и ряде других законов субъектов [2; 3; 4; 5; 6].

Законы об административных правонарушениях некоторых субъектов РФ содержат несколько статей, предусматривающих административную ответственность за действия, направленные на жестокое обращение с животными. Одним из таких примеров является г. Санкт-Петербург, где в Законе об административных правонарушениях имеется ст. 8.5, предусматривающая ответственность непосредственно за жестокое обращение с животным, и ст. 8.6, которая предусматривает ответственность за публичные призывы или публичное оправдание жестокого обращения с животными.

Позицию законодателей, посчитавших необходимым наличие норм об ответственности за жестокое обращение с животными в законах об административных правонарушениях своих субъектов РФ можно только поддержать.

Считаем целесообразным дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях новой статьей 8.35.1 следующего содержания:

«8.35.1. Жестокое обращение с животными

Жестокое обращение с животными, если оно не содержит признаков уголовно наказуемого деяния, –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи пятисот рублей до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от десяти до пятнадцати тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч рублей до пятисот тысяч рублей».

Считаем, что данная норма будет эффективным способом решения вопроса о пробеле в административном законодательстве. Это позволит правоприменителю отделять жестокое обращение с животными без последствий увечья и других тяжких, от уголовной нормы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юридическая ответственность за жестокое обращение с животными: Проблемы и перспективы». – URL: <https://www.rucont.ru/efd/571038> (дата обращения: 21.09.2021).

2. Закон Белгородской области от 4 июля 2002 № 35 «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области». – URL: www.kodeks.ru (дата обращения: 21.09.2021).

3. Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (с изменениями на 30 декабря 2020 года). – URL: www.kodeks.ru (дата обращения: 21.09.2021).

4. Закон Республики Бурятия от 5 мая 2011 г. № 2003-IV «Об административных правонарушениях». – URL: www.kodeks.ru (дата обращения: 21.09.2021).

5. Кодекс Хабаровского края об административных правонарушениях от 24 июня 2009 г. № 256. – URL: www.kodeks.ru (дата обращения: 21.09.2021).

6. Кодекс Тюменской области об административной ответственности от 27.12.2007 г. № 55. – URL: www.kodeks.ru (дата обращения: 21.09.2021).

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ
ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(к 800-летию Святого Благоверного князя Александра Невского)**

Сборник трудов
IV Международной научно-практической конференции

(17–18 сентября 2021 года, г. Кострома)

Текстовый электронный сборник

16+

Составители:

Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина,
Л. А. Хлестакова, И. Н. Мельников,
Д. Н. Лукоянов

Ответственные редакторы:

Г. Г. Бриль
В. В. Груздев

Компьютерная верстка О. В. Тройченко

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Мб RAM;
свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию 29.12.2021. 2,95 Мб. [Печ. л. 20,81]
Заказ 254. Электронное издание. Тираж 500.

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17.
Тел.: 49-80-84. E-mail: ipo@ksu.edu.ru

Титул

**Сведения
об издании**

**Выпускные
данные**

Содержание